

ООО «Наука и образование»

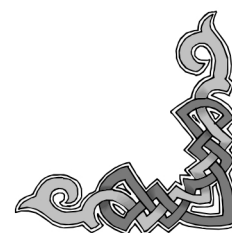
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

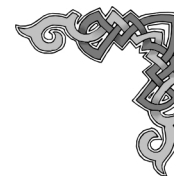

**№ 9
2019**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2019, № 9

**(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)**

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

**Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.**

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

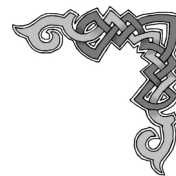
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of sociopolitical researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, candidate of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

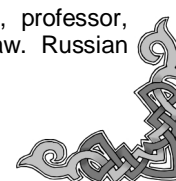
Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пустько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, the editor-in-chief «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academicien of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

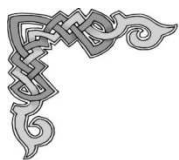
*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Голенкова Зинаида Тихоновна.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Белов М.Т., Рачипа А.В., Самыгин С.И. Факторы стимулирования трудовой мотивации при управлении персоналом организации	15
Беляева Е.А. Трансформация форм взаимодействия университетов в современных условиях	19
Биярсланова А.М. К вопросу о состоянии коррупции в республике Дагестан глазами ее жителей	21
Бурмистров С.В., Волочай А.В., Самыгин С.И. Мотивы трудовой деятельности в системе управления персоналом организации	26
Дульская М.В. Динамика национального состава и национально-культурные отношения в северном регионе (на примере Ханты – Мансийского автономного округа – Югры)	30
Золин И.Е. Рынок труда и проблема профессионального и должностного роста	35
Канифатов А.С., Рогов И.И. Имперское пространство как способ организации социума	40
Кантемирова И.Б. Социальная дистанция между старшими школьниками и их сверстникам с ограниченными возможностями: результаты сравнительного исследования	48
Касьянов В.В., Самыгин С.И. Историческая память и национальная безопасность	52
Кондрашкин В.А. Ротация как элемент социальной мобильности государственных гражданских служащих	58
Коркия Э.Д. Роль социокультурных стереотипов в современных рекламных практиках	64
Кудинова О.Д. Роль телевидения в становлении личности	69
Кудинова О.Д. Специфика гражданского общества в России	72
Кулешова Г.П., Кильдюшева О.А. Профессиональная дифференциация и ее значение в социальной стратификации российского общества	75
Олонец С.Б., Бабаева В.М., Согомонян К.В. Физическая культура и спорт как способ реализации стратегии здравоохранения	79
Семенова Ю.А. Социологические исследования показателей состояния женского предпринимательства в регионе	83
Скляр А.С. Российская полиция как элемент системы государственного управления: потенциал эмпирического анализа рисков и эффектов реформирования	96

Хорошкевич Н.Г. Совершенствование государственного управления в сфере опеки и попечительства над несовершеннолетними гражданами РФ в контексте политической культуры общества	100
Шагина И.Р. Показатели интегральных оценок адаптивности в студенческой среде медицинского университета	107
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Артамонова Ю.С. О некоторых формах систематизации образовательного законодательства в Российской Федерации	113
Арутюнян М.Г. Специальные знания, используемые на всех стадиях первоначального этапа расследования уклонения от уплаты налогов физическим лицом	116
Галецкий В.С. Виктимологические аспекты профилактики корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых на территории Московского метрополитена	119
Дитюк А.Б. К вопросу о форме вины в составах преступлений, предусмотренных главой 31 УК РФ	124
Зыков Д.А. Некоторые проблемы уголовно-правовой охраны символов	128
Корсун Д.Ю. Малозначительное деяние с квалифицирующими признаками	131
Крыцула А.А., Гончаров Я.А. Интерес как условие для оспаривания сделки в законодательстве и судебной практике.....	139
Макаров А.П. Формирование криминалистических версий на первоначальном и последующем этапах расследования взяточничества	145
Маркелов С.В. Возникновение и становление института судебного контроля за правоохранительными органами	148
Маркелова О.Н. Соотношение четкого процессуального руководства, работы прокурорского надзора и судебного контроля	152
Новикова Н.А. Проблемы и перспективы коллективного управления результатами научной деятельности в аспекте защиты интеллектуальной собственности работников	156
Оспичев И.М. Основания и последствия незаконного увольнения	159
Сирик М.С. Научные исследования института потерпевшего в уголовном праве	162
Скачко А.В. К вопросу о совершенствовании криминалистической методики расследования контрабанды, предусмотренной ст. 2261 УК РФ	167
Смирнов А.М. Исторический опыт некоторых зарубежных стран по ресоциализации несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы до начала XX века	171
Смирнов А.М. Криминологические проблемы пьянства несовершеннолетних	174

Смирнов А.М.	
Правовые основы предоставления осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи	177
Филиппова С.В.	
Разграничение склонения к совершению самоубийства и доведения до него (статьи 1101 и 110 УК РФ)	180
Якубова О.П.	
Некоторые элементы криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота недвижимого имущества	187
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Быстров А.В., Ключин И.Н.	
Системы оперативного контроля на промышленном предприятии в контексте развития цифровых технологий	193
Корневский В.В., Кнышов А.А., Мордик Е.А.	
Оптимизация методов диагностики и оценки технического состояния автомобильных дорог	198
Сомов Е.Н., Брусиловский Д.А., Абдылдаева А.Б.	
Специфика развития отраслей переработки и рынков сбыта сельскохозяйственной продукции в Кыргызской Республике	203

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Mikhail T. Belov, Andrey V. Rachipa, Sergey I. Samygin Factors of stimulation of labor motivation when managing personnel organization	15
Ekaterina A. Belyaeva Transformation of interaction between universities in modern conditions	19
Asiyat M. Biyarlanova To the question of the state of corruption in the republic of dagestan by the eyes of its residents	21
Sergey V. Burmistrov, Anna V. Volochay, Sergey I. Samygin Motives of labor activity in the organization personnel management system	26
Marina V. Dulaskaia Dynamics of national structure and it is national – the cultural relations in the northern region (on the example of Khanty-Mansi the autonomous area – Yugra)	30
Igor E. Zolin Labor market and the problem of professional and job growth	35
Alexander S. Kanifatov, Ilya I. Rogov Imperial space as a way of organizing society	40
Inna B. Kantemirova The social distance between high school students and their agemates with disabilities: results of the comparative study	48
Valery V. Kasyanov, Sergey I. Samygin Historical memory and national security	52
Vladimir A. Kondrashkin Rotation as an element of social mobilitycivil servants	58
Eca D. Corcia The role of socio-cultural stereotypes in modern advertising practices	64
Olga D. Kudinova The role of television in becoming an individual	69
Olga D. Kudinova The specifics of civilsociety in Russia	72
Galina P. Kuleshova, Olga A. Kildyusheva Professional differentiation and its importance in the social stratification of Russian society	75
Svetlana B. Olonets, Violetta M. Babaeva, Ksenia V. Sogomonyan Physical culture and sports as a method for implementing a health strategy	79
Yulia. A. Semenova Sociological research of indicators of state of women's entrepreneurship in the region	83
Alexey S. Sklyarov Russian police as an element of public administration: the potential of empirical analysis of risks and effects of reform	96
Natalya G. Horoshkevich Improvementof state and municipal management in the field of guardianship over minor citizens in Russia in the contextofthe historical development of society	100

Inna R. Shagina Indicators of integral adaptivity assessment in the student university of the medical university	107
JURISPRUDENCE	
Julia S. Artamonova Revisiting systematization forms of legislation in the sphere of education in the Russian Federation	113
Mariam G. Arutyunyan Special knowledge used at all stages of the initial stage of an investigation of tax evasion by an individual	116
Vitaly S. Galetsky Victimological aspects of prevention of mercenary and mercenary-violent crimes committed on the territory of Moscow metro	119
Anna B. Dityuk On the question of the form of guilt in the composition of crimes provided for by Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation	124
Daniil A. Zykov Some problems of criminal law protection of symbols	128
Denis Yu. Korsun Insignificant act with qualifying features	131
Aleksei A. Krytsula, Yan A. Goncharov Interest as a condition for challenging a transaction in law and jurisprudence	139
Aleksandr P. Makarov Formation of forensic versions at the initial and subsequent stages of a bribery investigation	145
Sergey V. Markelov The emergence and establishment of the institute of judicial control over law enforcement	148
Olga N. Markelova The ratio of the procedural management, public prosecutor's supervision and judicial control	152
Natalya A. Novikova Problems and perspectives of collective management of results of scientific activity in aspect of protection of intellectual property of workers	156
Igor M. Ospichev Grounds and consequences of unlawful dismissal	159
Marina S. Sirik Research institute of the victim in criminal law	162
Anna V. Skachko On the issue of improving the forensic methods of investigation of smuggling under Art. 2261 of the criminal code of the Russian Federation	167
Alexander M. Smirnov Historical experience of some foreign countries on the re-socialization of minors condemned to detention of freedom before the beginning of the XX century	171
Alexander M. Smirnov Criminological problems of drinking of minors	174
Alexander M. Smirnov Legal fundamentals of providing condemned to defense to freedom of freedom of free legal aid	177
Svetlana V. Filippova Distinction between inducement to commit suicide and causing to it (articles 1101 and 110 of the criminal code)	180

Olga P. Yakubova Some elements of the criminalistic characteristics of crimes in the field of trafficking in real estate	187
---	-----

ECONOMIC SCIENCES

Andrei V. Bystrov, Iliia N. Klukin Operational control systems at an industrial enterprise in the context of the development of digital technologies	193
---	-----

Vsevolod V. Korenevsky, Alexey A. Knyshov, Ekaterina A. Mordik Optimization of methods of diagnostics and assessment of technical condition of highways	198
---	-----

Evgene N. Somov, Denis A. Brusilovsky, Aikumush B. Abdyldayeva The specifics of the development of processing industries and markets for agricultural products in the Kyrgyz Republic	203
--	-----

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Белов Михаил Тимофеевич

кандидат социологических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
kafedraypis@mail.ru

Рачипа Андрей Валерьевич

доктор социологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой социологии,
истории и политологии,
Институт управления в экономических,
экологических и социальных системах
Южного федерального университета,
профессор-совместитель
кафедры 109 «б»,
Московский авиационный институт
(национальный
исследовательский университет)
rachipa@sfnu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

**ФАКТОРЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ
ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ
ПРИ УПРАВЛЕНИИ
ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ**

■ ■ ■

Аннотация. Данная статья посвящена анализу факторов стимулирования трудовой мотивации при управлении персоналом организации. Авторами выделены следующие семь групп факторов мотивации трудовой деятельности: управленческие, организационные, эргономические, экономические, карьерные, социально-психологические, социокультурные. Все группы факторов мотивации тесно взаимосвязаны между собой. Учет этих факторов позволит руководителям различных организаций успешно управлять персоналом.

Ключевые слова: трудовая мотивация, факторы мотивации, стимулирование, управление персоналом, организация, система управления.

■ ■ ■

Mikhail T. Belov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Head of Department of Personnel
Management and Sociology,
Rostov State Economic University
kafedraypis@mail.ru

Andrey V. Rachipa

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Head of Department of Sociology,
History and Political Science,
Institute of Management in Economic,
Ecological and Social systems,
Southern Federal University,
Professor-associate of department 109 «b»,
Moscow Aviation Institute
(National Research University)
rachipa@sfnu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of chair of human
Resource Management and Sociology,
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

**FACTORS OF STIMULATION
OF LABOR MOTIVATION
WHEN MANAGING
PERSONNEL ORGANIZATION**

■ ■ ■

Annotation. This article is devoted to the analysis of factors stimulating labor motivation in the management of personnel in an organization. The authors identified the following seven groups of factors of labor motivation: managerial, organizational, ergonomic, economic, career, socio-psychological, sociocultural. All groups of motivation factors are closely interconnected. Taking these factors into account will allow managers of various organizations to successfully manage personnel.

Keywords: labor motivation, motivation factors, stimulation, personnel management, organization, management system.

■ ■ ■

В течение двух последних десятилетий в России, в ее общественно-экономической и социально-политической системах, осуществляются социально-экономические реформы, так или иначе коснувшиеся всех сфер общественной жизнедеятельности в целом, и сферы трудовой деятельности людей, в частности. И главной целью трансформации системы трудовых отношений является стимулирование трудовой мотивации персонала организации, «оптимизация мотивации труда через развитие новой модели стимулирования трудовой активности» [1, с. 92].

Бесспорно, эффективность и качество деятельности всякой организации находится в прямой зависимости от факторов стимулирования руководством работы персонала.

Аналізу факторов стимулирования труда и мотивации трудовой деятельности персонала организации посвящены работы ученых социально-экономического и гуманитарного знания. Так, в работах, Л.В. Боговой, В.А. Гайворонюк, О.Н. Горшковой, Е.Н. Назаровой, О.А. Никифоровой, Ю.Б. Плавинской, А.А. Савенко, Г.Н. Сартан, А.Ю. Смирнова и др.

Как подчеркивает Ю.Б. Плавинская, мотивация трудовой деятельности персонала представляет собой род управленческого воздействия на работников с целью побуждения их к деятельности для достижения организационных целей. Т.е., «мотивация – совокупность стимулирующих факторов, способствующих повышению активности персонала в процессе трудовой деятельности» [2, с. 127]. Основной функцией мотивации персонала является функция непосредственного воздействия на трудовое поведение сотрудников и формирование у них побудительных мотивов к эффективной и высокопроизводительной трудовой деятельности [3].

Прежде чем вести речь о факторах, мотивирующих персонал организации к трудовой деятельности, важно обозначить структуру трудового мотива. В структуру составляющих элементов мотива труда входят:

- потребность (которую необходимо удовлетворить каждому работнику);
- благо (как фактор, наделенный способностью удовлетворять эту потребность);
- трудовое действие (необходимое для получения того или иного блага);
- цена (издержки как материально-экономического, так и морально-психологического характера, сопряженные с реализацией трудового действия работника той или иной организации) [4].

Общепризнанной является точка зрения, согласно которой мотивация – это движущая сила человеческого поведения, в основе которой лежит взаимосвязь потребностей, благ, мотивов и целей человека.

Стимулирование труда и трудовой мотивации при управлении персоналом организации пред-

ставляет собой определенное социальное действие, предполагающее сознательное (осознанное) отношение к персоналу, выявление или формирование таких условий труда, которые будут способствовать порождению актуальной потребности персонала в повышении уровня трудовой мотивации [5].

При анализе трудовой мотивации при управлении персоналом организацией следует сосредоточиться на факторах, побуждающих к трудовым действиям и усиливающим их. Все факторы стимулирования мотивации труда включают потребности, мотивы и побуждения.

Проведенный анализ различных факторов стимулирования труда и мотивации трудовой деятельности персонала организации, отраженный в различных научных публикациях, позволил авторам данной публикации выделить следующие семь групп факторов мотивации трудовой деятельности: управленческие, организационные, эргономические, экономические, карьерные, социально-психологические, социокультурные.

Итак, обратимся к анализу выделенных нами групп факторов мотивации трудовой деятельности.

1. Управленческие (административно-управленческие) факторы включают стиль руководства (управления) и характер взаимодействия менеджера с персоналом организации. Данная группа факторов направлена на регулирование взаимоотношений сотрудников посредством положений о структурных подразделениях и должностных инструкций; использование властной мотивации (издание приказов, отдача распоряжений, инструкций, указаний) при управлении текущей трудовой деятельностью персонала [6].

2. С группой административно-управленческих факторов тесно связаны организационные факторы, имеющие непосредственное отношение к тем элементам экономической эффективности организаций, которые не требуют значительных затрат на свою реализацию и одновременно обеспечивают желаемый результат при управлении персоналом организации [7].

Характеризуя организационные факторы экономической эффективности предприятия и управления им, Л.В. Богова упоминает следующие: стиль управления, организацию мотивации и стимулирование труда персонала предприятия; организационную структуру управления; отношение к риску [6].

3. Эргономические факторы касаются места работы (когда удовлетворяются потребности персонала в хорошем рабочем месте), эргономических условий трудовой деятельности (имеется в виду масса условий: особенности освещения, температура в помещении, масштабы рабочего пространства (как известно, скученность рабочего пространства вызывает раздражительность и препятствует стимулированию труда); наличие личного рабочего места, стола, оборудования, наличие или отсутствие шума и

т.д.); специфики функциональных обязанностей персонала при выполнении профессионально-трудовой деятельности.

4. Экономические факторы имеют отношение к уровню заработной платы, материальным вознаграждениям, стимулирующим и премиальным выплатам по результатам трудовой деятельности, а также применение для отдельных категорий работников организации сдельной формы оплаты трудовой деятельности [8].

5. Карьерные факторы касаются продвижения по службе, возможностей карьерного роста. Как замечают В.А. Тешев, М.А. Оганнисян, одним из немаловажных факторов, влияющих на трудовую мотивацию персонала организации, является рост по карьерной лестнице. Авторы подчеркивают, что карьерный рост влечет за собой сразу несколько позитивных последствий: «повышение заработной платы, улучшение условий труда, почет и уважение окружающих» [9], а также повышение статусных позиций.

6. Социально-психологические факторы включают сугубо социально-психологические характеристики – наличие интереса к работе, удовлетворение социальных и психологических потребностей, удовлетворенность трудовой деятельностью как таковой, а также социально-психологический климат организации [10].

7. Социокультурные факторы связаны с нормами и правилами поведения, принятыми уставом (внутренним распорядком) той или иной организации, а также идентификацией ценностей и норм персонала организации [11].

Обобщая все группы факторов стимулирования труда и мотивации трудовой деятельности персонала организации, важно подчеркнуть, что все они тесно взаимосвязаны и переплетены друг с другом. Так, например, экономические факторы имеют тесную и непосредственную связь с социально-психологическими факторами, мотивирующими персонал к труду, поскольку связаны с удовлетворением потребностей в получении определенных благ материального и социально-психологического характера (наряду с материальным вознаграждением важно и социальное признание, уважение и персонализированный подход к личности).

Налицо взаимосвязь карьерных факторов с экономическими, эргономическими, а также социально-психологическими, поскольку возможность

карьерного роста способствует и повышению уровня заработной платы, и оптимизации условий трудовой деятельности, и удовлетворению социально-психологических потребностей, как было показано выше.

Управленческие факторы находятся в прямой зависимости от карьерных и социально-психологических (так, например, демократический стиль руководства при управлении персоналом способствует формированию благоприятного социально-психологического климата в организации и формирует мотивацию продвижения по служебной лестнице). Административно-управленческие и организационные факторы способствуют формированию социокультурных факторов, ибо последние связаны с выработкой у персонала норм и правил поведения в организации.

Явственно прослеживается взаимосвязь, существующая между эргономическими и экономическими факторами стимулирования трудовой мотивации. Так, по мнению Е.Н. Назаровой, чаще всего, факторами стимулирования трудовой мотивации персонала признаются сохранение оптимального рабочего места (группа эргономических факторов) и повышение размера материального вознаграждения трудовой деятельности и материальных выплат (группа экономических факторов) [12].

Также, важно подчеркнуть, что при любой попытке руководителя повысить производительность и результативность трудовой деятельности при управлении персоналом организации, необходимо помнить, что решающую роль играет «человеческий фактор» [13], с одной стороны, связанный с потребностями, мотивами, побуждениями личности; с другой – с уровнем социальной коммуникации, сотрудничеством, координацией, участием, приверженностью делу и социальным партнерством [14].

Таким образом, перед каждым руководителем стоит важная задача – мотивировать персонал организации, ориентируясь на все описанные выше стимулирующие факторы мотивации: управленческие, организационные, эргономические, экономические, карьерные, социально-психологические, социокультурные. Правильный подход руководителя в практике управления персоналом – целостный, требующий учета всех групп факторов стимулирования трудовой мотивации и взаимосвязи одних групп факторов с другими группами.

Литература:

1. *Савенко А.А.* Формирование трехфакторной модели мотивации трудовой активности // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 5. С. 92–98.
2. *Плавинская Ю.Б.* Мотивация как важнейший фактор повышения эффективности системы управления персоналом организации // Экономика и современный менеджмент: теория и практика: сб. ст. по матер. LXIII–LXIV междунар. науч.-

Literature:

1. *Savenko A.A.* Formation of a three-factor model of labor activity motivation // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2016. № 5. P. 92–98.
2. *Plavinskaya Yu.B.* Motivation as the most important factor in increasing the effectiveness of the organization's personnel management system // Economics and Modern Management: Theory and Practice: Collection of articles. Art. by mater. LXIII–

практ. конф. № 7–8(60). Новосибирск, 2016. С. 127–132.

3. *Белов М.Т.* Развитие человеческих ресурсов организации как фактор управления рисками и безопасности деятельности / М.Т. Белов, С.В. Бурмистров, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10.

4. *Сартан Г.Н.* Новые технологии управления персоналом / Г.Н. Сартан, А.Ю. Смирнов, В.В. Гудимов, Н.В. Подхвятилин, М.Р. Алешунас. СПб., 2013. 240 с.

5. *Бурмистров С.В.* Ассесмент-центр как новая технология в системе управления персоналом / С.В. Бурмистров, С.А. Тихоновскова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7.

6. *Богова Л.В.* Организационные факторы экономической активности предприятий // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 18. С. 34–40.

7. *Андреева Е.Л.* Организационные предпосылки конкурентоспособности предприятий // Проблемы прогнозирования. 2003. № 4. С. 123–130.

8. *Volkov Y.Y.* Definition of the subjectivity of financial in sociological science / Y.Y. Volkov, D.V. Krotov, A.V. Rachipa, D.S. Zagutin, Z.A. Zhapuev // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 5. P. 87629.

9. *Тешев В.А.* Карьерный рост как фактор мотивации персонала / В.А. Тешев, М.А. Оганнисян // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. № 4. С. 197–200.

10. *Maksim Vaskov* Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) / Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov, Valery Kasyanov, Sergey Samygin, Natalya Gafiatulina, Dmitriy Zagutin, Lidiya Scherbakova // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. 2018. № 2. P. 134–140. URL : <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/309>

11. *Самыгин С.И.* Управленческие стратегии в сфере бизнеса в контексте обеспечения социальной безопасности России / С.И. Самыгин, М.Т. Белов, Д.Н. Еременко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 59–64.

12. *Назарова Е.Н.* Совершенствование мотивации труда персонала предприятия : автореф. ... канд. экон. наук. М., 2005.

13. *Рачипа А.В.* Молодёжь на рынке труда: оценки и ожидания / А.В. Рачипа, И.А. Янкина // Казанская наука. 2014. № 7. С. 205–207.

14. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье молодежи как ресурс развития социального партнерства в структуре дополнительного профессионального образования // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2014. № 3(35). С. 111–117.

LXIV Int. scientific-practical conf. № 7–8(60). Novosibirsk, 2016. P. 127–132.

3. *Belov M.T.* The development of human resources of the organization as a factor in risk management and safety / M.T. Belov, S.V. Burmistrov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 10.

4. *Sartan G.N.* New HR technologies / G.N. Sartan, A.Yu. Smirnov, V.V. Gudimov, N.V. Podkhvatilin, M.R. Aleshunas. SPb., 2013. 240 p.

5. *Burmistrov S.V.* Assessment center as a new technology in the personnel management system / S.V. Burmistrov, S.A. Tikhonovskova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 6–7.

6. *Bogova L.V.* Organizational factors of economic activity of enterprises // Regional economy: theory and practice. 2013. № 18. P. 34–40.

7. *Andreeva E.L.* Organizational prerequisites for enterprise competitiveness // Problems of forecasting. 2003. № 4. P. 123–130.

8. *Volkov Y.Y.* Definition of the subjectivity of financial in sociological science / Y.Y. Volkov, D.V. Krotov, A.V. Rachipa, D.S. Zagutin, Z.A. Zhapuev // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 5. P. 87629.

9. *Teshev V.A.* Career growth as a factor in staff motivation / V.A. Teshev, M.A. Hovhannisyan // Bulletin of the Adygea State University. 2016. № 4. P. 197–200.

10. *Maksim Vaskov* Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) / Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov, Valery Kasyanov, Sergey Samygin, Natalya Gafiatulina, Dmitriy Zagutin, Lidiya Scherbakova // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. 2018. № 2. P. 134–140. URL : <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/309>

11. *Samygin S.I.* Management strategies in the field of business in the context of ensuring social security of Russia / S.I. Samygin, M.T. Belov, D.N. Eremenko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 3. P. 59–64.

12. *Nazarova E.N.* Improving the motivation of the staff of the enterprise : abstract. ... cand econ. sciences. M., 2005.

13. *Rachipa A.V.* Youth in the labor market: estimates and expectations / A.V. Rachipa, I.A. Yankina // Kazan Science. 2014. № 7. P. 205–207.

14. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of youth as a resource for the development of social partnership in the structure of continuing professional education // Education. The science. Innovation: The Southern Dimension. 2014. № 3(35). P. 111–117.

Беляева Екатерина Александровна

кандидат социологических наук,
доцент,
Уральский государственный
горный университет
ekaterina.podergina@mail.ru

Ekaterina A. Belyaeva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Ural State Mining University
ekaterina.podergina@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

TRANSFORMATION OF INTERACTION BETWEEN UNIVERSITIES IN MODERN CONDITIONS

Аннотация. В статье рассматриваются изменения в системе высшего образования, происходящие со второй половины XX в. по сегодняшний день. Автор сознательно не касается болонского процесса и интернационализации, анализируя лишь трансформацию форм социокультурного взаимодействия вузов в современных условиях. Среди них выделяются сетевые и дистанционные формы взаимодействия, а также межвузовские международные партнерства. В статье делается вывод о том, что современные формы взаимодействия вузов способствуют активизации совместных усилий университетов по межкультурной коммуникации, повышению социокультурной целостности системы образования, активизации мирового научного потенциала.

Ключевые слова: международное взаимодействие, социология образования, формы взаимодействия вузов.

Annotation. The article discusses the changes in the system of higher education, occurring from the second half of the XX century to the present day. The author deliberately does not concern the Bologna process and internationalization, analyzing only the transformation of forms of socio-cultural interaction of universities in modern conditions. Among them are network and distance forms of interaction, as well as interuniversity international partnerships. The article concludes that modern forms of interaction between universities contribute to the intensification of joint efforts of universities in intercultural communication, improving the socio-cultural integrity of the education system, the activation of the world scientific potential.

Keywords: international cooperation, sociology of education, forms of interaction between universities.

Переход к «постклассическому» университету ознаменовался прогрессивным ростом количества студентов. Так, если в середине XX в. университеты охватывали 4–5 % соответствующей возрастной группы населения, то в начале XIX в. охват составлял 40–50 % той же возрастной группы населения [1]. Массовость высшего образования не способствует сохранению академических традиций классического университета, поскольку фундаментальность знаний перепределяется в пользу экономики знаний. Высшее образование, которое столетиями было представлено университетами, в постиндустриальном обществе дифференцировалось на, собственно, университетское и высшее профессиональное образование. В отличие от университетского образования, цель высшего профессионального образования – предоставить информацию о научных знаниях и объединить ее с подготовкой к профессиональной деятельности.

В этих условиях достаточно проблематично сформулировать однозначно социальную функцию высшего образования. Роль университета как центра культуры знания распадается. В со-

временных условиях одни университеты развиваются как научно-исследовательские центры, другие заняты подготовкой кадров для постиндустриальной экономики, третьи ориентированы на современную форму бизнеса – образовательную коммерцию.

Современная система высшего образования создает новые формы взаимодействия вузов (международное партнерство, сетевые организации и дистанционные программы).

Прогресс в международном партнерстве университетов связан, в первую очередь, с достижениями в области информационно-коммуникационных технологий, а также возрастанием роли человеческого фактора во всех сферах современного общества. Кроме того, разностороннее международное сотрудничество национальных университетов стало средством позиционирования национального государства на международном уровне. Основным мотивом развития международного сотрудничества университетов является расширение их участия в инновационных проектах на национальном и международном

уровне, что позволяет участвовать на рынках образовательных услуг и инвестиционных ресурсов; расширять деятельность за счет научно-образовательного и студенческого обмена, внедрения инновационных форм обучения.

Формальное партнерство университетов в рамках организационного проекта может осуществляться в виде междууниверситетских и межфакультетских соглашений, стратегических партнерств на национальном или международном уровне. В свою очередь, междууниверситетские объединения могут быть региональными, национальными или международными, в зависимости от уровня принятия решения о сотрудничестве.

Одной из перспективных форм международного взаимодействия университетов является сетевая форма объединения. В литературе имеются различные определения сетевых форм организационного взаимодействия. Так Д.А. Новиков раскрывает сущность понятия сетевой организации, которая определяется как «идеальный организационный тип, который характеризуется структурой свободно связанной сети принципиально равноправных и независимых участников. Главные усилия сетевой структуры направлены на сохранение различий между отдельными участниками (и тем самым разнообразия их ресурсов), при одновременном признании ими коллективных ценностей и стремлении к достижению общих целей путем активного включения в процессы принятия решений и объединения ресурсов» [2]. В определении сетевой формы взаимодействия К. Пейдж и Д. Подольны акцентируют внимание на его социокультурных основаниях: «одно из основных отличий сетевой формы организации от традиционной заключается в этических или ценностных ориентациях ее участников; центральным элементом является высокий уровень доверия между участниками» [3]. Можно считать, что основным отличием сетевых форм взаимодействия от традиционных, является: равноправие участников в совместной деятельности; стремление к сохранению различий; стремление к достижению совместных целей; длительность связей между участниками; зави-

Литература:

1. *Anderson R.* The «Idea of a University's» today. URL : <http://www.historyandpolicy.org/papers/policy-paper-98.html>
2. *Новиков Д.А.* Сетевые структуры и организационные системы. М. : ИПУ РАН, 2003. 102 с.
3. *Шадрин А.Е.* Сетевая модель организации // Информационное общество. 2000. Вып. 2. С. 86–88.

симость участников друг от друга; взаимодействие на основе соглашений; высокий уровень доверия между участниками; горизонтальная организационная структура.

Развитие дистанционных форм высшего образования является отдельным направлением международного взаимодействия университетов по совместной разработке и реализации образовательных программ и дистанционных курсов, что является инновационной формой академической мобильности. Наиболее типичными задачами дистанционного международного взаимодействия университетов могут быть: расширение влияния на региональном, национальном и международном уровне; привлечение инвестиционных ресурсов; развитие конкурентных преимуществ, за счет реализации совместных проектов в области научных исследований, образования; повышение уровня преподавания; обмен опытом с использованием совместных коммуникационных средств и баз данных.

Анализ успешного зарубежного опыта взаимодействия университетов показал, что эффективность такого сотрудничества определяется соблюдением нескольких основных условий, которые необходимо учитывать при организации совместной деятельности университетов: относительное равенство потенциалов участников; активность участников; формирование прозрачной системы управления и системы контроля, в том числе над расходованием собственных и привлеченных финансовых ресурсов; наличие установленных контактов с другими участниками инновационной деятельности; содействие региональных и национальных органов управления; формирование эффективных каналов коммуникации.

Взаимодействие университетов является наиболее перспективным направлением дальнейшего развития международного сотрудничества с точки зрения активизации совместных усилий университетов по межкультурной коммуникации, повышению социокультурной целостности системы образования, активизации мирового научного потенциала.

Literature:

1. *Anderson R.* The «Idea of a University's» today. URL : <http://www.historyandpolicy.org/papers/policy-paper-98.html>
2. *Novikov D.A.* Network structures and organizational systems. M. : IPU ran, 2003. 102 p.
3. *Shadrin A.E.* Network model of the organization // Information society. 2000. Vol. 2. P. 86–88.

Биярсланова Асият Магомедовна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Дагестанский государственный
университет народного хозяйства
bruo2@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН ГЛАЗАМИ ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье автор проанализировал степень коррумпированности государственных и муниципальных органов государственной власти по данным проведенного опроса среди жителей Республики Дагестан с целью выявления уровня коррупционности общества и отношения населения к проблемам порождаемым коррупцией.

Автором выделены направления антикоррупционной деятельности в Республике Дагестан. Борьба с коррупцией в сфере образования и медицины, которая должна выражаться не только в наказании коррупционеров, но и в обеспечении доступности, прозрачности и надлежащего качества услуг. Прежде всего, это – обеспечение доступности услуг через МФЦ и Портал государственных услуг. Работа данных структур позволяет свести уровень коррупции к минимуму.

Ключевые слова: степень коррупции, уровень коррупции, государственная и муниципальная служба, федеральные органы государственной власти, муниципальные органы государственной власти, гражданское общество, антикоррупционная борьба.

Согласно цели нашего исследования, было проведено анкетирование, в котором приняли участие 1500 человек, проживающих на территории Республики Дагестан, различных социальных статусов, из которых: 52 % – женщины, 48 % – мужчины. В обследовании приняли участие 27 % респондентов в возрасте 50 лет и старше, 27 % – 35–49 лет, 27 % – 35–34 лет, 19 % – 16–24 лет. Из числа опрошенных жителей 34 % имеют высшее и незаконченное высшее образование, 40 % – среднее специальное образование, 24 % – среднее образование, 2 % – неполное среднее.

В обследовании принимали участие рабочие и служащие, пенсионеры, студенты, учителя, воспитатели, руководители среднего звена, предприниматели, домохозяйки, представители сель-

Asiyat M. Biyarlanova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines,
Dagestan State University
of National Economy
bruo2@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE STATE OF CORRUPTION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN BY THE EYES OF ITS RESIDENTS

Annotation. In the article, the author analyzed the degree of corruption of state and municipal government bodies, according to a survey among residents of the Republic of Dagestan, in order to identify the level of corruption in society and the attitude of the population to problems caused by corruption.

The author identifies areas of anti-corruption activities in the Republic of Dagestan. The fight against corruption in education and medicine, which should be expressed not only in the punishment of corrupt officials, but also in ensuring accessibility, transparency and proper quality of services. First of all, it is ensuring the availability of services through the MFC and the Public Services Portal. The work of these structures can minimize corruption.

Keywords: degree of corruption, level of corruption, state and municipal service, federal bodies of state power, municipal bodies of state power, civil society, anti-corruption struggle.

ского хозяйства, медицинские работники, силовых структур, руководители высшего звена, предприниматели творческой интеллигенции, преподаватели вузов.

В ходе опроса было выяснено, что в качестве основных проблем в жизни республики и ее муниципальных образований жители республики выделяют следующие:

1. Взятничество и злоупотребление служебным положением со стороны чиновников (79 %);
2. Плохое качество дорог и мостов (77 %);
3. Низкий уровень заработной платы, задержка ее выплаты (75 %);
4. Проблема трудоустройства (69 %);

5. Нехватка или плохое состояние больниц, поликлиник и медпунктов (67 %);
6. Высокие цены на товары на рынках и в магазинах (60 %);
7. Нехватка или несоответствующее состояние школ / детских садов (53 %);
8. Проблемы в сфере жилищно-коммунального хозяйства (46 %);
9. Ухудшение экологической обстановки (42 %);
10. Плохая работа общественного транспорта (37 %).

Подавляющее большинство респондентов (60 %) отмечают масштабную (28 %) или значительную (32 %) коррупцию во всех сферах жизни.

Динамика восприятия уровня коррупции показала, что с 2016 года доля лиц, воспринимающих коррупцию как масштабную или значительную, снизилась на 4 %.

Анализ Индекса восприятия коррупции – ежегодного составного индекса, измеряющего уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран, составленный международной организацией Transparency International, позволил прийти к выводу: большинство стран, находящихся в начале списка (с наименьшим уровнем коррупции), остаются неизменными на протяжении десятилетия [1]. Данная закономерность обусловлена определенными средствами и методами, используемыми этими странами в рамках борьбы с коррупцией. Так, Сингапур добился впечатляющих успехов в этой связи. «Сингапурским чудотворцем» является Ли Куан Ю, который создал предпосылки для избавления от коррупции и воплотил их в жизнь. Он выделяет три главных принципа для решения проблемы коррупции: чистая открытая центральная власть, неотвратимость наказания, хорошее вознаграждение за работу и стимулирование честной работы госслужащих [2]. В Великобритании был принят Закон «О взятках» 2010 г. [3], достоинством которого являются формулировка и нормативное закрепление таких принципов антикоррупционной политики, как экстерриториальность, своевременность оценки антикоррупционных рисков, обязательность требования законодательства о коррупции для всех государственных служащих, периодичность проверки кадров на благонадежность, системный контроль и надзор.

Динамику восприятия уровня коррупции показывает и другой вопрос: «Как бы Вы оценили охват коррупцией различных сфер жизни в Дагестане?»

Ответы на данный вопрос показали, что постепенно уменьшается доля граждан, уверенных, что в республике куплено «абсолютно всё» или «почти всё»: если ещё год назад 25 % указывали охват более 90 %, то в 2017 году таких респондентов – только 18 %, доля респондентов, указавших охват от 71 до 90 %, сократился с 23 %

до 13 %, а тех, кто указал – 51–70 % – с 17 % до 15 %. На 9 % (с 5 до 14 %) увеличилась доля тех, кто указал цифру в диапазоне от 21 до 50 % и на 2 % – 20 % и менее. С 24 до 36 % увеличилось количество респондентов, которые затруднились определить степень охвата коррупцией.

Таким образом, несмотря на то, что коррупция пока ещё воспринимается как масштабное явление, в республике выражены тенденции к снижению восприятия уровня коррупции.

По результатам проведённого опроса, преобладающим мнением об уровне коррупции за последние годы становится суждение о том, что коррупция незначительно или существенно выросла по масштабу. Этой точки зрения придерживаются 40 % респондентов, и только 23 % опрошенных считают, что коррупция снизилась.

Таким образом, в данный момент среди жителей республики доминируют представления о растущем уровне коррупции. Представления о растущей коррупции являются скорее инерционными: 40 % считают коррупцию растущей, в то время, как только 23 % считают, что уровень коррупции снижается. Однако эти представления носят скорее инерционный характер: с 2016 года доля респондентов, воспринимающих уровень коррупции как растущий, снизилась на 4 %, и настолько же увеличилась доля тех, кто считает уровень коррупции снижающимся. Что говорит о том, что реально уровень коррупции снижаются, но жители по инерции ещё продолжают воспринимать его как растущий т.к. коррупции в их представлении «положено расти».

49 % респондентов уверены том в, что уровень коррупции в Республике Дагестан выше, чем в других регионах России, и только 22 % считают, что этот уровень меньше, чем в других регионах страны. При этом прослеживается позитивная динамика с 2016 года – доля респондентов, которые воспринимали уровень коррупции в республике выше, чем в других субъектах федерации, уменьшился с 55 % до 49 %.

Такое распределение мнений респондентов вполне соответствует традиционным общественным представлениям о распределении коррупции по регионам России: согласно данным ФОМ, уровень коррупции в республике оценивался как один из наиболее высоких в стране [4]. Однако позитивные тенденции в общественном мнении свидетельствуют об изменении ситуации.

На вопрос: «Готовы ли вы сообщить в органы полиции о фактах проявления коррупции?», респонденты ответили неоднозначно. 44 % опрошенных заявили, что будут действовать в зависимости от ситуации, 40 % граждан готовы сообщить об актах коррупции и 16 % решительно ответили «Нет». Таким образом, менее половины граждан готовы к открытому противодействию коррупции, большинство воспринимают данный феномен как должное, привыкнув к нему и опасаясь ущемления собственных законных

прав и интересов. Достаточно высокий процент граждан не готов к противодействию коррупции совсем. Такое положение характеризуется признаком латентности коррупционных преступлений. Коррупция влечет рост латентности почти всех видов преступлений [5].

Рейтинг профессий, которые субъективно воспринимаются гражданами как наиболее коррумпированные, «возглавляют» представители 4 профессий: сотрудники ГИБДД (56 %), врачи (56 %), преподаватели вузов (55 %) и судьи (50 %). Факты из личного коррупционного опыта опрошенных показывают, что данные представления в значительной степени устарели и частично являются мифологичными. Следующие 5 профессий назвали 40–42 % респондентов: руководители дошкольных учреждений, прокуратура, директора предприятий, учителя и директора школ, полиция. Значительно отстают от представителей социально-значимых профессий чиновники, выдающие разрешения на строительство и иную деятельность.

Основной причиной коррупции, по мнению опрошенных, является несовершенство органов управления (41 %). Ещё 35 % связывают коррупцию с несовершенством законов и 18 % – с несовершенством человека.

48 % респондентов считают обычным и повсеместным явлением то, что люди используют коррупцию для решения своих проблем. 29 % ограничивает подобные схемы решения проблем отдельными сферами жизни и только 6 % считают это редким явлением (при 16 % затруднившихся с ответом).

Среди различных групп населения наибольшую склонность решать свои проблемы с использованием коррупции имеют безработные, женщины и лица со средним образованием.

Сохраняется относительно лояльное отношение граждан к коррупции. 14 % считают коррупцию необходимой частью жизни, 21 % считает, что хоть коррупции лучше избегать, но со взятками проще иметь дело. И только 47 % категорически возражают против коррупционных схем, считая, что такие схемы разлагают власть. С 2016 года доля респондентов, не приемлющих коррупцию, возросла на 4 %.

Более половины (56 % респондентов) отмечают высокую доступность коррупционных «услуг» в Республике Дагестан. 38 % считает, что участие в коррупционных схемах ограничено услугами «для своих», 4 % затруднились ответить, и только 2 % считают, что трудно найти коррумпированного чиновника. С 2016 года ситуация в данном аспекте не изменилась.

Уверенность в эффективности и надёжности – коррупционной сделки – один из факторов коррупционного рынка в регионе, т.к. от него зависит спрос на коррупционные услуги.

72 % опрошенных считают услуги за взятку достаточно надёжными, они, по мнению 47 % опро-

шенных, как правило, обеспечивают решение нужной проблемы, а 25 % отмечает единичные сбои в коррупционной системе. Только 15 % считают, что взятка не обеспечивает решение нужной проблемы и 13 % затрудняются дать ответ на вопрос. Результаты почти повторяют данные 2016 года. Высокая лояльность к коррупции порождает повышенную готовность к участию в коррупционных схемах и повышенный риск вовлечённости в коррупцию [6].

Одним из основных индикаторов, характеризующих масштабы коррупции, является коррупционный охват – доля респондентов, которые хотя бы раз попадали в коррупционную ситуацию.

По данным проведённого исследования, охват составляет 56 %, что на 4 % меньше, чем в 2016 году. При этом половина из них или 28 % от общего количества опрошенных, согласилась на участие в коррупционной схеме. В 2016 году принять участие в коррупционной сделке также согласились половина от попадавших в коррупционную ситуацию, однако, от общего количества опрошенных это число составляло 30 %.

Социально-демографическая структура участия в коррупционных схемах выглядит следующим образом: мужчины попадают в коррупционные ситуации значительно реже, чем женщины (44 % против 68 %). При этом в 2016 году женщины попадали в коррупционные ситуации значительно чаще – в 73 % случаев. Попадая в коррупционную ситуацию, женщины чаще мужчин соглашались принять участие в схеме (58 % против 38 %).

Среди возрастных групп – в наибольшей степени вовлечены в коррупцию лица до 35 лет. При этом респонденты 16–24 лет чаще, чем респонденты 25–34 лет сталкиваются с коррупционной ситуацией (75 % против 50 %), но среди попавших в коррупционную ситуацию чаще всего соглашались на участие в коррупционных схемах респонденты 16–24 лет (71 % против 52 %).

При этом показательно, что в бытовой коррупции не участвуют ни материально обеспеченные люди, ни те, которым не хватает денег на еду. В основном это люди, которым хватает денег только на питание либо на питание и одежду.

По оценке, средний размер взятки в сфере бытовой коррупции составил более 16900 рублей, что на 2000 больше, чем в 2016 году.

При этом наиболее распространёнными являются взятки от 1000 до 10000 рублей – 46 %. Ещё 32 % платили взятку свыше 10000 рублей, и лишь 22 % – до 1000 рублей. В 2016 году наиболее популярны были взятки до 1000 рублей.

Анализ коррупционных поводов свидетельствует о том, что бытовая коррупция в наибольшей степени распространена в социальной сфере (образование, медицина). 39 % от числа участников коррупционных сделок давали взятку по поводу, связанному с получением высшего образования. Этот коррупционный повод на первом месте. 26 % делали незаконное денежное подношение при получении медицинской помощи на бес-

платной (или страховой) основе. 26 % респондентов при помощи коррупционной сделки «оплачивали» дошкольное образование для ребёнка. 17 % – давали взятку, связанную с получением школьного образования.

В общей сложности, 14 % респондентам пришлось идти на подкуп чиновников с целью получения пенсий или социальных выплат.

Попав в коррупционную ситуацию, 50 % респондентов данной группы предпочли решить свою проблему путем дачи взятки.

При этом только в 34 % случаев имели место такие факты, как принуждение, требование или хотя бы намёк от чиновника. В 50 % случаев действовал так называемый «договор умолчания», при котором подразумевалось, что гражданин должен дать взятку и гражданину, по умолчанию, было об этом известно. И только в 5 % случаев инициатива исходила от гражданина. Заметим, что данные схожи с соответствующими данными 2016 года за исключением того, что уменьшилось количество лиц, затруднившихся ответить на данный вопрос. Из этого следует, что граждане готовы говорить о своём опыте участия в коррупции более откровенно.

По результатам социологического исследования каждый второй житель республики, попавший в коррупционную ситуацию, отказался от дачи взятки. Показательно, что 34 % респондентов отказались от дачи взятки, т.к. это было для них слишком дорого, в то время как в 2016 году доля таких респондентов составила 29 %.

Доли респондентов, упомянувших другие причины, не изменились – 30 % отказов обусловлено чувством внутренней брезгливости, для 28 % цена взятки оказывается слишком дорогой, 11 % предпочли добиться своего другим путём, 10 % не дают взятки по принципиальным соображениям, 7 % не знают, как подойти к решению вопроса. 2 % – отказались от дачи взятки из страха перед наказанием и 12 % затруднились с ответом. Таким образом, мы видим достаточно выраженный кластер респондентов, которые, попав в коррупционную ситуацию, отказываются от дачи взятки по моральным соображениям.

Перечень проблем, при решении которых респонденты отказывались от дачи взяток, значительно шире того круга проблем, который реально может стать коррупционным поводом. Как и в случаях согласия на участие в коррупционной сделке, на первые места выходят образование высшее, среднее и дошкольное и медицина. В остальных случаях, не смотря на настойчивые предложения, граждане, как правило, отказываются от участия в коррупции.

Говоря о факторах коррупции, нельзя обойти вниманием вопрос той выгоды, которую получают лица, дающие взятки. В данном контексте необходимо рассмотреть несколько вариантов.

В первом варианте гражданин предлагает взятку должностному лицу для того, чтобы получить ту услугу, которую он не должен был получать. Да-

же в хорошо организованной системе трудно избежать подобного рода взятки. В анкете этот вариант ответа обозначен эвфемизмом «избежать лишних трудностей», и респондентов, которые им воспользовались – не более 15 %.

Во втором варианте гражданин вынужден прибегать к получению взятки для того, чтобы получить то, что он должен был получить по закону. Значительное присутствие подобных вариантов в структуре коррупции свидетельствует о том, что сложившаяся система не позволяет гражданам получать те услуги, на которые они могут рассчитывать по закону, и именно этот факт является благодатной почвой для злоупотреблений чиновников. В структуре коррупции в Республике Дагестан на этот вариант приходится 34 % коррупционных сделок, причём, их доля увеличилась на 7 % с 2016 года. Вероятно, это произошло за счёт уменьшения общего числа коррупционных сделок – граждане стали вступать в коррупционные сделки только тогда, когда этого невозможно избежать.

Третий вариант является промежуточным – в данном случае, лицо, дающее взятку, имело право на получение услуги и имело возможность её получить. Коррупционная сделка заключалась, чтобы обеспечить скорость и качество получения услуги. В проведённом исследовании на такой тип взятки пришлось 37 % от всех случаев коррупции. Борьба с коррупцией этого рода можно через улучшение качества предоставления услуг.

В 3 % случаев имело место мошенничество, а в 4 % случаев респонденты затруднились с ответом.

По поводу возможности достижения результатов в борьбе с коррупцией, мнения респондентов разделились. 35% считают, что коррупцию точно можно или скорее можно снизить до минимального уровня. 32% уверены, что этого сделать точно нельзя или скорее нельзя. 33% затрудняются с ответом или допускают оба варианта.

В качестве эффективных стратегий борьбы с коррупцией респонденты чаще всего называют 2: это замена коррумпированных руководителей (36 %) и наказание коррупционеров (32 %). Решение проблемы коррупции в изменении юридических, экономических и других условий видят только 13 % респондентов. 11% считают, что с коррупцией бороться бесполезно, а 8 % затруднились с ответом. Показательно, что в 2016 году сторонниками замены являлись 32 % респондентов, а жёсткого наказания – 32 %, т.е. отмечается тенденция более жёсткого отношения к коррупционерам со стороны населения.

Следует отметить, что в качестве конкретных мер по борьбе с коррупцией, респонденты предлагают ужесточение законодательства по борьбе с коррупцией (28 %), формирование активного антикоррупционного мировоззрения населения (24 %), повышение эффективности деятельности правоохранительных органов (22 %). Остальные варианты были названы менее, чем 7 % респондентов.

На вопрос «Кто может победить коррупцию в Дагестане» большинство опрошенных (41 %) дали ответ – ФСБ. Именно эта организация, по мнению респондентов, наиболее эффективна в борьбе с коррупцией.

Второй по частоте ответ (34 %) – граждане Дагестана. Таким образом, более трети опрошенных считают, что решение проблемы коррупции во многом зависит от самих жителей республики. И только на третьем месте с результатом 28 % – правительство Дагестана. По 22–23 % опрошенных возлагают ответственность на МВД либо на главу республики.

Наименее эффективными в борьбе с коррупцией, по мнению жителей республики, являются общественные организации и СМИ.

11 % респондентов отметили свою высокую информированность о мерах по борьбе с коррупцией, 37 % указали, что они более-менее информированы. Таким образом, чуть менее половины респондентов (48 %) являются достаточно информированными по данной теме. 52 % либо ничего не знают по данной теме (22 %), либо информированы плохо (30 %). Значимых различий с 2016 годом не выявлено

Среди мероприятий, получивших наиболее широкую известность – социальная реклама против коррупции (26 %), принятие регионального закона «О противодействии коррупции» (23 %), реализация ведомственных программ противодействия коррупции (19 %), создание антикоррупционной библиотеки на сайте Правительства РД (13 %), конкурс студенческих работ.

В настоящий момент деятельность власти по борьбе с коррупцией оценивается как недоста-

Литература:

1. Индекс восприятия коррупции 1995–2015 гг. URL : <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/blog>
2. *Кобец П.Н.* Особенности предупреждения коррупции за рубежом / П.Н. Кобец, К.А. Краснова // Следователь. 2014. № 5(193). С. 57–59.
3. The Bribery Act 2010 of the United Kingdom. Переводческое общество «ОсипНепеля». URL : http://www.normik.ru/assets/files/Documents/Zakon_Velikobritanii_O_bor_be_so_vzyatochnichestvom._UK_Bribery_Act.pdf
4. Уровень коррупции в России. URL : <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13984>
5. *Кривенцов П.А.* Латентная преступность в России: Криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 184.
6. Социологическое исследование по оценке уровня коррупции в Республике Дагестан за 2017 год.

точная. Всего 36 % отмечают усилия власти по борьбе с коррупцией, что на 3 % больше, чем в 2016 году. Из них только 11 % считают, что власть делает всё, что от неё зависит, а 25 % уверены, что власть могла бы делать больше. 31 % считает, что деятельность власти в этом направлении отсутствует. Однако источником незначительного или даже сильного противодействия коррупции власть считают только 11 % опрошенных, 25 % респондентов затруднились с ответом.

Учитывая вышеизложенное, можно выделить следующие направления антикоррупционной деятельности в Республике Дагестан:

1. Борьбу с коррупцией в сфере образования и медицины, которая должна выражаться не только в наказании коррупционеров, но и в обеспечении доступности, прозрачности и надлежащего качества услуг. Прежде всего, это обеспечение доступности услуг через МФЦ и Портал государственных услуг. Работа данных структур позволяет свести уровень коррупции к минимуму.
2. Вовлечение граждан в активную борьбу с коррупцией. Повышать правовую грамотность граждан. Проводить семинары с разъяснениями, как правильно себя вести при попадании в коррупционную ситуацию, как добиться от того или иного лица (врача, учителя, заведующего детским садом и т.д.) исполнения его законных обязанностей без материального стимулирования. Активизировать работу антикоррупционного Телефона доверия.
3. Продолжать целенаправленную работу по созданию положительного образа властей республики в сфере борьбы с коррупцией. Широко освещать антикоррупционные мероприятия.

Literature:

1. Corruption Perception Index 1995–2015. URL : <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/blog>
2. *Kobets P.N.* Features of the prevention of corruption abroad // Investigator. 2014. № 5(193). P. 57–59.
3. The Bribery Act 2010 of the United Kingdom. Translation Society «OsipNepelya». URL : http://www.normik.ru/assets/files/Documents/Zakon_Velikobritanii_O_bor_be_so_vzyatochnichestvom._UK_Bribery_Act.pdf
4. The level of corruption in Russia. URL : <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13984>
5. *Kriventsov P.A.* Latent crime in Russia: Criminological research : dis. ... Cand. of law sciences. M., 2014. P. 184.
6. A case study on assessing the level of corruption in the Republic of Dagestan for 2017.

Бурмистров Сергей Владимирович

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
salon50@list.ru

Волочай Анна Владимировна

кандидат философских наук,
доцент кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
anna64.01@eandex.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

Sergey V. Burmistrov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
Personnel Management and Sociology,
Rostov State Economic University
salon50@list.ru

Anna V. Volochay

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department
Personnel Management and Sociology,
Rostov State Economic University
anna64.01@eandex.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department
Personnel Management and Sociology,
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

**МОТИВЫ ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ
ПЕРСОНАЛОМ ОРГАНИЗАЦИИ**

■ ■ ■
Аннотация. Статья посвящена вопросам рассмотрения мотивов трудовой деятельности в системе управления персоналом организации. Авторами представлена мотивационная структура личности, в основу которой положена концепция А. Маслоу, рассмотрены условия, при наличии которых формируются мотивы труда, а также показана классификация основных видов мотивов к труду.

Ключевые слова: мотивы трудовой деятельности, управление персоналом, руководитель, организация, структура мотивов, сотрудник.

■ ■ ■
Современному эффективному руководителю, наряду с пониманием мотивов поведения персонала организации, стало необходимо владеть умениями и навыками социально-психологического влияния на персонал, формировать в процессе управленческой деятельности такое организационное поведение сотрудников, которое соответствовало бы наивысшей трудовой результативности организации.

Научный и социальный интерес к исследованию мотивов трудовой деятельности персонала определен тем, что их специфика, различный уровень мотивации к труду обусловлен особенно-

**MOTIVES OF LABOR ACTIVITY
IN THE ORGANIZATION
PERSONNEL
MANAGEMENT SYSTEM**

■ ■ ■
Annotation. The article is devoted to the consideration of motives of work in the personnel management system of the organization. The authors present the motivational structure of the personality, which is based on the concept of A. Maslow. The conditions under which labor motives are formed are considered, and the classification of the main types of motives for work is also shown.

Keywords: motives of work, personnel management, leader, organization, structure of motives, employee.

■ ■ ■
стями социального расслоения и «состоянием уровня жизни самих работников, для большинства из которых труд за плату является основным источником существования, а экономические условия жизни социально принудительными» [1, с. 4].

Бесспорно, мотивация ориентирована на процесс и имеет прямое отношение к выбору поведения, направлению усилий, целям и вознаграждению, на которое рассчитывают сотрудники в результате выполнения своих функционально-трудовых обязанностей. Так, Г.Н. Сартан, А.Ю. Смирнов, В.В. Гудимов, Н.В. Подхватилин и

М.Р. Алешунас в своей коллективной работе, посвященной новым технологиям управления персоналом, подчеркивают, что одной из сложнейших задач в области мотивации и определения мотивов трудовой деятельности, с которой сталкиваются руководители современных организаций, «заключается в том, чтобы лучше оценивать и диагностировать именно конкретные ожидания и желания своих работников» [2, с. 112].

Мотивам трудовой деятельности в системе управления персоналом организации посвящены работы многих российских исследователей, в числе которых: В.Г. Башарина, И.И. Галимова, В.А. Караваева, О.А. Никифорова, Г.Н. Сартан, А.Ю. Смирнов, М.Л. Цибаева и др. По мнению В.Г. Башариной, система мотивов должна базироваться на определенную базу, а именно – нормативный уровень трудовой деятельности в практике менеджмента [3].

Поскольку личностный (профессиональный) успех – это в той или иной степени реализованные цели, любому руководителю важно определять эти цели совместно с персоналом. При этом крайне желательно сформировать в организации такие условия труда, которые позволяют ее работникам наилучшим образом использовать собственные возможности [4].

Что же представляет собой мотив трудовой деятельности в системе управления персоналом организации?

Как известно, мотив – это некая внутренняя интенция, побуждение, импульс или намерение, заставляющее личность (в рамках трудовой деятельности) действовать определенным образом. К.К. Платонов определяет мотивацию как «процесс действия мотива; совокупность стойких мотивов при наличии доминирующего, выражающая направленность личности, ценностные ориентации и определяющая ее деятельность» [5, с. 71].

Конечно, руководитель имеет возможность воздействовать на своих подчиненных и заставлять их функционировать на работе вопреки их внутренним личностным стремлениям, желаниям и мотивам по той причине, что у него имеется власть – как важный инструмент принуждения к труду. Однако современный грамотный руководитель, владеющий эффективными способами управления персоналом, как правило, избирает иной путь. И первый шаг заключается в том, чтобы узнать и понять мотивы персонала, находящегося в его ведении, изучить в целом мотивационную структуру поведения всякого человека, становящегося на путь трудовой деятельности. Хороший руководитель знает, что значительные преимущества заложены во включении имеющихся мотиваций [6].

Мотивы труда формируются при наличии следующих условий:

– если в распоряжении субъекта управления имеется необходимый набор благ, соответст-

вующий социально детерминированным потребностям человека;

– в случае, если для получения тех или иных благ требуются личные трудовые усилия сотрудника организации;

– если трудовая деятельность дает возможность сотруднику получить блага с меньшими материальными и моральными издержками, нежели любые другие виды деятельности [7].

Стоит отметить, что существенное значение для формирования мотивов трудовой деятельности имеет оценка степени достижимости целей. Если получение желаемого (жизненно необходимого) блага не требует затраты сверхсильного напряжения либо это благо очень трудно получить, иными словами, необходимы большие усилия, то мотив трудовой деятельности, зачастую, не формируется. В обоих случаях работник будет пассивен. При наиболее частом повторении ситуаций подобного рода у работника появляется т.н. феномен выученной беспомощности, который препятствует трудовой мотивации и исключает трудовую активность [8].

Мотивы трудовой деятельности благополучно формируются лишь в том случае, когда трудовая деятельность является если не единственным, то главным условием получения блага. Однако, если критерием в распределительных отношениях служат разнообразные статусные различия (такие, например, как занимаемая должность, квалификационные разряды, ученые степени, звания и пр.); стаж работы, принадлежность к определенной социальной группе (например, человек с ограниченными возможностями здоровья, инвалид, участник военных действий, мать-одиночка, многодетная мать и т.д.), то в таком случае формируются мотивы продвижения по служебной лестнице, получение более высокого разряда, степени или звания, закрепления за определенным рабочим местом. Причем, эти мотивы не обязательно предполагают трудовую активность работника, поскольку могут достигаться с помощью других видов деятельности.

Зададимся вопросом, каким образом может выглядеть мотивационная структура личности и как на мотивы можно воздействовать руководителю организации?

Итак, обобщенную структуру мотивов, определяющих заинтересованность персонала, представляется возможным и целесообразным охарактеризовать в соответствии с концепцией А. Маслоу (пирамида потребностей) [9].

– На первом уровне лежат мотиваторы (потребности, мотивирующие факторы) здоровья, жизнеобеспечения (жилищные условия, питание, лечение, рабочая часовая недельная нагрузка, график работы, сон, отдых и прочие жизненно важные мотиваторы).

– На втором уровне, в соответствии с пирамидой, располагаются мотивы безопасности, рабочего комфорта (организация труда, комфортные безопасные рабочие условия, гарантия занятости, безопасное оборудование).

– Третий уровень составляют мотивы общения, социальной коммуникации, связанные с чувством принадлежности к какой-либо профессиональной группе, стремлением ощущать себя полезным и значимым (трудовые отношения в коллективе, сотрудничество, компромисс, дружба, здоровая конкуренция, информированность).

– Четвертый уровень касается мотивов профессионально-трудоустройства, уважения, признания, профессионального престижа, продвижения по служебной лестнице, потребности в адекватной положительной самооценке. Если эти мотивы реализуются, то работник обретает уверенность в себе и своих силах, что оказывает благоприятное воздействие на стимулирование трудовой деятельности и открывает горизонты эффективного управления таким персоналом в организации.

Наконец, пятый уровень также, как и в общеизвестной пирамиде А. Маслоу, имеет отношение к мотивам самореализации, самовыражения (самоактуализации) в трудовой деятельности (реализация творческого личностного потенциала работника, развитие трудовых способностей, повышение квалификации, личностный рост, и, как следствие, – возможность внести личный вклад в развитие организации).

В.А. Караваева предлагает свою характеристику структуры мотивов трудового действия. По ее мнению, эта структура формируется из трех связанных между собой компонентов:

- 1) сознание личностью своих потребностей, удовлетворение которых представляется возможным посредством трудовой деятельности;
- 2) представление о благах, которые каждый работник имеет возможность получить в качестве вознаграждения за свой труд;
- 3) внутреннее мысленное построение того процесса, «посредством которого осуществляется связь между потребностями и теми конечными благами, которые их удовлетворяют» [10, с. 124].

Таким образом, при понимании структуры мотивов трудовой деятельности и учете ее руководителю становится проще организовать систему управления персоналом организации.

Наряду с предложенной структурой мотивов трудовой деятельности менеджерам любого звена при управлении персоналом важно осознавать классификацию основных видов мотивов к труду. Эти мотивы также вполне вписываются в структуру мотивов, определяющих заинтересованность персонала в трудовой деятельности.

Итак, мотив социальности, связанный с потребностью каждого индивида быть в коллективе. Этот мотив «работать в хорошем коллективе», по мнению большинства российских социологов, входит в лидирующие группы ориентации российского работника [11].

К мотиву социальности тесно примыкает мотив самоутверждения, который наблюдается практи-

чески у каждого работника как молодого, так и зрелого возраста. Мотив самоутверждения, на наш взгляд, характеризует третий уровень пирамиды потребностей А. Маслоу.

Не менее важным является мотив стабильности, надежности (безопасности – по А. Маслоу), который присутствует в том случае, если предпочтение персонала отдается стабильной трудовой деятельности и надежности существования. По разным причинам (социально-историческим, гендерным, этнокультурным и пр.), доля россиян, ориентирующихся на надежность и стабильность, значительно выше доли тех неконформистов, кто предпочтение отдает в пользу предпринимательства и рискованной деятельности.

Мотив приобретения нового (знаний, умений, трудового опыта, материальных вещей) лежит в основе многих элементов воздействия в практике управления персоналом. В особенности, он важен в среде высококвалифицированных специалистов.

Мотив социальной справедливости, который устанавливается в любой организации и оказывает немаловажное влияние на трудовую мотивацию. Бесспорно, что несоблюдение правил социальной справедливости руководителем, с позиций персонала организации, ведет к демотивации и снижению трудовой активности [12].

Мотив социального доверия или доверительной коммуникации, возникающий у членов трудового сообщества, связанный с ожиданием того, что другие члены (в т.ч. и руководители) будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с внимательным отношением к актуальным потребностям окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами [13]. Говоря о межличностном доверии, польский социолог П. Штомпка подчеркнул, что доверие – это «залог» (уверенность и опирающиеся на него действия персонала), свидетельствующий о том, что неопределенные будущие действия других или функционирование оборудования либо организации будут нам полезны [14].

Мотив состязательности, по мнению Г.Н. Сарган, А.Ю. Смирнова и др., является одним из сильнейших мотиваторов к труду, так как он лежит в основе организации соревнования в любой организации. При малых затратах этот мотив дает ощутимый социально-экономический эффект [2].

Таким образом, резюмируя, можно сказать, что существует ряд мотивов к труду, учет которых незаменим в практике управления персоналом. В целом, трудовая мотивация – это источник трудовой деятельности персонала всякой организации и серьезный фактор результативности работы персонала организации.

Оптимальный стиль управления персоналом всякой организации заключается в умении выстроить работу таким образом, чтобы сотрудники смогли предвидеть в ней как возможности самореализации, так и потенциальные условия подтверждения собственной личностной значимости.

Литература:

1. *Никифорова О.А.* Проблема мотивации труда в управлении современной организацией: социологический анализ : автореф. ... канд. социол. наук. СПб., 2009. 21 с.
2. *Сартан Г.Н.* Новые технологии управления персоналом / Г.Н. Сартан, А.Ю. Смирнов, В.В. Гудимов, Н.В. Подхватилин, М.Р. Алешунас. СПб., 2013. 240 с.
3. *Башарина В.Г.* Мотивация и стимулирование труда персонала в современных условиях // Вопросы науки и образования. 2019. С. 90–94.
4. *Гафиатулина Н.Х.* Управление процессом формирования социального здоровья российской студенческой молодежи: социальные технологии управления / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, Н.П. Любецкий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 189–194.
5. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1994. 174 с.
6. *Белов М.Т.* Развитие человеческих ресурсов организации как фактор управления рисками и безопасности деятельности / М.Т. Белов, С.В. Бурмистров, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 10.
7. *Попов А.В.* Specificity of explication of the category «Management decisions» and scientific-methodological approaches for their development. *RevistaInclusiones* / A.V. Popov, A.V. Rachipa, K.G. Abazieva et. al. 2019. T. 6. № 2. С. 215–224.
8. *Gryshai V.* Social Health of Youth in the Context of Migration Processes in Russia: Assessment of the Threat to National Security / V. Gryshai, N. Gafiatulina, V. Kasyanov et al. 2018.
9. National Akademi's messenger i managerial personnel of culture and arts. 2018. № 2. P. 141–145. URL : <https://practicum-group.com/blogs/piramida-potrebnostej-po-maslou/>
10. *Караваяева В.А.* Социально-экономические аспекты мотивации труда персонала в современных организациях // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 3. С. 124–127.
11. *Гайворонюк В.А.* Система факторов мотивации трудовой активности персонала организации // Государственное управление. Эл. вестник. 2007. № 10. С. 1–6.
12. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье молодежи как ресурс развития социального партнерства в структуре дополнительного профессионального образования // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2014. № 3 (35). С. 111–117.
13. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008. С. 52.
14. *Штомпка П.* Доверие – основа общества. М., 2012. С. 112.

Literature:

1. *Nikiforova O.A.* The problem of labor motivation in the management of a modern organization: a sociological analysis : author. ... cand. social sciences. SPb., 2009. 21 p.
2. *Sartan G.N.* New HR technologies / G.N. Sartan, A.Yu. Smirnov, V.V. Gudimov, N.V. Podkhvatilin, M.R. Aleshunas. SPb., 2013. 240 p.
3. *Basharina V.G.* Motivation and stimulation of staff work in modern conditions // Questions of science and education. 2019. P. 90–94.
4. *Gafiatulina N.Kh.* Management of the process of formation of social health of Russian student youth: social management technologies / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, N.P. Lyubetsky // State and municipal management. Scientists notes. 2018. № 3. P. 189–194.
5. *Platonov K.K.* Brief dictionary of the system of psychological concepts. M., 1994. 174 p.
6. *Belov M.T.* The development of human resources of the organization as a factor in risk management and safety / M.T. Belov, S.V. Burmistrov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2016. № 10.
7. *Popov A.V.* Specificity of explication of the category «Management decisions» and scientific-methodological approaches for their development. *RevistaInclusiones* / A.V. Popov, A.V. Rachipa, K.G. Abazieva et. al. 2019. T. 6. № 2. С. 215–224.
8. *Gryshai V.* Social Health of Youth in the Context of Migration Processes in Russia: Assessment of the Threat to National Security / V. Gryshai, N. Gafiatulina, V. Kasyanov. et al. 2018.
9. National Akademi's messenger i managerial personnel of culture and arts. 2018. № 2. P. 141–145. URL : <https://practicum-group.com/blogs/piramida-potrebnostej-po-maslou/>
10. *Karavaeva V.A.* Socio-economic aspects of personnel motivation in modern organizations // Bulletin of Kostroma State University. 2014. № 3. P. 124–127.
11. *Gayvoronyuk V.A.* The system of factors of motivation of labor activity of the personnel of the organization // Public administration. 2007. № 10. P. 1–6.
12. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of youth as a resource for the development of social partnership in the structure of continuing professional education // Education. The science. Innovation: The Southern Dimension. 2014. № 3(35). P. 111–117.
13. *Fukuyama F.* Trust: social virtues and the path to prosperity. M., 2008.
14. *Shtompka P.* Trust – the basis of society. M., 2012. P. 112.

Дульская Марина Васильевна
магистрант 3 курса,
Югорский государственный университет
dulskaya.marina7121983@mail.ru

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА И НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ)

Аннотация. В статье рассказывается об истории становления одного из северных регионов Российской Федерации – Ханты – Мансийского автономного округа – Югры как самостоятельного субъекта Федерации, а так же о его месторасположении и коренном населении. Приведен анализ динамики численности и национального состава по результатам анализа Всероссийской переписи населения 1959, 1979, 2002 и 2010 г до распада Советского Союза и после него и дана краткая характеристика. Рассказывается о влиянии миграционных потоков связанных с активной индустриализацией региона и развитием топливно – энергетического комплекса на демографическую ситуацию Ханты – Мансийского автономного округа – Югры. Заключение социологического исследования состояния национально-культурных (межнациональных и межконфессиональных) отношений проведенного в 2018 году на территории данного северного региона, характеризует национально – культурные отношения как стабильные и контролируемые, однако Ханты – Мансийский автономный округ – Югра имеет высокую потребность в реализации национальной политики направленной на гармонизацию национально – культурных отношений, профилактику эскалации конфликтов, проявлений экстремизма по национальным или религиозным мотивам, содействию обеспечения межнационального согласия и формированию у населения региона единой гражданской идентичности – российской нации.

Ключевые слова: северный регион, национальный состав, миграционный поток, трудовые миграции, миграционные волны, национально-культурные отношения (межнациональные и межконфессиональные), коренные малочисленные народы Севера.

Marina V. Dulskaja
Undergraduate 3 courses,
Yugra State University
dulskaya.marina7121983@mail.ru

DYNAMICS OF NATIONAL STRUCTURE AND ITS NATIONAL – THE CULTURAL RELATIONS IN THE NORTHERN REGION (ON THE EXAMPLE OF KHANTY-MANSI THE AUTONOMOUS AREA – YUGRA)

Annotation. In article it is told about history of formation of one of northern regions of the Russian Federation – the Khanty-Mansi autonomous area – Yugra as the independent territorial subject of the federation, and also about its location and indigenous people. The analysis of dynamics of number and national structure by results of the analysis of the All-Russian population census 1959, 1979, 2002 and 2010 before disintegration of the Soviet Union and after it is provided and short characteristic is given. It is told about influence of the migration flows connected with active industrialization of the region and development of a fuel and energy complex on a demographic situation of the Khanty-Mansi autonomous area – Yugra. The conclusion of a sociological research of a state is national-cultural (international and interfaith) the relations carried out in 2018 in the territory of this northern region characterizes national – the cultural relations as stable and controllable, however the Khanty-Mansi autonomous area – Yugra has a high need for implementation of the national policy directed to harmonization national – the cultural relations, prevention of escalation of the conflicts, manifestations of extremism for national or religious motives, assistance of ensuring interethnic concord and to forming at the population of the region of uniform civil identity – the Russian nation.

Keywords: northern region, national structure, a migration flow, labor migrations, migration waves, it is national - the cultural relations (international and interfaith), indigenous ethnic groups of the North.

Российская Федерация является уникальным многонациональным государством, в котором проживают 190 национальностей. Многонациональность накладывает особый отпечаток на межнациональные и межконфессиональные отношения (далее национально – культурные отношения) всего государства и его регионов в частности. Динамику национального состава и особенности национально – культурных отношений в данной статье рассмотрим более подробно на примере северного региона – Ханты – Мансийского автономного округа – Югры.

Ханты-Мансийский автономный округ был образован постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 года «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» и входил в Уральскую область. Субъект Федерации получил представительство в высших органах государственной власти СССР, наделён правом законодательной инициативы. Согласно общероссийскому закону «Об автономных округах РСФСР» от 20 ноября 1980 года, Ханты-Мансийский автономный округ стал элементом административно-территориального устройства РФ в составе Тюменской области.

Назначение Ханты-Мансийского округа состояло в том, чтобы содействовать национально-культурному и социально-экономическому развитию народов Севера. Он был административным образованием, обозначал территориальные расселения коренных малочисленных народов Севера – ханты и манси, выражал их особый государственный правовой статус, но по объёму прав мало чем отличался от обычной административно-территориальной единицы. Границы региона определены постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 года «Об орга-

низации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера».

В настоящее время Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – это самостоятельный субъект федерации, действующий на основании Устава (Основного закона) от 26.04.1995 № 4-оз [4]. Основной закон принят Думой, основываясь на Конституции Российской Федерации [1], исходя из принципа равноправия субъектов Российской Федерации и необходимости сохранения целостности Российского государства, обеспечения достойной жизни, гражданского мира и согласия, равных прав российских граждан, защиту интересов коренных малочисленных народов. Но к концу XX в. под влиянием миграционных потоков, демографических и социально-экономических изменений округ, по существу, утратил национальную основу, что будет обосновано далее.

Данный северный регион входит в состав Уральского федерального округа (далее УФО) в центральной части Западной Сибири. На севере автономный округ граничит с Ямало-Ненецким автономным округом (ЯНАО), на северо-западе – с Республикой Коми, на юго-западе – со Свердловской областью, на юге – с Тюменской областью, на юго-востоке и востоке – с Томской областью и Красноярским краем. Территория ХМАО – Югры относится к районам Крайнего Севера [6].

Анализ статистических данных по результатам Всероссийской переписи населения 1959, 1979, 2002 и 2010 г [5], проведенной до распада Советского Союза и после него, приведенных в табл. 1 показывает, что с 1959 по 2010 годы численность населения региона увеличилась в 12 раз.

Таблица 1

Численность и национальный состав Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по результатам Всероссийской переписи населения 1959, 1979, 2002 и 2010 г [5]

Национальность	1959		1979		2002		2010	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	89813	72,5	423792	74,3	946790	66,1	979378	63,1
Татары	2938	2,4	36898	6,5	107637	7,5	108899	7,6
Украинцы	4363	3,5	45484	7,8	123238	8,6	91323	6,0
Башкиры	91	0,07	7522	1,3	35807	2,5	35428	2,3
Азербайджанцы			1263	0,22	25088	1,8	26037	1,8
Ханты	11435	9,0	11219	2,0	17128	1,0	19068	1,3
Белорусы	1281	1,0	7555	1,3	20518	1,4	14701	1,0
Болгары			345		1783	0,1	1430	1,0
Ненцы	815	0,6	1003	0,2	1290	1,0	1438	1,0
Кумыки			89	0,02	9554	0,7	13849	1,0
Лезгины			216	0,04	8580	0,6	13335	0,9
Чуваши	289	0,2	4739	0,8	15261	1,0	13596	0,9
Молдован	564	0,5	1735	0,3	10861	0,8	9476	0,7
Узбеки			216	0,04	5182	0,4	9970	0,7
Манси	5644	4,5	6156	1,0	9894	0,7	10977	0,7
Таджики			94	0,02	5651	0,4	9793	0,6
Чеченцы			269	0,05	0,05	0,5	6889	0,5
Иные								
Всего	123926	100,0	570763	100,0	1432817	100,0	1532243	100,0

Имеется выраженная тенденция к уменьшению численности русского и коренного населения (ханты, манси). Наряду с этим, увеличивается численность татар (на 5,2 %), украинцев (на 2,5 %), а так же численность граждан «южных» этнических групп, прибывших из других субъектов Российской Федерации – Северного Кавказа, республики Дагестан (чеченцы, кумыки, лезгины и др.), и иных стран ближнего зарубежья (азербайджанцы, башкиры, грузины, таджики, узбеки и др.) увеличивается более чем в 3 раза.

Данные изменения в демографии северного региона объясняются тем, что со второй половины XX в. наблюдаются 3 сильные демографические волны – 1960–1970; 1970–1980; 1980–1990 годы, в связи с активной индустриализацией региона и развитием топливно-энергетического комплекса. По этой причине социально-демографическую ситуацию региона не возможно представить, не учитывая миграционные потоки из других регионов страны и стран СНГ (Украины, Азербайджана, Белоруссии и др.) в ХМАО – Югру, которые, в свою очередь, влияют на изменение половозрастной структуры и национально-культурного состава региона [8].

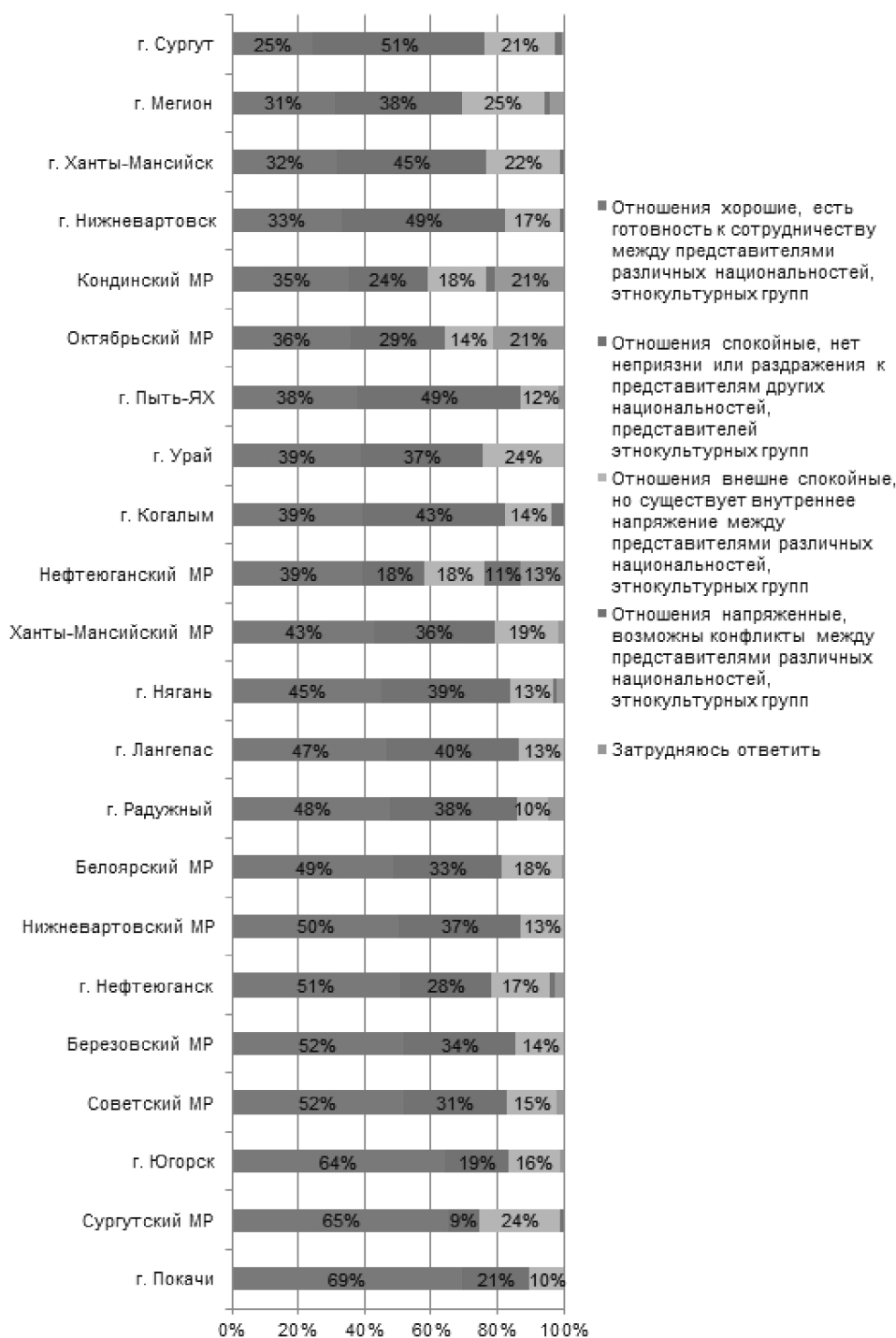

Рисунок 1 – Оценка межэтнических отношений в ХМАО-Югре в муниципальных образованиях

Миграционная ситуация в ХМАО – Югре за последние 10 лет в регионе фиксируется положительный миграционный прирост за счет миграции из СНГ. Численность зарубежных трудовых мигрантов из стран СНГ, пребывающих в регион, достаточно стабильна за обозначенный период. Сильнейший скачок наблюдается в межрегиональной миграции региона, начиная с 2010 года. Таким образом, в северном регионе всего за 3 десятилетия (1960–1970; 1970–1980; 1980–1990) сформировалось местное сообщество, имеющее свои национально-культурные отличия и иное вероисповедание (либо его отсутствие) в отличие от среднерегионального [8].

В 2018 году Департаментом общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее Департамент) было проведено социологическое исследование состояния национально-культурных (межнациональных и межконфессиональных) отношений. По результатам данного исследования на территории северного региона отсутствие напряженности во взаимоотношениях отметили 36,0 % опрошенных, низкую – 36,8 % граждан. При этом высокую степень угроз проявления экстремизма и ксенофобии отметили 5,4 % и высокую 2,8 % опрошенных. Доля граждан, считающих состояние межнациональных отношений спокойными и мирными, составляет 79,0 % опрошенных, – 10,6 % считают ситуацию напряженной с возможными конфликтами. Состояние межконфессиональных отношений в Югре оценено в положительном направлении – 85,8 % граждан (в отрицательном – 3,9 %) [7].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 2009. 12 декабря 1993 г. № 237.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15.01.1996. № 3. Ст. 145.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2017 г. № 1312 «О государственной информационной системе мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций» // Собрание законодательства Российской Федерации от 06.11.2017, № 45. Ст. 6675.
4. Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.04.1995 (ред. 27 июня 2019). URL : <https://www.dumahmao.ru/generalinformation/thebasicdocument/s/charterhmao/> (дата обращения 17.07.2019).
5. Горкин А.П. География России : энциклопедический словарь. М, 2006. 5780 с.

Более наглядно оценка населения автономного округа автономного округа представлена на диаграмме, показанной на рисунке 1.

Анализ оценок, приведённых в диаграмме (рис. 1) показывает, что практически во всех муниципальных образованиях преобладают толерантные отношения между этническими группами за исключением тех муниципальных районов и городских округов, которые имеют большую численность, в т.ч., трудовых мигрантов из числа низко квалифицированных работников (г. Нижневартовск, г. Сургут, г. Ханты-Мансийск, г. Пыть-Ях) [7].

Таким образом, социологическое исследование, проведённое Департаментом в 2018 году на территории северного региона Ханты – Мансийского автономного округа – Югре, позволяет сделать вывод о том, что ситуация в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в настоящее время достаточно стабильная, контролируемая с положительной окраской. Однако Ханты – Мансийский автономный округ – Югра имеет высокую потребность в постоянном мониторинге состояния национально – культурных отношений [3] и особом внимании со стороны государственных миграционных и правоохранительных органов, а так же – в реализации национальной политики направленной на гармонизацию национально-культурных отношений, профилактику эскалации конфликтов, проявлений экстремизма по национальным и/или религиозным мотивам, содействию обеспечения межнационального согласия [2] и формирования у населения региона единой гражданской идентичности – *российской нации*.

Literature:

1. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12.1993) // Russian newspaper. 2009. December 12. 1993. № 237.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 7 May 2012 № 602 «On Ensuring Inter-Ethnic Harmony» // Collection of Legislation of the Russian Federation of 15.01.1996. № 3. Art. 145.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 28, 2017 № 1312 «About the state information system of monitoring in the sphere of the international and interfaith relations and early warning of conflict situations» // Russian Federation Code of 06.11.2017. № 45. St. 6675.
4. Charter (Basic Law) of Khanty-Mansi Autonomous District – Ugra dated 26.04.1995 (ed. 27 June 2019). URL : <https://www.dumahmao.ru/generalinformation/thebasicdocuments/charterhmao/> (date of appeal 17.07.2019).
5. Gorkin A.P. Geography of Russia : encyclopedia dictionary. M, 2006. 5780 p.

6. Общие сведения о Ханты- Мансийском автономном округе – Югре. URL : <https://admhmao.ru/ob-okruga/munitsipalnye-obrazovaniya>

7. Информация исполняющей обязанности директора Департамента общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Безносовой И.В. по вопросу: «О выводах и предложениях по повышению эффективности реализуемых мероприятий и принятию дополнительных мер, направленных на обеспечение межнационального и межконфессионального согласия, в разрезе муниципальных образований автономного округа по итогам социологических исследований, проведённых в 2017 году. URL : <https://deppolitiki.admhmao.ru/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy/mezhvedomstvennaya-komissiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-po-protivodeystviyu-ekstrem/protokoly/2017-god/prilozheniya/1065570/prilozhenie-1> (дата обращения 19.09.19 г.).

8. Статистика миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. URL : <https://86.мвд.рф/ms> (дата обращения 19.09.19 г.).

6. General information about Hunty-Mansi Autonomous District – Ugra. URL : <https://admhmao.ru/ob-okruga/munitsipalnye-obrazovaniya>

7. Information of the Acting Director of the Department of Public and External Relations of Khanty-Mansi Autonomous District – Ugra Besnosova I.V. on: "About conclusions and offers on increase in efficiency of the realized actions and to acceptance of the additional measures aimed at providing interethnic and interfaith concord in a section of municipal units of the autonomous area following the results of the sociological researches conducted in 2017. URL : <https://deppolitiki.admhmao.ru/koordinatsionnye-i-soveshchatelnye-organy/mezhvedomstvennaya-komissiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-po-protivodeystviyu-ekstrem/protokoly/2017-god/prilozheniya/1065570/prilozhenie-1> (date of address 19.09.19)

8. Statistics of migration processes in Khanty-Mansi Autonomous District – Ugra. URL : <https://86.мвд.рф/ms> (date of appeal 19.09.19).

Золин Игорь Евгеньевич

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики и обеспечения
экономической безопасности,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
iz.iz2016@yandex.ru

Igor E. Zolin

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Economics
and Economic Security,
Nizhny Novgorod Institute of management,
Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President
of the Russian Federation
iz.iz2016@yandex.ru

**РЫНОК ТРУДА И ПРОБЛЕМА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
И ДОЛЖНОСТНОГО РОСТА**

**LABOR MARKET
AND THE PROBLEM
OF PROFESSIONAL
AND JOB GROWTH**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы профессионального и должностного роста работников в условиях развития современного рынка труда. Представленные в статье результаты позволили автору дать социологическое обоснование проблемы профессионального и должностного роста, а также раскрыть механизм формирования гармоничной системы трудовых ориентаций работника на рынке труда, который обуславливает единство профессионального и жизненного пути личности.

Annotation. The article is devoted to the problem of professional and job growth of employees in the development of the modern labor market. The results allowed the author to give a sociological rationale to the problem professional and job growth, as well as to reveal the mechanism of formation of a harmonious system of the labour attitudes of workers on the labour market, which determines the unity of professional and personal life of the individual.

Ключевые слова: рынок труда, профессиональный и должностной рост, молодой специалист, образование, работодатель, работник, коррупция, вузы, карьера.

Keywords: labor market, professional and job growth, young specialist, education, employer, employee, corruption, universities, career.

З а последние годы, как в нашей стране, так и за рубежом вышел в свет ряд интересных работ, в которых всесторонне анализируются вопросы социологии рынка труда [1–3], общественной природы труда и занятости [4], структуры и механизмов отношений и связей людей в процессе трудовой деятельности [5], роли человеческого фактора в современном воспроизводстве [6], влияние демографических проблем на состояние современного рынка труда [7]. Однако, как показывает практика, отдельные аспекты рынка труда не нашли еще глубокой научной разработки. В частности, в социологической литературе недостаточно изучаются вопросы, связанные с профессиональным и должностным ростом работника. Между тем, именно последние обеспечивают необходимую мобильность работников на рынке труда, создают у них чувство перспективы, а также способствуют закреплению кадров. Проблема должностного и профессионального роста особенно актуальна для молодых людей, выходящих на рынок труда. Специфика современного рынка труда заключается

в том, что сегодня для успешного должностного и профессионального роста молодому человеку помимо качественного образования нужны такие дополнительные компетенции, как хорошее знание компьютера и информационных технологий – на уровне, который в вузах, подчас, не дается. Многие перспективные должности предполагают свободное знание иностранного языка. Со стороны работодателя приветствуется также наличие опыта работы, пусть даже небольшого, который позволяет молодому человеку получить более реальное представление о своих возможностях и способностях, определиться с пониманием своего места и роли обществе, получить навыки работы в команде. При этом современному работодателю важно не только наличие у потенциального работника соответствующего диплома об образовании, но и то, какими личными качествами он обладает, насколько восприимчив к новым условиям работы. Личные свойства человека становятся все более важными для профессионального совершенствования и перспективы должностного роста и во все большей сте-

пени учитываются работодателями наряду с качеством профессиональной подготовки. Эта перспектива определяется также общим кругозором и культурой молодого человека, всем тем, что формируется в семье, в его социальном окружении (друзья, коллеги), наличием определенных связей и знакомств. Нередко работодатели при приеме на работу используют простейшие практические управленческие или технологические задачи для потенциальных работников и смотрят на реакцию и ответы соискателя. Позиция работодателя понятна: нередко молодые люди, приходя на работу, рассчитывают на оклады, в 2–3 раза превышающие их стартовые возможности, при этом, часто, их компетенция совершенно не соответствует запрашиваемому уровню заработной платы. В целом, при найме нового сотрудника работодатель исходит из необходимости наличия у соискателя, как минимум, трех условий – хорошее образование, желание человека развиваться, умение быстро адаптироваться. Проведенный нами анализ банка данных резюме потенциальных работников и вакансий, размещенных в 2018 г. на сайтах hh.ru, trudvsem.ru, superjob.ru показывает, что на рынке труда сегодня, помимо рабочих и инженерных профессий, востребованы и финансисты, и экономисты, и юристы, но нужны, прежде всего, очень квалифицированные и ответственные работники. Востребованы специалисты в области IT-технологий, программисты, а также учителя, и врачи. При этом существенным отличием разных профессий является то, что некоторые профессии имеют уже устоявшуюся репутацию. В результате, выпускники учебных заведений, выбравшие эти профессии, в большинстве своем, более-менее точно знают сферу приложения своего труда. Это, прежде всего, выпускники военных училищ, медицинских вузов, лингвисты, программисты. С экономистами, юристами, социологами на рынке труда дело обстоит сложнее: они могут работать в самых разных организациях, выполнять достаточно широкий набор производственных функций. Данная особенность подмечается рядом социологов: «Проблема профессионального выбора связана с тем, что есть два типа профессионального образования: с ранней и отложенной профессиональной специализацией. В первом случае молодые люди хорошо информированы о содержании будущей профессиональной деятельности и имеют представление о том, как и где они будут трудоустроены. Для второго типа характерно позднее проявление профессиональной специализации студентов, что напрямую связано с их представлением о многообразии применения профессиональных навыков в различных отраслях и организациях на фоне отсутствия четких представлений о функциональном наполнении трудовой деятельности» [8, с. 117]. Таким образом, перспективы профессионального и должностного роста молодого человека во многом связаны с тем, как рано он определился со своим профессиональным выбором, насколько четко и адекватно воспринимает свое будущее социально-профессиональное пространство и мотивирован к построению карьеры. К сожалению, в настоящее время в России отсутствует научно обоснованная концепция развития профессионального

образования. Между тем, в традициях российского профессионального образования начальное образование, например, призвано дать основные навыки работы с инструментами и оборудованием, знания свойств и назначения сырья и материалов. Этот уровень подготовки подразумевает непосредственное индивидуальное участие в производственном процессе или работу в группе с четко обозначенными и чаще всего подчиненными функциями. Среднее специальное образование подразумевает наличие навыков начального уровня, но на более широкой основе теоретических знаний. Данный уровень образования дополняется развернутыми инструментальными компетенциями и навыками в области организации производственных процессов. Специалист этого уровня призван выполнять как сложные работы на индивидуальном уровне, так и являться организатором работ на конкретных участках производственного процесса. Высшее образование – это не просто более высокий уровень профессиональной подготовки, но иная область будущей профессиональной деятельности. Если выпускник техникума с успехом может заменить рабочего, занятого в соответствующем производстве, то выпускник вуза, чаще всего, не может выполнять функции ни рабочего, ни техника. Его широкая, концептуально насыщенная подготовка подразумевает выполнение консультационных, научно-конструкторских или организационных функций. Это специалисты высшего уровня и их назначение определяется наличием развитых производств и соответствующих вакансий на них. Так, попадая в КБ, специалист становится конструктором и его карьера определяется именно этим направлением. Если он становится мастером на производстве, то он может стать начальником цеха, главным инженером или директором завода. Выпускник вуза может стать конструктором, ученым или администратором высокого уровня. Кроме того, в силу быстрых изменений на рынке труда, специалисты с высшим образованием, нередко, изменяют свой профессиональный профиль, начав работать на новом для себя производстве и интенсивно занимаясь самообразованием. Такой специалист может изменить профиль своего образования, пройдя краткие курсы повышения квалификации. Поэтому, имея диплом о высшем образовании, молодой человек, нередко, сознательно начинает овладевать новой специальностью и вместо диплома о высшем образовании обходится сертификатами кратких курсов. В целом, это достаточно эффективный путь овладения специальностью в силу того, что многие работодатели предпочитают диплому о высшем образовании опыт практической деятельности. Важно отметить и то, что постепенное растворение и исчезновение начального и среднего профессионального образования, связанное с тем, что подавляющее большинство выпускников школы поступает в вузы, приводит к деградации высшего образования. Необходимость восстановления иерархии образовательных учреждений обусловлено и тем, что в условиях научно-технического прогресса увеличивается доля специалистов с исполнительскими функциями, называемых на современном жаргоне офисный планктон. Эти специалисты со средним

специальным образованием должны уметь профессионально работать с современным оборудованием (чаще всего, электронно-вычислительным), при этом ремонтировать и обслуживать его будут другие специалисты. Сложное оборудование упрощает выполнение работы с ним и от специалистов требуется, во-первых, уметь функционально работать с таким оборудованием и, во-вторых, быть в состоянии осваивать аналогичное, более совершенное оборудование. Создание рабочих мест для специалистов со средним специальным образованием позволит улучшить структуру кадров не только в технических отраслях, но и в здравоохранении, образовании. Начальное профессиональное образование необходимо в некоторых отраслях, однако, не на всех производственных участках. Понятно, что в строительстве, например, еще долго будут нужны маляры и штукатуры. Подготовка таких специалистов в системе образования ныне отсутствует и их готовят или на платных краткосрочных курсах, или прямо на производстве – в виде своего рода подмастерьев – под руководством более опытных мастеров.

Тенденции развития образовательной сферы, а также наш собственный опыт по подготовке и повышению квалификации кадров показывает, что высшее образование сегодня дается фактически не по специальностям, а по направлениям. Например, филологическое образование – это гуманитарное образование, дающее прекрасное знание языка и литературы, высокий уровень грамотности. Человек, получивший такое образование, может стать учителем и в состоянии самостоятельно освоить в необходимых объемах педагогику и психологию. Он может выбрать своим профессиональным направлением журналистику, где необходимы навыки в области психологии и социологии или редакторскую работу, освоив издательские нормы и стандарты, особенности книжного рынка. Кроме того, на рынке труда имеются примеры, когда специалисты с гуманитарным образованием перемещались в технические области. Однако чаще распространены иные случаи, связанные с перемещением работников из технической сферы в гуманитарные и иные нетехнические сферы профессиональной деятельности. В 1990-е и нулевые годы такие перемещения чаще происходили из технических наук в сферу экономики и менеджмента. Поэтому в настоящее время значительное число менеджеров в сфере экономики – «технари» по первоначальному образованию. Как показывает практика, достоинство отечественного технического образования заключается, прежде всего, в том, что оно имеет развитые традиции и кроме гуманитарных знаний, выпускники получают хорошую математическую подготовку, которая позволяет сформировать у них развитое логическое мышление. Поэтому в случае необходимости они в состоянии достаточно быстро перейти в те области сферы профессиональной деятельности, где необходимо конкретное приложение своих знаний и навыков – экономическую, социологическую, юридическую, философскую.

Особое место на рынке труда занимает подготовка, отбор и продвижение специалистов в об-

ласти государственного и муниципального управления. Этот сегмент рынка труда является очень важным для функционирования и развития общества и весьма привлекателен для молодых людей, которые часто видят здесь возможность сравнительно комфортно устроиться в жизни, «способ быстрого обогащения» [9]. Однако это личное удобство нежелательно для общества, так как является основанием для возникновения коррупции. В целом, проблема коррупции является для современной России одной из наиболее существенных, на что, в частности, указывает активная борьба с ней, которая нередко рассматривается как одно из условий национальной безопасности. Нельзя не согласиться и с тем, что данное явление связано с «высокой социальной опасностью коррупции, крайней агрессивностью российской коррупционной системы, которая стагнирует модернизационные процессы, разрушает социальные связи и отношения, уродливо трансформирует социальную структуру, мешает становлению социальной справедливости и, в конечном счете, сдерживает экономический рост государства» [10, с. 3]. Тот факт, что коррупция «разрушает социальные связи и отношения» означает, что она реально воздействует на развитие рынка труда и всех производительных сил общества. Опасность коррупции в данном случае состоит в том, что она способствует формированию замкнутой касты чиновников, закрытого рынка труда, на который не допускаются посторонние. Как свидетельствуют отдельные публикации по данной проблеме, дети крупных чиновников также становятся крупными чиновниками, быстро делают карьеру на государственной службе и часто работают в тех отраслях, которые курируют их родители. Однако здесь, на наш взгляд, проявляется не только явление закрытости данной среды, но и феномен социального капитала: совершенно понятно, например, что дети доцентов чаще становятся доцентами и профессорами, чем дети рабочих, а дети артистов – артистами и режиссерами. И происходит это, в частности, потому, что они получают соответствующее воспитание, имеют широкий круг знакомств в данной сфере деятельности, лучше информированы о закономерностях ее функционирования. То, что в основе коррупции лежит индивидуальная или коллективная деятельность лиц, занимающих узловые посты в системе государственного и муниципального управления, показывает определение коррупции, данное в соответствующем федеральном законе: «Злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения ...» [11]. В связи с этим, государство пытается устанавливать барьеры на пути создания такой замкнутой системы, например, формировать кадровый резерв, реализовывать соответствующие программы. Одной из таких программ, призванных оказать поддержку и развитие высококвалифицированным и при этом социально ответственным кадрам является программа «Лидеры России» на что указывает ее цель: «поиск, развитие и поддержка перспективных руководителей, обладающих высоким уров-

нем развития лидерских качеств и управленческих компетенций» [12]. Полагаем, что подобные программы, как показывает имеющаяся практика их реализации, способны оказать положительное воздействие на развитие российского рынка труда в части привлечения в данную сферу наиболее талантливых руководителей, а также содействовать должностному и профессиональному росту управленческих кадров.

Выводы:

1. Проведенное исследование позволяет выявить препятствия на пути профессионального и должностного роста, являющиеся универсальными для всех категорий работников. Среди них можно выделить наиболее существенные факторы, препятствующие развитию трудового потенциала работника, в том числе недостаток образования, отсутствие опыта работы и мотивации на построение карьеры со стороны самого работника, а также ограничения, связанные с элементами неразвитости социального капитала – недостаток нужных связей и рекомендаций, отсутствие заинтересованности в продви-

Литература:

1. *Гударенко Ю.А.* Рынок труда как социальный институт в современном российском обществе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 330–336.
2. *Garavan T.* Competencies & Workplace Learning: Some Reflections on the Rhetoric & Reality // Journal of Workplace Learning. 2001. Vol. 13. № 4. P. 144–164.
3. *Smith Michael R.* The analysis of labour markets in canadian sociology // The American Sociologist. 2002. № 3. Vol. 33. Iss.1. P. 105–125.
4. *Никифорова О.А.* Об общественной природе занятости: социологический подход // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1 (119). С. 30–34.
5. *Нехода Е.В.* Социальное развитие человека и изменение представлений о субъекте труда в системе трудовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2008. № 3(4). С. 23–45.
6. *Николаев А.В.* О человеческом факторе в современном воспроизводстве // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 3. С. 123–131.
7. *Золин И.* Демографические аспекты развития рынка труда // Человек и труд. 2013. № 2. С. 19–22.
8. *Подольская Т.О.* Профессиональный выбор и профессиональное становление студентов экономического направления : дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2019.
9. *Медведев:* Молодежь идет в чиновники ради быстрого обогащения. URL : <https://newizv.ru/>

жении по службе со стороны руководства, влияние на работника его ближайшего окружения – семьи, друзей.

2. В сложном положении в части поиска подходящей работы оказываются молодые специалисты. В условиях отсутствия для них гарантированного трудоустройства многократно возрастает значение таких личностных качеств работника, являющихся основой карьерного роста, как: способность к саморазвитию и освоению смежных направлений профессиональной деятельности, умение быстро адаптироваться к новым условиям работы, а также способность работать в команде.

3. Особое место на рынке труда занимает проблема подготовки, отбора и продвижения специалистов в области государственного и муниципального управления. Эта проблема тесно связана с таким явлением, как коррупция, борьба с которой является государственной задачей и ее решение рассматривается как одно из направлений развития рынка труда в данной сфере.

Literature:

1. *Gudarenko Y.A.* labor Market as a social institution in the modern Russian society // news of Russian state pedagogical University. A.I. Herzen. 2010. № 124. P. 330–336.
2. *Garavan T.* Competencies & Workplace Learning: Some Reflections on the Rhetoric & Reality // Journal of Workplace Learning. 2001. Vol. 13. № 4. P. 144–164.
3. *Smith Michael R.* The analysis of labour markets in canadian sociology // The American Sociologist. 2002. № 3. Vol. 33. Iss. 1. P. 105–125.
4. *Nikiforova O.A.* On the social nature of employment: sociological approach. Theory and practice of social development. 2018. № 1(119). P. 30–34.
5. *Nekhoda E.V.* Social development of the person and change of representations about the subject of work in system of labor relations. Vestnik of Tomsk state University. Economy. 2008. № 3(4). P. 23–45.
6. *Nikolaev A.V.* On the human factor in modern reproduction // journal of Siberian Federal University. Series: Economics. Management. Right. 2009. № 3. P. 123–131.
7. *Zolin I.* Demographic aspects of labor market development / / Man and labor. 2013. № 2. P. 19–22.
8. *Podolskaya T.O.* Professional choice and professional formation of students of the economic direction : dis. ... cand. sociology. sciences'. Nizhny Novgorod, 2019.
9. *Medvedev:* Young people become officials for the sake of rapid enrichment. URL :

news/society/14-07-2011/147807-medvedev-molodezh-idet-v-chinovniki-radi-bystrogo-obogasheniya (дата обращения 01.08.2019).

10. *Куприянов И.С.* Бытовая коррупция в современной России: социальное содержание и основные тенденции (на материалах исследований в Ивановской области) : дис. ... канд социол. наук. Нижний Новгород. 2011.

11. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции».

12. Положение о Конкурсе управленцев «Лидеры России». URL : <https://лидерыроссии.рф/rules> (дата обращения 10.09.2018).

<https://newizv.ru/news/society/14-07-2011/147807-medvedev-molodezh-idet-v-chinovniki-radi-bystrogo-obogasheniya> (accessed 01.08.2019).

10. *Kupriyanov I.S.* Domestic corruption in modern Russia: social content and main trends (based on research in the Ivanovo region) : dis. ... cand. of sociology. sciences'. Nizhny Novgorod. 2011.

11. The Federal law from 25.12.2008 № 273-FZ (as amended on 26.07.2019) «On combating corruption».

12. Regulations on the Competition managers «Leaders of Russia». URL : <https://лидерыроссии.рф/rules> (accessed 10.09.2018).

Канифатов Александр Сергеевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления,
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
a.kanifatov@mail.ru

Рогов Илья Игоревич

кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии,
Южно-Российский институт управления,
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
rogov.skags@narod.ru

**ИМПЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
КАК СПОСОБ
ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИУМА**

Аннотация. В статье предпринимается попытка преодолеть проблему концептуализации империи как идеи и империи, как структуры. Раскрывается понимание термина «империя» в контексте макросоциальной реальности. Авторы статьи уделяют внимание организации имперского пространства, выявляя формы развития имперской идеи сквозь призму социального процесса и анализируя различные проявления конкретных империй. Также рассмотрен вопрос о наличии имперского центра и его функций, где сама империя видится непосредственно как явление в равной степени историческое и современное.

Ключевые слова: империя, пространство, социум, социальная структура, организация, центр, регион, государство, буферные государства, лимитрофные зоны.

В конкретно-историческом аспекте, равно как и с позиций социальной философии, предпринимаются неоднократные попытки рассмотрения вопросов непосредственной концептуализации империи как идеи и империи как структуры.

Соответственно, империя есть одна из возможных форм организации пространства.

Вполне определено, «империя» и начиналась как кратологическое явление: в Древнем Риме «imperiū» обозначало «высшую государственную власть, принадлежащую народу и проявлявшую эту власть на выборах, в законодательстве, в верховном суде, решении вопросов вой-

Alexander S. Kanifatov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Municipal administration,
South-Russia Institute of Administration,
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Service
a.kanifatov@mail.ru

Ilya I. Rogov

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of Sociology,
South-Russia Institute of Administration,
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Service
rogov.skags@narod.ru

**IMPERIAL SPACE AS A WAY
OF ORGANIZING SOCIETY**

Annotation. The article attempts to overcome the problem of conceptualizing an empire as an idea and an empire as a structure. The understanding of the term “empire” in the context of macrosocial reality is revealed. The authors of the article pay attention to the organization of the imperial space, identifying the forms of development of the imperial idea through the prism of the social process and analyzing the various manifestations of specific empires. The issue of the presence of the imperial center and its functions, where the empire itself is seen directly as a phenomenon equally historical and modern, is also considered.

Keywords: empire, space, society, social structure, organization, centre, region, state, buffer states, limnographic zones.

ны и мира» [1]. В современной коммуникации «imperiū» может быть переведена и как «законная власть» и «суверенное право». Так понятая империя была не просто разновидностью государственной власти, но некоей чрезвычайной её ипостасью.

В наши дни мировой гегемон – Империя Добра – в своём названии не несёт ничего, что бы указывало на её имперское содержание, но у некоторых из внешних наблюдателей всё ещё возникают на этот счёт иллюзии.

Это стало следствием почти безраздельного влияния в американской политике идей неокон-

серваторов. Теоретики этого направления, отталкиваясь от рейгановской формулы «СССР – империя зла», предложили симметричный проект: «США – империя добра» [2].

Однако следует различать формальную организацию имперского пространства, проводимую региональную политику и историю приобретения земель. Империя Добра, обладает территориями с различной исторической судьбой. Некоторые земли были отвоёваны у государств (Испании и Мексики), другие – захвачены у племенных образований (центральноамериканских индейцев), есть и прецедент покупки (Аляска). Но вне зависимости от характера приобретения, официальный статус субъектов федерации одинаков. Формально, иерархия империи состоит лишь из двух элементов: федеральный столичный округ и множество равных в правах штатов. Этим Империя Добра разительно отличается от всех своих предшественниц. Любая исторические коллизии теряют свой смысл после вхождения в эту структуру. Что же до проводимой внутренней политики – налоговой, избирательной, законодательной и т.д., то ни в империи, ни в любом ином государстве она не может быть идентична для различных регионов и потому рассуждать о ней как о критерии для фиксирования имперских механизмов мы не будем.

Таким образом, Империя Добра выглядит исключением из общего правила во внутренней организации своих территорий, представляя, видимо, новый вид империй демократического толка.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что весьма актуальным является вопрос наличия имперского центра и его функций.

Исследования структурных функционалистов, таких, как Эдвард Шилз [3], обогатили социальную теорию выделением в диаде центра и периферии следующих функций:

- Во-первых, обеспечение социальной и политической устойчивости системы как самоценного процесса;
- Во-вторых, создание единства жизнедеятельности таких форм социального, как этнические сообщества, гендерные группы и т.д.;
- В-третьих, формирование исторической и культурной преемственности контролируемого общества.

Следует отдавать себе отчёт в том, что перечисленное – не свойство исключительно центра, но процесс взаимодействия его с периферией, которая, в случае ослабления первого может сама приобрести функции центральной власти. Хотя наиболее характерные примеры такой миграции мы можем обнаружить в феодальных, полисных организациях и на том состоянии мировой системы, когда она характеризуется нестабильностью, структурно-функциональная теория применима и в контексте нашего предмета обсуждения. В имперских организациях миграция административных и властных органов про-

исходит только в случае определённого кризиса или как смена идеологической ориентации.

Хотя в основании процесса миграции административного центра, процесса смены столиц, лежат социальные причины, обусловлен он географическими и геополитическими возможностями империи. Структура колониальных империй такова, что миграция столиц невозможна, но в ней и не возникает особой необходимости. Из истории мы знаем, что метрополия как особый вид территории, могла представлять внутри империи отдельное королевство (как Англия), или, даже республику (как Франция). Вследствие этого дисбаланс социального и геополитического луча центр-периферия приводил к конфликтам на периферии. Но центр в империи – не только столица. Он ещё и место пребывания главы государства. А из той же истории мы знаем, что во время вторжения Наполеона на Пиренеи, португальское королевское семейство переехало в изгнание в Бразилию, самую важную из португальских колоний. Таким образом, в период кризиса в колониальных империях не меняются столицы, но изменяется место пребывания монарха как персонификации центральной власти. Будучи составленной из независимых в прошлом государств, каждое со своей исторической столицей, колониальная империя обладает стольким количеством потенциальных столиц, сколько включено в её состав административных единиц.

Континентальным империям история уготовила иную судьбу. Поскольку границы их метрополий более подвижны, столица может быть сменена по совершенно различным причинам, главными из которых следует назвать смену династии (и окружающую её элиту), изменение идеологической ориентации и административный кризис (кризис управления). Первый случай имел место в древнеперсидской империи, второй – в Российской, а третий в Риме эпохи Диоклетиана.

В номадических политических образованиях (империях кочевников) [4] центр непосредственно воплощён в личности Великого Хана, и его ставке. Поэтому серьёзно рассуждать о столице как абсолютной величине в административной организации несколько опрометчиво. Как социальные причины (союз кочевых племён, не знающих административно-обязующих границ), так и геополитические (ландшафт Великой Степи, плавно переходящий в соседние климатические зоны), обуславливают перманентную миграцию номадического центра, причём именно её постоянность есть одно из условий легитимации.

Список причин переноса столиц будет не полон, если не упомянуть ещё две причины: транспортный коллапс и сознательную автаркию политических институтов от делового центра. Эти два случая внешне выступают как зеркальные отражения друг друга: первый имеет место в традиционных обществах с авторитарной системой, тогда как второй свойственен демократическим обществам Нового Времени. Впрочем, попытки перенести высшую политическую власть их центрального города на периферию предпринима-

лись всегда: достаточно вспомнить Диоклетиана, Тиберия, Ивана Грозного и прочих правителей древности. Но в каждом из подобных случаев мы видим пример частного произвола; административно-закреплённую автаркию столицы отбизнес центров мы обнаруживаем только за последние две-три сотни лет.

Между тем, провинции, суть неотъемлемая часть империи, структурно более важная, нежели центр. Парадоксально, но без явно выраженной метрополии империя может существовать. Священная Римская после того, как земля Лотаря потеряла свои первоначальные очертания вполне обходилась без центральной земли – и в древнеримском, и в колониальном смысле слова. Очертания метрополии Российской империи варьировались с течением веков: постепенно в неё была включена бывшая колония – Сибирь, а после распада Союза многие земли, прежде воспринимавшиеся как центральные, оказались за рубежом. Киев – мать городов русских, стал столицей иностранного государства. Были попытки, хотя и неудачные, включить в состав французской метрополии Алжир.

Примеры взаимоперетекания метрополии в периферию и назад можно продолжать. В любом случае, не границы метрополии определяют административную структуру империи, а антитеза с провинциями. Это как понятие политического Карла Шмидта [5]: «мы-они». Только в территориально-управленческой структуре империй. Если нет провинций с их спецификой, с их латентными конфликтами, с их исторической подозрительностью друг к другу – то какая же это империя? Перед нами либо геополитическое поле борьбы за имперское наследство, заполненное воюющими друг с другом клиентельными государствами, либо дурная бесконечность унитарного государства. Схожая мысль прослеживается уже у А.Дж. Тойнби [6]: провинции в его концепции выполняют функцию охранения универсального государства.

«*Provincia*» – в Римской империи так назывались подвластные Риму территории, находящиеся вне Апеннинского полуострова и управлявшиеся римскими наместниками, то есть иностранные территории.

Буквально, «*provincia*», судя по всему, происходит от латинских слов *pro-* («от имени») и *vincere* («брать управление над»).

Вся империя была поделена на провинции, которые управлялись сенатом или самим императором. Э. Гиббон [7] и Т. Моммзен [8] отмечают, что первые несколько столетий Рим относился к ним как к колониям. Но с течением веков разница между значимостью Апеннинского полуострова и остальными землями стёрлась, и столица после Диоклетиана была продублирована; в результате чего слово это постепенно стало обозначать периферийный по отношению к центру район.

Последующие империи заимствовали это понятие наряду с другими. В империи Романовых

термин «провинция» во второй половине XVIII века даже входил в официальный лексикон, обозначая административно-территориальную единицу. Но сейчас более важно не это. Э. Гиббон и Т. Моммзен обратили внимание, что характер первоначальной административной политики Рима к своим провинциям был таков, что в XVIII–XIX веках его называли бы «колониальным». Абстрагируясь от проведения параллелей между древностью и Новым Временем, скажем, что провинцией может быть и колония. Или, точнее, административный статус имперских провинций может соответствовать обыденному смыслу – периферия, но ряд провинций могут быть управляемы колониальным образом.

Из истории мы знаем, что административные центры империй либо превращаются в таковые из столиц княжеств, осуществивших экспансию, либо устанавливаются на вновь завоёванной территории для удержания последней. Вообще же миграция столиц – показательный во многом процесс. В нём выражаются, во-первых, геополитические претензии – как в отношении недавнего покорённой территории, так и в направлении стратегических перспектив (форпостов, организации узловых точек и т.п.), а во-вторых, перенос столицы может быть связан со сменой политического режима (или династии) и последовательно изменившейся идеологией. Наконец, такая миграция может быть вызвана экономическими причинами, а проще говоря, урбанизационным, транспортным коллапсом имперской столицы. Но в любом случае, перенос властного центра связан с огромным символическим пластом и сохраняется в исторической памяти как статусный маркер новой власти.

Геополитический контекст большого пространства более-менее ясен. А как с наличием или отсутствием социального смысла? Этот вопрос был исследован отечественным социологом А.Ф. Филипповым [9]. Контекст его рассуждений сводится к нивелированию отдельного социального элемента в этом пространстве и как статичность времени. И если с первым суждением можно согласиться, то последнее вызывает большие сомнения. Утверждать, что в «империи ничего не меняется», значит противоречить фактам истории: большая часть полноценных империй распались в результате перенапряжения сил, объектом которых были неадекватно оцененные пределы Большого Пространства. Учитывая то, что в империях, как и в любых политических системах, имеют место как центробежные, так и центростремительные тенденции, смело можно утверждать, что социальное время в империях динамично.

С точки зрения Ш. Эйзенштадта [10], движение общества к территориальным границам одновременно обозначает и движение к социальным пределам системы, достигаемое использованием идеологии, власти, и материальных ресурсов. Поскольку поддержание социальной структуры империй требует высокого уровня дифференцирования, перед политическими элитами постоянно вырисовывается задача обладания новыми территориями, более широкими социальными

целями, способными увеличивать дифференциальный потенциал.

Что же располагается за внешним кольцом? *Orbus Terrarum*, разумеется. Неизведанная, варварская, недемократическая периферия. Нуждающаяся в пастырской руке. Внешняя политика в отношении *Orbus Terrarum* имеет один существенный недостаток: как бы продуманно не действовали имперские элиты, ничто не в состоянии остановить рост противоборствующих центров силы и всякое стабилизирующее действие подстёгивает вождей варварских племён к созданию оборонительных военных союзов. Империя слишком громадна, чтобы рассчитывать на отсутствие сопротивления.

Рассматривая в своей известной концепции «вызовов-ответов» различные межцивилизационные взаимодействия, А.Дж. Тойнби выделял в них стимул внешних ударов и стимул перманентного давления, последний из которых предполагает выделение в цивилизационной массе «форпосты» и «тылы» [11]. В истории Западной Европы он находит шесть принципиальных форпостов против:

- 1) континентальных европейских варваров;
- 2) Московии;
- 3) Османской империи;
- 4) дальнезападного христианства Британских островов;
- 5) Викингов Скандинавии;
- 6) сирийского мира на Иберийском полуострове.

Давление на эти зоны обеспечивало, по мысли А.Дж. Тойнби, сплочённость католического мира. Мы же, переходя от цивилизационных очертаний к реалиям имперского пространства, будем рассматривать форпосты как узловые точки пересечения имперской границы с *Orbus Terrarum*.

Форпосты – суть территории-проливы, через которые развивающаяся империя осуществляет свою экспансию, а обороняющаяся проводит мониторинг лояльности варварской периферии путём торговли, культурного обмена и т.п.

Понятно, что форпосты могут располагаться и в самом Большом Пространстве, и за его пределами, и в промежуточных территориях. Размышляя о соотношении форпостов и всей протяжённости Большого Пространства, следует точно фиксировать, что мы понимаем под форпостами. Если мы оцениваем происходящее с позиций длительной исторической перспективы, и идентифицируем это понятие этническим или цивилизационным сопротивлением, то логично предположить, что всё Большое Пространство состоит из форпостов, перетекающих друг в друга. Но при временном приближении, не превышающем одного столетия форпосты превращаются в узловые геополитические точки, фиксирующие пределы внешнего кольца имперского влияния.

Вместе с тем, имперское пространство предполагает и механизм неэквивалентного обмена.

Рассмотрев структурные элементы имперской системы, мы можем обозначить контуры методики, роднящей империю с остальными типами государств, но с характерной спецификой социально-политической структуры. Предпосылки неэквивалентного обмена очевидны: различный экономический, культурный уровень как центра и периферии, так и различных периферий.

Номадически империи, опережая осёдлые цивилизации в организации военного дела, испытывали потребность в высокопрофессиональных ремесленниках, т.н. производителей бытовой техники, как сказали бы в наше время. Отсутствие естественных границ внутри самой Великой Степи можно назвать второй причиной того, что основными субъектами-участниками неэквивалентного обмена являлись не регионы, но люди, социальные группы.

В континентальных империях-гегемониях вопрос стоял в контексте унификации ценностного уровня различных регионов. Утверждать, что метрополия превосходила периферию в культурном уровне, будет опрометчиво, но и утверждать обратное так же нельзя. Чешские земли в период Австро-Венгерского владычества выглядели более зажиточно, нежели австрийские, а Закавказье и Прибалтика при коммунистах искусственно были подняты на недосягаемый для РСФСР жизненный уровень.

Для континентальной империи механизм неэквивалентного обмена – не столько отчисление налогов в федеральную казну, сколько процесс создания баланса между регионами.

Колониальные империи Запада разработали, естественно, и в силу исторической необходимости, многоуровневую систему механизма неэквивалентного обмена. По сути, она являла собой тот же принцип балансирования между центром и регионами, но на более высоком качественном уровне. Анализируя морскую колониальную структуру из глубины континентальных масс, легко рассуждать о том, что механизм управления облегчён тем, что субъекты периферии (колонии) разбросаны по континентам и не требуют себе равноправных условий; имперские управленцы вынуждены выстраивать неповторимую властную вертикаль в каждом из своих регионов.

Далее отметим буферные государства и лимитрофные зоны, напрямую связанные с социальным контекстом имперского пространства.

Как мы видели из истории, континентальные империи стремились окружать себя различными политическим буферами. Дабы повысить свою жизнеспособность. Так возникали и, даже длительно существовали, клиентельные государства. Но это в том случае, если подобное политическое образование создавалось искусственно. История же знает примеры естественно-сформировавшихся зон, занимающих промежуточное положение между центрами силы, кото-

рые именуется лимитрофными зонами и территориями-проливами.

Но как объяснить происхождение этих участков политического пространства? Почему одни земли являют собой центры силы, другие – их периферию, а третьи – ничейную полосу?

Лимитроф как понятие появился в Риме и обозначал приграничную полосу, на которой стояли имперские легионы, но свой современный смысл получил относительно недавно – после Первой мировой войны и развала Российской империи и после «холодной» войны и развала Советского Союза. Этим термином обозначают все малые государства, располагающиеся между Россией и Центральной Европой.

В.Л. Цымбурскому принадлежит акт модернизации этого понятия как территории «геополитически нестабильных пространств между цивилизационными платформами» [12]. Его теория «Великого лимитрофа» отстаивает идею отделения этнического и геополитического ядра России от сопредельных цивилизаций, которое, так ограниченное, предстаёт как бы громадным островом внутри континентальной массы.

Обобщая, будем называть лимитрофом территорию постимперского пространства, характеризующуюся пересечением этнических, цивилизационных и силовых полей. Существуют и другие терминологические обозначения этой реальности – например, «пояс рассыпавшихся осколков» в терминологии современного геополитика С. Козна. Но сути дела это не меняет. Постимперское пространство как таковое, может характеризоваться зоной неопределённости, где развивается борьба за имперское наследство.

Но великий лимитроф не опирается на Западе в монолитное политическое образование. Наоборот, он плавно перетекает в другое постимперское поле – осколки Австро-Венгерской империи, образуя в совокупности обширную территорию, называемую «регион-ворота».

«Регион-ворота» – страны, находящиеся между Балтийским и Чёрным морями – наследие Речи Посполитой, Великого княжества Литовского, империи Габсбургов и Российской империи. Территории эти, потенциальный резервуар проблем и вакуума власти традиционно были буфером между империей Карла Великого и Гардарики, между Священной Римской империей и Золотой Ордой, а позже стали камнем преткновения между Габсбургами, Блистательной Портой и Россией. Временами «ничейная земля» исчезала, будучи поделённой между договорившимися соперниками. Временами, как в наши дни, она разрасталась до значительных размеров.

Одна из причин нестабильности региона определяется следующим: цивилизационная идентификация народов, проживающих в этом регионе не связана ни с одной из имевшихся имперских столиц.

Помимо этого следует помнить, что все народы, населяющие данное пространство, примерно

равны по численности друг другу и потому завоевательная схема возникновения империи была исключена. Даже Польша, почти достигнув желаемого в 1612 году, проиграла в длительной исторической хватке. Отсутствие монолитного цивилизационного, и, как следствие, политического поля обрекает данный регион на полузависимое существование. Как бы неполиткорректно не звучала бы следующая мысль, но отсутствие в регионе доминирующего этноса ведёт к внешней зависимости, колонизации, а в периоды кризисов международной системы – к войнам за имперское наследство, которые, как правило, проходят не в центре метрополии, а как раз в буферных и лимитрофных территориях. И реализм говорит нам, что монолитное этническое и культурное поле стабилизируют регион, а множество малых народов ведут к перманентной нестабильности, даже, если конфликты кажутся замороженными навеки.

Наблюдая историю «регион-ворота» в ретроспективе последних тысячи лет, мы можем заметить прослеживающийся исторический факт в своем своеобразии: всякий, кто обладает этим регионом, получает значительное усиление в давлении на своего соперника. Безотносительно, это Запад, Восток или Юг. Этот факт есть азбучная истина геополитики, согласно которой, доминирование в Центральной Европе невозможно без обладания тем, что выше было обозначено как «регион-ворота». Но тот, кто им обладает, теряет свои силы пропорционально времени обладания. При отсутствии регионального лидера любые политические силы, растрачивающие ресурсы на удержание этого региона, вместо того, чтобы инвестировать эти же ресурсы в собственную инфраструктуру, становятся уязвимы в иных местах.

Империя – не только политическая система и не только иерархия. Она в первую очередь макро-социальная реальность, суть цивилизация. Ещё А.Дж. Тойнби отмечал, что такие социальные действия как расширение границ, пополнение рабочей силы и ассимиляция соседних варваров – свойственны любым общественным системам; меняются лишь их формы. Империя же подводит под них свою материально-техническую базу и преобразует из хаотической формы в структурно-организованную. Мы уже отмечали, и повторим вновь, что империя полагает себя центром мира. Её население рассматривает народы со схожим социальным строем и политическим режимом как более цивилизованные, а государства-сателлиты как приобщённые к высшим ценностям. Формируется жёсткая взаимосвязь: цивилизационные ценности – абсолютны; универсальность имперской структуры – надёжный гарант их распространения.

Цивилизации, на пути своего развития, могут быть поработаны соседями и жизненный путь народов, составляющих их человеческий материал, трагически оборвётся. Но если всё же жизненных сил суперэтноса хватит на путь культурной, религиозной, экономической экспансии, на стремление к универсальности, в таком развитии обязательно наступит этап институализации ос-

новых социальных процессов, в том числе и политических. Из истории мы знаем, насколько закономерно появление политического государства, которое вносит свою лепту в развитие универсалистских тенденций: часто не только структурирует, но и подчиняет.

Любая цивилизация или суперэтнос, продемонстрировавшие свою причастность к истории, самодостаточность и эффективность, неизбежно обнаруживают в себе стремление к пространственной экспансии. А поскольку последняя невозможна без скрепляющей великой идеи, то поднимается на щит какое-нибудь религиозное учение (а в три последних столетия идеология, претендующая на научность), и империя появляется на свет. Возможно, постепенно. Возможно, кратковременно. Тысячи случайностей, миллионы разнонаправленных интересов влияют на успешность и длительность последней. Но стабильная, полноценная империя всегда есть институциональное выражение цивилизационных устремлений пассионарно заряженного суперэтноса.

Религиозное учение – основа большинства исторических империй. Его можно обнаружить в основе любого имперского мифа (идеологии). Оно же составляет костяк имперской цивилизации и проводимой культурной экспансии.

А на чём основывается религия? Понятно, на постулатах веры.

Таким образом, истинное основание имперской цивилизации – вера в неё, для которой религия играет роль оболочки. Пролетарский интернационализм советской империи и космополитизм Империи Добра так же покоятся на вере в абсолютное идеологическое и моральное превосходство, что и объединяет эти империи с их ранними предшественниками. Само собой, с экуменистическими, секуляризационными и схожими наслоениями последнего столетия.

Универсалистские тенденции цивилизации, помноженные на чувство власти, централизацию её политической ипостаси, дают сверхгосударство, универсальное государство – империю, а «империя – государственно-территориальная форма цивилизации.... в империи государство дорастает до цивилизации» [13]. Эти слова – наиболее компактная формулировка позиций отечественной школы в данном вопросе.

Именно в двух абстрактных понятиях – цивилизационные ценности и имперская структура – выражаются современным социальным лексиконом убеждения более древние, нежели терминология политической философии.

Империя, претендуя на универсальность, позиционирует себя как стержень мировой политической системы, своим существованием обеспечивающий его функционирование.

Жан-Франсуа Тириар, бельгийский представитель идеологии «Третьего пути» или «Третьей позиции», осмысливая развитие геополитической динамики, сформулировал свои наблюдения в

законе пространственной прогрессии, согласно которому географическая динамика политической истории неумолимо ведет к увеличению масштабов минимальных социальных образований, то есть «от государств-городов через государства-территории к государствам континентам» [14, с. 135].

Другое дело, что все эти претензии, как правило, только осложняют жизнь. Империя хороша, пока она доминирует в регионе. Претензия на абсолютную гегемонию убивает империю. Но в качестве институциональной формы локальной цивилизации империя действительно предстаёт универсальным государством.

В литературе существует достаточно сильная традиция, рассматривающая империю как институциональную форму развития цивилизации; споры ведутся о том, какому этапу цивилизационного развития соответствует политическая система империи. Наиболее яркие представители такой интерпретации – А.Дж. Тойнби и Ш. Эйзенштадт. Но если первый ассоциирует империю с фазой распада, то второй не так категоричен: израильскому исследователю важно показать трансформацию бюрократических систем, историческая форма которых есть империя. При этом А.Дж. Тойнби рассматривает универсальные государства и вселенские церкви как наиболее сложные формы развития социального, тогда как Ш. Эйзенштадт концентрируется на процессуальных функциях империй.

Рассуждая о судьбах империи и цивилизации, следует помнить о том, что в некоторых случаях империи наследовали цивилизацию, придавая ей законченную институциональную форму, а в некоторых – создавали. Безусловно, не на пустом месте. Империя как социальная организация в принципе не в состоянии осуществить такой процесс. Но преобразовать своё, а зачастую чужое культурное наследие в новую форму – вполне в духе имперских агентов. Римская, Византийская и Российская империи могут рассматриваться как образцово-показательные примеры такой судьбы. Из всех полноценных империй, лишь Империя Добра создала собственную, неповторимую цивилизацию с минимальным заимствованием наследия предков и эта космополитическая, потребительская цивилизация доминировала в XX веке, одержав победу в конкурентной борьбе и с социалистическими идеями, и с консервативными.

Каждая полноценная империя – суть цивилизация. Но не все из них осуществляют цивилизационную политику. Империя, как и любое иное социальное образование, может быть цивилизацией для себя. Потому, основной вопрос культурных форм социального (имперской цивилизации) состоит в её направленности. Одним словом, «просвещать или не просвещать?». Как ни странно, но ответ на этот вопрос лежит в культурном преломлении понятия политического – дихотомии «мы-они». Наличие миссионерской политики определялось той формой социального, по отношению к которой выстраивалась собственная идентичность.

Без сомнения, нельзя однозначно утверждать, что одни империи только и служили делу ассимиляции варваров в своё культурное поле, а другие – исключительно истребляли. Два фактора – комплиментарность имперообразующего этноса с аборигенными и мифы, разделяемые центральными элитами определяли векторы цивилизационной экспансии и степень её воинственности. Упростив, можно сказать, что Рим, Россия и Китай традиционно стремились к ассимиляции, англосакские империи держались отчужденно по отношению к аборигенам, а Священная Римская империя и Византия держались на «нулевой отметке» в вопросах миссионерства.

Социал-дарвинизм и протестантский фанатизм, победившие в сознании англосаксонских элит, предопределили дистанцирование от завоеванных народов, которые рассматривались как вызов чистоте крови, цвету кожи, а следовательно, и чистоте веры. Дихотомия «мы-они» выразилась в англосаксонской имперской идее именно в такой форме. Но средневековая Англия ещё не знала столь сложных противопоставлений. Генрих II строил свою империю (пусть и неудавшуюся) на совершенно иных основаниях.

Китайцы на протяжении веков ассимилировали как покорённые народы, так и завоевателей, покоривших сам Китай. Тот, кто был в состоянии усвоить китайские традиции и культуру, мог быть даже включён в имперскую бюрократию; и то же следует сказать о Риме.

Соответственно, цивилизаторская политика империй, основанных на ощущении собственной неповторимости, кардинально отличалась от политики империй, основанных на потребности в просвещении, пусть даже и неостребованном *Orbis Terrarum*. Потому первые можно назвать *цивилизациями в-себе-и-для-себя*, а вторые – *цивилизациями для Другого*.

Кроме того, существовала небольшая прослойка империй, по различным причинам не относящихся ни к одной из указанных категорий. Имперская экспансия – прежде всего, вопрос контроля за коммуникациями. А миссионерская её форма – контроль за аутентичным исполнением основ веры, имперской идеи и т.п. Средневековые империи Европы обладали ограниченными ресурсами и боролись с собственными ересями. Потому цивилизаторская миссия Священной Римской империи и Византии, в общем-то, невелика. Она, конечно, проявлялась: Константинополь

Литература:

1. Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. Terra. 1991. Т. 25. С. 13–14.
2. *Коровин В.М.* Третья мировая сетевая война. СПб. : Питер, 2014.
3. *Шилз Э.* Общества и общество: макросоциологический подход // Американская социология. М., 1972.

направлял миссионеров на север, а Оттоны и Гегнштауфены пытались обратить в христианство Святую землю, но их успехи следует скорее отнести к доброй воле аборигенных народов, нежели к привлекательности имперского мифа.

Цивилизационная парадигма исторического развития оказала настолько сильное влияние на современную социальную мысль, что даже в геополитических словарях-справочниках можно встретить такое понятие, как государство-цивилизация [14, с. 32].

Исходя из сказанного, государство-цивилизация – наиболее эффективная форма противостояния глобальным вызовам и угрозам в современном мире. Крупнейшие полюса экономического и технологического развития представлены аналогичными образованиями – Объединенная Европа, Соединенные Штаты и Китай. Классическим государством-цивилизацией является Китай, где в основном совпадают политические, социокультурные и конфессиональные границы. Объединенная Европа ассоциируется с историческим ядром западноевропейской цивилизации. Американская цивилизация осознается таковой по своим масштабам воздействия на окружающий мир (военно-политическая, экономическая, культурная и информационная экспансия). Государством-цивилизацией был распавшийся на национальные образования Советский Союз.

Фактически, империи, принадлежат к классу государств, но, не являясь идеальными государствами, подчиняются всем условностям, с которыми призвано мириться любое государство и, одновременно, демонстрируют совершенно иной, альтернативный подход к управлению полиэтническими, мультиконфессиональными, мультинациональными человеческими группами [15, с. 441].

С одной стороны, империя – суть претензия к политической вечности (*aeternitas imperii*), и хотя конкретно-исторические империи конечны, имперская идея развивается в тренде социального процесса.

С другой стороны, империя есть пограничная линия между пассионарным подъёмом и субпассионарным спадом, то есть она есть форма инерционного существования социума.

И вместе с тем, создать империю порядка – самое сложное, что может быть в социальной реальности.

Literature:

1. Brockhaus-Efron encyclopedic dictionary. Terra. 1991. Vol. 25. P. 13–14.
2. *Korovin V.M.* World War III Network War. SPb. : Piter, 2014.
3. *Shils E.* Society, and society: a macrosociological approach // the American sociology. M., 1972.

4. *Рогов И.И.* Проблема анализа номадических империй методами сравнительной политологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 8(14) : в 4-х ч. Ч. I. С. 164–168.
5. *Шмитт К.* Понятие политического : сборник / К. Шмитт; Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца, А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбелева. СПб. : Наука, 2016.
6. *Тойнби А.Дж.* Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций / Арнольд Дж. Тойнби; Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М. : Изд-во АСТ : Астрель, 2012.
7. *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи : в 7 т. Т. 1 / Э. Гиббон; Пер. с англ. М. : TERRA – Книжный клуб, 2008.
8. *Моммзен Т.* История Рима. М. : Эксмо, 2010.
9. *Филиппов А.Ф.* Наблюдатель империи (империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 89–120.
10. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999.
11. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории = A study of history : избранное / А.Дж. Тойнби; Пер. с англ. Е.Д. Жаркова; Под ред. В.И. Уколовой и Д.Э. Харитоновича. М. : Айрис-пресс, 2010.
12. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. С. 420.
13. *Бабурин С.Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. М. : Магистр Инфра-М. 2010. С. 143.
14. *Дергачев В.А.* Геоэкономический словарь-справочник. Одесса : ИПРЭИ НАНУ, 2004.
15. *Рогов И.И.* Теория империологии. М. : Книжный мир, 2017.
4. *Rogov I.I.* the Problem of analysis of nomadic empires by methods of comparative political science // Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Theory and practice. Tambov : Gramota, 2011. № 8(14) : in 4 h. CH. I. P. 164–168.
5. *Schmitt K.* The concept of the political: a Collection / K. Schmitt; ed. with it. Y.Y. Korinets, A. Filippov, A.P. Shuraleva. SPb. : Science, 2016.
6. *Toynbee A.J.* The study of history: the emergence, growth and disintegration of civilizations / Arnold J. Toynbee; lane with persistent K.I. Kozhurina. M. : Publishing house AST : Astrel, 2012.
7. *Gibbon E.* the History of the decline and destruction of the great Roman Empire: the Decline and fall of the Roman Empire : 7. Vol. 1 / TRANS. M. : TERRA – Book club, 2008.
8. *Mommsen T.* History Of Rome. M. : Eksmo, 2010.
9. *Filippov A.F.* The observer of an empire (empire as a concept of sociology and a political problem) // Questions of sociology. 1992. T. 1. № 1. P. 89–120.
10. *Eisenstadt S.* Revolution and transformation of societies: a Comparative study of civilizations. M. : Aspect-Press, 1999.
11. *Toynbee A.J.* Comprehension of history = A study of history : favorites / A.J. Toynbee, translated from English. Zharkova E.D.; ed. by V.I. Ukolova and D.E. Kharitonovich. M. : iris-press, 2010.
12. *Tsyimbursky V.L.* The Island Of Russia. Geopolitical and chronopolitical works. 1993–2006. M. : ROSSPEN, 2007. P. 420.
13. *Baburin S.N.* World of empires: the territory of the state and the world order. M. : Master Infra-M. 2010. P. 143.
14. *Dergachev V.A.* Geo-economic dictionary. Odessa : IPAEI national Academy of Sciences, 2004.
15. *Rogov I.I.* Theory of Imperiology. M. : Book World, 2017.

Кантемирова Инна Борисовна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
inna_kantemirova@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ МЕЖДУ СТАРШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ И ИХ СВЕРСТНИКАМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования готовности старших школьников принять сверстников с ограниченными возможностями здоровья (инвалидностью) на разных уровнях социального взаимодействия. Уровень готовности показывает наличие социальной дистанции между этими медико-социальными группами. Исследование проведено среди учеников 9 и 11 классов школ города Краснодара в 2004–2005 и 2016–2017 учебных годах. Временной промежуток между опросами составил 12 лет.

Ключевые слова: социальная дистанция, дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), инвалидность, готовность принять, родственник, друг, сосед, одноклассник, гражданин.

Отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), инвалидностью является отражением социальной дистанции, характерной для представителей разных социальных групп. Понятие «социальная дистанция» представлено в работах целого ряда исследователей. Исходя из зиммелевской трактовки, «социальная дистанция характеризует социальные взаимодействия в физическом пространстве; это своего рода пространственный параметр формы, наполненной социальным содержанием» [1]. Таким физическим пространством может выступать большой город, микрорайон, школа и т.д. Ребенок с инвалидностью, зачастую, является «чужаком» в этом пространстве. Если говорить об общеобразовательной школе и инклюзии детей с ОВЗ (инвалидностью), то она выступает формой их включения в социальное пространство, предоставляет шансы на осуществление регулярных социальных взаимодействий в виде формального и неформального общения с представителями различных социальных кругов: учителями, одноклассниками другими учащимися школы.

Inna B. Kantemirova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Sociology,
Kuban State University
inna_kantemirova@mail.ru

THE SOCIAL DISTANCE BETWEEN HIGH SCHOOL STUDENTS AND THEIR AGEMATES WITH DISABILITIES: RESULTS OF THE COMPARATIVE STUDY

Annotation. This article presents the results of sociological research of willingness to adopt disabled children on different levels of social interaction by high school students. It is the indicator of social distance between these medical and social groups. The objects of research were ninth-graders and eleventh-graders of Krasnodar schools in 2004–2005 and 2016–2017. The time from first to second survey is 12 years.

Keywords: social distance, children with disabilities, disability, willingness to adopt, member of the immediate family, friend, neighbor, classmate, citizen.

Актуальность представленного исследования определяется наличием в обществе значительной доли людей с инвалидностью. По данным Федеральной службы государственной статистики на 01.01.2004 года численность инвалидов в РФ составила 10979 тыс. чел., в т.ч. дети-инвалиды на конец 2003 / начало 2004 года – 624 тыс. чел. [2]; на 01.01.2016 года число граждан с инвалидностью составило 12751 тыс. чел., в т.ч. дети-инвалиды 617 тыс. чел. [3].

Целью исследования стало выявление сравнительных характеристик восприятия детей с ОВЗ (инвалидностью) их сверстниками. Одной из решаемых в рамках исследования задач было определение готовности старших школьников к принятию сверстников с ОВЗ (инвалидностью) на разных уровнях социального взаимодействия. Такая готовность показывает границы социальной дистанции, между школьниками, чье состояние здоровья характеризуется как социальная норма и школьниками со стойкими ограничениями жизнедеятельности. В рамках исследования выявлялась дистанция, формируемая в направ-

лени от школьников, не имеющих ограничения жизнедеятельности, к их сверстникам с инвалидностью.

Выборочная совокупность включает две панели, сформированные на базе школ города Краснодара: МБОУ СОШ № 73 и МБОУ СОШ № 37. Временной промежуток между исследованиями составил 12 лет. Анкетирование участников первой панели был реализован октябрь-ноябре 2004 года, объем выборочной совокупности составил 170 респондентов, из них: 9-классники составили 94 чел. (55 %) и 11-классники – 76 чел. (45 %). Опрос участников второй панели (псевдопанель) проведен в декабре 2016 года и апреле 2017 года, ее объем составил 215 респондентов из них: 9-классники – 168 чел. (78 %) и 11-классники – 47 чел. (22 %).

Для решения поставленной задачи была разработана методика определения социальной дистанции старших школьников в отношении со сверстниками с ОВЗ (инвалидностью), учитывающая социально-психологические особенности исследуемой группы, возможный социальный опыт старшеклассников и условия их взаимодействия со сверстниками, представителями младших и старших поколений, имеющими стойкие ограничения жизнедеятельности. Методической основой исследования послужила шкала Э. Богардуса, предложенная для определения социальной дистанции между расовыми и этническими группами. В настоящее время шкала Э. Богардуса используется для измерения дистанции между различными группами, такими как: приверженцы политических партий, религиозные, социально-демографические группы и т.п.

Ванкете были включены пять параметров, отражающих возможные уровни социального взаимодействия старших школьников, не имеющих ограничения жизнедеятельности, со сверстниками, имеющими ОВЗ (инвалидность): готовность принять ребенка с инвалидностью «как близкого родственника», «как друга», «как соседа», «как одноклассника» и «как гражданина страны». Каждый параметр подлежал оценке респондентами по пятибалльной шкале. Оценки интерпретируются следующим образом: «1» означает полную неготовность респондента принять сверстника с инвалидностью, взаимодействие / общение с ним невозможно; «2» означает в основном неготовность респондента принять сверстника с инвалидностью, взаимодействие / общение не желательно; «3» означает готовность респондента принять сверстника с инвалидностью, но в ограниченных пределах, взаимодействие / общение возможно, если это необходимо; «4» означает в основном готовность респондента принять сверстника с инвалидностью, взаимодействие / общаться, проявлять доброжелательность; «5» означает полную готовность принять сверстника с инвалидностью, взаимодействовать / общаться, респондент понимает суть ограничений, барьеров, с которыми столкнулся человек.

На основе полученных данных было выявлено, что у или иную степень готовности к принятию

сверстника с ограниченными возможностями как близкого родственника проявили 56,8 % респондентов (оценку «3» выбрали 24,1 %, «4» – 16,7 %, «5» – 16 %) в 2004-2005 учебном году и 68 % (оценку «3» выбрали 19 %, «4» – 21,4 %, «5» – 27,6 %) в 2016-2017 учебном году. Средняя оценка выросла с 2,80 до 3,24 баллов, что можно интерпретировать как изменение установки старших школьников в отношении сверстников с инвалидностью от преимущественной неготовности к принятию и нежелательности общения до ограниченного принятия и возможности общения в рамках обозначенного социального пространства – родственных связей. Позитивная динамика подтверждается ростом доли старшеклассников, выбравших оценку «5», заявляющих тем самым пониманию сути ограничений, с которыми столкнулся близкий человек, о полной готовности принять родственника с инвалидностью, общаться с ним. При этом сократилась доля старшеклассников с негативной установкой: с 43,2 % в 2004-2005 до 31,9 % в 2016-2017 учебных годах. Следовательно, ожидаемая социальная дистанция в самом близком для индивида круге общения сокращается.

Следующий анализируемый параметр – готовность старших школьников принять ребенка с инвалидностью как друга. Различную степень готовности к дружеским отношениям проявили 72,3 % респондентов (оценку «3» выбрали 24,7 %, «4» – 24,7 %, «5» – 22,9 %) в 2004-2005 учебном году и 80,5 % (оценку «3» выбрали 21,9 %, «4» – 23,8 %, «5» – 34,8 %) в 2016-2017 учебном году. Увеличилась и средняя оценка с 3,32 до 3,66 баллов. Тем не менее, она может быть интерпретирована как готовность скорее не к дружеским, а к приятельским отношениям. Позитивная динамика подтверждается увеличением доли старшеклассников, выбравших оценку «5», что свидетельствует о понимании сути ограничений, с которыми сталкиваются их сверстники с инвалидностью, о готовности к общению и дружбе с ними. Сократилась доля старшеклассников с негативной установкой в сфере дружеских отношений: с 27,7 % в 2004-2005 до 19,5 % в 2016-2017 учебных годах. Ожидаемая социальная дистанция сокращается, увеличивая шансы детей с инвалидностью быть принятыми старшими школьниками в круг приятельски и дружеских отношений.

Готовность принять ребенка-инвалида как соседа высказали 82,5 % респондентов (оценку «3» выбрали 18,6 %, «4» – 24,8 %, «5» – 39,1 %), в 2004-2005 учебном году и 88 % (оценку «3» выбрали 21,3 %, «4» – 26,1 %, «5» – 40,6 %) в 2016-2017 учебном году, средние оценки составляют 3,80 и 3,88 баллов соответственно. Снижение доли старшеклассников с негативной установкой к детям-инвалидам в сфере соседских отношений составляет 5,3 процентных пункта, с 17,4 % до 12,1 %. Социальная дистанция в сфере соседских отношений характеризуется тенденцией к сокращению.

Взаимодействия и отношения с одноклассниками составляют значимую часть жизни школьников. Социальное пространство, образуемое в

классе, не является чем-то изолированным. Общение с одноклассниками способствуют формированию сети социальных отношений, выходящих за пределы класса, параллели классов и школы. Для подростка общение со сверстниками один из важнейших факторов формирования представлений о себе («Я-образа»), на основе которых он выстраивает дальнейшие взаимоотношения с окружающими и отношение к себе (самооценку). Именно степень близости или отчужденности в этом пространстве может либо способствовать социальной адаптации, интеграции и успешной социализации ребенка с ОВЗ (инвалидностью), либо препятствовать ей.

Итак, по данным социологического исследования готовность принять ребенка-инвалида как одноклассника высказали 84,7 % респондентов (оценку «3» выбрали 16,6 %, «4» – 24,5 %, «5» – 43,6 %) в 2004–2005 учебном году и 85,7 % (оценку «3» выбрали 16,3 %, «4» – 23,9 %, «5» – 45,5 %) в 2016–2017 учебном году, средние оценки составляют 3,91 и 3,92 балла соответственно. Очевидно, что по данному параметру за период, прошедший между двумя исследованиями, ситуация не претерпела изменений. Внутришкольные установки остаются стабильными, их можно охарактеризовать как социально одобряемые и социально позитивные. Отсутствие значимой динамики установок наблюдается в условиях внедрения системы инклюзивного образования и реализации программы «Доступная среда», т.е. активного реального включения детей с ОВЗ (особенно с двигательными и сенсорными нарушениями) в социальную и образовательную среду школы. Позитивными здесь представляются два момента:

– во-первых, нет выраженного, массового отторжения принимающей социальной средой, формируемой школьниками, детей с различными ограничениями жизнедеятельности;

– во-вторых – наличие определенного позитивного социального эффекта проводимой политики в области образования детей с инвалидностью.

Речь идет о приобретении ими таких социальных навыков, как: общение, ориентация и передвижение в пространстве, самостоятельность принимаемых решений и др.

Показатель готовности старших школьников принять ребенка с инвалидностью как гражданина страны характеризуется положительной тенденцией. В 2004–2005 учебном году готовность принять ребенка-инвалида как гражданина страны высказали 87,7 % респондентов (оценку «3» выбрали 5,6 %, «4» – 9,3 %, «5» – 72,8 %), в 2016–2017 учебном году 91,3 % (оценку «3» выбрали 5,3 %, «4» – 11,6 %, «5» – 74,4 %), средние оценки составляют 4,35 и 4,46 балла соответственно. Постепенно социальная дистанция на общегосударственном уровне сокращается. Готовность к социальным контактам с теми, кто испытывает те или иные ограничения жизнедеятельности, понимание сути этих ограничений может стать фундаментом изменения отношения к гражданам с инвалидностью со стороны работодателей в коммерческом и государственном секторах экономики в течение 15–20 последующих лет, когда сегодняшние старшеклассники будут принимать профессиональные, управленческие и бизнес решения. Это повысит эффективность реализации программ по созданию рабочих мест для людей с различными ограничениями жизнедеятельности, тем самым способствуя экономической независимости значительной доли людей с инвалидностью.

Анализ результатов панельного исследования позволил выявить позитивную тенденцию к сокращению социальной дистанции между школьниками в состоянии медико-социальной нормы и школьниками с инвалидностью. Общая позитивная тенденция определяется ростом готовности старшеклассников принять сверстника-инвалида на разных уровнях социального взаимодействия: родственном, дружеском, соседском, коллективном и гражданском. Отсутствие динамики показателя социальной дистанции на уровне коллективного взаимодействия во многом объясняется источниками ее возникновения. Так, Э. Богардус писал, что «социальная дистанция возникает из поддержания социального статуса. ... Удерживая других на расстоянии, человек поддерживает свое положение в кругу своих друзей. Потерю почти всего в жизни он переносит легче, чем потерю социального статуса» [4]. Дружба и общение сверстником-инвалидом в школьном коллективе (классе) может привести к негативным эффектам стигматизации, так как инвалидность в нашем обществе остается дискредитирующей стигмой.

Позитивные тенденции отношения россиян к людям с ОВЗ исследователи отмечали неоднократно. Например, исследование, проведенное в Вологодской области, показало, что «жители региона стали испытывать меньше неудобства при общении с людьми с ограниченными возможностями здоровья. Так, в 2014 году 65 % населения отметили, что не ощущают никакого дискомфорта, тогда как в 2013 году удельный вес таких ответов составил 56 %» [5].

Подводя итог, отметим, что, несмотря на общую позитивную тенденцию, значительная доля негативных оценок, данных учащимися 9 и 11 классов, свидетельствует о наличии значимой социальной дистанции между старшеклассниками безограничений жизнедеятельности и их сверстниками с ОВЗ (инвалидностью). Очевидно, что проводимая политика в отношении людей с ограниченными возможностями, ориентированная на их социальную инклюзию, является одним из условий постепенного сближения общества и людей с ограниченными возможностями. Ее эффективность будет определяться длительностью, планованностью и системностью реализации мероприятий.

Литература:

1. Гусев А.Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 123–130.
2. Российский статистический ежегодник. 2004 : Стат. сб. // Росстат. М., 2004. 725 с. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения 01.08.2019).
3. Российский статистический ежегодник. 2016 : Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 725 с. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения 01.08.2019).
4. Богардус Э.С. Социальная дистанция в городе / Э.С. Богардус; Отв. ред. Л.В. Гирко // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования : Реферативный сборник. М., 2003. С. 179–186.
5. Кондакова Н.А. Отношение населения Вологодской области к статусу инвалида / Н.А. Кондакова, Л.Н. Фахрадова // Вопросы территориального развития. 2015. № 1(21). С. 1–10.

Literature:

1. Gusev A.N. Category of social distance in the works of G. Simmel // Sociological Studies. 2009. № 4. P. 123–130.
2. Russian statistical yearbook. 2004 : Stat. book // Rosstat M., 2004 725 p. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (date accessed: 01.08.2019).
3. Russian statistical yearbook. 2016: Stat. book // Rosstat. M., 2016. 725 p. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (date accessed 01.08.2019).
4. Bogardus E.S. Social distance in the city / E.S. Bogardus; Resp. edited by V.L. Girko // Social space: Interdisciplinary research : Abstract collection. M., 2003. P. 179–186.
5. Kondakova N.A. The public image of disabled person status in Vologda Region / N.A. Kondakova, L.N. Fahradova // Issues of Regional Development. 2015. № 1(21). P. 1–10.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Аннотация. В статье исследуется феномен исторической памяти, механизмы и агенты его конструирования. Отмечается, что историческая память сопряжена с постоянными спорами и даже конфликтами, выходящими и на политический уровень. Поэтому уместно говорить о том, что историческая память связана с поддержанием национальной безопасности, понятой в широком смысле обеспечения благополучия нации, невозможного в ситуации острых идейных конфликтов. Однако в ситуации мировоззренческого плюрализма и отсутствия монополии на «производство памяти» достижение согласия по поводу исторического прошлого возможно лишь на пути общественной дискуссии, которая едва ли когда-нибудь найти окончательное завершение. Но весьма значимую роль в этих дискуссиях играет историческая политика, осуществляемая государством.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, коллективная память, культурная память, идеология.

Понятие «историческая память» восходит к более ранним исследованиям социальной и культурной памяти. Исходными следует считать исследования М. Хальбвакса, посвященные феномену коллективной памяти. Находясь в русле дюркгеймской социологической традиции, Хальбвакс рассматривал память отдельного индивида как результат множества социальных влияний, то есть, индивидуальная память имеет социальную природу. Хальбвакс вводит понятие «коллективная память», причем рассматривает её как социальный конструкт, создаваемый и поддерживаемый социальными группами [1].

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of chair of History of Russia,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department
Human Resources Management,
Rostov State Economic University (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

HISTORICAL MEMORY AND NATIONAL SECURITY

Annotation. The article explores the phenomenon of historical memory, the mechanisms and agents of its construction. It is noted that historical memory is associated with constant disputes and even conflicts that go to the political level. Therefore, it is appropriate to say that historical memory is associated with maintaining national security, understood in the broad sense of ensuring the well-being of the nation, which is impossible in a situation of acute ideological conflicts. However, in a situation of worldview pluralism and the absence of a monopoly on the «production of memory», reaching an agreement on the historical past is possible only along the path of public discussion, which will hardly ever find a final conclusion. But a very significant role in these discussions is played by the historical policy pursued by the state.

Keywords: historical memory, historical politics, collective memory, cultural memory, ideology.

Большой вклад в развитие исследований коллективной памяти внес Я. Ассман, который разработал концепцию культурной памяти, он же обозначил необходимость такого направления исследований как «история памяти». Культурную память он отличает от коммуникативной [1]. Коммуникативная память – это живая память, существующая в процессе непосредственного взаимодействия индивидов [3]. Культурная память существует в символических репрезентациях, она выходит за рамки индивидуальной памяти и воплощается в мемориальных объектах, текстах, ритуалах.

Культурная память сохраняет только наиболее значимые события, как правило, мифического характера, эти события важны для сохранения единства группы и нормативной регуляции. В исследованиях коллективной памяти большой вклад внесли также П. Рикёр [4], П. Нора [5], Д. Лоуэнталь [6] и целый ряд других авторов. В современных исследованиях понятия «коллективная память», «культурная память», «социальная память», «историческая память» не всегда имеют одинаковые значения.

Приобретшее популярность с 90-х гг. XX века понятие «историческая память» не имеет однозначного определения. Но, чаще всего, под исторической памятью понимается своеобразная символическая репрезентация истории в массовом и индивидуальном сознании. Историческая память включает образы, символы, события, мифологемы, которые по каким-либо причинам приобрели особое значение. Историческая память – часть культурной памяти, связанная, однако, с осмыслением исторических событий, а также, зачастую, с их идеологизацией или мифологизацией. Историческая память не формируется абсолютно стихийно, она связана и с исторической наукой, и с политической деятельностью [7].

Историческая память представляет собой канал трансляции знаний о прошлом, она также составляет фундамент коллективной идентичности и идентичности индивидов, она не только определяет отношение к прошлому, но и задает ориентиры поведения в настоящем. Историческая память позволяет индивиду ощутить себя частью превосходящей его общности, стать звеном в цепи поколений, что придает смысл отдельному человеческому существованию. Благодаря исторической памяти индивидуальное «Я» оказывается способным к своеобразному трансцендированию во времени.

Историческая память может становиться причиной политических и социальных конфликтов, вплоть до войн. Сохраняющиеся в исторической памяти обиды «взывают к мести» через много поколений, интересно, что взрывной эффект могут оказывать и воспоминания почти исчезнувшие, но становящиеся вдруг актуальными в какой-то момент. Разное отношение к тем или иным историческим событиям, сохраненным исторической памятью, способно раскалывать общество, потому достижение согласия по поводу основных исторических событий, важных для общества, представляет собой весьма актуальную задачу.

В отношении национальной культуры историческая память выступает как один из весьма значимых элементов. Собственно, выстраивание определенных исторических нарративов и означало формирование национальных культур и национального самосознания, то есть формирование национальных культур и формирование исторической памяти наций – это неразрывные переплетающиеся процессы. Поскольку нации – это политические сообщества, базирующиеся на общности национальной культуры и общем про-

шлом [8], выработка нарратива об этом прошлом является не только историко-научной, но и политической задачей, потому всё больше внимания уделяется сегодня политике памяти, исторической политике, культурной политике и т.д.

Значимость всех этих видов политики, нацеленной на формирование и укрепление коллективных идентичностей, возросла на исходе XX века, чему были определенные причины. Постмодернистская критика «метанарративов», как и политические процессы, связанные с распадом «социалистического лагеря» и идеологической гомогенизацией мира в результате универсального распространения либерализма уже не просто как политической идеологии, а как идейной и экономической парадигмы глобализации, вызвали к жизни кризис коллективных идентичностей практически во всех уголках мира, включая и западные общества, которые также находятся под воздействием глобализационных процессов – от экономических до миграционных [9], ставящих под вопрос и национальные границы, и национальные культуры и национальные политические ценности. Неопределенность мировоззренческих ориентиров, ослабление прежних политических идеологий, и в то же время – стремление отстоять культурную специфику, превратили историю в один из немногих оставшихся источников ориентации, но при этом переосмысливаются унаследованные от «жесткого модерна» исторические нарративы. Само понятие «историческая память» является, в какой-то степени, следствием этого переосмысления. Ведь историческая память не тождественна историческому знанию, хотя и ориентируется на него. Это – гораздо менее объективное знание, включающее в себе эмоциональную и мифологическую составляющую, знание, которое обладает значением не просто факта, а переживаемого опыта, часто травматичного. Неслучайно, проблема исторической памяти в современных дискуссиях нередко обсуждается наряду с понятием «травмы», как коллективной, так и индивидуальной [10]. Однако историческая память несет в себе и образы событий, вызывающих гордость и радость.

В российском обществе, как и на всем постсоветском пространстве, происходят глубокие и противоречивые процессы формирования новой модели исторической памяти, причем эти процессы отчасти являются стихийными, отчасти – управляются различными политическими субъектами: от, собственно, государства до различных политических деятелей и группировок, вплоть до маргинальных. На институциональном уровне формирование исторической памяти связано, в первую очередь, с образованием, именно школа формирует матрицу восприятия исторического прошлого, расставляет вехи, выделяет значимых персонажей и поворотные события истории того или иного государства.

Важной структурой, формирующей историческую память, являются музеи, которые в условиях современного общества всё более переходят от принципа «информирования» посетителя о тех или иных событиях или эпохах, к созданию особой атмосферы, способствующей переживанию

посетителями определенного эмоционально окрашенного опыта. Наряду с музеями, большое значение имеют памятные места, являющиеся объектами интереса и даже коммерческого освоения.

Значительная роль в формировании исторической памяти принадлежит искусству и литературе, кинематографу, причем, как в массовом, так и в элитарном варианте. И, наконец, в современных обществах, вся символическая сфера пронизана воздействием СМИ, которые также являются важнейшим фактором, воздействующим на историческую память. Именно СМИ сегодня делают доступными для массовой аудитории символические репрезентации прошлого, которые потом и составляют представление о ней обычного человека [11]. Литература и тем более научные публикации, несмотря на их значимость, уступают по охвату аудитории СМИ, кроме того, СМИ часто выступают посредниками между специализированным знанием и массовыми представлениями, в том числе и об истории. Появление Интернета радикальным образом изменило ситуацию с распространением информации, в том числе, исторического (или псевдоисторического) характера, что, в свою очередь, повлияло на механизмы формирования исторической памяти – прежде всего, беспрецедентно расширился круг участников этого процесса, и теперь он охватывает не только специалистов, но и всех, интересующихся историей – как в научном ее варианте, так и в лженаучном. Кроме того, Интернет предоставляет новые возможности для обсуждения тех или иных тем всеми, кто желает участвовать в таком обсуждении. В российском сегменте мировой сети существует множество сетевых сообществ [12], посвященных истории, их участники делятся не только информацией, но и постоянно обсуждают те или иные исторические вопросы. Сами эти дискуссии становятся механизмом формирования исторической памяти. Конечно, следует отметить и такой очевидный эффект Интернета как доступность огромного массива исторических материалов, которые индивид может использовать, руководствуясь собственными убеждениями и целями.

Итак, в формировании исторической памяти принимают участие политические деятели, ученые, интеллектуалы, журналисты и творческие деятели самого разного плана. Но в формировании исторической памяти участвуют и обычные граждане, заинтересованные в истории своей семьи, предков, истории края, «малой родины». На основе инициативы таких граждан могут возникать различные общественные организации и общественные инициативы, связанные с увековечиванием каких-то дат, мест, событий, памяти отдельных людей

В формировании исторической памяти участвуют и религиозные организации – от доминирующих традиционных конфессий до разнообразных «новых религий».

Интересно отметить, что новые религии особого толка – прежде всего, неязыческие, – пытаются

конструировать собственные варианты истории – и соответственно исторической памяти, возрождают или создают собственные памятные места, легенды, сказания, родословные. Их конструкции очень далеко отстоят от научного знания, тем не менее, такие попытки представляют собой интересный пример нынешнего многообразия подходов к видению прошлого и попытки изменить это прошлое – «изменить» в смысле создания собственного мифоисторического нарратива, иной версии исторической памяти.

Доминирующие религиозные организации также вносят вклад в формирование исторической памяти, многие исторические памятники, достопримечательности, знаковые исторические персонажи связаны с религией, история религиозных организаций тесно переплетена с историей общества. В условиях современной десекуляризации религиозные сообщества всё активнее заявляют о своем присутствии в публичном пространстве, и их отношение к истории общества тоже становится частью исторической памяти. Если обратиться к российскому опыту, то такие события, как расстрел царской семьи или разрушение Храма Христа-Спасителя уже стали элементами исторической памяти постсоветского российского общества, однако интерпретируются по-разному различными группами верующих, а также верующими и неверующими россиянами.

Многообразие участников процесса формирования и поддержания исторической памяти создает парадоксальную ситуацию, когда у общества нет единого представления о своей истории, что отличается от еще относительно недавнего прошлого, когда различные нации имели о нем более или менее общее представление, и профессиональные дискуссии историков не очень влияли на массовые установки.

Сегодня историческая память сопряжена с постоянными спорами и даже конфликтами, выходящими и на политический уровень. Именно поэтому уместно говорить о том, что историческая память связана с поддержанием национальной безопасности, понятой в широком смысле обеспечения благополучия нации, невозможного в ситуации острых идейных конфликтов. Однако в ситуации мировоззренческого плюрализма и отсутствия монополии на «производство памяти» достижение согласия по поводу исторического прошлого возможно лишь на пути общественной дискуссии, которая едва ли когда-нибудь найти окончательное завершение, что соответствует подвижной природе исторической памяти и историчности как базовой характеристике человеческого существования в мире.

В постсоветской России отношение к истории и определенным историческим событиям и персонажам едва ли не замещает собственно идеологические различия, которые с трудом прослеживаются в современной российской политической культуре, где сложно обнаружить левых, либералов и консерваторов в западном значении терминов, да и в западных обществах эти идеологии давно утратили четкость и определен-

ность, распавшись на множество течений и потеряв связь с какими-то определенными социальными группами.

Российское общество, точнее различные представители этого общества, идейно самоопределяется на основе отношения к прошлому, то есть на основе разных версий исторической памяти, разным отношении к событиям прошлого. Несмотря на многообразие взглядов на исторический путь страны и множество субъектов, вовлеченных в дискуссии по этому вопросу, основную роль в формировании видения истории, по крайней мере, в России, играет государство, которое заинтересовано и в обеспечении интеграции общества, и в поддержании собственной легитимности. Прошлое выступает в качестве важного ресурса не только для легитимации сложившейся системы в целом, но и для отдельных политических решений.

Обращаясь к прошлому для обоснования своих действий и решений, политики, так или иначе, занимаются его конструированием. При этом отбираются не все события, а лишь те, которые относительно хорошо известны населению, имеют особую эмоциональную значимость, причем как позитивную, так и негативную. В зависимости от целей политической деятельности можно апеллировать к событиям, являющимся «величием нации», а можно, – напротив, к тем, которые ассоциируются с поражением, чтобы стимулировать определенного рода массовый отклик.

Российская власть в постсоветский период также столкнулась с необходимостью выработки определенной исторической политики, потребность в этом определялась исчезновением СССР и ослаблением влияния того исторического нарратива, который был выстроен в советскую эпоху. С той же проблемой столкнулись все бывшие республики СССР. Необходимо было переосмыслить и по-новому структурировать имеющийся исторический опыт, причем это переосмысление нередко превращалось в радикальный пересмотр, события, представляемые ранее исключительно в позитивном ключе, меняли своё значение на противоположное. Тут хорошим примером может быть отношение к октябрьской революции 1917 года, бывшей важнейшей вехой исторической памяти в советские годы.

В 1990-е гг. историческая политика российской власти строилась, главным образом, на критике прошлого опыта, то есть имела негативный характер. Критиковался, в первую очередь, советский период истории, поскольку именно его недостатки привели к необходимости радикальных политических и экономических реформ. Важной темой была критика тоталитаризма, необходимость разрушения которого оправдывала травматичные реформы. Радикальным образом менялась государственная символика, при этом возникала проблема выработки новых символов и новых ключевых исторических событий.

Однако тотально критичное отношение к советскому прошлому на фоне реального ухудшения

качества жизни большинства россиян вызывало отторжение и среди интеллектуалов, настроенных оппозиционно по отношению к правящему режиму, стал формироваться апологетический дискурс, оправдывающий советский период даже в наиболее негативных его проявлениях. Отношение к Сталину и репрессиям 30-х гг. XX в. до сих пор разделяет российское общество.

Осознание того факта, что только лишь отрицание советского опыта, особенно в проблемной ситуации социально-экономического транзита привело к попыткам выстроить компромиссную модель, в которой большую роль играла Великая Отечественная война. В начале 1990-х гг. предпринимались попытки изменить сложившиеся практики празднования, но к середине 1990-х вернулись к привычному варианту, а Красное Знамя победы было специальным Указом президента закреплено в качестве элемента государственной символики. Были предприняты попытки смягчить отторжение революционных событий в 1996 г. 7 ноября было переименовано в День примирения и согласия. Тем не менее, общий настрой исторической политики эпохи Б.Н. Ельцина был отмечен критicismом по отношению к российскому прошлому, но отсутствием внятной и популярной новой символики, которые могли бы компенсировать утрату прежней модели прошлого, закрепившейся в исторической памяти с советских времен.

Эта проблема не решена до сих пор. В период, последовавший после прихода на пост Президента В.В. Путина, отмеченный большим вниманием к исторической политике, происходит заметный поворот к реабилитации советского прошлого, в какой-то степени это можно рассматривать, как результат неспособности выработать какие-то альтернативные символические модели репрезентации исторического опыта. С другой стороны, частичная реабилитация советского прошлого сопровождалась стремлением вернуть целостность российской истории, сделав ее центром развития российской государственности, потому советский период превращался в часть это «тысячелетней» (В. Путин) истории, как и нынешний этап развития российского общества. Таким образом, в исторической политике акцент был сделан на ценности государства. В этот период продолжает усиливаться значимость Великой Отечественной войны как события коллективной памяти и повод для национальной гордости. Опросы свидетельствуют, что для россиян 9-е Мая является одним из самых значимых праздников. Меняется праздничная символика, возрастает значение личного участия в праздничных мероприятиях, появляются новые практики выражения причастности к прошлому («Бессмертный полк»). Но при этом большинство «знаковых» событий советского периода: революция, коллективизация, индустриализация, национальная политика не имеют однозначной оценки, и общей модели исторической памяти в российском обществе до сих пор не существует. Зато можно констатировать несомненный рост интереса к истории – семейной, региональной, общенациональной и мировой, и это характерно

не только для России. Само распространение понятия исторической памяти говорит о фиксации исследователями нового ощущения истории –

Литература:

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
2. Kasyanov V.V. Subjects of a civil dialogue in the resolution of inter-ethnic conflicts in societies with ethno-cultural diversity. Dilemascontemporáneos: Educación, Políticay Valores / V.V. Kasyanov, T.M. Chapurko, M.S. Ibrahim, T.M. Klimenko, S.A. Merzakanov, S.I. Samygin. 2019. T. 6. № S6. P. 144.
3. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
4. Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005.
5. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.
6. Shakhbanova M.M. The Role of Trust in the Formation of Ethnic Tolerance and Social Health in the Modern Russian Society. Revistainclusiones / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, I.V. Gluzman, M.A. Polivina, M.A. Gnatyuk, R.O. Ramazanov. 2019. Vol. 6. № 2. P. 296–305.
7. Shchukina E.L. Culture as an element of «Soft power» in the conditions of geopolitical competition / E.L. Shchukina, E.V. Vorobyeva, A.V. Lubsky, V.V. Kasyanov, L.V. Solodovnik. Man in India. 2016. T. 96. № 10. С. 3817–3829.
8. Vladimir Gryshai. Social Health of youth in the context of migration processes in russia: assessment of the threat to national security / Vladimir Gryshai, Natalya Gafiatulina, Valery Kasyanov, Irina Velikodnaya, Sergei Kosinov, Nikolay Lyubetsky, Sergey Samygin. // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. 2018. № 2. P. 141–145. URL : <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/310>
9. Щербакoвa Л.И. Социальное здоровье российской молодежи в свете теории социокультурной травмы / Л.И. Щербакoвa, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 90–96.
10. Касьянов В.В. Виртуальное пространство как новый – «старый» социокультурный феномен : в сборнике: реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций Материалы I Международной научно-практической конференции. 2018. С. 6–12.
11. Касьянов В.В. Крым и Россия: единство и борьба противоположностей / В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин // Национальное здоровье. 2018. № 3. С. 147–152.

как чего-то экзистенциально необходимого современному человеку, испытывающему кризис индивидуальной и коллективной идентичности.

Literature:

1. Halbwax M. Social framework of memory. M., 2007.
2. Kasyanov V.V. Subjects of a civil dialogue in the resolution of inter-ethnic conflicts in societies with ethno-cultural diversity. Dilemascontemporáneos: Educación, Políticay Valores / V.V. Kasyanov, T.M. Chapurko, M.S. Ibrahim, T.M. Klimenko, S.A. Merzakanov, S.I. Samygin. 2019. T. 6. № S6. P. 144.
3. Ricoeur P. Memory, history, oblivion. M., 2004.
4. Nora P. World celebration of memory // Memory of the war 60 years later. Russia, Germany, Europe. M., 2005.
5. Lowenthal D. The past is a foreign country. St. Petersburg, 2004.
6. Shakhbanova M.M. The Role of Trust in the Formation of Ethnic Tolerance and Social Health in the Modern Russian Society. Revistainclusiones / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, N.Kh. Gafiatulina, I.V. Gluzman, M.A. Polivina, M.A. Gnatyuk, R.O. Ramazanov. 2019. Vol. 6. № 2. P. 296–305.
7. Shchukina E.L. Culture as an element of «Soft power» in the conditions of geopolitical competition / E.L. Shchukina, E.V. Vorobyeva, A.V. Lubsky, V.V. Kasyanov, L.V. Solodovnik. Man in India. 2016. T. 96. № 10. С. 3817–3829.
8. Vladimir Gryshai. Social Health of youth in the context of migration processes in russia: assessment of the threat to national security / Vladimir Gryshai, Natalya Gafiatulina, Valery Kasyanov, Irina Velikodnaya, Sergei Kosinov, Nikolay Lyubetsky, Sergey Samygin. // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. 2018. № 2. P. 141–145. URL : <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/310>
9. Shcherbakova L.I. Social health of russian youth in the light of the theory of socio-cultural injury / L.I. Shcherbakova, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 90–96.
10. Kasyanov V.V. Virtual space as New – «Old» Socio-cultural phenomenon : in the collection: advertising, marketing, PR: theoretical and applied aspects of integrated communications Materials of the I International Scientific and Practical Conference. 2018. P. 6–12.
11. Kasyanov V.V. Crimea and Russia: unity and the fight against oppositions / V.V. Kasyanov, V.V. Kovalev, S.I. Samygin // National Health. 2018. № 3. P. 147–152.

12. *Касьянов В.В.* Новые религиозные движения в западных странах: возникновение и рост в 60-х – 80-х годах XX века / В.В. Касьянов, Е.Э. Эгильский, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 40–45.

12. *Kasyanov V.V.* New religious movements in the western countries: origin and growth in the 60s – 80s of the XX century / V.V. Kasyanov, E.E. Egilsky, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 11. P. 40–45.

Кондрашкин Владимир Александрович
и.о. проректора по качеству
и развитию социального партнерства,
Орловский государственный аграрный
университет имени Н.В. Парахина
jezzi@mail.ru

РОТАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация. В данной статье рассмотрена ротация как элемент социальной мобильности государственных гражданских служащих. Сделан акцент именно на горизонтальной мобильности, так как ротация государственных гражданских служащих происходит в данной плоскости, автор обращается к теории «центра и периферии». Ротация как элемент социальной мобильности государственных гражданских служащих направлена на решение проблем развития в целом организации, системы, может способствовать эффективному использованию как личных, так и профессиональных качеств служащих.

Ключевые слова: ротация, социальная мобильность, государственный гражданский служащий, государственная гражданская служба.

В настоящее время существуют различные подходы к вопросу о социальной мобильности. Необходимость определения возможности совершенствования управления социальной мобильностью на уровне управления ротацией субъектов, в частности, государственных гражданских служащих, обуславливает актуальность изучения ротации государственных гражданских служащих в России.

Создателем феномена «мобильность», в последствии, и «социальная мобильность» стал Питирим Сорокин, обозначивший под «социальной мобильностью» «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [9]. В основу теории П. Сорокина легли труды К. Маркса, Т. Парсонса и М. Вебера, основные идеи которых поддерживали западные ученые. В нашей стране В.И. Ленин, введя понятие «класс» и дав ему определение, исследовал динамику социально-классовых перемещений. Глобальное изучение социальной мобильности проводилось советскими и российскими учеными, рассматривающими это явление одновременно с вопросами и спользования трудовых ресурсов в промышленности, а именно: Т.И. Заславской, Е.Г. Антосенкову, З.В. Куприяновой, В.П. Михайловской, Р.В. Рыбкиной,

Vladimir A. Kondrashkin
Acting Vice-Rector for Quality
Development of Social Partnership,
Orel State Agrarian University
name of N.V. Parakhin
jezzi@mail.ru

ROTATION AS AN ELEMENT OF SOCIAL MOBILITY CIVIL SERVANTS

Annotation. This article discusses rotation as an element of social mobility of public civil servants. The emphasis is precisely on horizontal mobility, since the rotation of state civil servants takes place in this plane, the author turns to the theory of «center and periphery». Rotation as an element of social mobility of state civil servants is aimed at solving the problems of the development of the organization as a whole, the system, can contribute to the effective use of both personal and professional qualities of employees.

Keywords: rotation, social mobility, state civil servant, state civil service.

Ф.Р. Филиппову, М.Н. Руткевичу, А.Г. Здравомыслову, Л.С. Бляхману, Н.А. Аитову, И.В. Удаловой, Е.Д. Гражданникову и др.

Так, Т. Парсонс определяет общественную мобильность как переход с одной функциональной группы в иную, он выделяет четыре уровня организации: первичный («технический»), «менеджеральный», «институциональный» и «социальный». Характерным свойством любого из уровней считается та общественная роль, которую он исполняет. По этой причине мобильность сопряжена не только лишь с переходом на новую социальную ступень, но и с изменением «социальной роли». Баланс и устойчивость стратификационной концепции считаются необходимой предпосылкой мобильности внутри системы. При этом в обществе функционирует «отбор на выживание», который означает, что любая возрастная группа разделяется на две, из которых одна группа старается продвинуться вверх, а другая удовлетворяется достигнутым. Вследствии большая часть остается на низших ступенях социальной лестницы, меньшинству удается перешагнуть на наиболее высокий уровень [6].

Разнообразие подходов к дефиниции «социальная мобильность» способствует выявлению некоторых ее характеристик, а именно:

– изменение уровня образования, повышение квалификации, перемещение по лестнице профессиональной иерархии и профессионального престижа, изменение уровня оплаты труда, перемена места работы, профессии и т.д.;

– при анализе социальной мобильности необходимо учитывать каналы, при помощи которых она осуществляется;

– при исследовании социальной мобильности на Юге России необходимо учитывать этнический фактор, включающий в себя социокультурные особенности региона;

– социальная мобильность в регионах Юга России обусловлена принятыми там нормами и традициями [5].

Так, возвращаясь к трудам П. Сорокина, отметим, что, по его мнению, существует два основных типа мобильности: горизонтальная и верти-

кальная. Под первой понимается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне. Данное «перемещение» может происходить без каких-либо заметных изменений социального положения индивида или социального объекта в вертикальном направлении. Под вертикальной мобильностью П. Сорокин понимал те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой. В зависимости от направления перемещения существует два типа вертикальной мобильности: восходящая или нисходящая, то есть социальный подъем или социальный спуск. В соответствии с природой стратификации есть нисходящие и восходящие течения экономической, политической и профессиональной мобильности, не говоря уж о других менее важных типах [9]. Типы социальной мобильности представлены на рисунке 1.

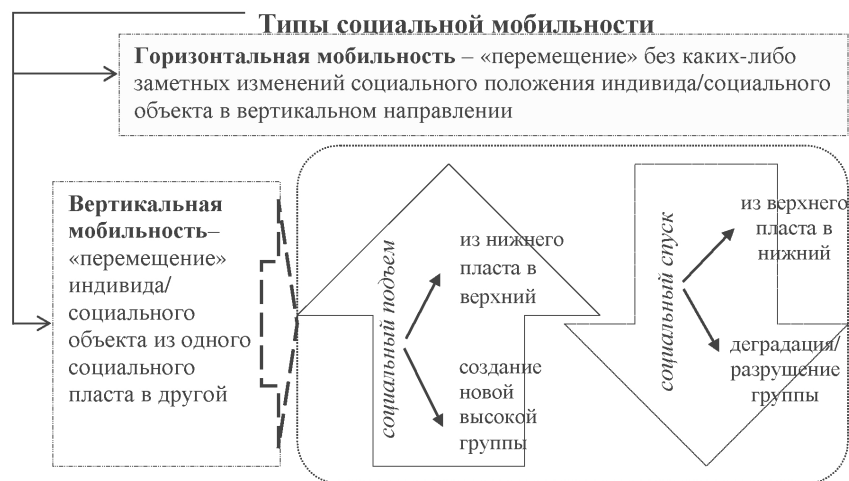

Рисунок 1 – Типы социальной мобильности (по П. Сорокину)

Как видно на рисунке 1, П. Сорокин не уделяет внимание и не классифицирует горизонтальную мобильность.

В рамках нашего исследования представляется возможным сделать акцент именно на горизонтальной мобильности, так как ротация государственных гражданских служащих происходит в данной плоскости. Здесь уместным, на наш взгляд, будет обратиться к теории «центра и периферии», которая обязана своим существованием необходимости описания отношений между различными по социально-экономическому статусу территориями, например, отдельными странами, территориальными единицами. «Центр-периферийная» концепция общества находит свое отражение в работе Э. Шилза (1975 г.) «Center and periphery: essays in sociology», в которой каждое общество, рассматриваемое под макросоциологическим углом зрения, может быть представлено как центр и периферия [12].

Отнесение какого-либо субъекта к категории «центр» или «периферия» не идет в связке с его локализацией, а скорее всего, зависит от информационного, денежного потока, демографии,

трудовой миграции и прочее. В научной среде термины «центр» и «периферия» применяются в различных исследованиях: социологии, экономике, политологии, геополитике, культурологии и т.д. Изучение моделей отношений «центр-периферия» достаточно актуально для совершенствования системы отбора и развития государственных служащих нашей страны с учетом запланированных целевых индикаторов и показателей.

Предлагается применить теорию Э. Шилза в классификации горизонтальной мобильности П. Сорокина относительно системы государственной службы, а именно ротации государственных гражданских служащих Российской Федерации.

В.Б. Слатинов отмечает, что в организации государственной службы в режиме постепенных изменений («развития») укрепляются инструменты кадровой ротации, совершенствуются профессиональные требования к служащим и антикоррупционные институты. В целом, институциональные изменения, реализованные в государственной гражданской службе в 2012–2017 годы, вписываются в пять ключевых трендов [8] (рис. 2).

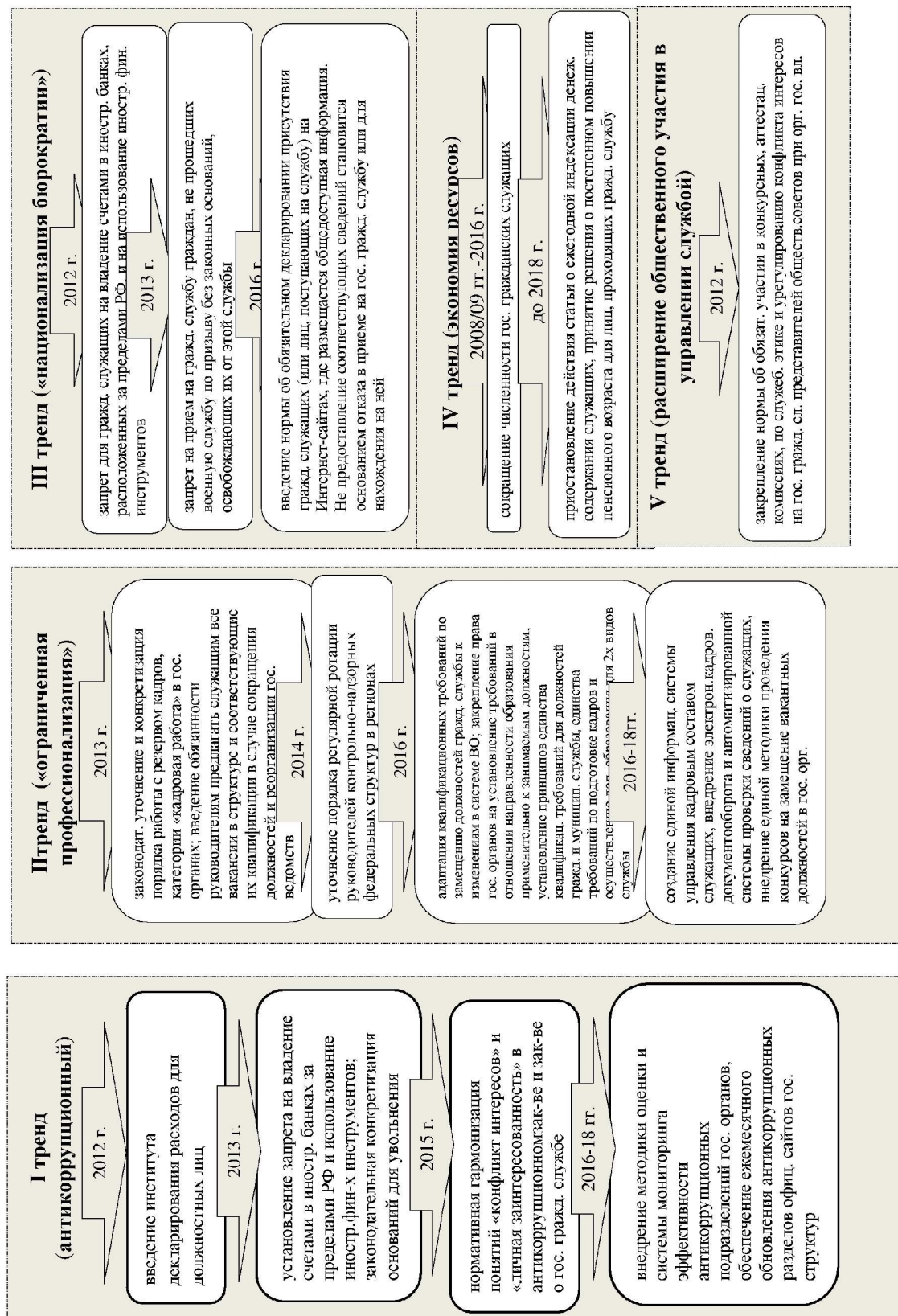

Рисунок 2 – Тренды институциональных изменений государственной гражданской службы в 2012–2017 годы

В целом, ротацию как элемент социальной мобильности государственных гражданских служащих можно рассматривать в структуре «центр-периферия» как восходящую мобильность на горизонтальном уровне, когда происходит перемещение в одной профессиональной плоскости, но со сменой социального положения за счет смены периферийного положения на центральный участок, и наоборот, нисходящую мобильность. Многие социологи считают, что применение ротации благотворно влияет на развитие государственной службы в целом, зачастую отмечая это как элемент борьбы с коррупцией, и является в целом положительным фактором. Также, существует мнение о том, что ротация побуждает госслужащего к расширению своего мировоззрения, развитию более широкого взгляда на окружающую действительность. Тем более, что многие страны используют процедуру ротации кадров государственной службы не только в целях борьбы с коррупцией, но и как действенный механизм формирования квалифицированного кадрового состава государственных органов, влияющий на эффективность государственной службы.

Так, например, в Ирландии широко используется горизонтальная и вертикальная ротация государственных служащих на протяжении всей службы: практикуются переводы из министерств в подведомственные службы (агентства) и другие муниципальные органы, что, безусловно, повышает профессиональный уровень государственного служащего и способствует формированию новых навыков и знаний [10].

Ротация государственных служащих как способ борьбы с коррупцией признана на международном уровне. Так, Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. предусматривает, что каждое государство-участник должно стремиться создавать такие системы приема на работу, набора, прохождения службы, продвижения по службе и выхода в отставку государственных служащих и других, не избираемых публичных должностных лиц, которые основываются на принципах эффективности и прозрачности, на таких объективных критериях, как безупречность работы, справедливость и способности, включая надлежащие процедуры отбора и подготовки кадров для занятия публичных должностей, считающихся особо уязвимыми с точки зрения кор-

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». URL : <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=78548689009319681538126414&cacheid=35CB56224FF3375C761140C7ECD083CC&mode=splus&base=RZR&n=323891&dst=82&rnd=C75D8593762FB1C8D285847E08780D93#f0h22p0hx> (дата обращения 12.07.2019).

2. Приказ Минтруда России от 29.03.2019 № 195н «Об утверждении формы плана проведения ротации федеральных государственных

рупции, иротации внадлежащих случаях таких кадров на таких должностях [3].

Существует позиция, в соответствии с которой «перемещение» служащих по горизонтали – необходимая мера в виду того, что пребывание в одной должности достаточно длительное время вызывает «профессиональное выгорание», а смена трудовой локации позволяет сравнить ситуации, пройти адаптацию в ускоренном темпе, снизить коррупционную составляющую на службе.

Однако, несмотря на это, ротация может иметь и ряд отрицательных моментов, которые следует учитывать при ее проведении, например, это снижение уровня профессионализма государственных гражданских служащих, о чем и говорит профессор В.Б. Слатинов, относя ротацию ко второму тренду институциональных изменений государственной гражданской службы «ограниченная профессионализация» (табл. 1). Так, законодательно установленный срок замещения должности гражданской службы в порядке ротации (3–5 лет) «сомнительно» влияет на повышение эффективности гражданской службы, а также противоречит одному из основополагающих принципов гражданской службы – принципу профессионализма и компетентности гражданских служащих.

По мнению Д.В. Степанкова, с целью повышения эффективности ротации её нужно совмещать с прохождением стажировки и наставничеством, благодаря чему возрастает эффективность деятельности комплексного применения кадровых технологий государственной гражданской службы; организовывать своевременную методическую и информационную поддержку процессов ротации с учётом данных мониторинга и анализа результатов ротации кадров государственной гражданской службы [11].

Таким образом, ротация как элемент социальной мобильности государственных гражданских служащих направлена на решение проблем развития в целом организации, системы, может способствовать эффективному использованию как личных, так и профессиональных качеств служащих. И, в тоже время, может стать формой нисходящей и восходящей проекцией на горизонтальном уровне, учитывая сложность социальных отношений в целом.

Literature:

1. Federal Law of July 27, 2004 № 79-FZ (as amended on May 1, 2019) «On the State Civil Service of the Russian Federation». URL : <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=78548689009319681538126414&cacheid=35CB56224FF3375C761140C7ECD083CC&mode=splus&base=RZR&n=323891&dst=82&rnd=C75D8593762FB1C8D285847E08780D93#f0h22p0hx> (date of appeal 12.07.2019).

2. Order of the Ministry of Labor of Russia dated March 29, 2019 № 195н «On approval of the form of the plan for the rotation of federal state civil

гражданских служащих и порядка его утверждения» (Зарегистрировано в Минюсте России 27.06.2019 № 55066). URL : <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=78548689009319681538126414&cacheid=35CB56224FF3375C761140C7ECD083CC&mode=splus&base=RZR&n=327737&rnd=C75D8593762FB1C8D285847E08780D93#ksoiwbv1> (дата обращения 12.07.2019).

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121140&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7563085202418259#07953205506824997> (дата обращения 07.07.2019).

4. Методические рекомендации по организации ротации федеральных государственных гражданских служащих (версия – 4.0) (утв. Минтрудом России). URL : <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=BDE95478CB3923E5E0D6C0DBA10244FB&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32913-1&ts=2426615651817791059&base=RZR&n=135462&rnd=C75D8593762FB1C8D285847E08780D93#1uavk4jif3> (дата обращения 12.07.2019).

5. *Асланова С.А.* Проблемы социальной мобильности / С.А. Асланова, Р.Т. Горгиев // Экономика и предпринимательство. 2018. № 7(96). С. 209–212.

6. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс; Сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая // Социология : хрестоматия. М., 2003. С. 109.

7. *Семенова В.В.* Социобиографический подход к изучению социальной мобильности: научный замысел и его реализация / В.В. Семенова, Е.В. Полухина, Е.Ю. Рождественская, А.В. Стрельникова // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 143–164.

8. *Слатинов В.Б.* От «реформирования» к «развитию»: трансформация приоритетов политического управления российской государственной службой в условиях режимных изменений / В.Б. Слатинов // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы 15 междунар. конф. (Москва, 25 мая 2017 г.). М. : Издательство «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 667–671.

9. *Сорокин П.А.* Социальная стратификация и мобильность. М. : Директ-Медиа, 2007. 346 с. ISBN 978-5-94865-910-7. URL : <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26570> (дата обращения 12.07.2019).

10. *Сороко А.* Управление персоналом на государственной службе Ирландии // Государственная служба. 2011. № 4. С. 54–58.

11. *Степанков Д.В.* Управление ротацией кадров государственной гражданской службы Россий-

servants and the procedure for its approval» (Registered in the Ministry of Justice of Russia on June 27, 2019 № 55066). URL : <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=78548689009319681538126414&cacheid=35CB56224FF3375C761140C7ECD083CC&mode=splus&base=RZR&n=327737&rnd=C75D8593762FB1C8D285847E08780D93#ksoiwbv1> (date of appeal 12.07.2019).

3. United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on October 31, 2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly). URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=121140&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7563085202418259#07953205506824997> (date of appeal 07.07.2019).

4. Guidelines for the organization of the rotation of federal state civil servants (version – 4.0) (approved by the Ministry of Labor of Russia). URL : <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=BDE95478CB3923E5E0D6C0DBA10244FB&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32913-1&ts=2426615651817791059&base=RZR&n=135462&rnd=C75D8593762FB1C8D285847E08780D93#1uavk4jif3> (date of appeal 12.07.2019).

5. *Aslanova S.A.* Problems of social mobility / S.A. Aslanova, R.T. Gorgiev // Economics and Entrepreneurship. 2018. № 7(96). P. 209–212.

6. *Parsons T.* The concept of society: components and their relationships / T. Parsons; Comp. Yu.G. Volkov, I.V. Bridge. // Sociology : anthology M., 2003. P. 109.

7. *Semenova V.V.* Sociobiographical approach to the study of social mobility: a scientific concept and its implementation / V.V. Semenova, E.V. Polukhina, E.Yu. Rozhdestvenskaya, A.V. Strelnikova // Sociological journal. 2016. Т. 22. № 3. P. 143–164.

8. *Slatinov V.B.* From «reform» to «development»: transformation of the priorities of political management of the Russian public service in the context of regime changes // Public Administration of the Russian Federation: Challenges and Prospects: Proceedings of the 15 Intern. conf. (Moscow, May 25, 2017). М. : Publishing House «KDU», «University Book», 2018. P. 667–671.

9. *Sorokin P.A.* Social stratification and mobility / P.A. Sorokin. М. : Direct Media, 2007. 346 p. ISBN 978-5-94865-910-7; The same. URL : <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=26570>.

10. *Soroko A.* Personnel management in the public service of Ireland // Public service. 2011. № 4. P. 54–58.

11. *Stepankov D.V.* Management of personnel rotation of the state civil service of the Russian

ской Федерации : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Орёл, 2015. С. 13–14.

12. *Шилз Э.* Общество и общества: макросоциологический подход. URL : <http://www.socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=1105> (дата обращения 09.07.2019).

13. *Ястребов Г.А.* Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Ч. 1 // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 1. С. 7–34.

14. *Boudon R.* L'inégalité des chances. La mobilité sociale dans les sociétés industrielles, Nouv. éd. rev. et augm. Paris : Hachette, 1985.

Federation : author. dis. ... cand. social sciences. Eagle, 2015. P. 13–14.

12. *Shills E.* Society and Societies: macro-sociological approach. URL : <http://www.socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=1105>.

13. *Yastrebov G.A.* Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: New Quantitative Estimates Based on Representative Surveys of 1994, 2002, 2006, and 2013 Part 1 // World of Russia. Sociology. Ethnology. 2016. T. 25. № 1. P. 7–34.

14. *Boudon R.* L'inégalité des chances. La mobilité sociale dans les sociétés industrielles, Nouv. éd. rev. et augm. Paris : Hachette, 1985.

Коркия Эка Демуриевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
коммуникативных систем
социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
ekakorkiya@mail.ru

Eca D. Corcia

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology of Communication Systems
of the Sociological Faculty,
Moscow State University
name of M.V. Lomonosov
ekakorkiya@mail.ru

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СОВРЕМЕННЫХ РЕКЛАМНЫХ ПРАКТИКАХ

THE ROLE OF SOCIO-CULTURAL STEREOTYPES IN MODERN ADVERTISING PRACTICES

Аннотация. В представленной статье подчеркивается, что в современных условиях реклама представляет собой не только экономический институт, но и выполняет ряд определенных социальных функций. Так одной из важнейших, является функция социализации. В современных условиях, когда человек потребляет медиа продукцию с самых ранних лет, реклама, наравне с другими институтами массовой коммуникации, а также другими агентами социализации, такими как школа, семья, группа сверстников, оказывает социализирующее воздействие. Автор подчеркивает тезис о том, что сегодня практика рекламной деятельности показывает, что реклама способна оказывать воздействие на формирование не только потребностей, но и на воспитание, транслируя социальные стереотипы.

Ключевые слова: стереотипизация, рекламная деятельность, медиапродукция, информационные войны, аудитория, социокультурные элементы, мейнстрим.

Annotation. This article emphasizes that in modern conditions, advertising is not only an economic institution, but also performs a number of specific social functions. So one of the most important is the function of socialization. In modern conditions, when a person consumes media products from the earliest years, advertising, along with other institutions of mass communication, as well as other agents of socialization, such as school, family, peer group, has a socializing effect. The author emphasizes the thesis that today the practice of advertising activity shows that advertising can have an impact on the formation of not only needs, but also on education, broadcasting social stereotypes.

Keywords: stereotyping, advertising, media production, information wars, audience, socio-cultural elements, mainstream.

Жизнь современного человека немислима без рекламного фона, который становится все более очевидным и более активным. Реклама, проникающая во все сферы общества, в настоящее время активно воздействует на его социальные институты и оказывает воздействие на социальное поведение живущих в нем людей. Современная реклама стала своего рода романом, своеобразным литературным жанром, только более кратким и существующим в форме не слов, а зрительских образов. Рекламу даже начали называть новым видом искусства, обсуждая ее этические качества, оригинальные режиссерские ходы, яркость красок и остроумие высказываний. В современном «обществе потребления» каждый из нас ежедневно сталкивается с рекламой, при этом ее объемы не перестают расти, что приводит к ещё большему ее проникновению во все сферы жизнедеятельности. Мы сталкиваемся с ней повсюду: на улице, в метро, в кинотеатрах, в Интернете и т.д., при этом процесс поиска новых рекламных носителей и площадей не

прекращается, что естественно приведет лишь к усилению данной тенденции. Можно сказать, что реклама занимает определенное место в нашей жизни, так как она незаметно для нас сопутствует всей нашей повседневной жизнедеятельности.

Набравшая за последние два десятилетия на российском пространстве очень стремительные темпы развития и став неотъемлемой частью нашей повседневности, реклама может быть представлена как «информирование (информация) о чем-либо, ком-либо, осуществляемая (распространяемая) в любой форме, с помощью любых средств и призванная формировать и поддерживать интерес к своему предмету».

Увеличение количества исследователей, рассматривающих данное явление в качестве объекта своего изучения, вызвано во многом отношением населения к рекламе, а так же теми мифологизируемыми свойствами, которые обычно

ей приписываются. В общественном сознании сложился четкий образ рекламы как сугубо негативного явления и как источника информации, манипулирующего потребительским поведением, вследствие чего доверие к ней отсутствует. Так, по данным Ромир Мониторинга, 68 % опрошенных не доверяют рекламе, но, несмотря на это, нельзя утверждать, что реклама не имеет воздействия на аудиторию.

Представляется возможным анализировать общество на основе той рекламы, которой оно обладает. «Ничто не отражает страну и эпоху лучше, чем реклама. Она – часть коллективного бессознательного данной страны». При создании рекламного сообщения постоянно прибегают к данному факту, используя в нем архетипы и ценности, характерные для конкретной аудитории [6]. В связи с этим, реклама одного и того же товара в разных странах отличается по своему тематическому содержанию и креативному решению, так как она нуждается в адаптации, иначе ей может грозить неуспех, вплоть до полного провала.

На сегодняшний день реклама сложилась как самостоятельный социальный институт, который в процессе своего функционирования использует в рекламных сообщениях определенные социокультурные элементы, в том числе и стереотипы.

Социолог Р. Бинкли называет стереотип «величайшим всеобщим знаменателем». По его мнению, наличие стереотипов позволяет человеку, не имеющему представления в какой либо сфере, быстро сориентироваться.

В любом обществе складываются определенные стереотипы относительно поведения, представителей тех или иных групп, как в пределах своего социокультурного пространства, так и за его пределами [3].

Социокультурные стереотипы обладают некоторыми качествами, которые рассмотрим подробнее далее.

Во-первых, это присущий стереотипам яркий экспрессивный оценочный компонент. Эмоциональное восприятие неотъемлемая часть их существования как социального феномена. В стереотипах всегда подразумевается контрастное противопоставление, негласное сравнение с другим социальным объектом, даже если оно не выражено в вербальной форме. Таким образом, содержание стереотипа всегда носит оценочный характер с точки зрения носителя данного стереотипа, выстраивая бинарную картину мира, где всегда присутствует некое качество, характеризующее его объект. Например, в стереотипном представлении о немцах, говоря об их практичности и расчетливости, данные качества подразумеваются, как социально не одобряемые, так как в контексте русской культуры превыше всего ценилось духовное богатство, а не блага материального мира [5]. Именно используемая поляризация качеств, приписываемых объекту стереотипизации, выстраивает иерархию ценно-

стей данного социальной группы или общества в целом, ориентируя в формировании отношения к объекту. Особенно важную роль играют этнокультурные стереотипы часто с яркой негативной окраской в отношении представителей других социальных групп, способные привести к конфликтам и разжечь межнациональную рознь.

Другим важным свойством стереотипов является их устойчивость. Именно поэтому, несмотря на декларируемое и общепризнанное равенство всех людей, существуют до сих пор проявления расовой дискриминации или по национальному признаку, в основе которой лежат соответствующие этнические стереотипы и предубеждения. Доказательством тому служит хотя бы тот факт, что при выносе смертельного или пожизненного приговора в суде в Америке существенную роль играет расовая принадлежность обвиняемого.

Стереотипы обладают завидной устойчивостью во времени, но отнюдь не вечные: так одни стереотипы появляются, другие исчезают в зависимости от социально-экономических условий окружающей действительности.

Стереотипы крайне сложно изменить, так как они являются продуктами подсознания, и процесс их трансформации протекает крайне медленно. Можно вспомнить о существовании такого явления, что если по отношению к стереотипизированным объектам мы испытываем симпатию, несмотря на отсутствие у них тех характерных черт, которые используются в самом стереотипе, даже, несмотря на расхождение содержания стереотипа и действительности, стереотипная установка не меняется. Они не основываются не на личном опыте индивида, а укорены в коллективном опыте, усваиваемом в процессе социализации. Одним из ярких примеров транслирования социокультурных стереотипов являются различные элементы культуры, отраженных в общественном сознании, – в виде анекдотов, пословиц, поговорок, сказок и других продуктов народного творчества.

На сегодняшний день очень важную роль в этом процессе играют институты массовой коммуникации. Человек с рождения является невольно погруженным в медиапространство, внутри которого функционирует огромное количество различных образов, ценностей, смыслов, таким образом, представление о мире и его восприятие во многом опосредуются медиа институтами, в том числе теми образами, ценностями, а также стереотипами, транслируемых посредством данных структур.

Рассматривая рекламные практики как вид социальных практик, повседневные практики помогают «организовать согласованные действия больших групп людей», организовывая и упорядочивая нашу социальную реальность, тем самым, укрепляя существование основ общества. Таким образом, нельзя не учитывать тот, факт, что реклама выполняет и различные социальные функции в обществе.

Важной особенностью является то, что социальные практики воздействуют на систему общественных отношений, в процессе собственных изменений, поэтому нельзя рассматривать рекламу как исключительно экономический институт вне социокультурного контекста. Например, немецкий социолог Никлас Луман считает, что «в общем и целом реклама – это мир ненужного, несущественного, мир чистой коннотации. Она никак не участвует в производстве и непосредственном применении вещей, и, однако, она входит неотъемлемой частью в их систему – не только потому, что в ней идет речь о потреблении, но и потому, что она сама становится предметом потребления».

Под социокультурными стереотипами рассматриваются упрощенные представления о каком-либо феномене мира или представителях различных социальных групп, не вытекающие из личного опыта носителя представления, и, как правило, являющиеся ошибочными.

Масс медиа, а в частности кино и телевидение, являются выразителем самых общих и распространенных стереотипов, тем самым привлекает наш взгляд для анализа транслируемых социокультурных стереотипов.

Учитывая тот факт, что стереотипы являются неотъемлемым элементом обыденного сознания, можно с уверенностью заявить, что человек не способен творчески реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации. Пытаясь облегчить ориентирование в социокультурном пространстве, они аккумулируют некий стандартизованный коллективный опыт, несмотря на это, они не лишены и оценочного элемента.

На сегодняшний день социокультурные стереотипы, транслируемые медиа институтами, в том числе и рекламой, не всегда соответствуют окружающей социальной действительности, таким образом, можно утверждать о существовании нереалистичных стереотипов в рамках как всего медиапространства, так и в рекламных сообщениях непосредственно.

Проблема в том, что «картины в головах людей не являются механическим отображением окружающего их мира», т.е. существует определенного рода искажение, для того чтобы лучше понять данное явление, необходимо изучить природу самого понятия социальный «стереотип», а также условия, оказывающие воздействие на процесс его формирования.

Реклама в том виде, в котором мы привыкли ее видеть, существует относительно не столь значительное время, вместе с тем, с появлением каждого нового института медиа, она уверенно осваивала новое поле для своей деятельности в его структуре. Изначально это были газеты, затем радио, а вместе с началом трансляции телевидения, она открыла совершенно новую эпоху в рекламном бизнесе.

Рекламу предстает перед нами не только как массивный поток информации о товаре или

деятельность, сопутствующую производству товаров, но и как определенный институт рыночного общества, в котором закрепляются новые формы социального поведения и типы производственной деятельности, понимаемой в самом широком плане: от производства товаров до производства социальных событий.

В этом качестве реклама начинает выступать мощным механизмом производства и воспроизводства социальных норм и ценностей, а также стереотипов, установок, представлений.

«Средства массовой информации предоставляют набор типичных объяснений проблем, которые определяются в качестве типичных самим СМИ. Что бы ни представляли другие институты в качестве ориентиров и ценностей, СМИ сами отбирают и упаковывают эти продукты и решают, в какой форме их следует распространять».

Таким образом, люди, по мнению Т. Томпсона, получают «готовый способ упаковки потребления духовной пищи». Спектакль, который разыгрывается средствами массовой информации, тонко подводит индивида к пассивному восприятию скрытой системы идеологического господства [4]. Проблемы часто рассматриваются схематично и неисторично, делая все тот же упор на стереотипы.

Несомненным положительным качеством рекламы является то, что благодаря ей существует возможность выбора среди тысячи подобных товаров. И она учит современного российского потребителя культуре выбора в данной ситуации, тем более учитывая тот факт, что за время существования Советского Союза вопроса выбора не было. Возможно, это одна из причин негативного отношения в обществе к рекламе – ее слишком массивное и агрессивное появление во всех институтах медиа, избыточной западными образами и ценностями, в условиях собственного системного кризиса воспринималась особенно остро.

Принимая во внимание то, что большая часть россиян привыкла к телевидению как к бесплатному ресурсу и не готова платить за него ежемесячную плату, реклама остается основным его источником дохода и существования, тем самым, продолжая распространению и укреплению в общественном сознании стереотипной картины мира, представляемой в рекламе.

Стереотипизация как когнитивный процесс не заключает в себе ничего заведомо негативного, однако, она основана на категоризации, являющейся фундаментом для предрассудков. А уже последние несут опасность для общества, так как связаны с такими понятиями, как расовая нетерпимость, ксенофобия, различные виды дискриминаций.

Стереотипы, усваиваемые в процессе социализации, в том числе и с экранов телевизоров, выступают определенными ориентирами в восприятии реальности. Учитывая тот факт, что они не

всегда являются истинными в отражении характеристик своих объектов, то у человека может сложиться заведомо ложные представления о группах людей, социальных явлениях.

Реклама, используя социокультурные стереотипы в своих сообщениях, является их транслятором, в результате чего, оказываемые на индивида воздействия, искажаются его представление о реальности и отдельных социальных группах. Особенно подвержены данному явлению категория лиц, активно потребляющих медиапродукцию и придающих высокую значимость реальности, создаваемой институтами массмедиа [7]. Ещё одной группой, незащищенной от воздействия медиа эффектов, являются дети, которые в процессе социализации усваивают стереотипные представления о различных социальных группах, а также о системе тех социальных ролей, играемых членами общества.

Современный человек абсолютно точно знает, что носить, куда ходить и на чем ездить должен каждый из представителей социальных групп, и все это благодаря рекламе. Так основываясь на стереотипах, пожилой паре положено заниматься воспитанием внуков, ведя однообразный образ жизни, красивым девушкам запрещается плохо выглядеть, а уж тем более стареть, а парни должны быть всегда «на высоте» [2].

Таким образом, стереотипы опосредуют восприятие мира, приводя к некоторой унификации взглядов, появлению мейнстрима в социальных представлениях [8]. Тем самым происходит интеграция общества на основе единства стереоти-

пов, искажающих представление об основах реальности, состоящей из событий и социальных групп.

Посредством рекламы можно проследить существующую иерархию в обществе, как самих социальных групп, так и стереотипов и ценностных установок, характерных для каждой категории. Группа, пытаясь закрепить за собой определенное место в общественной структуре, сама формирует и транслирует как автостереотип, так и гетеростереотипы.

К современному человеку предъявляются очень высокие требования, достичь которые может лишь небольшая часть общества, таким образом, у человека может сложиться комплекс неполноценности, неудовлетворенности собственной жизнью, что является, с точки зрения теории Роберта Мертона, основой или причиной девиантного поведения. Возникший диссонанс между идеалами, ценностями, нормами, принимающими статус социально- одобряемых и пропагандируемых институтами медиа, в том числе, и рекламой, и реальными возможностями индивида по их достижению, что приводит к различного рода аномиям [1].

Преимущество стереотипов в повседневной практике не оспоримо, с учетом того, что они избавляют от необходимости реагировать на сложный и не всегда однозначный социальный мир в процессе его восприятия, однако, не стоит забывать, что стереотипы являются низшей формой представлений о социальной реальности.

Литература:

1. *La Ferrara E.* Soap operas and fertility: evidence from Brazil BID Working Paper / La Ferrara E. et al. Oct. 2011.
2. *Paluck E.* Reducing intergroup prejudice and conflict using the media: A field experiment in Rwanda. *Journal of Personality and Social Psychology.* Mar. 2014.
3. *Барт Р.* Рекламное сообщение // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во Сабашниковых, 2010.
4. *Дрю Ж-М.* Ломая стереотипы: реклама, разрушающая общепринятое. СПб. : Питер, 2017.
5. Медиакультура новой России. Материалы Международной научной конференции / Под ред. Н.Б. Кирилловой и др. Екатеринбург-М. : Академический проект, 2007. Том II.
6. *Ослон А.* Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги «Общественное мнение» // Социальная реальность. 2016. № 4.
7. *Рябова Т.Б.* Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. V. Вып. 1–2 (15–16).

Literature:

1. *La Ferrara E.* Soap operas and fertility: evidence from Brazil. BID Working Paper / La Ferrara E. et al. Oct. 2011
2. *Paluck E.* Reducing intergroup and conflict using the Rwanda field experiment. *Journal of Personality and Social Psychology.* Mar. 2014
3. *Bart R.* Advertising message // Bart R. Fashion system. Articles on the semiotics of culture. M. : Publishing house of Sabashnikovs, 2010.
4. *Drew J.M.* Breaking stereotypes: advertising, destroying the generally accepted. SPb. : Peter, 2017.
5. Media culture of new Russia. Materials of the International Scientific Conference / ed. NbKirillova et al., Ekaterinburg-M. : Academic Project, 2007. Vol. II.
6. *Oslon A.* Walter Lippman on stereotypes: extracts from the book «Public opinion» // Social reality. 2016. № 4.
7. *Ryabova T.B.* Stereotypes and stereotyping as a problem of gender studies // Personality. Culture Society. 2016. Iss. 1–2(15–16),

8. *Чигидин А.В.* Социальная реклама как антропологическая практика конституирования бытия-с-другими / А.В. Чигидин; Под ред. В.В. Парцваня // Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Вып. 3. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2015.

8. *Chigidin A.V.* Social advertising as an anthropological practice of constituting being with others / A.V. Chigidin; ed. V.V. Partzvania // The man of the post-Soviet space: Collection of conference materials. Iss. 3. SPb. : St. Petersburg Philosophical Society, 2015.

Кудинова Ольга Дмитриевна
студентка,
Тулский государственный университет
ole4ka2la@mail.ru

РОЛЬ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния телевидения на процесс социализации личности. Проведен анализ телевидения как основного из основных агентов социализации современного времени. В статье отмечается, что телевидение оказывает значительное влияние на человека, особенно на того, чьи взгляды и ценности еще не сформированы. В настоящее время телевидение перестает выполнять свои первичные функции, оно направлено на манипулятивное воздействие и коммерческую деятельность.

Ключевые слова: телевидение, институт социализации, ценностные ориентации, личность, агент социализации, воздействие, технический прогресс, медиакультура.

Социализация – совокупность всех социальных процессов, благодаря которым индивид усваивает и воспроизводит определенную систему знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Социализация является процессом, играющим значительную роль в жизнедеятельности, как общества, так и личности, обеспечивающий самовоспроизводство общественной жизни.

Проблема становления личности не перестает быть актуальной с тех пор как существует человечество. Особо остро она начала рассматриваться в век технического и информационного прогресса. В настоящий момент в нашей культуре происходят изменения, которые являются результатом противоречивых и сложных процессов исторического развития. Стремительный технический прогресс и произошедшие под его воздействием социально-экономические изменения XIX–XX века сделали иным общество, искусство и культуру последних десятилетий.

Сегодня радио, телевидение и Интернет оказывают значительное влияние на формирование ценностных ориентаций личности. Стоит отметить, что в последнее время Интернет набирает большую популярность среди людей, однако телевидение все еще не теряет своей актуальности и является главным источником информации, так считают 52 % населения [1].

Olga D. Kudinova
Student,
Tula State University
ole4ka2la@mail.ru

THE ROLE OF TELEVISION IN BECOMING AN INDIVIDUAL

Annotation. The article is devoted to the problem of the influence of television on the process of personality socialization. The analysis of television as the main of the main agents of socialization of modern time. The article notes that television has a significant impact on a person, especially one whose views and values are not yet formed. At present, television is no longer performing its primary functions, it is aimed at manipulative influence and commercial activity.

Keywords: television, the institute of socialization, value orientations, personality, agent of socialization, impact, technological progress, media culture.

Современный человек находится под ежедневным влиянием огромной массы информации. Она способна определять алгоритм изменения, как самого человека, так и всего общества. Телевидение, в свою очередь, оказывает существенное влияние на усвоение социальных норм и ценностей людьми всех возрастов.

Следует понимать, что телевидение является ключевым инструментом в системе управления информационным пространством страны, которое способно сформировать культуру просвещённости граждан, а также выступать регулятором состояния информационной безопасности граждан.

Выше упоминалось о том, что телевидение является одним из самых распространенных медиа современного общества. Это может быть связано с тем, что оно охватывает значительную часть аудитории и использует аудиовизуальные коммуникативные инструменты. Также, в последнее время особую популярность обрело кабельно-спутниковое ТВ, что позволяет удерживать лидирующие позиции [2].

Средства массовой информации призваны для того, чтобы принимать участие в формировании культурного пространства, а также повышении культурного уровня. В настоящее время телевидение – необходимое техническое средство информации, главными функциями которого являются: информирование, воспитание, образова-

ние, развлечение, просвещение. Они должны реализовываться в телепрограммах, которые систематически влияют на формирование культурного самосознания зрителя. Однако новые тенденции, происходящие в телепередачах, размывают культурные и нравственные границы.

Телевидение является авторитетным агентом социализации, помогает без труда войти в ценностную и интеллектуальную среду, свойственную сегодняшней эпохе. Кроме того, телевидение дает большому числу людей различного возраста и пола представление о поведении, ценностях, желаниях, о том, что правильно, а что нет. В процессе своего развития телевидение создает особый тип домашней культуры, т.е. такое поведение людей, при котором человеку достаточно информации, представленной на экране телевизоров, для того, чтобы быть компетентным участником мировых событий и знатоком в разнообразных сферах жизни.

Известно, что телевидение воздействует на человека сразу по нескольким каналам – зрительному и слуховому. Особенно хорошо запоминается та информация, которая поступает через зрительный канал в сочетании со звучащим словом, поэтому телевидение является мощным средством психологического воздействия на личность [3]. Телевизионная информация способна влиять на формирование ценностных ориентаций и установок индивида. Особенно уязвимыми в этом плане являются дети и подростки, чьи взгляды еще не сформированы. Неразборчивость в выборе программ для просмотра порождает нестабильность ценностной системы, что вызывает ее дисбаланс.

Так как телевидение является доступным и привычным, оно делает жизнь людей достаточно опасной, превращает их в пассивных зрителей и потребителей информации, не всегда качественной. Телевидение способно формировать политические взгляды, эстетические вкусы, нормальные нормы и многое другое. Человек не всегда способен критически оценить увиденное, вследствие чего становится неспособен формировать собственные позиции и суждения. Стоит обратить внимание на то, что иногда человеку бывает сложно переходить грань реального и виртуального, вследствие этого граница между

Литература:

1. *Акимова И.А.* Телевидение как средство массовой коммуникации: основные черты и специфика их проявления // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/televidenie-kak-sredstvo-massovoy-kommunikatsii-osnovnye-cherty-i-spetsifika-ih-proyavleniya> (дата обращения 12.09.2019).
2. *Попова Т.В.* Телевидение и его роль в современном обществе: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. URL :

реальностью и телевизионным миром стирается, после чего зрительно становится сложно отличить жизнь от вымышленных событий.

В настоящее время телевидение является механизмом, благодаря которому человек находит необходимый психологический баланс. Это и возможность выйти за пределы обыденной жизни, и выплеск негативных эмоций. Однако телевидение носит и противоположный характер – деструктивный. Можно отметить, что функции информирования, передачи культурного наследия, обозрения мира начинают отходить на задний план. Телевидение перестает соответствовать моральным нормам, ценностям, устоям общества.

Телевизионные передачи стали оказывать десоциализирующие и антивоспитательное воздействие благодаря чрезмерному количеству содержания насилия и агрессии [4]. Регулярный просмотр таких сцен способен формировать агрессивное поведение. Особенно сильное воздействие оказывается на детей, вследствие чего притупляются эмоциональные чувства, развивается жестокость. Попадая в социум, ребенок начинает воспринимать тот способ агрессии, которую он наблюдал на экране, после чего начинает подражать увиденному.

Обобщая вышесказанное, отметим, что телевидение оказывает огромное влияние на развитие личности. В основном наблюдаются негативные тенденции: инициирование агрессивного поведения, показ неправильных примеров и т.д. Телевидение, несмотря на быстрое развитие и популярность Интернета, остается востребованным. Увеличивается число телеканалов, улучшается техническое и эстетическое качество, а зрители имеют возможность узнавать различные точки зрения по интересующему вопросу. Но при всем многообразии инноваций в телевидении, актуальным остается вопрос о развитии личности [5]. Приоритетным в процессе создания телеконтента должно стать повышение качества содержания телепередач для воспитания и образования людей. Только при развитых технологиях, которые направлены на познавательную сферу человека, возможно развитие личности, которая будет служить становлению общества и культуры.

Literature:

1. *Akimova I.A.* Television as a means of mass communication: the main features and specifics of their manifestation // Society: philosophy, history, culture. 2017. № 8. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/televidenie-kak-sredstvo-massovoy-kommunikatsii-osnovnye-cherty-i-spetsifika-ih-proyavleniya> (date of the address 12.09.2019).
2. *Popova T.V.* Television and its role in modern society: sociological analysis // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/televidenie-i-ego-rol>

<https://cyberleninka.ru/article/n/televidenie-i-ego-rol-v-sovremennom-obschestve-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения 12.09.2019).

3. *Черных Н.А.* Влияние телевидения и интернет на личностное развитие подростка // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-televideniya-i-internet-na-lichnostnoe-razvitie-podrostka> (дата обращения 12.09.2019).

4. *Бакеева Д.А.* Агрессия и ее медиавоздействиенааудитория эфирного телевидения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-ee-mediavozdeystvie-na-auditoriyu-efirnogo-televideniya> (дата обращения 12.09.2019).

5. *Швец Я.В.* Влияние телевидения на информационное пространство современной России // Вестник ПАГС. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-televideniya-na-informatsionnoe-prostranstvo-sovremennoy-rossii> (дата обращения 12.09.2019).

v-sovremennom-obschestve-sotsiologicheskii-analiz (date of the address 12.09.2019).

3. *Chernykh N.A.* Influence of television and the Internet on the personal development of a teenager // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2014. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-televideniya-i-internet-na-lichnostnoe-razvitie-podrostka> (date of the address 12.09.2019).

4. *Bakeeva D.A.* Aggression and its media influence on the audience of on-air television // Znak: problem field of media education. 2018. № 4 (30). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/agressiya-i-ee-mediavozdeystvie-na-auditoriyu-efirnogo-televideniya> (date of the address 12.09.2019).

5. *Shvets J.V.* The influence of television on the information space of modern Russia // Bulletin of BVIM. 2018. № 2. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-televideniya-na-informatsionnoe-prostranstvo-sovremennoy-rossii> (date of the address 12.09.2019).

Кудинова Ольга Дмитриевна
студентка,
Тулский государственный университет
ole4ka2la@mail.ru

СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие «гражданское общество», его особенности и функции. В работе проанализированы проблемы, возникающие на пути становления гражданского общества в современной России. Были отмечены направления, которые наблюдаются в стране относительно формирования гражданского общества. В статье подчеркивается не только важность действий государства в развитии гражданского общества, но и самого населения, его самоорганизации и инициативности.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, российское общество, демократия, общественные интересы, общественные институты, правовое государство, гражданские права и свободы.

Гражданское общество – это совокупность организованных, исторически сложившихся форм совместной социальной жизнедеятельности (наряду с официальной государственной деятельностью), определенных общечеловеческих ценностей, которыми руководствуются люди и каждый человек в своей общественной и личной жизни.

Возникновение и функционирование гражданского общества тесно связаны с демократическим устройством государственных отношений. В связи с этим, важно отметить, что общество в современном мире существует во всех странах, но не везде оно выступает как гражданское общество [1].

В настоящее время гражданское общество рассматривается как сложная и многоуровневая система невластных связей и структур. Данное понятие включает в себя совокупность межличностных отношений, которые развиваются без вмешательства государства. Кроме того, гражданское общество – это система независимых от государства общественных институтов, которые реализуют общественные интересы и потребности.

Гражданское общество включает множество элементов, которые взаимодействуют между собой. Институты гражданского общества формируются на основах общественного и конституционного строя, предназначены для того, чтобы выражать интересы и мнение людей и их объединений. Кроме этого, элементы гражданского общества обладают самоорганизацией, самоответственностью и самодеятельностью.

Olga D. Kudinova
Student,
Tula State University
ole4ka2la@mail.ru

THE SPECIFICS OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

Annotation. This article deals with the concept of civil society, its characteristics and functions. The work analyzed the problems on the way to the formation of civil society in modern Russia. The directions observed in the country regarding the formation of civil society were noted. The article emphasizes not only the importance of state actions in the development of civil society, but also the population itself, its self-organization and initiative.

Keywords: civil society, the state, Russian society, democracy, public interests, public institutions, the rule of law, civil rights and freedoms.

Гражданское общество представляет собой совокупность межличностных отношений и семейных, общественных, экономических, культурных, религиозных и иных структур, которые проходят свое развитие независимо от государственного признания и закрепления в законах. В этих отношениях воплощается идея права как высшей справедливости, которая основана на недопустимости произвола и гарантировании равной для всех членов гражданского общества меры свободы [2].

В настоящее время проблема становления гражданского общества является в России одной из самых актуальных и важных. Данная ситуация связана со следующими причинами:

Во-первых, в течение длительного времени жители России были лишены гражданских прав и свобод, не имели защиты со стороны государства. А гражданское общество развивается только тогда, когда обеспечивается существование свободной личности.

Во-вторых, в последнее время многих ученых, журналистов и политических деятелей волнует вопрос о становлении и развитии гражданского общества, это можно объяснить тем, что совершенствуется демократия, рыночная экономика и формируется правовое государство.

В целом, можно выделить следующие направления, которые наблюдаются в России относительно формирования гражданского общества.

Для России проблема формирования гражданского общества и постановка его проблемы является относительно новой, всплеск в нашей стране возник в 80-е годы XX в., и несмотря на большое количество трудов по этой проблеме, она все равно остается малоизученной и четко не сформулированной.

В России отсутствуют объективные предпосылки для формирования гражданского общества, так как в советском обществе отсутствовали идеалы и цели построения гражданского общества. Россия же, в свою очередь, установила цель развития гражданского общества недавно, на это развитие нужно время, так как у народных масс отсутствует настрой на формирование другого общества. Но и стоит отметить, что такое явление, как гражданское общество в нашей стране не является новым, на протяжении истории развития нашего государства можно наблюдать его проявление.

Гражданское общество в России начало формироваться на основе его внедрения «сверху», оно не являлось инициативой самого общества. Россия традиционно является той страной, которая в большей степени ориентирована на государство, чем на общество, общество не проявляет инициативу, а ожидает действий и указаний со стороны государства.

Многие исследователи связывают низкую активность гражданского общества с наследием патернализма. Иными словами, многие люди не обладают чувством ответственности, а находятся в непрекращающемся ожидании от государства принятых решений. В основном в такую группу входят люди пенсионного возраста, то есть люди советской эпохи, которые ожидают помощи от государства, и данное ожидание логично. Большую роль в формировании современного гражданского общества играет уровень доверия между социальными институтами.

В сознании и жизнедеятельности граждан России отсутствует активность, деятельность и самостоятельность, жители страны склонны не доверять общественным организациям, укоренились принципы невмешательства и отчужденности. Гражданское общество требует для своего развития высокий уровень морального, общественного и политического развития, чего в стране наблюдается в незначительной степени. Мы можем наблюдать несоблюдение или даже отсутствие самого главного принципа гражданского общества – придание личности высшего статуса, пока что высшим является власть. В стране почти отсутствует способность воздействия на государство обществом. Необходимые качества для гражданского общества – ответственность, инициативность, активность, высокий уровень морали, духовной, социальной, полити-

ческой и правовой культуры, способность отстаивать свои права и свободы еще нужно будет развивать.

Большей частью населения не рассматриваются гражданские инициативы и общественные движения в качестве эффективного способа влияния на власть, нашему обществу характерен низкий уровень культуры договорных отношений, отсутствие позитивного рыночного сознания, интереса к участию в политике, формирования и поддержки объединений и специализированных институтов [3].

В России слабо развиты основные институты гражданского общества. Такой институт, как СМИ нельзя назвать в полном смысле слова свободным. Негосударственные организации не имеют должного влияния и авторитета среди населения. Демократичность и объективность выборов также вызывает множество вопросов и споров в обществе. Еще одной из главных причин, мешающих формированию гражданского общества является коррумпированность власти, безработица, усиление социальной поляризации общества, рост личного и социального эгоизма, низкий уровень политической культуры.

Большинство исследователей обращают внимание на сложный и длительный характер становления современного гражданского общества в России. Особенность состоит в переходе от авторитарной организации политической жизнедеятельности и соответствующего менталитета граждан к демократическому обществу. Данный процесс происходит вместе с созданием правового государства и становлением демократической культуры. Разработка направлений развития гражданского общества в России является одной из важнейших задач на современном этапе [4].

Стоит отметить, что первостепенная задача для гражданского общества и власти – это повышение общественной толерантности, прививание населению способности слышать чужого, договариваться, что тесно связано с общим ростом доверия внутри общества. Процесс формирования уровня культуры доверия к демократическим институтам требует значительного времени, охватывающего либо несколько десятилетий, или же период смены поколений.

Таким образом, из-за того, что жители России долгое время были лишены возможности развивать свои гражданские права и свободы, гражданское общество в России развивается довольно долго. Для России характерны такие черты как: незаинтересованность и безынициативность большей части населения в общественной и политической жизни страны, отсутствие предпосылок для формирования гражданского общества, малоизученность темы.

Литература:

1. *Тошченко Ж.Т.* Гражданское общество как объект социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2016. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru>

Literature:

1. *Toshchenko J.T.* Civil Society as an Object of Sociology of Life // Humanitarium of the South of Russia. 2016. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru>

article/n/grazhdanskoe-obschestvo-kak-obekt-sotsiologii-zhizni (дата обращения: 16.04.2019).

2. *Иванов А.М.* Особенности развития гражданского общества в России и за рубежом / А.М. Иванов, Н.Н. Тирмяева // Теология. Философия. Право. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения 20.04.2019).

3. *Власенко О.В.* Гражданское общество в российской Федерации: состояние, проблемы развития / О.В. Власенко, Е.В. Мирошниченко // СТЭЖ. 2016. № 4(25). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-v-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-problemy-razvitiya> (дата обращения 16.04.2019).

4. *Антошин В.А.* Общественный (гражданский) контроль как функция гражданского общества / В.А. Антошин, Ю.Г. Ершов // Социум и власть. 2018. № 1(69). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-grazhdanskiy-kontrol-kak-funktsiya-grazhdanskogo-obschestva> (дата обращения 16.04.2019).

article/n/grazhdanskoe-obschestvo-kak-obekt-sotsiologii-zhizni (date of the address: 16.04.2019).

2. *Ivanov A.M.* Peculiarities of civil society development in Russia and abroad / A.M. Ivanov, N.N. Tirmyayeva // Theology. Philosophy. Right. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossii-i-za-rubezhom> (date of the address 20.04.2019).

3. *Vlasenko O.V.* Civil Society in the Russian Federation: State, Development Problems / O.V. Vlasenko, E.V. Miroshnenko // STEJ. 2016. № 4 (25). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskoe-obschestvo-v-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-problemy-razvitiya> (date of the address 16.04.2019).

4. *Antoshin V.A.* Public (civil) control as a function of civil society / V.A. Antoshin, Yu.G. Ershov // Society and power. 2018. № 1(69). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyy-grazhdanskiy-kontrol-kak-funktsiya-grazhdanskogo-obschestva> (date of the address 16.04.2019).

Кулешова Галина Петровна

доктор социологических наук,
директор,
Средне-Волжский институт (филиал)
федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России)»
(ВГУЮ РПА Минюста России))
в г. Саранске
kaf_prav@mail.ru

Кильдюшева Ольга Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Средне-Волжский институт (филиал)
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России)»
(ВГУЮ РПА Минюста России))
в г. Саранске
kaf_prav@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ
СТРАТИФИКАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальному для современной социологии вопросу социальной стратификации и профессиональной дифференциации. На основе работ зарубежных и отечественных исследователей в статье рассматриваются сущность профессиональной дифференциации и ее значение для социальной стратификации современных обществ. Опираясь на имеющиеся по данной тематике материалы официальной статистики, авторы указывают на ведущую роль профессиональной дифференциации для формирования социальной структуры современного российского общества.

Ключевые слова: социальная структура, социальная стратификация, ранговая дифференциация, профессиональная дифференциация, профессиональный статус, профессиональная квалификация, заработная плата, вид профессиональной деятельности.

Galina P. Kuleshova

Doctor of Sociological Sciences,
Director,
Middle Volga Institute (branch)
Federal State budget educational
Institutions of higher education
«All-Russian State
University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)»
(Russian Ministry of Justice RPA))
in Saransk
kaf_prav@mail.ru

Olga A. Kildyusheva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Humanitarian Affairs
and Socio-economic disciplines,
Middle Volga Institute (branch)
Federal State budget educational
Institutions of higher education
«All-Russian State
University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)»
(Russian Ministry of Justice RPA))
in Saransk
kaf_prav@mail.ru

**PROFESSIONAL
DIFFERENTIATION
AND ITS IMPORTANCE
IN THE SOCIAL STRATIFICATION
OF RUSSIAN SOCIETY**

Annotation. This article is devoted to the current issue of social stratification and professional differentiation for modern sociology. Based on the work of foreign and domestic researchers, the article considers the essence of professional differentiation and its importance for the social stratification of modern societies. Based on the available materials of official statistics on this subject, the authors point to the leading role of professional differentiation for the formation of the social structure of modern Russian society.

Keywords: social structure, social stratification, rank differentiation, professional differentiation, professional status, professional qualification, salary, type of professional activity.

Вопрос социальной структуры занимает ведущее место в социологической науке, несмотря на то, что к настоящему времени он получил широкое теоретическое и эмпирическое осмысление и изучение. Он возникает и существует вместе с возникновением и изменением общества. Анализ социальной структуры позволяет понять сущность современных обществ со сложным горизонтальным и вертикальным расчленением, а также социальных процессов и отношений, протекающих в различных сферах общественной жизни, и их социальных последствий для общества в целом и конкретных групп населения – в особенности.

Профессиональная дифференциация, в том или ином виде, рассматривалась в качестве одного из критериев социальной стратификации в различных концепциях. Так, М. Вебер считал, что экономическое положение индивида, т.е. рыночная позиция, определяется не только капиталом, но и квалификацией и профессиональным образованием. Таким образом, те, кто имеют редкую и ценную на рынке квалификацию имеют высокие заработки и могут занимать высокие рыночные позиции [1, с. 96–98].

Теория структурного функционализма, определившая развитие социологической мысли в данном направлении на десятилетия, рассматривает социальную стратификацию как функциональную необходимость, что означает разделение труда для выполнения всей необходимой в обществе работы. Таким образом, род работы обуславливает различное положение людей в социальной системе, тем самым приводя к образованию классов. В основе данной теории лежит понятие «социальная стратификация» П.А. Соркина – дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Одной из форм социальной стратификации, наряду с экономической и политической, является профессиональная дифференциация, когда население разделяется по родам деятельности, занятиям и профессиям, одни из которых считаются более престижными, другие – менее. Все перечисленные формы тесным образом переплетены друг с другом [2, с. 46–48].

По мнению другого представителя функционализма Т. Парсонса, одним из дифференцирующих признаков выступают различные виды профессионально-трудовой деятельности, а «основные критерии классового статуса следует искать в профессиональных достижениях мужчин, поскольку престиж придается занятию» [3].

Базовая гипотеза, на которую опираются современные западные исследователи социальной стратификации К. Дэвис и У. Мур, состоит в том, что чем более значима социальная роль, тем большей должна быть награда за ее выполнение. Таким образом, социальная структура образуется из-за неравной ценности различных работ, поскольку некоторые задачи в обществе более ценны, чем другие. Квалифицированные люди, которые занимают эти должности, должны быть вознаграждены больше, чем другие. В большинстве случаев, уровень квалификации,

необходимый для работы, определяет важность этой работы, и чем больше навыков требуется для работы, тем меньше квалифицированных людей будет выполнять эту работу [3].

Некоторые исследования показали, что, используя такой критерий, как уровень профессиональной подготовки, можно лучше объяснить социальную стратификацию, чем используя индикаторы традиционных классовых теорий. Так, Н. Рогофф в своем исследовании «Социальная стратификация во Франции и Соединенных Штатах» подчеркнула, что «из всех критериев, упомянутых при определении классовой позиции, профессиональная позиция наиболее последовательно названа среди различных слоев в обоих обществах». Используя данные статистики Швеции, М. Толин обнаружил, что уровень сложности профессии более тесно связан с заработной платой, чем в традиционных схемах социального класса [4, с. 66–68].

Результаты исследования, проведенного С. Чжоу и Дж. Т. Уодтке показывают, что распределение доходов в США сильно стратифицировано по профессиональному признаку и, что степень расслоения классов существенно возросла с 1980 по 2016 год. Более того, они находят, что эта тенденция почти полностью обусловлена растущей стратификацией среди совокупных профессиональных классов, а не среди разрозненных профессий, их составляющих [5, с. 945–946].

Шин Аритаиз Института Социологии Токийского университета в своей работе «Сравнительный анализ социальной стратификации в Японии, Корее и Тайване: Где находится локус социального неравенства?» основываясь на анализе эмпирических данных, указывает на то, что главным институциональным фактором, формирующим социальную стратификацию и порождающим социальное неравенство является профессия, определяющая доход работника [6, с. 323–324].

Отечественные исследователи В.В. Радаев и О.И. Шкаратан рассматривают различные виды стратификационных систем, среди которых выделяют социально-профессиональную, в основе которой лежат содержание и условия труда. По их мнению особое значение имеют такие требования, предъявляемые к квалификации той или иной профессиональной роли, как наличие соответствующего опыта, умений и навыков. Как отмечают В.В. Радаев и О.И. Шкаратан, социально-профессиональное деление является одним из базовых стратификационных, поскольку официальное закрепление разделения труда не только играет самостоятельную роль, но и оказывает существенное влияние на структуру практически любой другой стратификационной системы [7, с. 50–54].

Для выявления значения профессиональной дифференциации в качестве важного критерия социальной стратификации современного российского общества был использован анализ некоторых показателей Росстата. Так, по данным

официальной статистики в 2018 году в России сохраняется диспропорция в оплате труда в различных отраслях экономики, достигая значений 1:3,5 (табл. 1). При этом важное значение имеет тот факт, что у 59,3 % населения России в качестве основного источника дохода отмечена заработная плата [8, с. 120–124].

По-прежнему самая высокая оплата труда характерна для отрасли «Финансы и страхование» – 91713 руб., что превысило среднероссийский уровень в 2,1. Самую низкую заработную плату получают люди, занятые в гостиничном деле и на предприятиях общественного питания –

26053 руб., что ниже среднероссийского показателя почти в 0,7 раза. Таким образом, разница между самой высокой и самой низкой величиной заработной платы составила три с половиной раза [8, с. 121–124].

В 2018 году среднемесячная заработная оплата по отрасли «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» равнялась 28185 руб., что составляло лишь 64,9 % от среднероссийского уровня и было в 3,3 раза меньше заработной платы в финансово-страховой системе и в три раза меньше, чем у работников сферы добычи полезных ископаемых [8, с. 121–124].

Таблица 1

Показатели номинальной начисленной заработной платы работников организаций, занятых по основным видам экономической деятельности в России

Отрасли	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности, руб.
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	28185
Добыча полезных ископаемых	83262
Обрабатывающие производства	40404
Строительство	38119
Торговля; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	35015
Гостиничная деятельность и общественное питание	26053
Финансы и страхование	91713
Научно-техническая деятельность	65537
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	47821
Образование	34313
Здравоохранение и социальные услуги	40091
Культура, спорт, организация досуга и развлечений	43971
Всего	43445

Уровень заработной платы работников обрабатывающего производства, здравоохранения и социальных услуг, строительства, торговли, образования, в области недвижимости, жилищно-коммунального хозяйства, административной деятельности составил к ее уровню в сфере финансов и страхования от 44 % до 34 %.

Низкая заработная плата характерна для работников такой бюджетной сферы, как образование: за январь–декабрь 2018 г. заработная плата в этой отрасли экономики отставала от среднероссийской в 0,7–0,8 раза.

Следующий показатель – численность занятых по видам экономической деятельности в 2018 году. Так, в самых низкооплачиваемых отраслях работают 8706 200 чел., что составляет 12,1 % от общей численности людей, занятых в экономике, тогда как в финансово-страховой системе и сфере добычи полезных ископаемых – 2528 900 чел. (3,6 %). В отраслях с заработной платой

ниже среднероссийского показателя в 43445 руб. трудятся 42732900 чел., т.е., практически 60 % среднегодовой численности занятых [8, с. 89].

Таким образом, исследования, проведенные зарубежными российскими социологами, подтверждают, что стратификация включает ранговую дифференциацию, связанную с профессиональной.

Для социальной структуры современного российского общества характерно сохранение социального неравенства, а по некоторым данным – и углубление. При этом значительную роль играет такой фактор социальной стратификации, как занятость в секторе и отрасли экономики. Если учесть, что по данным Росстата основным источником доходов россиян, занятых в экономике, выступает оплата труда, то это еще раз убеждает в том, что самой общей основой для стратификации большинства современных обществ является профессиональная дифференциация.

Литература:

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 804 с.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; Под общ. ред., сост. и пре-

Literature:

1. Weber M. Selected Works. M. : Progress, 1990. 804 p.
2. Sorokin P.A. Human. Civilization. Society / P.A. Sorokin; editor and introduction by A.Yu. Sogo-

дисл. А.Ю. Согомонова; Пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с.

3. *Darin-Mattsson A.* Different indicators of socioeconomic status and their relative importance as determinants of health in old age / A. Darin-Mattsson, S.Fors, I. Kåreholt // *International Journal for Equity in Health*. 2017. 16: 173. URL : <https://doi.org/10.1186/s12939-017-0670-3>

4. *Gallie D.* *Social Inequality and Class Radicalism in France and Britain.* Cambridge University Press. 1983. 339 p.

5. *Zhou X.* Income Stratification among Occupational Classes in the United States / X. Zhou, G.T. Wodtke // *Social Forces*. 2019. Vol. 97. Iss. 3. P. 945–972.

6. *Arita S.A* Comparative Analysis of Social Stratification in Japan, Korea and Taiwan: Where is the Locus of Social Inequality? // Elucidation of social stratification in contemporary Japan. 2011. Vol 1. P. 323–342.

7. *Радаев В.В.* Социальная стратификация / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. М. : Аспект-Пресс, 1996. 318 с.

8. Россия в цифрах : крат.стат. сб. / Росстат. М., 2019. 549 с.

monova; trans. from English. М. : Politizdat, 1992. 543 p.

3. *Darin-Mattsson A.* Different indicators of socioeconomic status and their relative importance as determinants of health in old age / A. Darin-Mattsson, S.Fors, I. Kåreholt // *International Journal for Equity in Health*. 2017. 16: 173. URL : <https://doi.org/10.1186/s12939-017-0670-3>

4. *Gallie D.* *Social Inequality and Class Radicalism in France and Britain.* Cambridge University Press. 1983. 339 p.

5. *Zhou X.* Income Stratification among Occupational Classes in the United States / X. Zhou, G.T. Wodtke // *Social Forces*. 2019. Vol. 97. Iss. 3. P. 945–972.

6. *Arita S.A* Comparative Analysis of Social Stratification in Japan, Korea and Taiwan: Where is the Locus of Social Inequality? // Elucidation of social stratification in contemporary Japan. 2011. Vol 1. P. 323–342.

7. *Radayev V.V.* Social stratification / V.V. Radayev, O.I. Skoratan. М. : Aspect-Press, 1996. 318 p.

8. Russia in figures. 2019 : Short State List / Rosstat. М., 2019. 549 p.

Олонец Светлана Борисовна

доцент кафедры
физической культуры и спорта,
Академия физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
sveta.olonez@mail.ru

Бабаева Виолетта Магамедовна

аспирантка кафедры
Академия физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
babaea.violetta@mail.ru

Согомонян Ксения Владимировна

старший преподаватель
кафедры физической культуры и спорта,
Академия физической культуры и спорта,
Южный федеральный университет
k.v.sogomonyan@gmail.ru

**ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И СПОРТ КАК СПОСОБ
РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Аннотация. В данной статье физическая культура и спорт рассматривается как способ реализации современной стратегии здравоохранения. Государство, поставившее на одно из первостепенных мест стратегию здравоохранения и озадачившееся массовым оздоровлением населения, предпринимает ряд усилий, направленных на популяризацию физической культуры и спорта.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, здоровье, здравоохранение, физкультурно-спортивная деятельность, «готов к труду и обороне», физкультурно-спортивные организации, российское население.

В настоящее время обострилась необходимость обращения к физической культуре и спорту как уникальному способу реализации современной стратегии здравоохранения. Многие ли осведомлены в этом вопросе? Конечно, практически все социальные группы и слои населения знают о практической полезности двигательной активности, физических упражнений и массовых спортивных тренировок [1]. Однако в реальности все это было действительно полезно во времена античности, когда физическая культура и спорт служили средством укрепления здоровья, физического и психосоматического развития, тренировки тела и духа.

Svetlana B. Olonets

Associate Professor at the Department
of Physical Culture and Sports,
Academy of Physical and Sports,
Southern Federal University
sveta.olonez@mail.ru

Violetta M. Babaeva

Postgraduate student,
Department of the Academy of Physical
Culture and Sports,
Southern Federal University
babaea.violetta@mail.ru

Ksenia V. Sogomonyan

Senior Lecturer at the Department
of Physical Culture and Sports,
Academy of Physical and Sports,
Southern Federal University
k.v.sogomonyan@gmail.ru

**PHYSICAL CULTURE
AND SPORTS AS A METHOD
FOR IMPLEMENTING
A HEALTH STRATEGY**

Annotation. In this article, physical education and sports are considered as a way to implement a modern healthcare strategy. The state, which put a health strategy at one of the paramount places and was puzzled by the mass recovery of the population, is making a number of efforts aimed at popularizing physical education and sports.

Keywords: physical education, sports, health, healthcare, physical culture and sports activities, «Ready for work and defense», physical culture and sports organizations, Russian population.

Сегодня же наличие оптимальной двигательной активности, концентрированным выражением которой является физическая культура и спорт (ФКиС), просто жизненно необходимы каждому человеку, вне зависимости от его пола и возраста. Поэтому существующая пропаганда, согласной которой «заниматься физической культурой и спортом полезно для здоровья», по мнению авторов книги о новой физкультуре О.С. Васильевой, Л.Р. Правдиной и С.Н. Литвиненко, «попросту дезориентирует население, сглаживая остроту ситуации и, в конечном счете, умаляя значение физической культуры в наши дни» [2, с. 27].

К сожалению, сегодня т.н. «болезни цивилизации» становятся доминирующими в общей заболеваемости населения экономически развитых стран мира. В механизме формирования (патогенезе) данных заболеваний особенное значение имеет дефицит факторов, входящих в арсенал средств ФКиС: рационального питания, разумного чередования труда и активного, отдыха, закаливающих процедур, оптимальной двигательной активности и т.д. В этой связи, формирование ценностей здорового образа жизни [3], популяризация ФКиС – это специфические средства борьбы с современными болезнями цивилизации.

Действительно, сегодня, в эпоху гиподинамии, физическую культуру и массовый спорт необходимо считать крайне важной социокультурной сферой для наиболее благоприятного развития абсолютно всех социально-демографических групп российского общества. В этом смысле приоритетными задачами становятся: формирование ценностей физического, психического, социального и духовного здоровья нации [4]; постулирование и продвижение здорового образа жизни; вовлечение в занятия физической культурой и массовым спортом как можно большего числа людей [5].

Одним из важных производных компонентов ФКиС, бесспорно, является здоровый образ жизни (ЗОЖ). И, как подчеркивает в своем диссертационном исследовании А.Ю. Близнаевский, задача по формированию «потребности населения к здоровому образу жизни должна решаться наряду с приобщением людей к регулярным занятиям физической культурой, развитием спортивной инфраструктуры, а также поиском эффективных управленческих решений, мотивирующих население к занятиям физическими упражнениями» [6, с. 21].

Физкультурно-спортивное движение в России, в соответствии с федеральным Законом «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», рассматривается как определенная форма социального движения. Его целью является содействие повышению уровня физической культуры российского населения, а также целенаправленной деятельности государственных и общественных организаций по развитию физкультурно-спортивной отрасли в целях реализации стратегии здравоохранения [7].

Важным решением в области реализации современной стратегии здравоохранения, а также государственной поддержки отрасли ФКиС, стало возрождение комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) [8]. Это, соответственно, актуализирует организацию целой сети физкультурно-оздоровительных и спортивных объектов; а также модернизацию уже существующей физкультурно-спортивной инфраструктуры для массового вовлечения максимально большей части российского населения в физкультурно-спортивную деятельность [9].

Согласно государственным программным документам, включающим «Стратегию развития фи-

зической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» [10] и государственную программу Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта», доля всего населения российского социума, систематически занимающегося физкультурой и спортом, должна достигнуть к 2020 году показателя в 40 %, а среди молодой части населения – 80 % [11].

В связи с этим, в качестве основных стратегических ориентиров современной стратегии здравоохранения в области развития ФКиС в российском обществе определены следующие:

– увеличение доли российского населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в общей численности населения (на первой ступени – с 15,9 % в 2008 году до 30 % в 2015 году и на второй ступени – довести до 40 % в 2020 году);

рост доли населения, занимающейся в специализированных физкультурно-спортивных учреждениях, в общей численности населения (на первой стадии – с 20,2 % до 35 % и на второй стадии – до 50 %);

– доведение объема недельной двигательной активности российского населения (на первой стадии – от 6 до 8 часов (при не менее чем 2–3-разовых занятиях физической культурой и массовым спортом), и на второй стадии – 6–12 часов (при не менее чем 3 или 4-разовых занятиях) – в зависимости от половозрастных, профессионально-прикладных и других особенностей различных групп российского населения);

– повышение общего количества штатных сотрудников в сфере физической ФКиС (на первом этапе – с 295,6 тыс. чел. до 320 тыс. чел., и на втором этапе – до 360 тыс. чел.);

расширение существующей на данном этапе сети физкультурно-оздоровительной и спортивной инфраструктуры, а также повышение уровня ее доступности для всех слоев российского населения, исходя из единовременной пропускной способности (на первом этапе – с 22,7 % до 30 %, и на втором этапе – доведение до 48 %) [12].

В целях реализации ключевых целей и задач стратегии здравоохранения РФ, в настоящее время на территории Российской Федерации действуют различные физкультурно-спортивные организации, которые имеют право и возможность осуществлять свою деятельность, причем как, на некоммерческой (безвозмездной), так и на коммерческой (платной) основе с учетом развития рыночного общества.

Так, коммерческие физкультурно-спортивные организации предоставляют физкультурно-оздоровительные и массовые спортивные услуги, однако, осуществляются такого рода услуги на платной, коммерческой основе, и по этой причине коммерческие физкультурно-спортивные ор-

ганизации зачастую становятся недоступными для широких слоев российского населения [13].

Что касается некоммерческих организаций (НКО), то они успешно совмещают коммерческие методы и способы ведения деятельности с развитием социально-значимых направлений в сфере физкультурно-спортивной деятельности. Некоммерческие организации в сфере физической культуры и спорта на сегодняшний день функционируют в различных формах: общественные союзы и ассоциации, спортивные фонды и клубы или организации специального профессионального (физкультурно-спортивного) образования и т.п.

Причем, важно подчеркнуть, что, реализуя стратегию здравоохранения, некоммерческие физкультурно-спортивные организации решают целый ряд задач по массовому оздоровлению российского населения:

– во-первых, предоставляют широким слоям населения большой спектр физкультурно-спортивных и оздоровительных услуг;

– во-вторых, осуществляют популяризацию физической культуры и массового спорта, среди российского населения;

– в-третьих, обеспечивают необходимые условия для физического, психосоматического и социального совершенствования населения;

– в-четвертых, участвуют в развитии и повсеместном распространении ФКиС на территории Российской Федерации;

– в-пятых, реализуют региональные и государственные целевые программы в сфере ФКиС.

К числу приоритетных направлений развития ФКиС как способа реализации одной из важнейших задач современной стратегии здравоохранения в целом относятся:

Литература:

1. *Гафиатулина Н.Х.* Специфика отношения учащейся молодежи России к здоровью в социо-структурном контексте : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-н/Д., 2007. 27 с.
2. *Васильева О.С.* Книга о новой физкультуре / О.С. Васильева, Л.Р. Правдина, С.Н. Литвиненко. Ростов н/Д., 2001. 141 с.
3. *Maksim Vaskov.* Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) / Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov, Valery Kasyanov, et al. // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. № 2. 2018. P. 134–140. URL : <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/309>
4. *Гафиатулина Н.Х.* Спортивное движение как эффективное средство развития социального

– вовлечение населения в регулярные занятия физической культурой и спортом, причем в первую очередь, подрастающих поколений: детей, подростков и молодежи;

– повышение массовой доступности инфраструктурных объектов спорта для населения, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов:

– дальнейшее развитие и совершенствование системы подготовки физкультурно-спортивного резерва;

– усиление конкурентоспособности отечественного спорта на международной арене [11].

Таким образом, наибольший прогресс в сфере здравоохранения населения может быть достигнут не путем прямого медицинского воздействия на него, а опосредованно, благодаря улучшению условий жизни посредством популяризации и культивирования физической культуры и спорта с их сформированной инфраструктурой, нарабатываемыми оздоровительными технологиями и кадровым потенциалом.

В заключении стоит сказать о том, что возрождение и внедрение программы ГТО остро ставит вопрос о физкультурно-спортивных площадках для регулярных и систематических занятий. Необходима развитая сеть некоммерческих физкультурно-спортивных клубов по местам жительства, учебы, работы или службы, находящихся в шаговой доступности. Следует создавать физкультурно-спортивные сооружения, современные, удобные для занятий массовым спортом и физкультурой, в том числе на открытом воздухе. Формирование физкультурно-спортивной инфраструктуры для «дворового» спорта во многом обеспечит максимальный охват российского населения массовым спортивным движением, тем самым способствуя реализации основной задачи стратегии здравоохранения – здоровьесбережению граждан.

Literature:

1. *Gafiatulina N.Kh.* The specifics of the attitude of students of Russia to health in a sociostructural context : abstract dis. ... cand. sociol. sciences. Rostov-on/D., 2007. 27 p.
2. *Vasilieva O.S.* The book is about a new physical education / O.S. Vasilieva, L.R. Pravdina, S.N. Litvinenko. Rostov-on/D., 2001.141 p.
3. *Maksim Vaskov.* Value orientations of russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) / Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov, Valery Kasyanov, et al. // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. № 2. 2018. P. 134–140. URL : <http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/309>
4. *Gafiatulina N.Kh.* The sports movement as an effective tool for the development of social health of

здоровья российской молодежи / Н.Х. Гафиятулина, С.С. Косинов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 19–22.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2014 г. № 540 г. «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Российская газета. Федеральный выпуск № 6405. 18 июня 2014 г.

6. *Близневский А.Ю.* Программно-целевое управление развитием сферы физической культуры и спорта в пространстве Красноярского края : дис. ... д-ра пед. наук. Красноярск, 2015. 381 с.

7. *Григорьева И.И.* Осуществление взаимодействия между органами исполнительной власти и учреждениями дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности в Санкт-Петербурге // Россия – спортивная держава 2012 : материалы междунар. спортивного форума. М., 2012. С. 91–95.

8. Скажем спорту «да!» – ВЦИОМ. Пресс – выпуск № 2837. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115256>

9. *Олонец С.Б.* Физкультурно-спортивная деятельность в среде студенческой молодежи как главный фактор повышения потенциала здоровья / С.Б. Олонец, А.М. Кадыров, Л.К. Олонец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6.

10. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 302 (ред. от 29.03.2019) «Об утверждении государственной программы РФ «Развитие физической культуры и спорта»».

11. Инвестиции в здоровье: готовы ли россияне тратить на фитнес и платную медицину? – ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2308. URL : <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/attitude-health/article/investicii-v-zdorove-gotovy-li-rossijane-tratit-na-f.html>

12. *Лукичев К.Е.* Анализ мероприятий, осуществляемых субъектами РФ по совершенствованию системы физической культуры с учетом стратегии развития отрасли // Вестник спортивной науки. 2017. С. 48–52.

13. *Bykov N.N.* Directions of state policy to improve the accessibility of youth mass sports in modern Russia / N.N. Bykov, A.A. Bolozin, S.B. Baranovsky, S.E. Khimchenko, O.N. Tolstokora, S.I. Samygin // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Т. 8. № 2. P. 1–9.

Russian youth / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 3. P. 19–22.

5. Decree of the Government of the Russian Federation of June 11, 2014 № 5440 «On approval of the Regulation on the All-Russian physical culture and sports complex» Ready for work and defense «(TRP)» // Russian newspaper. Federal Issue № 6405. June 18, 2014.

6. *Bliznevsky A.Yu.* Program-targeted management of the development of the sphere of physical culture and sports in the space of the Krasnoyarsk Territory : dis. ... dr. ped. sciences. Krasnoyarsk, 2015. 381 p.

7. *Grigoryeva I.I.* The implementation of the interaction between the executive authorities and institutions of continuing education in the field of physical education and sports in St. Petersburg // Russia – a sports power 2012: international materials. sports forum. M., 2012. P. 91–95.

8. Say yes to the sport! – VTsIOM. Press release № 2837. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115256>

9. *Olonets S.B.* Physical culture and sports activities among student youth as the main factor in increasing the health potential / S.B. Olonets, A.M. Kadyrov, L.K. Olonets // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 6.

10. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 № 302 (as amended on March 29, 2019) «On approval of the state program of the Russian Federation «Development of physical culture and sports»».

11. Investing in health: are Russians ready to spend on fitness and paid medicine? – VTsIOM. Press release № 2308. URL : <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/attitude-health/article/investicii-v-zdorove-gotovy-li-rossijane-tratit-na-f.html>

12. *Lukichev K.E.* Analysis of measures taken by the constituent entities of the Russian Federation to improve the system of physical education, taking into account the industry development strategy / K.E. Lukichev, E.A. Zurin, A.S. Evseev, G.R. Zembatov // Herald of a sports science. 2017. P. 48–52.

13. *Bykov N.N.* Directions of state policy to improve the accessibility of youth mass sports in modern Russia / N.N. Bykov, A.A. Bolozin, S.B. Baranovsky, S.E. Khimchenko, O.N. Tolstokora, S.I. Samygin // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Т. 8. № 2. P. 1–9.

Семенова Юлия Александровна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии молодежи,
Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
sociol@info.sgu.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОСТОЯНИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНЕ

Аннотация. В оригинальной статье представлены результаты социологического исследования показателей социального потенциала женского предпринимательства, проведенного автором статьи. В исследовании представлена комплексная характеристика базовых черт, особенностей и социально-экономических функций женского предпринимательства в условиях городской и сельской местности Саратовского региона. Формализованный опрос женщин-предпринимателей Саратовской области был проведен в сентябре-декабре 2018 г. Объем выборочной совокупности составил 349 человек.

В статье рассмотрены субъективные показатели социального потенциала женского предпринимательства в условиях социально-экономических трансформационных процессов, происходящих в современном российском обществе. Проанализированы социально-преобразующие механизмы, обеспечивающие эффективность женской предпринимательской деятельности: уровень образования, уровень благосостояния, сфера предпринимательской деятельности, характеристика бизнес-сегмента, общий стаж предпринимательской деятельности, качества современной женщины предпринимателя.

Ключевые слова: женское предпринимательство, гендер, социологические исследования, предпринимательская деятельность, бизнес.

В современной России в ходе активного проведения экономических реформ и перехода к рыночным отношениям сформировалась и новая социальная группа – предприниматели, объединяющая бизнесменов и просто деловых людей. Один из ключевых факторов, который оказал влияние на происходящие перемены в социально-экономической сфере России, – это личностные качества предпринимателей и их отношение к своей деятельности.

Предприниматели как социально-профессиональная группа достаточно разнообразна по

Yulia. A. Semenova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Youth Sociology,
Saratov State University
name of N.G. Chernyshevsky
sociol@info.sgu.ru

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF INDICATORS OF STATE OF WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP IN THE REGION

Annotation. The original article presents the results of a sociological study of indicators of the social potential of female entrepreneurship conducted by the author of the article. The study provides a comprehensive description of the basic features, characteristics and socio-economic functions of female entrepreneurship in urban and rural areas of the Saratov region. A formal survey of women entrepreneurs in the Saratov region was conducted in September-December 2018. The sample population was 349 people.

The article considers the subjective indicators of the social potential of female entrepreneurship in the conditions of socio-economic transformation processes taking place in modern Russian society. The socio-transforming mechanisms that ensure the effectiveness of female entrepreneurial activity are analyzed: the level of education, the level of well-being, the sphere of entrepreneurial activity, the characteristics of the business segment, the total length of the entrepreneurial activity, the quality of the modern woman entrepreneur.

Keywords: female entrepreneurship, gender, sociological research, entrepreneurial activity, business.

своей структуре. Многоликость группы предпринимателей определяется множеством факторов: конкретной сферой предпринимательской деятельности, степенью развитости бизнеса, индивидуально-психологическими особенностями самих предпринимателей. «К их числу относится также характеристика пола, а точнее – социального пола, формирующегося в процессе жизнедеятельности общества и предполагающего выработку различных моделей поведения людей – маскулинной и фемининной, характерных для конкретной культурной среды, соответственно для мужчины и для женщины, и обозначаемого

понятием «гендер» [1]. К числу таких, несомненно, позитивных явлений в современной России следует отнести женское предпринимательство, социальная и экономическая роль которого, несмотря на многие препоны, растет. Еще Г. Спенсер в XIX веке отмечал: «Если, продолжая руководствоваться наблюдением хода эволюции в прошлом, мы спросим себя, каких изменений положения женщин можно ожидать в будущем, то ответ должен быть таков: должно произойти дальнейшее приближение к уравниванию положения обоих полов» [2]. Собственно, это и произошло, причем, не только в уравнивании положения полов, но и в их реальном вкладе в общественную жизнь, в том числе, и в такую ее составляющую, как предпринимательство. Согласно официальным статистическим данным, женщины составляют 1/5 собственников предприятий и фирм среди лиц, профессионально занятых бизнесом. При этом 40 % женщин относится к категории «полупредпринимателей», сочетающих собственное дело с работой по найму [3].

Т.И. Заславская [4] обозначила шесть бизнес-групп российского предпринимательского слоя:

– предприниматели – собственники частных фирм, преимущественно это мелкие предприятия и фирмы;

– самозанятые – лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, то есть, управляющие мелким (малым) бизнесом (производство товаров и услуг на дому, «челночная» или мелкооптовая торговля).

Это – довольно значительная по численности группа женщин; бизнес-менеджеры – наемные директора средних (реже малых) предприятий, которые, одновременно с управленческой работой по найму, заняты также и предпринимательской деятельностью; полупредприниматели – наемные работники, которые совмещают неуправленческую основную работу с собственной предпринимательской деятельностью; менеджеры-совладельцы – хозяйственные руководители средних и мелких акционированных предприятий, которые работают по найму и руководят акциями своего предприятия. Большинство женщин этой группы являются руководителями приватизированных предприятий; «Классические менеджеры» – хозяйственные руководители государственных или частных (гораздо реже) предприятий, которые получают зарплату по договору найма. Доля женщин среди руководителей предприятий незначительна.

Женский вопрос остается наиболее проблематичным и обсуждаемым на всех уровнях власти. В настоящее время это одно из приоритетных направлений в социальной политике РФ. Основополагающим в концепции улучшения положения женщин должно быть не констатация неблагоприятия и не простое рассуждение о том, какие изменения мы хотели бы увидеть, а четкое понимание причин современного неблагоприятного положения женщин и нахождение реальных возможностей, рычагов и механизмов смягчения данного положения их полного его изменения.

Эти причины, в общем, достаточно очевидны.

Женское предпринимательство сегодня создает условия для оздоровления экономики, способствует появлению новых рабочих мест, расширению потребительского сектора, развитию конкуренции, насыщению рынка товарами и услугами. С каждым годом все больше женщин приходят к решению заняться собственным бизнесом. Кто-то открывает салон красоты, кто-то магазин одежды или обуви, кто-то – детский клуб, кто-то занимается производством продуктов питания, и очень часто женщина становится успешной в своем деле. Женщина сегодня инициативна, энергична, амбициозна и уверена в своих силах.

Таким образом, анализ российских исследований женского предпринимательства за последние несколько лет выявил ряд профильных подходов к определению основного содержания предпринимательства: правовой, экономической и социологической. Это предполагает наличие у женского предпринимательства общих характерных черт, свойственных предпринимательству вообще безотносительно пола предпринимателя [5].

Цель исследования заключалась в разработке социально-экономических оснований показателей социального потенциала женского предпринимательства в условиях социально-экономических трансформационных процессов, происходящих в современном российском обществе.

Материалы и методы. Объектом исследования являются женщины-предприниматели Саратовского региона. Объем генеральной совокупности (согласно официальным данным Сарстата на сентябрь 2018 года) [6] составил 23311 человек. Из расчета доверительной вероятности в 95 % с погрешностью ± 5 , объем выборочной совокупности составляет 378 человек. Основанием расчета квотно-стратифицированной выборки является информация о численности женщин-предпринимателей по г. Саратову и Саратовской области и по типу предприятия (ИП или малое предприятие). В сегменте среднего и крупного предпринимательства женщины не представлены.

Формализованный опрос женщин – предпринимателей Саратовской области был проведен в сентябре – декабре 2018 г. Объем выборочной совокупности составил 349 человек.

Все респонденты получили адекватное разъяснение о целях исследования, а также их юридические права при условии добровольного участия в этой работе. Результаты социологического исследования подверглись качественному и количественному анализу. Разрабатывая методологию, мы опираемся на эвристический потенциал классических и современных социологических подходов и парадигм к анализу предпринимательства как социального явления.

Данный метод количественного исследования, как формализованный опрос, хорошо представ-

лен в научной литературе с точки зрения алгоритмов его использования, в том числе гендерных групп.

Новизна исследования обусловлена тем, что применение формализованного опроса с женщинами-предпринимателями позволило изучить сравнительные характеристики имеющихся моделей и практик женского предпринимательства, в контексте происходящих сегодня в России со-

циально-экономических трансформационных процессов.

Результаты и обсуждение. По результатам проведённого мониторингового исследования, было выявлено, что более 70 % опрошенных проживают и осуществляют свою предпринимательскую деятельность в г. Саратове, около 20 % в другом городе и 9,2 % в сельской местности Саратовской области.

Таблица 1

Место проживания

Место проживания	Частота	Процент
г. Саратов	248	71,1
другой город	69	19,8
село, поселок, деревня	32	9,2
Итого	349	100,0

Средний возраст опрошенных женщин – предпринимателей составил 38 лет, при минимальном 19 и максимальном 63. Медианное значение – 38 (середина ряда распределения) т.е. половине опрошенных до 38 лет. Наиболее часто встречающимся возрастом является 32 года.

Таблица 2

Средние возрастные показатели

№	Валидные	349
	Пропущенные	0
Среднее		38,16
Медиана		38,00
Мода		32
Стд. отклонение		9,400
Дисперсия		88,365
Минимум		19
Максимум		63
Процентили	25	31,00
	50	38,00
	75	45,00

Поколенческий срез демонстрирует тенденцию доминирования среднего поколения женщин предпринимателей саратовской области. Так, опрошенные в возрасте 19–29 лет составили 20,3 %, 30–55 лет – 76,2 % и 56–63 года – 3,4 % от общей совокупности опрошенных.

Таблица 3

Возрастное распределение опрошенных. Поколенческий срез

Поколение	Частота	Процент
Младшее	71	20,3
Среднее	266	76,2
Старшее	12	3,4
Итого	349	100,0

Большая часть (71,3 %) опрошенных женщин-предпринимателей состоят в браке, 61,3 % – зарегистрированном, 10 % – незарегистрированном.

Таблица 4

Семейное положение

Семейное положение	Частота	Процент
Не замужем	94	26,9
Замужем	214	61,3
Состою в незарегистрированном браке	35	10,0
Разведена	4	1,1
Вдова	2	0,6
Итого	349	100,0

Детей имеют более 70 % женщин, ведущих предпринимательскую деятельность: 39,3 % – одного, 25,8 % – двух, 6,3 % – трех и более.

Таблица 5

Наличие детей

Наличие детей	Частота	Процент
Нет детей	100	28,7
Да, один ребенок	137	39,3
Да, два ребенка	90	25,8
Да, три и больше детей	22	6,3
Итого	349	100,0

70,2 % от общей совокупности женщин – предпринимателей имеют высшее образование. 27,8 % – имеют квалификацию бакалавра, 33,2 % – специалиста, 8,3 % – магистра и 0,9 % имеют научную степень. Следует отметить, что среднее специальное образование имеют почти четверть респондентов, 5,2 % – основное общее и 0,6 % – среднее.

Таблица 6

Уровень образования

Уровень образования	Частота	Процент
Среднее (8–9 классов)	2	0,6
Основное общее (10–11 классов)	18	5,2
Среднее специальное (среднее техническое)	84	24,1
Высшее (бакалавриат)	97	27,8
Высшее (специалитет)	116	33,2
Высшее (магистратура)	29	8,3
Научное	3	0,9
Итого	349	100,0

Субъективная оценка уровня жизни семей опрошенных женщин – предпринимателей подтверждает региональные тенденции. Чуть более 50 % характеризуют его, как условно средний, имеют возможность покупать вещи длительного пользования. Ниже среднего – «Доходов хватает только на питание и одежду» – отметили 22,9 %, уровень бедности отмечают 1,4 % опрошенных. Уровень выше среднего определили почти 17 %, как возможность без труда совершать дорогие покупки. Не имеют вообще никаких материальных затруднений 5,2 % респондентов.

Таблица 7

Уровень благосостояния семей опрошенных женщин-предпринимателей

Уровень благосостояния	Частота	Процент
1	2	3
Едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на питание	1	3
Денег хватает только на питание, но покупка одежды вызывает затруднения	4	1,1

1	2	3
Доходов хватает на питание и одежду, но на покупку вещей длительного пользования (стиральной машины, холодильника, телевизора) приходится брать заем, кредит	80	22,9
Мы можем без труда покупать вещи длительного пользования, затруднительна только покупка действительно дорогих вещей, например, автомобиля	180	51,6
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, купить машину	59	16,9
Мы можем позволить себе все, что пожелаем. У нас нет материальных затруднений	18	5,2
затрудняюсь ответить	7	2,0
Итого	349	100,0

Около 80 % опрошенных женщин-предпринимателей отмечают высокий уровень удовлетворенности жизнью, в целом: 45,3 % – скорее удовлетворены, 32,7 % – полностью удовлетворены. 14,3 % – средний – удовлетворены настолько, насколько и неудовлетворены и 6,3 % – низкий – скорее неудовлетворены или совершенно неудовлетворены.

Таблица 8

Уровень удовлетворенности жизнью в целом

Уровень удовлетворенности	Частота	Процент
Полностью удовлетворен	114	32,7
Скорее удовлетворен, чем неудовлетворен	158	45,3
Удовлетворен настолько, насколько и неудовлетворен	50	14,3
Скорее неудовлетворен, чем удовлетворен	19	5,4
Совершенно неудовлетворен	3	0,9
Затрудняюсь ответить	5	1,4
Итого	349	100,0

Рейтинг сфер, в которых осуществляют экономическую деятельность женщины – предприниматели Саратовской области возглавляют: розничная торговля, сфера бытовых услуг, швейное, текстильное производство, гостиничный и ресторанный сервис. Реже представлены: оптовая торговля, сфера оздоровительных услуг, социальные и здравоохранительные услуги, финансовые, риэлторские услуги, производство пищевых продуктов.

Таблица 9

Сферы предпринимательской деятельности женщин

Сферы экономической деятельности	Частота	Процент
1	2	3
С/х, охота и лесное хозяйство	8	2,3
Рыболовство	1	0,3
Добыча полезных ископаемых	2	0,6
Производство пищевых продуктов, напитки, табак	12	3,4
Текстильное, швейное производство	37	10,6
Деревообрабатывающее производство	1	0,3
Целлюлозно-бумажное производство, издательская деятельность	2	0,6
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2	0,6

1	2	3
Производство готовых металлических изделий	1	0,3
Производство машин и оборудования	2	0,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	6	1,7
Строительство	8	2,3
Оптовая торговля	22	6,3
Розничная торговля	97	27,8
Гостиницы и рестораны	36	10,3
Транспорт и связь	8	2,3
Финансовые услуги	11	3,2
Операции по недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	12	3,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	13	3,7
Сфера бытовых услуг	47	13,5
Оздоровительные услуги	17	4,9
Фото услуги	4	1,1
Итого	349	100,0

Большая часть женского бизнеса в Саратовской области представляет мелкий сегмент (64, 5 %), почти треть (31,2 %) – средний и 4,3 % – крупный.

Таблица 10

Характеристика бизнес – сегмента

Сегмент	Частота	Процент
Мелкий бизнес	225	64,5
Средний бизнес	109	31,2
Крупный бизнес	15	4,3
Итого	349	100,0

Модальным показателем периода существования действующего предприятия является от трех до шести лет (29,8 %), более года до трех лет руководят предприятием 25,2 % опрошенных женщин, менее года – 6,3 %, более шести до десяти лет – 21,8 %, более десяти до пятнадцати лет 11,2 % и более 15 лет осуществляют деятельность предприятия 5,7 % респондентов.

Таблица 11

Период деятельности предприятия

Период	Частота	Процент
Менее 1 года	22	6,3
Более 1 года до 3 лет	88	25,2
Более 3 лет до 6 лет	104	29,8
Более 6 лет до 10 лет	76	21,8
Более 10 лет до 15 лет	39	11,2
Более 15 лет	20	5,7
Итого	349	100,0

Показатели общего периода осуществления предпринимательской деятельности опрошенными женщинами близки к выше представленным, что говорит о достаточно высокой стабильности женского бизнеса в регионе. Менее года опыт предпринимательской деятельности имеют 6,3 % опрошенных, более года до трех лет – 23,8 %, более трех лет до шести лет – 25,5 %, более шести до десяти – 23,8 %, более десяти до пятнадцати лет – 12 % и более пятнадцати лет стажа предпринимательской деятельности имеют 8,6 % женщин саратовского региона.

Таблица 12

Общий стаж предпринимательской деятельности

Период	Частота	Процент
Менее 1 года	22	6,3
Более 1 года до 3 лет	83	23,8
Более 3 лет до 6 лет	89	25,5
Более 6 лет до 10 лет	83	23,8
Более 10 лет до 15 лет	42	12,0
Более 15 лет	30	8,6
Итого	349	100,0

Формой собственности большинства «женских» предприятий является индивидуальное предпринимательство (84,8 %). Акционерные общества представляют 10,6 %, хозяйственные товарищества – 3,2 % и производственные кооперативы – 0,9 % предприятий женского бизнеса.

Таблица 13

Формы собственности предприятий

Форма собственности	Частота	Процент
ИП (индивидуальное предпринимательство)	296	84,8
ХТ (Хозяйственное товарищество)	11	3,2
ПРК (Производственный кооператив)	3	0,9
АО (Акционерное общество) ОАО, ЗАО, ООО	37	10,6
Иное	2	0,5
Итого	349	100,0

Численность сотрудников большинства предприятий не превышает 15 человек. Более 70 % женщин осуществляют деятельность в рамках микро предприятий. От 15 до 50 человек в штате имеют 16,3 % предприятий, от 51 до 100 человек – 6,9 %, более 100 до 250 человек – 3,2 %, до 1000 человек – 0,9 % и свыше 1000 человек – 0,9 % предприятий.

Таблица 14

Численность сотрудников предприятия

Численность	Частота	Процент
До 15 человек	251	71,9
От 16 до 50 человек	57	16,3
От 51 - 100 человек	24	6,9
От 101 до 250 человек	11	3,2
От 251 до 1000 человек	3	0,9
Свыше 1000 человек	3	0,9
Итого	349	100,0

Объемы годового оборота большинства предприятий (79,7%) не превышают 120 млн рублей. Оборот свыше 120 млн до 800 млн рублей осуществляют 12,9 % организаций. Оборот свыше 800 млн рублей имеют 7,5 % предприятий «женского» бизнеса.

Таблица 15

Объем годового оборота предприятия

Объем (руб.)	Частота	Процент
До 120 млн. рублей	278	79,7
Свыше 120 до 800 млн. рублей	45	12,9
Свыше 800 до 2000 млн. рублей	15	4,3
Более 2000 млн.рублей	11	3,2
Итого	349	100,0

Большая часть предприятий реализуют продукцию или услуги «женского» сегмента потребительства. Женский бизнес в саратовском регионе работает для женщин. Доказательством может служить рейтинг продукции и услуг, реализуемых предприятиями опрошенных женщин. Более четверти предприятий представляют сегмент косметологии (12,6 % – косметическая продукция, 14,3 % – услуги салонов красоты). Значительную долю представляют предприятия по реализации продуктов или услуг питания. Явно выделен сегмент текстиля, одежды, обуви. Игрушки, канцтовары – что представляет также зону женского повседневного интереса. Гостиничный бизнес.

Таблица 16

Продукция/услуга, реализуемая в ходе деятельности предприятия

Продукт/услуга	Ответы		Процент наблюдений
	№	Процент	
1	2	3	4
Полиграфия	12	2,3 %	3,4 %
Нефтепродукты	3	0,6 %	0,9 %
Газ	1	0,2 %	0,3 %
Косметическая продукция	44	8,4 %	12,6 %
Услуги общественного питания (фаст-фуд)	25	4,8 %	7,2 %
Хлебобулочные изделия	19	3,6 %	5,4 %
Ткани	24	4,6 %	6,9 %
Книги, журналы	8	1,5 %	2,3 %
Игрушки	14	2,7 %	4,0 %
Текстиль	15	2,9 %	4,3 %
Услуги салонов красоты	50	9,5 %	14,3 %
Товары для праздника, сувениры	11	2,1 %	3,2 %
Стройматериалы	11	2,1 %	3,2 %
Промышленные товары	6	1,1 %	1,7 %
Металлоизделия	6	1,1 %	1,7 %
Доставка еды	5	1,0 %	1,4 %
Табачная продукция	8	1,5 %	2,3 %
Мясо, колбасы	23	4,4 %	6,6 %
Молочная продукция	16	3,1 %	4,6 %
Алкогольная продукция	5	1,0 %	1,4 %
Автосервис	6	1,1 %	1,7 %
Бытовая техника	7	1,3 %	2,0 %
Двери	2	0,4 %	0,6 %
Рыбная продукция, раки	11	2,1 %	3,2 %
Овощная продукция, ягоды	15	2,9 %	4,3 %
С/х продукция (семена, жмых и т.д.)	8	1,5 %	2,3 %
Фото услуги	5	1,0 %	1,4 %
Пошив ткани	16	3,1 %	4,6 %
Аренда помещения	9	1,7 %	2,6 %
Бытовая химия	13	2,5 %	3,7 %
Гостиничный бизнес	20	3,8 %	5,7 %
Строительство домов/строительные отделочные работы	4	0,8 %	1,1 %
Медицинские услуги	8	1,5 %	2,3 %
Одежда, обувь, спец.одежда	26	5,0 %	7,4 %
Канцтовары	14	2,7 %	4,0 %
Осветительное оборудование	2	0,4 %	0,6 %
Безалкогольные напитки	9	1,7 %	2,6 %
Мебель	1	0,2 %	0,3 %
Грузоперевозки	8	1,5 %	2,3 %
Перевозка мусора	1	0,2 %	0,3 %
Посуда	8	1,5 %	2,3 %

Окончание таблицы 16

1	2	3	4
Садово-огородный инвентарь	7	1,3 %	2,0 %
с/х техника	4	0,8 %	1,1 %
Зоо бизнес	2	0,4 %	0,6 %
Исполнение решения суда	1	0,2 %	0,3 %
Репетиторство	1	0,2 %	0,3 %
Клининговые услуги	2	0,4 %	0,6 %
Ремонт спортивного оборудования	1	0,2 %	0,3 %
Финансовые услуги	7	1,3 %	2,0 %

Территория охвата деятельности большинства предприятий опрошенных женщин ограничивается локальным рынком. 63,3 % предпринимательниц осуществляют деятельность в пределах своего города, поселка. 23,2 % предприятий реализуют продукт или услугу на рынке Саратовской области, 8,6 % – нескольких субъектов РФ, 4 % – России в целом, 0,6 % – имеют охват в пределах стран СНГ и 0,3 % – стран дальнего зарубежья.

Таблица 17

Территория охвата деятельности предприятия

Локация	Частота	Процент
Локальный рынок (город, село, поселок)	221	63,3
Рынок Саратовской области	81	23,2
Рынок нескольких субъектов РФ	30	8,6
Рынок РФ	14	4,0
Рынки стран СНГ	2	0,6
Рынки стран дальнего зарубежья	1	0,3
Итого	349	100,0

Общая оценка деятельности организаций, в рамках которых женщины осуществляют предпринимательскую деятельность, достаточно высока. Большая часть (35,8 %) женщин оценивают деятельность своего предприятия положительно, однако, выделяя направления, требующие корректировки, 34,1 % предпринимательниц выделяют достаточно много проблемных моментов при общей удовлетворительной оценке деятельности. Пятая часть (20,9 %) уверенно говорит об успешности своей предпринимательской деятельности. Низкие оценки дают менее 10 % женщин – предпринимателей.

Таблица 18

Общая оценка деятельности предприятия

Оценка	Частота	Процент
Могу уверенно сказать, что мое предприятие успешно работает на рынке	73	20,9
Предприятие работает хорошо, но есть направления, в которых, требуются корректировки	125	35,8
Не плохо, но проблемных моментов достаточно	119	34,1
До успешной работы предприятию еще очень далеко	30	8,6
Катастрофически мало. Требуется либо реорганизация, либо закрытие	2	0,6
Итого	349	100,0

Прогнозы успешности своей предпринимательской деятельности также достаточно оптимистичны. Стабильный рост прогнозируют почти треть опрошенных женщин – предпринимателей. 42,4 % видят перспективы роста, однако не уверены в их стабильности, 20,6% прогнозируют стагнацию и 7,4 % – снижение темпов или упадок.

Таблица 19

Оценка перспектив деятельности предприятия

Прогноз	Частота	Процент
Прогнозирую стабильный рост	103	29,5
Перспективы роста есть, но не уверена в их стабильности	148	42,4
Скорее стагнация (сохраним имеющийся темп и объем производства)	72	20,6
Перспектив мало, скорее снижение темпов производства	20	5,7
Перспектив нет, движемся к "упадку"	6	1,7
Итого	349	100,0

Оценивая общие условия ведения бизнес деятельности в России опрошенные женщины-предприниматели чаще говорят (43,8 %) о существующих возможностях при наличии рисков и преодолимых сложностях, 38,4 % квалифицируют сложности ведения бизнеса в России, как трудно преодолимые, 8,9 % говорят о высоком уровне рискогенности предпринимательства в России, 1,4 % женщин считают, что в РФ нет условий для предпринимательской деятельности. О наличии условий начала и ведения успешного бизнеса в России говорят 7,4 % опрошенных женщин-предпринимателей.

Таблица 20

Оценка условий предпринимательской деятельности в России

Оценка	Частота	Процент
В России созданы все условия для успешного начала и ведения бизнес деятельности	26	7,4
В России есть условие для ведения бизнес деятельности, однако существует ряд преодолимых сложностей и рисков	153	43,8
В России есть условие ведения бизнес деятельности, однако существует ряд труднопреодолимых сложностей	134	38,4
В России очень рискогенные условия ведения бизнеса, зачастую непреодолимые	31	8,9
В России нет условий для бизнес деятельности	5	1,4
Итого	349	100,0

К числу наиболее часто упоминаемых сложностей ведения бизнес – деятельности можно отнести: высокие налоги, высокую процентную ставку по кредиту, нестабильность российского законодательства, сложность процедур получения лицензии, коррупцию. Процент упоминаний по этим позициям существенен. Менее значимыми по числу упоминаний оказались: сложность доступа к земельным участкам, оформление кредита, необходимость установления партнерских отношений с органами власти, сложность доступа к работам в рамках госзакупок, ограничение инициатив совместных проектов малых предприятий. По результатам нашего исследования только 12,3% опрошенных женщин не сталкивались ни с какими сложностями в ведении предпринимательской деятельности.

Таблица 21

Трудности бизнес – деятельности

С какими трудностями осуществления бизнес деятельности вы лично сталкивались	Ответы		Процент наблюдений
	№	Процент	
1	2	3	4
Я лично не сталкивалась ни с какими сложностями	43	6,5 %	12,3 %
Сложность получения доступа к земельным участкам	35	5,3 %	10,0 %
Нестабильность российского законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность	81	12,3 %	23,2 %
Коррупция	57	8,6 %	16,3 %
Высокие налоги	166	25,1 %	47,6 %
Сложность/затянутость процедуры получения лицензии	69	10,4 %	19,8 %
Ограничение/сложность доступа к закупкам компании с гос.участием и суб.естественных монополий	8	1,2 %	2,3 %
Необходимость установление партнерских отношений органами власти	27	4,1 %	7,7 %

1	2	3	4
Ограничение/сложность доступа к поставкам товаров, оказание услуг и выполнение работ в рамках госзакупок	20	3,0 %	5,7 %
Ограничение органами власти инициатив по организации совместной деятельности малых предприятий	15	2,3 %	4,3 %
Иные действия/давление со стороны органов власти	4	0,6 %	1,1 %
Высокая процентная ставка по кредиту	93	14,1 %	26,6 %
Сложность получения кредита (оформления)	38	5,7 %	10,9 %
Силовое давление со стороны правоохранительных органов	5	0,8 %	1,4 %
Всего	661	100,0 %	189,4 %

Самым популярным мотивом начала женщинами предпринимательской деятельности является интерес к делу. Почти 40 % опрошенных женщин мотивированы именно этим. Желание быть независимой (28 %) и наличие необходимого капитала (21 %) также в числе популярных мотивов бизнес деятельности. Для 18% это было жизненной необходимостью, связанной с отсутствием работы. Высокий уровень профессионализма в области деятельности бизнеса отметили чуть более 14 %, 13 % отмечают психологическую поддержку семьи. Наличие нужных социальных связей (11,6 %), желание реализовать свой творческий потенциал (11 %). Менее 10 % упоминаний приходится на такие мотивы как: необходимость продолжить семейное дело, помощь родственникам, друзьям, случайные жизненные обстоятельства (встреча, идея, быстрая возможность при минимизации рисков), надежное партнерство.

Таблица 22

Мотивация начала предпринимательской деятельности

Мотивация	Ответы		Процент наблюдений
	№	Процент	
Наличие необходимого капитала	73	11,5 %	21,2 %
Наличие нужных соц.связей	40	6,3 %	11,6 %
Высокий уровень профессионализма в области деятельности бизнеса	49	7,7 %	14,2 %
Психологическая поддержка семьи и друзей	45	7,1 %	13,0 %
Надежное партнерство	21	3,3 %	6,1 %
Интерес к делу	136	21,5 %	39,4 %
Желание быть независимой	99	15,6 %	28,7 %
Жизненная необходимость (отсутствие работы, необходимость возможности заработка и т.д.)	61	9,6 %	17,7 %
Желание реализовать свой творческий потенциал	38	6,0 %	11,0 %
Случайные жизненные обстоятельства (встреча, идея, быстрая возможность при минимизации рисков)	24	3,8 %	7,0 %
Была привлечена в помощь родственникам, друзьям	21	3,3 %	6,1 %
Продолжаю дело родственников (семейный бизнес)	26	4,1 %	7,5 %
Всего	633	100,0 %	183,5 %

Респондентам было предложено перечислить качества или умения, которыми должна обладать женщина – предприниматель. Условно их можно разделить на несколько групп по частоте упоминаний: высокозначимые, значимые и малозначимые. К числу высокозначимых можно отнести: целеустремленность, коммуникабельность, уверенность в себе, эрудированность. Значимыми оказались: стрессоустойчивость, трудолюбие, рискованность, сила воли, ответственность, креативность, амбициозность. Малозначимые: лидерство, гибкость, вежливость, ухоженный вид, внимательность, находчивость, честность, позитивность, пунктуальность, адаптивность, мобильность, практичность, исполнительность, независимость.

Таблица 23

Качества современной женщины – предпринимателя

Какими качествами или умениями, на ваш взгляд должна обладать современная женщина-предприниматель	Ответы		Процент наблюдений
	№	Процент	
1	2	3	4
Амбициозность	27	3,4 %	7,8 %
Гибкость	16	2,0 %	4,6 %
Ответственность	33	4,1 %	9,5 %
Целеустремленность	127	15,8 %	36,7 %

1	2	3	4
Вежливость, уважение	11	1,4 %	3,2 %
Уверенность в себе	61	7,6 %	17,6 %
Эрудированность	56	7,0 %	16,2 %
Коммуникабельность	70	8,7 %	20,2 %
Выносливость, сила воли	33	4,1 %	9,5 %
Ухоженный, опрятный вид	13	1,6 %	3,8 %
Внимательность	12	1,5 %	3,5 %
Трудолюбие	41	5,1 %	11,8 %
Находчивость	19	2,4 %	5,5 %
Честность	23	2,9 %	6,6 %
Командообразование	8	1,0 %	2,3 %
Стрессоустойчивость	48	6,0 %	13,9 %
Креативность	31	3,9 %	9,0 %
Позитивность	7	0,9 %	2,0 %
Пунктуальность	13	1,6 %	3,8 %
Соц. адаптация	13	1,6 %	3,8 %
Мобильность	15	1,9 %	4,3 %
Практичность	11	1,4 %	3,2 %
Конкурентоспособность	10	1,2%	2,9 %
Исполнительность	13	1,6%	3,8 %
Самоанализ	6	7 %	1,7 %
Лидерство	24	3,0 %	6,9 %
Рискованность	45	5,6 %	13,0 %
Независимость	18	2,2 %	5,2 %
Всего	804	100,0 %	232,4 %

Заключение. На наш взгляд, внушительный объем аналитического материала, полученного в результате обработки анкет, собранных для апробации методологии, демонстрирует обоснованность выбранной нами методологической траектории. На первом этапе исследования формализованный опрос женщин дал комплексную характеристику базовых черт, особенностей и социально-экономических функций женского предпринимательства в условиях городской и сельской местности. Это позволило выявить особенности эволюции характерных черт, определяющих социальный облик женского предпринимательства в условиях социально-экономических трансформационных процессов, происходящих в современном российском обществе и в частности в саратовском регионе.

Однако на последующих этапах исследования планируется внести ряд коррективов и дополнений в программу исследований. Планируется проведение углубленных интервью с центрами развития малого и среднего бизнеса для получения всеобъемлющей картины государственной поддержки предпринимателей в Саратовской области. Следовательно, решающую роль может играть эффективная поддержка со стороны правительства.

Развитие женского предпринимательства неразрывно связано с общим деловым климатом страны. Следует активно вовлекать женщин в государственное и общественное управление, особенно в регионе. Изучение региональных сообществ напрямую связано с изучением управления региональными сообществами, так

как сегодня нельзя говорить об одностороннем процессе воздействия на субъект управления – индивида и группы. Современное общество предполагает, что необходимо учитывать «смещение акцента с административного воздействия на воздействие общественное, объект управления становится субъектом через систему общественного воздействия. Феномен общественного воздействия разбирается нами отдельно, в данной статье мы лишь коснемся данного вопроса. Отметим, что чем сильнее и органичнее данный феномен вкрапляется в систему регионального управления, тем в большей степени система становится управляемой (самоуправляемой), в контексте современного общества».

Как было отмечено ранее, успешное и эффективное развитие женской предпринимательской деятельности основывается на разных условиях: благоприятная экономическая ситуация, поддерживающая государственная политика, разработанные и действенные механизмы субсидирования и налогообложения, готовность общества к реализации предоставляемых государством возможностей. Тем не менее, успешность любой деятельности человека, особенно экономической, зависит еще и от конкретного региона. Кроме того для современного общества и происходящих в нем перемен актуализируется проблема управления социальными процессами», что активно изучается последнее время. Особое внимание в исследованиях социологов уделяется осмыслению методологии социологии управления и вопросам регионального управления, так как они нуждаются в детальном изучении [7].

Литература:

1. *Позняков В.П.* Социальная психология российского предпринимательства: информационно-исследовательская база данных. М., 2014. С. 403.
2. См.: *Философия Герб. Спенсеръ.* В изложении Г. Коллинса. // *Основания социологии.* М., 1908. С. 340.
3. *Бажин А.С.* Влияние гендерных стереотипов на развитие российского предпринимательства / А.С. Бажин, Р.В. Светайло, А.С. Овчинников // *Экономика и социум.* 2014. № 3(12). С. 122.
4. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. С. 199–200.
5. *Полутова М.А.* Динамика развития женского предпринимательства в России в постиндустриальную эпоху: понятие, особенности, перспективы // В сборнике: *Теория и практика управления человеческими ресурсами* 2016. С. 78–82; С. 82.
6. *Владимирова К.А.* Социологическое моделирование системы регионального управления в контексте современности. Вопросы управления. Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. Электронная версия регулярного бумажного издания / К.А. Владимирова, А.Г. Воржецов. URL : <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2017/03/13/> (дата обращения к ресурсу 05.07.2019).

Literature:

1. *Poznyakov V.P.* Social Psychology of Russian Entrepreneurship: An Information Research Database. M., 2014. P. 403.
2. See: *Philosophy of Coat of Arms. Spencer.* In the presentation of G. Collins. // *Foundations of sociology.* M., 1908. P. 340.
3. *Bazhin A.S.* The influence of gender stereotypes on the development of Russian entrepreneurship / A.S. Bazhin, R.V. Svetailo, A.S. Ovchinnikov // *Economics and Society.* 2014. № 3(12). P. 122.
4. *Zaslavskaya T.I.* Modern Russian society: a social mechanism of transformation. M. : Business, 2004. P. 199–200.
5. *Polutova M.A.* Dynamics of the development of female entrepreneurship in Russia in the post-industrial era: concept, features, prospects. // In the collection: *Theory and practice of human resource management* 2016. P. 78–82. P. 82.
6. *Vladimirova K.A.* Sociological modeling of a regional management system in the context of modernity. Management Issues. Ural Institute of Management – a branch of RANEPА. Electronic version of a regular paper publication / K.A. Vladimirova, A.G. Vorzhetsov. URL : <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2017/03/13/> (date of access to the resource 07/05/2019).

Скляр Алексей Сергеевич
соискатель кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

Alexey S. Sklyarov
Department Applicant
Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОТЕНЦИАЛ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РИСКОВ И ЭФФЕКТОВ РЕФОРМИРОВАНИЯ

RUSSIAN POLICE AS AN ELEMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION: THE POTENTIAL OF EMPIRICAL ANALYSIS OF RISKS AND EFFECTS OF REFORM

Аннотация. В статье отмечается, что современная российская полиция выступает интегральным элементом системы государственного управления. Находясь уже несколько лет в состоянии реформирования, российская полиция как элемент социальной системы подвергается воздействию ряда рискогенных факторов. В этой связи ощущается необходимость более тесной интеграции практической социологии и системы государственного управления в целях анализа возникающих рисков и угроз при проведении реформы полиции, а также более точного изучения возникающих эффектов процесса реформирования.

Ключевые слова: общество, социальный институт, государство, полиция, реформирование, трансформации, эффекты, риски, эмпирическая социология.

Annotation. The article notes that the modern Russian police is an integral element of the system of public administration. Being in a state of reform for several years, the Russian police as an element of the social system is exposed to a number of risk factors. In this regard, there is a need for closer integration of practical sociology and public administration in order to analyse emerging risks and threats in police reform, as well as for a more precise study of the emerging effects of the reform process.

Keywords: society, social institution, state, police, reform, transformations, effects, risks, empirical sociology.

Проведение любых реформ в обществе априори связано с различными рисками и угрозами. Парадокс социальной ситуации XXI в. заключается в том, что риски и угрозы могут продуцироваться как ускоренным инновационным развитием («запаздывающее реагирование» основных структурных элементов, институтов, подсистем), либо, напротив, застою («перманентная стагнация») социальной системы. В качестве атрибутивных характеристик постиндустриального общества следует отметить глубокие трансформационные процессы на фоне активного внедрения в социум электронно-компьютерных и телекоммуникационных микропроцессорных технологий. В этих условиях происходит развитие рискогенных факторов внедряющихся инноваций на макро- и микроуровне социальной реальности. Одновременно, ряд институтов и подсистем просто не успевает осуществить соответствующую перестройку, вследствие чего возникают иные, структурные, напряжения. Общество XXI в., помимо прочего, гораздо более сложное и непредсказуемое в своем

развитии, чем, например, его исторические предшественники – традиционное, индустриальное. Инновационная бесклассовая и бессловесная структура общества, прогрессивные по своему содержанию, весьма неустойчивы и гораздо менее успешно прогнозируемые – как учеными, так и представителями системы социального управления.

В условиях ускоренной модернизации важную роль играют первичные социальные институты, которые не позволяют центробежным факторам приобрести существенный вес и с большой долей вероятности нарушить социальный порядок. Одним из ключевых институтов, без которых невозможно стабильное, равновесное существование социальной системы, является государство, выполняющее ряд ключевых функций и способствующее поступательному развитию социума.

Государство обеспечивает порядок и стабильность в обществе. Осуществляется эта деятельность посредством реализации норм права в

системе формальных социальных санкций. Это – наиболее действенный инструмент поддержания социального порядка, так как именно он обеспечивается силой принуждения государства. В свою очередь, другие регуляторы поведения людей – нормы морали, традиций, обычаев, религии – не обладают потенциалом принуждения, а, следовательно, они ограничены в своей действенности и эффективны лишь тогда, когда люди осознают их необходимость и личную целесообразность, добровольно им следуют, понимают важность их соблюдения.

Вместе с тем, государственное принуждение к правомерному поведению не может рассматриваться как некая панацея от основных угроз и вызовов, с которыми сталкивается государство и общество. Подобный формат действий имеет свои пределы и это вполне обоснованно. В этой связи важно периодически реформировать и оптимизировать систему государственного управления.

Система государственного управления на различных уровнях основной стратегической целью предполагает воплощение различных программ, концепций реформирования общества. Система государственного управления призвана на практике, всей совокупностью своих действий, служить целям поддержания стабильности, целостности, предсказуемости института государства во всех сферах его «приложения». Одним из наиболее важных критериев, применяющихся к оценке деятельности системы государственного управления вне зависимости от формы правления и специфики политического режима, выступает эффективность, результативность, надежность и концептуальность при принятии наиболее важных решений. Воплощением подобных жизненно важных решений выступает реформа.

Вл. А. Луков под реформами в обществе подразумевает «масштабную деятельность в форме социального проекта по изменению содержания, структуры, методов, форм управления» [1, с. 217–219]. Автор связывает реформы именно с активными действиями системы государственного управления. Г.О. Греф позиционирует реформы как элемент государственной политики. Автор полагает, что имеются тесные взаимосвязи между текущей государственной политикой и реформами [2, с. 5].

Таким образом, само себе проведение реформ, с одной стороны, оставляет инициативу в руках государства и не позволяет осуществить преобразования «снизу», т.е. посредством революции; не случайно в классической социологической литературе реформы противопоставляют революции. С другой стороны, реформирование – это всегда риски, именно этим зачастую объясняется проведение консервативной политики, главной целью которой является сохранение прежнего облика социальной системы и неприятие реформ именно как экзистенциальной угрозы.

Государство, в настоящее время, все чаще оказывается в своеобразном информационном ва-

кууме, так как утрачивает (вследствие ускоренного развития) контроль над рядом институциональных структур, подсистем и пр. Для решения возникающей проблемной ситуации ему чрезвычайно необходимо установить в мониторинговом режиме систему обратной связи, позволяющую получать объективную первичную (уникальную, ранее не встречающуюся) информацию. Именно такого рода информационные пласты позволяют отслеживать последствия проводимых реформаторских действий. В ситуации происходящих трансформаций для исследователей возникает весьма сложная задача, так как разрастание проблемных ситуаций с неизбежностью приводит и к аналогичному продуцированию научных приемов, подходов, моделей, направленных на их решение.

А.К. Хахунова в этой связи справедливо отмечает, что «развитие новых принципов и технологий управления в разных странах вызвало к жизни активный рост новых концептуальных подходов к описанию и объяснению происходящих в государственном секторе трансформаций. Подобное теоретическое и эмпирическое многообразие обуславливает необходимость комплексного и систематического подхода к анализу уникальной конфигурации политико-административных практик государственного управления каждой территории (государства или региона)» [3, с. 62].

В условиях социума начала XXI в. необходимо принимать во внимание генезис особого рода социально-политических структур, которые в научной литературе принято именовать «открытым» обществом. Как отмечает М.В. Дунаев, «открытое общество представляет собой саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему, обладающую высокой динамичностью и изменчивостью; ... развитие открытого общества есть осознанный процесс, осуществляющийся людьми в процессе рационально-критической дискуссии, её аналогов; открытое общество способно изменяться лишь в процессе поэтапной социальной инженерии» [4, с. 11–13].

Открытое общество непосредственно связано с генезисом глобального информационного мирового порядка, где граждане начинают играть гораздо более заметную роль в социально-политической жизни общества, не ограничиваясь, как в прежние исторические эпохи, локальными экономическими, духовными подсистемами, непосредственно не связанными с политиками. В настоящее время люди все чаще активно заявляют о своих потребностях и интересах, предъявляют власти требования к более активным реформаторским действиям.

Х.А. Халилова отмечает, что «эффективность реформирования государственного управления измеряется качеством услуг, предоставляемых государством населению, которое обусловлено степенью независимости населения от политической конъюнктуры, уровнем гарантированности максимального получения данных услуг, взаимной ответственностью государственных структур и граждан, степенью активности граждан в реализации своих прав на получение ус-

луг. Кроме этого эффективность реформирования зависит от внедрения и использования новых технологий реализации функций государства: электронная демократия, электронная государственность, электронное правительство» [5, с. 3].

В.В. Огнева обращает внимание на то, что «модернизация современного российского общества обусловила существенное изменение характера его взаимоотношений с государством и обозначила важнейшую задачу формирования новой системы государственного управления. Прежняя модель системы государственного управления перестала удовлетворять общественным запросам ввиду оторванности органов власти от многих реальных жизненных проблем. Она оказалась насквозь пораженной вирусом бюрократизма, стала корпоративно замкнутой, неэффективной» [6, с. 249–250].

Одним из ключевых элементов системы государственного управления, тесно связанным с функционированием института государства, является полиция. А.В. Гусев указывает на то, что «статус полиции, ее место и роль в системе органов государственной власти обусловлены принадлежностью к системе органов исполнительной власти в целом, с присущими ей функциями и особенностями. Данный статус регламентируется на уровне Конституции РФ путем установления основных принципов организации и деятельности рассматриваемых органов как части аппарата государства, ряда задач по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью, которые они призваны решать, являясь функционально неотъемлемой от Правительства РФ структурой» [7, с. 4–6].

Полиция характеризуется уникальным положением в системе государственного управления. Как указывают исследователи, «среди органов исполнительной власти полиция занимает особое место, что предопределено рядом следующих основных факторов, носящих объективный характер. Именно с полицией приходится иметь дело человеку, находящемуся в ситуации преступных посягательств на собственность, честь, достоинство, свободу, жизнь и здоровье, при осуществлении многих политических прав» [7].

В период реформ полиции возникают риски, связанные с нарушением устоявшегося алгоритма работы ее структурных элементов, подсистем. В этих условиях усиливаются дезорганизационные тенденции в работе полиции, угрожающими социальному порядку и стабильности. Кроме того, применительно к полиции стоит обратить внимание и на системные противоречия, не нашедшие своего решения на протяжении предыдущего временного периода (например, формализм в работе, бюрократизация и т.д.). В результате сочетанного действия прогрессивных и регрессивных факторов возникает риск дезорганизации

работы полиции. Противоречивые оценки эффективности осуществляемых реформ полиции фиксируются не только в общественном мнении, в журналистских материалах, в выступлениях политиков и общественных деятелей – даже в научном сообществе отсутствует какой-либо консенсус по данному вопросу.

В сложившейся непростой ситуации необходим поиск различных вариантов решения проблемы. Одним из таковых на протяжении достаточно длительного периода времени выступают эмпирические социологические исследования. Это – инструмент получения уникальной первичной информации, касающейся не только состояния индивидуального, группового и массового сознания; такая информация – симбиоз анализа документов, сообщений СМИ и интернет-ресурсов, наблюдений, мнений экспертов и т.п. Посредством грамотного использования первичной социологической информации управленческие структуры (как в системе МВД, так и в не этой системы) получают возможность оперативно внести изменения в проводимую реформу, в том числе и с учетом мнений обычных граждан.

По мнению Ф.И. Исламова, «трансформирующееся российское общество представляет собой сложный объект эмпирического социологического анализа, так как интенсивная социальная динамика в данном случае сочетается с масштабной перестройкой социальных институтов, подсистем, различных структурных элементов социума» [8, с. 46–49].

Таким образом, возросшие потребности и ожидания людей диктуют необходимость не просто проведения реформ полиции; речь идет о продуманных, научно обоснованных действиях, которые были в той или иной форме вынесены на обсуждение с народом и, соответственно, вызвали у людей позитивные мнения. Безусловно, в XXI в. от государственной власти требуется принципиально иное качество услуг, которое она предоставляет населению, в том числе и от полицейских. В настоящее время жизненно необходимо включение механизмов обратной связи с населением, с целью учета потребностей и интересов граждан, а также степени их удовлетворенности реформами полиции. В таких условиях практически не заменимыми становятся не классические социологические исследования, а именно социально-инженерные проекты, которые направлены на интеграцию результатов анализа проблемной ситуации в практику социального управления. Подобного рода социально-инженерные изыскания – уникальный инструмент замера эффективности проводимых реформ российской полиции. Однако масштабная интеграция системы эмпирических исследований в структуру государственного управления требует политической воли руководства государства, а также консенсуса системы управления и практической социологии.

Литература:

1. Луков Вл. А. Реформа образования // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3.

Literature:

1. Lukov Vl. A. Education Reform // Knowledge. Understanding. Skill. 2005. № 3.

2. *Греф Г.О.* Развитие и перспективы структурных институциональных реформ в российской экономике : дис. ... канд. эконом. наук. М., 2011.

3. *Хахунова А.К.* Политико-административные практики государственного управления в субъектах Российской Федерации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.

4. *Дунаев М.В.* Открытое общество: онтологический статус и гносеологические особенности исследования : дис. ... канд. филос. наук. Ульяновск, 2001.

5. *Халилова Х.А.* Государственное управление в современной России: эффективность его реформирования : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.

6. *Огнева В.В.* Реформа государственного управления в современной России: в поисках новой модели // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 7.

7. *Гусев А.В.* Правовой статус правоохранительных органов исполнительной власти: теория и практика конституционно-правового и международного договорного регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011.

8. *Исламов Ф.И.* Муниципальное управление как объект эмпирического анализа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7.

2. *Gref G.O.* Development and prospects of structural institutional reforms in the Russian economy : dis. ... kand. econom. sciences'. M., 2011.

3. *Hahunova A.K.* Political and administrative practices of public administration in the constituent entities of the Russian Federation : dis. ... kand. polit. sciences'. M., 2017.

4. *Dunaev M.V.* open society: ontological status and epistemological features of the study : dis. ... kand. philos. sciences'. Ulyanovsk, 2001.

5. *Khalilova H.A.* Public administration in modern Russia: the effectiveness of its reform: dis. ... kand. polit. sciences'. Stavropol, 2009.

6. *Ogneva V.V.* public administration Reform in modern Russia: in search of a new model // Scientific Bulletin of BelSU. Ser. History. Political science. Economy. Informatics. 2012. № 7.

7. *Gusev A.V.* Legal status of law enforcement bodies of Executive power: theory and practice of constitutional legal and international Treaty regulation : dis. ... kand. law. sciences'. Ekaterinburg, 2011.

8. *Islamov F.I.* Municipal administration as an object of empirical analysis // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2017. № 6–7.

Хорошкевич Наталья Геннадьевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории,
методологии и правового обеспечения
государственного
и муниципального управления,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НАД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ГРАЖДАНАМИ РФ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматривается государственное управление сферой опеки и попечения несовершеннолетних граждан в России как социальный институт в контексте общественного развития. Последнее всегда отражается в политических ценностях, господствующих в обществе. В работе сделаны выводы, касающиеся функционирования социального института опеки и попечения детей-сирот. Рассмотрены его основные акторы. Постиндустриальный тип общества признан как наиболее благоприятный тип общества в сравнении с ранее существовавшими обществами для опеки и попечения детей-сирот.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства над несовершеннолетними гражданами, политическая культура.

■ ■ ■
В настоящее время проблема защиты интересов детей, оставшихся без опеки и попечения родителей, актуальна во многих странах. В России, по данным многочисленных исследований, очень большое количество детей остается без опеки и попечения родителей. Проблема опеки детей-сирот касается не только данной группы населения, она касается всего общества. Общество не может быть гуманным, если не заботится о слабозащищенных слоях населения. Это может коснуться любой семьи, даже очень благополучной на данный момент времени. Таким образом, сегодня актуально проведение активной политики со стороны государственных органов власти в сфере опеки и попечительства несовершеннолетних граждан.

В статье проблема опеки и попечения детей рассматривается с социологических позиций, а

Natalya G. Horoshkevich
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Theory,
Methodologies and Legal Support State
and Municipal Administration,
Ural Federal University
of the First President of Russia
B.N. Yeltsin
natali.khoroshckewitch@yandex.ru

IMPROVEMENT OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT IN THE FIELD OF GUARDIANSHIP OVER MINOR CITIZENS IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF SOCIETY

■ ■ ■
Annotation. To article public administration by the sphere of guardianship and care of minor citizens in Russia as social institute in the context of social development is considered. The last is always reflected in the political values dominating in society. In work the conclusions concerning functioning of social institute of guardianship and care of orphan children are drawn. His main actors are considered. The post-industrial type of society is recognized as optimum type of society in comparison with earlier existing societies for guardianship and care of orphan children.

Keywords: tutorship and guardianship authorities over minor citizens, political culture.

■ ■ ■
именно: с позиции работы социального института опеки и попечения в отношении детей, оставшихся сиротами или без опеки и попечения со стороны родителей. В нем действуют три наиболее активных актора: дети, оставшиеся без опеки и попечения родителей, опекуны или попечители и государственные органы власти.

Автор статьи – сторонник линейных теорий развития. В статье исследуется развитие опеки и попечения несовершеннолетних граждан как социальный институт, в контексте общественного развития, где сменяются три типа общества, согласно концепции Д. Белла: традиционное, индустриальное и постиндустриальное общество. Наиболее важные моменты, особенности общественного развития всегда выносятся на политический уровень. В этой связи общественное развитие можно достаточно четко просте-

лить через изменение политических ценностей обществе, основных компонентов политической культуры. Именно изменение политических ценностей и норм в наиболее гуманную сторону – одни из важнейших показателей развития общества и на фоне всего вышеназванного развития социального института опеки и попечения детей-сирот в России.

Опека и попечительство несовершеннолетних граждан – это социальный институт. Это можно доказать, если сравнить деятельность субъектов в этой сфере с характеристиками социального института.

Сегодня, чаще всего, выделяют следующие характеристики социального института: сложная социальная практика – это отклик на общественную потребность, жесткий социальный контроль посредством санкций (позитивных и негативных), многочисленность, выполняет определенные функции, это устоявшаяся во времени практика.

Если рассматривать социальное явление опеки и попечительства над несовершеннолетними гражданами, то можно сказать, что это, действительно, социальная практика. Так, по мнению Э. Гидденса, социальные практики – это использование индивидом разных методов и техник в той или иной тематической ситуации [1, с. 123].

Как известно, социальный контроль состоит из нормативных образцов и санкций. При этом санкции есть как положительные, так и отрицательные. В настоящее время на законодательном уровне закреплены нормы, регулирующие социально-партнерские отношения в трудовой сфере. Также законодательно определены санкции за несоблюдение законодательно установленных норм.

В статье рассматривается история деятельности органов государственной власти в сфере опеки и попечения детей-сирот, начиная с Киевской Руси и до настоящего времени. Хотя нужно заметить, что институт опеки и попечительства сирот появился раньше, чем в эту сферу стала вмешиваться государственная власть.

На Руси к детям-сиротам оно было двойственным. С одной стороны, в традиционном обществе, в период, когда население занято в сельском хозяйстве, производительность труда низкая, хозяйство зависит от капризов погоды, сложно выжить даже взрослому человеку. Основная масса населения проживают большой семьей и ведут собственное хозяйство. Однако хозяйство дает мало прибыли [2, с. 169]. Взять чужого ребенка на воспитание, тем более проблематично. Но, с другой, бросить его на произвол судьбы – большой грех. В этой ситуации сироту брали на воспитание ближайшие родственники, даже если сами жили бедно. В семье родни сироты часто оказывались в положении прислуги. Но все-таки их кормили, они не мерзли на улице, им доставалась одежда [3].

Но, уже в период Киевской Руси государство начинает вмешиваться в процесс опеки и попе-

чения сирот, что отражено в нормативно-правовых актах того периода. Это – Церковный устав (996 г.). Согласно данному документу, духовенство должно было заботиться о сиротах [4, с. 101]. Согласно дошедшим до сегодняшнего времени сведениям, вначале «необходимость в опеке возникла ради соблюдения имущественных интересов родственников осиротевшего ребенка в случае его смерти и представляла собой «право этих родственников». Об этом упоминается в Русской Правде, сборнике правовых норм Киевской Руси 1016 г.

Постепенно права опекуна детализируются в правовом плане. Расширяется круг возможным опекунов. Возникает опека по назначению органами, у которых были властные полномочия. Опекун из полномочного распорядителя имуществом опекаемого становится представителем интересов этого сироты [5, с. 3–9]. Многие русские князья также занимались благотворительностью, в том числе, помогали и детям-сиротам. Однако в этот период еще отсутствует государственная система опеки и попечительства над детьми-сиротами. Только в период правления Ивана Грозного забота о детях сиротах стала одной из функций государства. Это было поручено церковному патриаршему приказу [6].

В 1724 г. Петр I издает Инструкции о магистратах. Теперь, согласно этому документу, магистраты будут осуществлять надзор за детьми-сиротами. Для детей назначали опекунов из числа их родственников или тех, кто выражал желание о них заботиться. При госпиталях открывали детские комнаты, куда принимать брошенных матерями младенцев. Так постепенно государственная власть берет себе заботу о сиротах. Роль церкви в опеке сирот стала снижаться [3].

В период правления Екатерины II вышел Указ «Учреждения для управления губерний», где также говорилось об опеке над сиротами. Опекой стали заниматься особые учреждения. Это зависело от сословной принадлежности ребенка-сироты и его опекуна. Наиболее тщательно регламентировалась опека в дворянском сословии. В Указе определялись требования к кандидатуре опекуна, противопоказания к опеке. Теперь цель у опекунов и попечителей была одна – охрана интересов несовершеннолетнего [7]. Однако законодательство того периода не было детализировано. Среди опекунов и попечителей часто встречались бесчестные люди, злоупотреблявшие своими опекунскими правами. В крестьянской среде законодательство об опеке и попечительстве еще чаще нарушалось чем в других сословиях [8].

Однако, несмотря на все преобразования в сфере опеки и попечения сирот, в период существования традиционного общества было гораздо больше нарушений в работе государственных служащих, в том числе, и в сфере опеки и попечения детей-сирот. Период соответствия их деятельности занимаемой должности, контроль за нарушениями с их стороны, начнется только в XIX в., в период становления «веберовской бюрократии». Государство в этот период только

пытается контролировать процесс опеки и попечения детей, оставшихся сиротами.

Политическое равенство, равенство всех перед законом, социальная справедливость, гуманизм – эти ценности не выносятся на политическое обсуждение на данном этапе развития общества. Это ценности следующего этапа – этапа индустриального общества. Госслужащие не аполитичны. Материально они зависят от непосредственного руководства. Широко действует принцип личной преданности [9, с. 62–63]. Государственные служащие, занятые в сфере опеки и попечения детей сирот не были исключением среди данной социально-профессиональной группы этого периода развития общества.

Однако общество продолжает развиваться. В XVII–XIX ряде европейских стран совершаются буржуазные революции, основными лозунгом которых был: «Свобода, равенство и братство». Постепенно отменяются законы о сословном неравенстве. Граждане уравниваются в правах. С развитием капиталистических отношений происходит укрупнение производства, которое требует четких знаний, квалифицированных сотрудников, в том числе и в сфере государственного управления. В этой связи меняется система органов государственной власти. Увеличивается численность государственных служащих, спектр их должностей. Возрастают требования к чиновникам. В XIX веке в европейских странах, США и России стала создаваться, так называемая, бюрократическая административная система управления. Конкретизируются и ужесточаются требования к государственным служащим в России дореволюционного периода.

В целях обеспечения государственной службы компетентными исполнителями система подготовки и отбора на государственную службу продолжает совершенствоваться. Для этого в России были приняты такие нормативно-правовые акты, как: Указ «О правилах производства в чины по государственной службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники», «Устав о службе гражданской». «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе». Был определен порядок прохождения государственной службы, профессиональные характеристики государственных служащих» [10].

Все вышеизложенные факторы создают более благоприятные условия для развития сферы и опеки и попечения детей-сирот. Требования к государственным служащим, осуществляющими управление сферой опеки и попечения детей-сирот, становятся более определенными и строгими.

Увеличивается количество учреждений, где воспитываются дети, оставшиеся без родителей. XIX век был рассветом приютов в России. Стали открываться частные приюты, т.е. не государственные и не монастырские. К 1889 году только в Москве было 42 учреждения для детей-сирот. С 1895 по 1917 год в России действовала система детских семейных приютов трудолюбия. Их на-

звали «Ольгинские», в честь рождения княгини Ольги. В эти учреждения принимали детей вне зависимости от их сословной принадлежности и вероисповедания. Это было новым решением в сфере опеки со стороны государственных органов власти [3].

После Октябрьской революции советское правительство ликвидировало все приюты, открытые в царской России, и были учреждены детские дома. Нужно отметить, что Октябрьская революция в России также преследовала благую цель, и тоже пыталась воплотить идеи равенства, братства, справедливости. Другое дело, как эти идеи воплощались в сфере опеки и попечения, особенно в первые годы существования СССР.

В 1920-е годы стала развиваться система детских домов. В этих учреждениях внедрялся новый тип государственного воспитания детей. Он должен был воплотить главную идею коммунистического воспитания – воспитание детей за счёт государства. Согласно Декрета об охране здоровья матери и ребёнка, вышедшего 31 января 1918 года, материнство было признано социальной функцией женщины [11]. Семейное воспитание считалось временным. Ему на смену должно было прийти общественное или социальное воспитание. По этой причине ребёнка чаще всего помещали в любое социальное учреждение, а не искали для него семью, готовую взять его на воспитание [11].

После Великой Отечественной войны и в последующие годы существование Советского Союза сфера опеки и попечения детей продолжала развиваться. Стали открывают школы-интернаты. Они были предназначены не только для детей-сирот, но и для детей, воспитываемых одиночными матерями, инвалидами войны и труда, пенсионерами, а также детей, чьи родители по разным причинам (плохие жилищные условия, проблемы со здоровьем, и т.д.) была необходима помощь государства [11].

В РСФСР опека над несовершеннолетними регулировалась достаточно подробно Кодексом законов. Это – Брачный, Семейный Кодексы и Опекунское право. Перемены в нормативно-правовом регулировании деятельности по опеке (попечительству) произошли в Кодексе о браке и семье РСФСР 1969 г. В нем не упоминается опека. В тексте присутствует понятие «цели опеки (попечительства)». Четко определены его органы и их функции. Большой детализации подверглись правила, регулирующие процесс освобождения от роли опекуна (попечителя). Кодекс стал более качественным [7].

XX век – для России – это век индустриального развития. В нашей стране, также как и в США, европейских странах развивается индустриальное производство. В политическом плане – это век демократических преобразований. На этом этапе общественного развития на политическое обсуждение выносятся и претворяются в жизнь такие ценности как: права и свободы личности, равноправие, законность, гласность, открытость, политический плюрализм, парламента-

ризм, высшая власть в государстве принадлежит народу, выборность представительных органов, гражданское общество, патриотизм, правовое государство [12, с. 243–247].

Меняются ценности в обществе и способы их реализации. Сегодня в России действуют такие демократические институты как: всеобщее тайное голосование, всенародный референдум, многопартийность, регламентирована деятельность политических партий и общественных организаций, установлены нормы, касающиеся предвыборной агитации, пропаганды и т.д., что закреплено на законодательном уровне. Принят комплекс нормативно-правовых актов, регламентирующих процесс выборов. Например, Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральный закон от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», Федеральный закон от 26 ноября 1996 года № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», Федеральный закон от 12 мая 2009 года № 95-ФЗ «О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами» и т.д.

Сфера работы с детьми, особенно с детьми-сиротами, требует более чуткого отношения к ним, и учетов интересов, в первую очередь, ребенка. В 1990 г. Россия ратифицировала Конвенцию о правах ребёнка и тем самым признала приоритетным воспитание ребенка в семье.

В настоящее время на территории РФ деятельность в сфере опеки и попечительства над несовершеннолетними гражданами регулируют следующие нормативно-правовые акты: Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ, Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ, Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» и т.д.

Но это – достижения индустриального общества. Сегодня западные страны и Россия пытаются построить постиндустриальное общество, которое признается многими учеными более прогрессивным в сравнении с более ранними типами обществ. Постиндустриальное общество предполагает доминирование абстрактных, интенсивное развитие новых технологий, инноваций, ведущих к интенсивному развитию производства; ускорение темпа жизни в обществе; и если индустриальное общество определяется уровнем жизни, то «постиндустриальное обще-

ство определяется качеством жизни, измеряемым услугами и различными удобствами – здоровьем, образованием, образованием, отдыхом и культурой, – которые становятся желанными и доступными для каждого» [2, с. 171]. В ценностном плане осуществляется переход от материалистических ценностей к ценностям постматериальным. Сегодня «...исторически беспрецедентная степень экономической безопасности, ... в индустриальных обществах, вела к постепенному сдвигу приоритета от «материалистических ценностей (когда упор делается, прежде всего, на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни) [13, с. 7].

В постиндустриальном обществе главная ценность – это человек. И политические ценности также меняются. К ним можно отнести: право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, мир, на достоинство, равенство перед законом, инновационность, социальную справедливость, глобализм, патриотизм, самореализацию личности и т.д. [14]. Происходит переосмысление давно существующих ценностей, таких как: социальная справедливость, свобода и ряд других.

Все сферы жизни общества становятся важными. В пользу вышеназванного утверждения свидетельствует международное законодательство. Уже Хартия Европейского Союза об основных правах от 07.12.2000: «...сводит все личные, политические и социально-экономические права воедино, признает их в качестве основных. Социальные права по своей природе хотя и сохраняют во многом программный характер, но они более не считаются второстепенными» [15]. Таким образом, можно сказать, что идет процесс уравнивания прав и отхода от деления их на основные и неосновные.

На политический уровень, все чаще стали, выносить вопросы экологии, вопросы качества жизни, проблемы культурного развития личности и общества, в том числе, и права ребенка. Именно в постиндустриальном обществе могут быть созданы наиболее благоприятные условия для защиты интересов детей, как в семьях, так и оставшихся без родителей, что обеспечено развитием общего благосостояния общества и нормативно-правовой базы в таких странах.

В современной России существует ряд проблем, связанных со сферой опеки и попечительства несовершеннолетних граждан, приоритетным считается помещение детей-сирот в семьи. Основной проблемой здесь является выбор опекуна или попечителя. Здесь необходимы не только здоровье, дееспособность попечителей, но и важны их моральные качества, чтобы они могли воспитать ребенка достойным гражданином, подавали личный пример. Необходимо, чтобы опекуны и попечители не злоупотребляли своей властью над несовершеннолетними, не проявляли жестокости по отношению к ребенку, а последние же чувствовали себя в безопасности в новой семье. Оценка органов опеки и попечительства при вы-

боре опекунов и попечителей в этом вопросе бывает субъективной [16].

В качестве наиболее важных проблем опеки и попечительства несовершеннолетних граждан, касающихся работы органов опеки и попечительства сегодня выделяют [17]:

- недостаточное кадровое обеспечение органов опеки и попечительства;
- невысокий уровень квалификации специалистов, работающих в этих структурах;
- недостаток методических рекомендаций по организации защиты прав детей;
- отсутствие образовательных учреждений, где бы осуществлялась подготовка подобных специалистов;
- недостаток средств у властных структур для повышения квалификации сотрудников органов опеки и попечительства несовершеннолетних граждан;
- недостаточный уровень материально-технического обеспечения органов опеки и попечительства по работе с несовершеннолетними гражданами;
- отсутствие единой нормативной базы, которая бы регулировала деятельность по опеке и попечительству, межведомственное взаимодействие и межмуниципальное в этой сфере, обеспечивала бы контроль за деятельностью законных представителей интересов детей.

Постиндустриальному обществу необходимы государственные служащие другой формации. Это касается и государственных гражданских служащих сферы опеки попечительства детей сирот. Это должны быть служащие, в первую очередь, граждане постиндустриального общества, отвечающие всем требованиям этого общества, разделяющие его передовые ценности и нормы культуры, политической культуры, экономической культуры и т.д.

Постиндустриальное общество предполагает раскрытие способностей, удовлетворение потребностей всех граждан. В этой связи возможна наиболее полная реализация в профессиональном плане, непосредственная связанная с призывом.

В сферу работы с детьми должны идти работать граждане, не равнодушные к детям, идти работать по призванию. Когда происходит иначе, то это, более всего, сказывается на детях-сиротах, т.е., детях, защитником которых является государство. В этом состоит специфика работы государственных гражданских служащих в данной сфере. Работа по призванию в сфере опеки и попечительства также лучше станет соответствовать и интересам самих государственных гражданских служащих. Это же можно сказать и обо всех остальных государственных гражданских служащих. Тогда, можно будет отметить начало нового этапа в развитии социальных институтов,

во всяком случае, касающихся государственного управления.

Итак, проанализировав развитие деятельности государственных органов власти в сфере опеки и попечительства, можно сделать следующие выводы:

- преобразования в сфере опеки и попечительства детей-сирот в России всегда осуществлялись в контексте общественного развития, менялось общество – изменялись его ценности и нормы, что находило отражение в политических нормах и ценностях;
- в постиндустриальном обществе, где главная ценность – человек – наилучшие условия в сравнении с предыдущими условиями, для развития института опеки и попечительства над несовершеннолетними гражданами;
- в настоящее время сфера опеки и попечительства является сложившимся социальным институтом, где основную роль в регулировании его функционирования принадлежит государству;
- органы государственной власти в сфере опеки и попечительства постоянно структурировались, – увеличивалось количество их функций, и их деятельность постоянно детализировалась;
- институт опеки и попечительства детей-сирот постоянно возрастал по численности;
- стала вестись специальная подготовка сотрудников для работы в государственных органах власти и непосредственно для воспитания детей-сирот;
- в ходе исторического развития общество становится более гуманным. В политическом плане – главная ценность – это человек.
- в соответствии с гуманизацией общества, изменяются нормы права. Процесс опеки и попечительства детей-сирот становится все более контролируемым со стороны государства;
- политика государства направлена на определение детей, оставшихся без опеки и попечительства родителей, в семьи, и если нет такой возможности, то только тогда определяет в соответствующие государственные учреждения;
- сегодня есть различные проблемы у всех акторов социального института опеки и попечительства несовершеннолетних граждан: опекаемых (находящихся на попечении), опекунов и попечителей, органов по опеке и попечительству несовершеннолетних граждан в РФ;
- в ходе исторического развития возросла численность этих нормативно-правовых актов, регулирующих отношения опеки и попечительства [18, с. 99];
- расширялся круг требований к опекуну(попечителю);
- процесс опеки(попечительства) все более законодательно регламентировался [18, с. 99];

– законодательство постоянно развивалось в сторону расширения прав опекаемого [18, с. 99];

– в постиндустриальном обществе решается проблема поступления на государственную гражданскую службу по призванию, что наиболее благоприятно скажется на детях-сиротах и государственных гражданских служащих, и на работе всего данного социального института.

В целях обеспечения работы на государственной службе по призванию, в том числе, в сфере опеки и попечения несовершеннолетних граждан, необходимо следующее:

– в настоящее время целесообразно использовать в качестве главных стимулов государственных гражданских и муниципальных служащих, предлагают в научной литературе, и используют на практике, с одной стороны, – это жесткий контроль за их деятельностью, с другой, хорошее материальное стимулирование, чтобы послед-

ние боялись потерять работу на государственной службе. Также, пытаются применять психологические теории в управлении государственным и муниципальным аппаратом;

– в качестве основного и долгосрочного направления работы можно рассматривать повышение общего уровня благосостояния населения.

Такое решение проблемы, в какой-то мере даже является закономерным. Пусть с большими трудностями, медленно, но страна движется в сторону постиндустрии. Тогда быстрее станет развиваться государственная гражданская и муниципальная служба. Граждане станут только какую-то часть своих доходов тратить на удовлетворение жизненно важных потребностей, а остальные средства – на удовлетворение производных потребностей. Такой уровень жизни предполагает более достойный уровень оплаты труда для всего работающего населения.

Литература:

1. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс; При участии К. Бердсолл. М. : Единториал УРСС. 2005.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Академия. 1999. С. 169.

3. Сироты на Руси: какие тяготы выпадали на долю беспризорников, и как о них заботились. URL : <https://kulturologia.ru/blogs/261217/37196/> (дата обращения 28.09.2018).

4. Лядов Л. Юридические обычаи крестьян Шуйского уезда // Ежегодник Владимирского статистического комитета. Вып. 2. Владимир, 1877. Т. I.

5. Нечаева А.М. История законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними // Законы России: опыт, анализ, практика, М., 2013. № 4.

6. Опека и попечительство как форма семейного устройства детей-сирот в РФ. URL : <http://pravo.bobrodobro.ru/54932> (дата обращения 28.09.2018).

7. Общая характеристика опеки и попечительства над несовершеннолетними. URL : https://studbooks.net/560447/pravo/obschaya_harakterisika_oheki_popечitelstva_nesovershennoletnimi (дата обращения 04.03.2018).

8. Институт опеки и попечительства в России. URL : https://otherreferats.allbest.ru/law/00192436_0.html (дата обращения 28.09.2018).

9. Хорошкевич Н.Г. История развития социально-профессиональной группы государственных гражданских и муниципальных служащих и ее политической культуры // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2018. № 8.

Literature:

1. Giddens E. Sociology / E. Giddens; with the assistance of K. Berdsoll. M. : Edintorial URSS. 2005.

2. Bell D. Future post-industrial society. Experience of social forecasting. M. : Academy. 1999. P. 169.

3. Orphans in Russia: what burdens fell to lot of homeless children and as URL cared for them://<https://kulturologia.ru/blogs/261217/37196/>(date of the address 28.09.2018).

4. Lyadov L. Legal customs of peasants of the Shuysky County//Year-book of the Vladimir statistikchesky committee. Iss. 2. Vladimir, 1877. T. I.

5. Nechayeva A.M. History of the legislation on guardianship and guardianship over minors // Laws of Russia: experience, analysis, practice. M., 2013. № 4.

6. Guardianship and guardianship as a form of the family device of orphan children in the Russian Federation. URL : <http://pravo.bobrodobro.ru/54932> (date of the address 28.09.2018).

7. A general characteristic of guardianship and guardianship over minors. URL : https://studbooks.net/560447/pravo/obschaya_harakterisika_oheki_popечitelstva_nesovershennoletnimi (дата обращения 04.03.2018).

8. Institute of guardianship and popechitelsta in Russia. URL : https://otherreferats.allbest.ru/law/00192436_0.html (date of the address 28.09.2018).

9. Horoshkevich N.G. History of development of social professional group of the public civil and municipal servants and its political culture // Humanitarian, social and economic and social sciences. Krasnodar, 2018. № 8.

10. Государственная (гражданская) служба конца XVIII и начала XX вв. URL : <http://helpiks.org/7-50937.html> (дата обращения 18.04.2018).
10. Public (civil) service of the end XVIII and beginning of XX вв. URL : <http://helpiks.org/7-50937.html> (date of the address - 18.04.2018).
11. Опекунство и попечительство в РФ. История попечительства в РФ. Социально-экономическое положение детей в современной России. Современная государственная система защиты детей-сирот. URL : <https://lektsii.com/214238.html> (дата обращения 28.09.2018).
11. Guardianship and guardianship in the Russian Federation. Guardianship history in the Russian Federation. Economic and social situation of children in modern Russia. Modern state system of protection of orphan children. URL : <https://lektsii.com/214238.html> (date of the address 28.09.2018).
12. *Хорошкевич Н.Г.* Политические ценности государственных гражданских и муниципальных служащих в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов-н/Д., 2010. № 4.
12. *Khoroshkevich N.G.* Political values of judicial civil servants and municipal employees in modern Russia // State and municipal administration. SCAGS notes scientists. Rostov-on/D., 2010. № 4.
13. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4.
13. *Inglhart R.* Postmodern: the changing values and the changing societies // Policy, 1997. № 4.
14. *Богдан И.В.* Политические ценности в современной России: когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование 2015. Т. 8. № 3.
14. *Bogdan I.V.* Political values in modern Russia: cognitive, emotional and behavioural aspects // Problem analysis and state and administrative design. 2015. Т. 8. № 3.
15. Хартия европейского Союза об основных правах от 07.12.2000. URL : https://studopedia.su/14_42680_hartiya-evropeyskogo-soyuza-ob-osnovnih-pravah-g-obshchaya-harakteristika.html (дата обращения 18.04.2019).
15. The charter of the European Union about basic rights from 07.12.2000. URL : https://studopedia.su/14_42680_hartiya-evropeyskogo-soyuza-ob-osnovnih-pravah-g-obshchaya-harakteristika.html (date of the address 18.04.2019).
16. Проблемы опеки (попечительства) над несовершеннолетними детьми. URL : https://studbooks.net/1082027/pravo/problemy_opeki_pop_echitelstva_nesovershennoletnimi_detmi (дата обращения 28.09.2018).
16. Problems of guardianship (guardianship) over minor children. URL : https://studbooks.net/1082027/pravo/problemy_opeki_pop_echitelstva_nesovershennoletnimi_detmi (date of the address 28.09.2018).
17. Современные проблемы в системе органов опеки и попечительства. URL : https://studbooks.net/642287/sotsiologiya/sovremennye_problemy_sisteme_organov_opeki_pop_echitelstva (дата обращения 10.09.2018).
17. Modern problems in the system of tutorship and guardianship authorities. URL : https://studbooks.net/642287/sotsiologiya/sovremennye_problemy_sisteme_organov_opeki_pop_echitelstva (date of the address 10.09.2018).
18. *Хорошкевич Н.Г.* Совершенствование законодательства об опеке и попечительстве над несовершеннолетними гражданами в России в контексте исторического развития общества / Н.Г. Хорошкевич, С.А. Кунгурцева // Всероссийская научно-практическая молодежная конференция «Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс». Екатеринбург, 2018.
18. *Horoshkevich N.G.* Improvement of the legislation on guardianship and guardianship over minor citizens in Russia in the context of historical development of society / N.G. Horoshkevich; S.A. Kungurtseva // All-Russian scientific and practical youth conference «Mobility as measurement of soft power: theory, practice, discourse», Yekaterinburg, 2018.

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский
государственный медицинский
Университета Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Physics,
Mathematics and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

ПОКАЗАТЕЛИ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ОЦЕНОК АДАПТИВНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

INDICATORS OF INTEGRAL ADAPTIVITY ASSESSMENT IN THE STUDENT UNIVERSITY OF THE MEDICAL UNIVERSITY

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования показателей интегральных оценок адаптивности у российских и иностранных студентов в медицинском университете. Протестированы с помощью анкеты российские и иностранные студенты первых и вторых курсов специальностей 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия», 31.05.03 «Стоматология», 32.05.01 и 33.05.01 «Фармация» в количестве 1200 человек. Проведён социологический опрос с использованием авторской анкеты, состоящей из 30 вопросов. В исследовании были определены такие показатели интегральных оценок у студентов, как: формирование устойчивого отношения к будущей профессии, выработка собственного стиля поведения, новые климатические условия, усвоение основных норм интернационального коллектива новые бытовые условия.

Ключевые слова: образовательная система, медицинский вуз, языковой барьер, адаптивность, интернациональный коллектив, студенты медицинского вуза.

Annotation. The article presents the results of a sociological study of indicators of integrated adaptability estimates for Russian and foreign students at a medical university. The questionnaire was tested by Russian and foreign students of the first and second courses of specialties 31.05.01 «Medical», 31.05.02 «Pediatrics», 31.05.03 «Dentistry», 32.05.01 and 33.05.01 «Pharmacy» in the number of 1200 people. A sociological survey was conducted using the author's questionnaire consisting of 30 questions. The study identified such indicators of students' integral assessments as: formation of a stable attitude to the future profession, development of their own style of behavior, new climatic conditions, assimilation of basic norms of the international team, new living conditions.

Keywords: educational system, medical university, language barrier, adaptability, international staff, medical university students.

Введение. В настоящее время особое значение уделяется проблеме адаптивности обучающихся высших школ к новым требованиям и условиям обучения [3]. В российских вузах учатся свыше 180 тыс. иностранных студентов из 150 стран мира, и с каждым годом количество студентов увеличивается [7]. В связи с этим, становится актуальным вопрос адаптивности. Для более четкого различия процесса адаптации и результата адаптации, Х. Хартманн предложил ввести понятие «адаптивность», чтобы разграничить понимание «адаптивности», которое он определяет – «как установление относительного равновесия в системе человек – среда», и процесса адаптации, приводящего к этому состоянию [6]. Адаптивность – способность к адаптации, приспособлению человека к существующим в обществе требованиям и критериям оценки за

счет присвоения норм и ценностей данного общества. Адаптивность, прежде всего, заключается в анализе и адекватном восприятии окружающей среды, вследствие чего вырабатывается умение оставаться целостной личностью. Человек, обладающий адаптивностью, намного легче переносит перемены в жизни, имеет возможность адекватно сориентироваться в любой (особенно, неприятной) ситуации, обладает более высокой эмоциональной устойчивостью, а также способен меняться, что не пугает, а только вдохновляет его [1].

Для каждого абитуриента, зачисленного в высшее учебное заведение, начинается новый этап самоопределения, кардинально меняющий привычный образ жизни (где преобладало влиятельное отношение семьи и доминантная состав-

ляющая образовательного кластера) и соответственно открывающий другой формат новейшей образовательной системы.

Ситуация новизны является для любой личности в конкретной степени тревожной, поэтому студенты первого года обучения переживают эмоциональный дискомфорт и неуверенность, прежде всего, из-за неопределенности представлений о требованиях преподавателей, о специфике и условиях обучения, о ценностях и нормах поведения в коллективах групп и пр. [5].

Цель исследования заключалась в определении интегральных оценок адаптивности у российских и иностранных студентов в медицинском университете.

Материалы и методы. Социологическое исследование проведено в Астраханском государственном медицинском университете с февраля по май 2019 года. Были протестированы российские и иностранные студенты первых и вторых курсов специальностей 31.05.01 «Лечебное дело», 31.05.02 «Педиатрия», 31.05.03 «Стоматология», 32.05.01 и 33.05.01 «Фармация» в количестве 1200 человек. Был проведен качественный и количественный анализ анкеты («Формирование интегральных оценок понимания адаптивности у студентов в медицинском университете»). Результаты представлены в таблице 1.

Результаты и обсуждение. По результатам проведенного социологического исследования, было выявлено, что у российских студентов лечебного факультета высокие интегральные оценки адаптивности по показателям «новые климатические условия» (89,8 %) и «выработка собственного стиля поведения» (89,8 %). Данный результат свидетельствует о том, что российские студенты испытывают затруднения в адаптации к новым условиям и выработке копинг-стратегий, однако, для них является наименьшим стрессором – это новая образовательная система (34,2 %). Для иностранных студентов этого же факультета интегральные оценки адаптивности в медицинском университете значительно ниже, чем у российских студентов. Для студентов-иностранцев сложными факторами являются новые бытовые (94,5 %), климатические (93,6 %) условия и новая образовательная среда (87,9 %). Анализ данных показал, что иностранные студенты медицинского университета еще не полностью адаптировались. Далее, сравнили интегральные оценки адаптивности у российских и иностранных студентов педиатрического факультета. Следует отметить, что уровень адаптивности российских студентов данного факультета достоверно выше, чем у иностранных студентов. К числу основных трудностей в процессе адаптации иностранные студенты отнесли: новые климатические условия (91,8 %) и новая образовательная система (89,0 %).

Таблица 1

Показатели интегральных оценок адаптивности у российских и иностранных студентов в медицинском университете

	Лечебное дело		Педиатрия		Стоматология		Фармация	
	Росс. %	Иностр. %	Росс. %	Иностр. %	Росс. %	Иностр. %	Росс. %	Иностр. %
Усвоение основных норм интернационального коллектива	67,4	48,2	53,1	32,8	51,0	42,5	44,2	32,1
Выработка собственного стиля поведения	89,8	65,7	84,6	54,3	92,8	78,0	61,1	53,1
Формирование устойчивого отношения к будущей профессии	86,8	78,8	89,5	64,2	91,5	89,2	65,0	62,4
Преодоление языкового барьера	63,4	43,4	57,8	43,0	61,8	52,7	53,2	51,5
Усиление чувства академического равноправия	38,7	26,5	36,2	27,4	41,6	21,9	25,0	19,5
Новые климатические условия	89,8	93,6	86,5	91,8	87,2	94,8	88,4	93,2
Новые бытовые условия	76,7	94,5	77,2	85,0	95,0	93,4	67,5	83,5
Замена социального окружения	54,8	23,7	51,2	26,7	49,6	24,1	52,1	23,0
Новая образовательная система	34,2	87,9	33,5	89,0	31,0	87,5	41,5	80,6
Новый язык общения	57,4	67,7	56,6	69,0	45,1	84,2	53,4	81,3
Интернациональный характер учебных групп	42,5	76,2	41,8	79,5	55,2	79,0	39,0	72,0

Стоит подчеркнуть, что российские студенты стоматологического факультета испытывают сложности в адаптации к новым бытовым условиям (95,0 %), а также выработки собственного стиля поведения (92,8 %). Необходимо отметить, что иностранные студенты стоматологического факультета испытывают аналогичные сложности в сравнении с иностранными студентами специальностей «Лечебное дело» и «Педиатрия», и проявляются в адаптации к новым климатическим (94,8 %) и бытовым (93,4 %) условиям, и формирование устойчивого отношения к будущей профессии (89,2 %).

Средний уровень всех интегральных оценок адаптивности был отмечен у российских студентов фармацевтического факультета, однако, есть трудности в адаптации к новым климатическим условиям (88,4 %). Иностранные студенты фармацевтического факультета испытывают затруднения в новом языке общения (81,3 %).

Исходя из проведенного исследования, можно уверенно утверждать об успешной адаптивности большинства российских студентов в медицинском университете. Из числа опрошенных иностранных студентов отмечаются низкие показате-

тели адаптивности, в частности, студенты всех факультетов испытывают стресс в связи со сменной климатических и бытовых условий, а также заменой социального окружения.

Заключение. Проведенная исследовательская работа показала ряд проблем во всей сфере студенческой среды, детализация которых требует тщательного изучения, дополнительных проработок, притягивания инновационных технологий в образовательном портале, а решением такого объема задачеобходимозаниматься команде высшего учебного заведения, объединяющей службы соответствующих направлений. Интегральные оценки адаптивности иностранных студентов существенно отличаются от инте-

Литература:

1. Агаева А.Э. Особенности адаптации студентов I курса к обучению в вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 1221–1225.
2. Бортнюк О.А. Свобода выбора медицинской профессии: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 6. С. 3–10.
3. Вишневский Ю.Р. Студент 90-х – социокультурная динамика / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Социологические исследования. 2000. № 12.
4. Клоктунова Н.А. Динамика детерминирующих мотивов выбора профессии врача студентами медицинского вуза // Саратовский науч.-мед. журнал. 2013. № 2. С. 333–337.
5. Лабынцева И.С. Отношение к будущей профессии студентов с разным уровнем учебной активности // Известия ЮФУ Технические науки. 2012. № 10. С. 226–231.
6. Росляков А.Е. Процесс адаптации студентов в условиях вуза. // «Психология и эргономика». 2003. № 4.
7. Чижкова М.Б. Удовлетворенность учебно-профессиональной деятельностью студентов-первокурсников на начальном этапе обучения в медицинском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 261.

гральных оценок адаптивности российских студентов, и зависят отсоциальных, национальных и географических характеристик. Показательными фактами о не высокой толерантности и неустойчивом микроклимате в среде иностранных студентов, свидетельствует интернациональный характер учебных групп, к которому в большинстве случаев эти студенты не готовы.

Результаты исследования могут быть рекомендованы для профессорско-преподавательского состава и администрации вузапри реализации педагогической деятельности, в организации образовательного процесса и в рамках общественно-воспитательных мероприятий по работе со студенческой молодежи.

Literature:

1. Agaeva A.E. Peculiarities of adaptation of students of the first year to higher education // Scientific-methodical electronic journal «Concept». 2016. Vol. 11. P. 1221–1225.
2. Bortniuk O.A. Freedom to choose the medical profession: a sociological analysis // Modern studies of social problems. 2015. № 6. P. 3–10.
3. Vishnevsky Yu.R. Student of the 90s – Sociocultural Dynamics / Yu.R. Vishnevsky, V.T. Shapko // Sociological Research. 2000. № 12.
4. Kloktunova N.A. Dynamics of determinative motives for the choice of the profession of doctor by students of a medical university // Saratov scientific-med. magazine. 2013. № 2. P. 333–337.
5. Labintseva I.S. Attitudes toward the future profession of students with different levels of learning activity // Izvestiya SFU Tehnicheskie Nauki. 2012. № 10. P. 226–231.
6. Roslyakov A.E. The process of adaptation of students in the conditions of the university. // «Psychology and ergonomics». 2003. № 4.
7. Chizhkova M.B. Satisfaction with the educational and professional activities of first-year students at the initial stage of training in a medical university // Modern problems of science and education. 2015. № 4. P. 261.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Артамонова Юлия Сергеевна
аспирантка отдела
социального законодательства,
Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве
Российской Федерации,
ИЗиСП г. Москва
nartam@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Федеральное образовательное законодательство на современном этапе представляет объемный нормативный правовой материал, не лишенный целого ряда недостатков, что создает значительные трудности в правовой работе органов исполнительной власти и образовательных учреждений и инициирует условия для юридических коллизий и необоснованных решений. Тем самым, резко возрастает актуальность проведения масштабной систематизации действующего законодательства об образовании на федеральном уровне – именно в рамках данного процесса законодателю предоставляется уникальная возможность решения актуальных вопросов развития образовательного законодательства на современном этапе. Основная задача, стоящая перед организаторами работ по систематизации, состоит в определении обоснованной последовательности в использовании форм систематизации законодательства в области образования.

Ключевые слова: образовательное законодательство, образовательные правоотношения, нормативные правовые акты, систематизация, кодификация, инкорпорация, консолидация, учет.

Анализ действующего федерального законодательства об образовании показывает, что оно состоит из множества нормативных правовых актов, объединенных вокруг базового закона «Об образовании в Российской Федерации» [1]. Следует признать, что столь многоуровневая система подзаконных нормативных актов является одним из самых серьезных недостатков. Одним из вариантов решения обозначенной проблемы представляется проведение масштабной систематизации всего массива нормативных правовых актов об образовании – именно

Artamonova Julia S.
Post-graduate student
of the Department of Social Legislation,
Institute of Legislation
and Comparative Law affiliated
to the Government
of the Russian Federation, Moscow
nartam@yandex.ru

REVISITING SYSTEMATIZATION FORMS OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Federal legislation in the sphere of education at the modern stage is an enormous statutory material, which is not devoid of its drawbacks. It, consequently, leads to certain difficulties in the legal work of government agencies and educational establishments. In addition to it, it initiates conditions for legal conflicts and unfounded decisions, which, in their turn. As a result, the problem of carrying out a large-scale systematization of current legislation in the sphere of education on the federal level is becoming more and more urgent. Within the framework of this process, a legislator is given a unique opportunity of solving relevant questions of the development of modern legislation in the sphere of education. The main aim for those organizing the process of systematization is to define a founded and sufficient succession in the application of systematization forms for legislation in the sphere of education.

Keywords: legislation in the sphere of education, legal relationship in the sphere of education, statutory and regulatory enactments, systematization, codification, incorporation, record.

данная задача является приоритетным направлением развития образовательного законодательства на современном этапе [3].

В юридической науке существует подход, согласно которому «в наибольшей степени требованию согласованности, полноты законодательства и комплексного подхода к его формированию отвечают базовые отраслевые законы, за которыми закрепилось значение системообразующих актов. Широко известной формой федерального закона как основного, базового или головного акта отрасли, обеспечивающего необ-

ходимую согласованность законодательства внутри отраслевого структурного комплекса, является кодекс» [6, с. 165].

Следует отметить, что в правотворческой практике ряда государств имеется опыт кодификации образовательного законодательства. Так, например, существует Модельный образовательный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств, в Белоруссии в 2011 г. принят Кодекс об образовании, 17 июля 2014 г. принят Кодекс Республики Молдова об образовании.

Идея проведения масштабной систематизации образовательного законодательства активно обсуждалась в нашей стране с конца 90-х гг. прошлого века. В этот период были разработаны два проекта образовательного кодекса [2, с. 96].

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся аргументы, идея кодификации образовательного законодательства так и не реализована, и в настоящее время систематизация федерального законодательства пошла по пути принятия интегрированного федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273 [1].

Как отмечает Н.В. Путило, «принятый федеральный закон обладает многими признаками, присущими кодификационным актам:

– инкорпорация норм нескольких актов в один акт, прекращение действия множества законодательных актов;

– включение в объединенный акта новых норм» [5, с. 139].

Вместе с тем, представляется, что указанный закон представляет собой промежуточный этап, который в дальнейшем будет способствовать кодификации законодательства об образовании.

По вопросу кодификации федерального образовательного законодательства полагаем, что принятие образовательного кодекса является определенной перспективой законодательства в сфере образования.

Обратимся к иным формам систематизации федерального образовательного законодательства.

Одной из форм систематизации законодательства, которая негласно признается всеми, является инкорпорация, которая традиционно имеет целью внешнюю обработку нормативных правовых актов без изменения их содержания. В процессе инкорпорации из текста изымаются, прежде всего, разнообразные оперативные поручения, нормы, срок действия которых истек. В конечном итоге, систематизированные таким образом нормативные правовые акты объединяются в разнообразные сборники, в которых нормативные правовые акты могут быть расположены либо по хронологии издания акта, либо, исходя из предмета правового регулирования (например – экономика образования, управление образованием и т.д.).

Выделяют официальную и неофициальную инкорпорацию. В первом случае инкорпорированные акты объединяются в сборники, которые в дальнейшем утверждаются уполномоченными органами. Эта форма систематизации не получила должного распространения в Российской Федерации. При неофициальной инкорпорации аналогичные сборники издаются по собственной инициативе заинтересованными лицами. Неофициальная инкорпорация на сегодняшний день получила большее распространение в России. Примером тому может служить Сборник международно-правовых актов, составляющих нормативную базу Болонского процесса [4, с. 79].

Касаясь вопроса о возможности применения данной формы систематизации к федеральному образовательному законодательству, следует отметить следующее. Указанная форма может использоваться как промежуточный этап совершенствования образовательного законодательства. И важный этап в данном направлении сделан. С определенной долей условности исследователи называют принятие федерального закона РФ «Об образовании в РФ» актом инкорпорации [5, с. 139].

Еще одной формой систематизации законодательства выступает консолидация – объединение множества правовых актов, принятых по одному или нескольким вопросам, в единый укрупненный акт.

Следует отметить, что на сегодняшний день эта форма систематизации в отношении актов законодательства об образовании практически не применялась. Одним из немногих примеров является письмо Минобразования России от 17 апреля 2003 г. № 14-52-445ин/13, в котором приводятся извлечения из законодательных актов Российской Федерации, регламентирующие льготы по приему в высшие учебные заведения. Одной из причин является наличие значительной пробельности в образовательном праве. Вместе с тем, данная форма систематизации, с одной стороны, позволила бы решить проблему дублирования актов, с другой, не создала бы прочной правовой основы для стабильной и эффективной системы образования, поскольку не добавила бы ничего нового в механизм правового регулирования образовательной сферы, вместе с тем, как нам представляется, именно этот механизм требует существенного обновления.

К одной из форм систематизации, признаваемой далеко не всеми исследователями в области теории права, относят и учет.

Функцию учета сегодня выполняют информационно-правовые и справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант» и др., позволяющие оперативно получить подборку не только действующих актов по образованию, но и отмененных, а также актов в уже не действующих редакциях». По нашему мнению, полномочия по учету нормативных правовых актов в сфере образования, необходимо возложить на уполномо-

ченный Федеральный орган исполнительной власти. При этом работа по систематизации в данном направлении не должна заканчиваться обнаружением вновь принятых актов – все акты должны группироваться по различным критериям (по юридической силе, по содержанию, по уровню образовательной системы и т.п.) и сводиться в различного рода сборники законодательства, что будет способствовать повышению уровня гласности действующего законодательства, его доступности для всех участников образовательных правоотношений.

Подводя определенные итоги, следует отметить, что федеральное образовательное законодательство на современном этапе представляет объемный нормативный правовой материал, не лишенный целого ряда недостатков, что еще раз

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.06.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 31.12.2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7598.
2. Кодекс Российской Федерации об образовании. Общая часть: Проект (с изм. и доп.) / Отв. ред. В.М. Сырых. М., 2003 // «Образовательное право» (2003. № 12, 16, 17, 18). Проект.
3. *Козырин А.Н.* Актуальные проблемы развития образовательного законодательства Российской Федерации. URL : <http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod/702.html> (дата обращения 13.02.2019).
4. Международные правовые акты и документы по развитию европейской интеграции в образовании и исследованиях: Европейское образовательное пространство: от Лиссабонской конвенции до признания Болонского процесса / Под ред. Г.А. Лукичева. М. : Готика, 2004. Рецензия опубликована: Правоведение. 2005. № 4.
5. *Андриченко Л.В.* Образовательное законодательство России. Новая веха развития : монография / Л.В. Андриченко, В.Л. Баранков, Б.А. Булаевский и др.; Отв. ред. Н.В. Путило, Н.С. Волкова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : ИД Юриспруденция, 2015. 480 с.
6. *Сырых В.М.* Федеральный закон «Об образовании в РФ» как предтеча Кодекса РФ об образовании: шаг вперед, три назад // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2013. Т. 1.

подчеркивает актуальность проведения систематизации действующего законодательства об образовании, прежде всего, на федеральном уровне.

Главной задачей в данном процессе должна стать последовательность в использовании форм систематизации законодательства в области образования. В этой связи, проведенное исследование различных форм систематизации федерального образовательного законодательства позволяет сделать вывод, о том, что при выборе конкретной формы систематизации следует продвигаться поэтапно, от более простых форм к сложным. Принцип поэтапного продвижения систематизации позволит воспользоваться преимуществами каждой новой формы систематизации.

Literature:

1. Federal Law № 273-ФЗ dated 29.12.2012 (ed. 17.06.2019) «On Education in the Russian Federation» // «Assembly of Legislation of the Russian Federation». 31.12.2012. № 53 (Part 1). Art. 7598.
2. The Education Code of the Russian Federation. General part: Project (with revision and addition)/ Ed. V.M. Raw. M., 2003 // «Educational Law» (2003. Nos. 12, 16, 17, 18). Project.
3. *Kozyrin A.N.* Current problems of development of educational legislation of the Russian Federation. URL : <http://www.lexed.ru/pravo/theory/ezegod/702.html> (date of appeal 13.02.2019).
4. International Legal Acts and Documents on the Development of European Integration in Education and Research: European Educational Space: from the Lisbon Convention to the Recognition of the Bologna Process / Under Ed. G.A. Lukicheva. M. : Gothic, 2004. review published: Jurisprudence. 2005. № 4.
5. *Andrichenko L.V.* Educational legislation of Russia. New development milestone : monograph / L.V. Andrichenko, V.L. Barankov, B.A. Bulayevsky, etc.; отв. Ed. N.V. Putilo, N.S. Volkova; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. M. : ID Jurisprudence, 2015. 480 p.
6. *Seruch V.M.* Federal Law «On Education in the Russian Federation» as a precursor to the Code of the Russian Federation on Education: a step forward, three back // Yearbook of Russian educational legislation. 2013. T. 1.

Арутюнян Мариам Гагиковна
аспирантка кафедры криминалистики
юридического факультета,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
msu_law_mariam@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ НА ВСЕХ СТАДИЯХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ФИЗИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

Аннотация. Данная научная статья посвящена анализу специальных знаний, которые применяются на первоначальном этапе расследования уклонения от уплаты налогов.

Ключевые слова: налоги, уклонение от уплаты налогов с физического лица, криминалистическая характеристика преступлений, элементы криминалистической характеристики, специальные знания.

Расследование уклонений физического лица от уплаты налогов невозможно без использования в этом процессе специальных знаний. К настоящему времени в криминалистике сложилось понимание, что этот вид знаний может быть полезным для целей расследования. Речь идет о консультационно-справочной деятельности специалистов, их участии в процессуальных и следственных действиях, а также производство судебных экспертиз. В расследовании налоговых преступлений используются все перечисленные направления.

Следователь без консультирования по специальным вопросам не в состоянии полноценно разобраться в предмете налогового преступления и обстоятельствах, которые следует установить в процессе расследования для полного его определения в материалах уголовного дела. Поэтому наиболее эффективной формой использования специальных знаний в расследовании уклонений физического лица от уплаты налогов мы считаем консультационно-справочную деятельность специалиста в связи с расследованием.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве участие специалиста в расследовании преступлений расширено. Однако для более точного, с точки зрения закона, участия специалиста в консультационной деятельности следовало бы принять соответствующие нормы

Mariam G. Arutyunyan
Graduate student of the Department
of Forensic Science Faculty of Law,
Moscow State University
name of M.V. Lomonosov
msu_law_mariam@mail.ru

SPECIAL KNOWLEDGE USED AT ALL STAGES OF THE INITIAL STAGE OF AN INVESTIGATION OF TAX EVASION BY AN INDIVIDUAL

Annotation. This scientific article is devoted to the analysis of special knowledge that is applied at the initial stage of the tax evasion investigation.

Keywords: taxes, tax evasion to the individual, criminalistic characteristics of the criminal, the elements of criminalistics characteristics, special knowledge.

в УПК РФ. Такому консультанту необходим собственный правовой статус, когда его участие в расследовании (письменные, устные консультации) не связано с процессуальным участием в действиях, осуществляемых следователем.

Подобная необходимость подтверждается и насущными требованиями практики расследования, в соответствии с которой следователи постоянно нуждаются в консультациях, связанных с занижением налога за счет завышения выплачиваемых страховых сумм и страховых возмещений, заключения фиктивных договоров и других сложных проблем, возникающих в процессе расследования.

Обычной стала практика обращения следователей в связи с проблемами, возникающими при расследовании налоговых преступлений к научным сотрудникам вузов, специалистам в области гражданского, предпринимательского, налогового права.

Сложности расследования преступлений рассматриваемой категории фактически породили новые формы консультационно-справочной деятельности со стороны специалистов негосударственных экспертных учреждений, а именно «правовых», «экономико-правовых», «налогово-правовых» консультаций (часто экспертиз).

Изученная судебно-следственная практика свидетельствует о том, что консультации специали-

стов по ходу расследования уклонения физического лица от уплаты налогов необходима для поиска доказательств и их оценке в процессе расследования.

Одним из современных трендов в этом вопросе можно считать привлечение для консультационно-справочной деятельности специалиста в области компьютерной техники и информации, что связано с процессами «цифровизации» финансово-хозяйственной деятельности и налоговой отчетности.

Как известно, поводами к возбуждению уголовного дела в отношении уклоняющегося от налогов физического лица являются материалы налоговой и оперативно-разыскной проверки. Однако отыскание оснований к возбуждению уголовного дела следователю, в ситуации не полной ясности обстоятельств, изложенных в материалах, может помочь соответствующий профильный специалист.

Достоинства консультаций специалиста, которые, собственно, сами по себе доказательственного значения не имеют, и заключаются в том, что они помогают следователю провести объективную оценку доказательств, своевременно решить вопрос о назначении судебной экспертизы, определить круг вопросов для нее.

Ряд следственных действий без участия специалиста в процессе своего производства просто теряют свой смысл. Так, важнейшими следственными действиями первоначального этапа расследования уклонения физического лица от уплаты налогов являются выемка и обыск. Они связаны, в первую очередь, с необходимостью обнаружения документов финансово-хозяйственной деятельности и документов налогового учета. Специалист в процессе проведения этих следственных действий всегда может указать на места, где могут находиться эти документы, предложить изъять только те, которые относятся к расследованию и пр. Осмотр изъятых документов важен в первую очередь тем, что позволяет выявить следы, связанные с расследуемым налоговым преступлением, в том числе материального и интеллектуального подлога.

Проведенный нами анализ протоколов процессуальных и следственных действий по расследованию уклонений физического лица от уплаты налогов, в которых совместно со следователем принимал участие и специалист, свидетельствует о том, что они отличаются логичностью изложения, а их содержание более упорядочено, глубоко и подробно. Особенно это связано с вопросами, которые с разрешения следователя задавал специалист. Эти вопросы конкретны, по существу, что требует таких же ответов со стороны заподозренного. Это актуально для доказывания прямого умысла на совершение налогового преступления, установление которого важный элемент в системе алгоритма первоначального этапа расследования.

Первоначальный этап расследования уклонения физического лица от уплаты налогов для совре-

менных условий следственной деятельности должен учитывать особую актуальность участия в расследовании специалиста в области компьютерной техники и информации. Его участие всегда будет блокировать возможность утраты (уничтожения) для расследования информации соответствующего вида. Знания подобного специалиста могут способствовать не только правильному изъятию (выемкой, обыском) компьютерной техники у конкретного налогоплательщика, но и правильному ее осмотру и предварительному исследованию с целью получения и использования компьютерной информации для расследования.

Данные судебно-следственной практики с очевидностью свидетельствуют о том, что наиболее важными для расследования указанных налоговых преступлений представляются: криминалистические 12.1 %; экономические 58.9 %; бухгалтерские 19.2 %; компьютерно-технические 8.9 % экспертизы. Интересно, что по 0.9 % уголовных дел экспертизы не назначались вовсе.

Наиболее распространенными экономическими экспертизами по предмету были бухгалтерские 29.2 %; налоговые 35.6 % и финансовые 35.2 % .

Однако достаточно часто судебные экспертизы, хотя и носили различное название, но были направлены на исследование схожих предметов, и следователь ставил на разрешение экспертов близкие по содержанию вопросы. Это обусловлено несовершенством законодательной базы, связанной с единообразной формулировкой предметов экономических экспертиз и их недостаточной научно-практической проработкой.

Между тем, приоритет практически всегда отдавался экономическим экспертизам, направленным на исследование производственной и финансово-хозяйственной деятельности предприятия, физического лица, где были выявлены налоговые нарушения. Соотношение права и экономики как формы и содержания позволяет рассматривать судебно-экономическую экспертизу в качестве средства, устанавливающего экономические (внутренние) признаки события и состава налогового преступления, размер причиненного преступлением ущерба, источники возмещения ущерба за счет виновных лиц, а свои выводы эксперт обосновывает документальными данными, которые отражаются в бухгалтерском и налоговом учете.

Судебно-экономическая экспертиза – наиболее актуальная для расследования уклонений физического лица от уплаты налогов.

Вместе с тем, важное значение имеет и налоговая судебная экспертиза. Она связана с исчислением налогов, сокрытием имущества от налогообложения. Налоговые экспертизы своими исследованиями позволяют следователю установить характер умысла налогоплательщика на совершение налогового преступления, связанного с уклонениями от уплаты налогов. Факт этого в судебной экспертизе выглядит достаточно просто. Судебный эксперт устанавливает различие в исследуемых документах между внесени-

ем в них заведомо ложных сведений и технической ошибкой.

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что следователи, проводя расследование фактов уклонения физического лица от уплаты налогов, прибегают к назначению:

- технико-экономических экспертиз (изготовление документа из частей разных документов);
- автороведческих и почерковедческих экспертиз;
- товароведческих и пищевых экспертиз;

Литература:

1. *Александров И.В.* Налоговые преступления: Криминалистическая проблемы расследования. Спб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.
2. *Васильев А.Н.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984.
3. Расследование налоговых преступлений : учебное пособие / Под общ. ред. В.Н. Карагодина. 2-ое издание. Екатеринбург, 2016.
4. *Соловьёв И.Н.* Налоговые преступления и преступность. М., 2006.

– компьютерно-технических экспертиз, что обусловлено характером ситуации расследования и конкретными обстоятельствами преступления, которые требуется установить в процессе расследования.

Однако судебно-следственной практикой расследования уклонения физического лица от уплаты налогов давно доказано, что провести полноценное расследование преступления без привлечения того или иного вида специальных знаний и в полной мере установить обстоятельства содеянного практически невозможно.

Literature:

1. *Aleksandrov I.V.* Tax crimes: Forensic investigation problems. Spb. : Publishing house «Legal Center Press», 2002.
2. *Vasiliev A.N.* The subject, system and theoretical basis of criminalistics / A.N. Vasiliev, N.P. Yablokov. M. : Izd-vo Mosk. University, 1984.
3. Investigation of tax crimes : training manual / under total / Ed. V.N. Karagodin. 2nd edition. Ekaterinburg, 2016.
4. *Solovyov I.N.* Tax crimes and crime M., 2006.

Галецкий Виталий Сергеевич
адъюнкт кафедры
уголовной политики,
Академия управления МВД России
Milena.555@mail.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРЫСТНЫХ И КОРЫСТНО- НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ТЕРРИТОРИИ МОСКОВСКОГО МЕТРОПОЛИТЕНА

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы виктимологической профилактики корыстных и корыстно-насильственных преступлений, осуществляемой на объектах Московского метрополитена. На основе анализа судебно-следственной практики, действующего национального законодательства и научно-аналитических обзоров сделаны выводы об уровне эффективности данного вида профилактики.

Ключевые слова: Московский метрополитен, виктимологическая профилактика, предупреждение преступлений, корыстная преступность, корыстно-насильственная преступность.

В своем выступлении на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ 28 февраля 2019 г. Президент России Путин В.В. среди положительных тенденций 2018 года назвал сокращение общего количества преступлений, включая тяжкие посягательства. При этом, как отметил глава государства, важно не только закрепить достигнутые результаты, но и последовательно добиваться снижения уровня преступности. Разумеется, что решение такой задачи во многом (а может и главным образом) связано с развитием системы профилактики преступлений, поскольку репрессия как реакция на преступность в большинстве случаев оказывается малоэффективной.

Оказывая влияние на развитие криминологической ситуации в стране, корыстные и корыстно-насильственные посягательства против собственности пассажиров Московского метрополитена (кражи, мошенничество, грабежи и разбои) являются самыми распространенными преступлениями, совершаемыми на территории этого транспортного комплекса, традиционно состав-

Vitaly S. Galetsky
Associate of the Department
of Criminal Policy,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Milena.555@mail.ru

VICTIMOLOGICAL ASPECTS OF PREVENTION OF MERCENARY AND MERCENARY-VIOLENT CRIMES COMMITTED ON THE TERRITORY OF MOSCOW METRO

Annotation. The article highlights some issues of victimological prevention of mercenary and mercenary-violent crimes at the facilities of the Moscow Metro. On the basis of the analysis of judicial and investigative practice, the current national legislation and scientific and analytical reviews, conclusions about the level of effectiveness of this type of prevention.

Keywords: Moscow Metro, victimological prevention, crime prevention, mercenary crime, mercenary-violent crime.

ляя более половины (55–75 %) всех регистрируемых здесь криминальных проявлений. Несмотря на относительно незначительное количество таких посягательств в сопоставлении с пассажиропотоком «подземного» мегаполиса¹, а также появившийся тренд, связанный со снижением их абсолютных показателей, данные преступления продолжают беспокоить граждан, пользующихся услугами метро, представляющего, по своей сути, замкнутое закрытое пространство, в котором любые криминальные угрозы резко обостряются. В связи с этим, деятельность по предупреждению преступлений, осуществляемая в рамках этого инфраструктурного социально-транспортного пространства, принимает специфические формы противодействия криминалу, в отличие от предупредительных меро-

¹ За период 2013–2018 гг. ежегодно регистрировалось от 481 до 2467 рассматриваемых корыстных и корыстно-насильственных преступлений. При этом только в 2017 г. услугами столичного метрополитена воспользовалось 2442,4 млн пассажиров, что по количеству соответствует трети жителей Земли.

приятый, традиционно реализуемых территориальными субъектами профилактики правонарушений.

Кроме того, как показывает практика, многие весьма эффективные формы профилактического воздействия, предусмотренные законодательством, в условиях функционирования метрополитена не применяются. Так, например, социальная адаптация и социальная реабилитация (помощь в трудовом и бытовом устройстве; мероприятия по восстановлению утраченных социальных и функций лицами, находящимися в трудной жизненной ситуации, в том числе, потребляющими наркотические средства в медицинских целях), осуществляются организациями социального обслуживания, которые объективно отсутствуют в транспортных пространствах. Тогда, как свидетельствует судебно-следственная практика, около 60 % рассматриваемых нами посягательств совершаются на почве употребления психоактивных веществ (алкоголь, наркотики) лицами, не имеющими постоянного источника дохода (93,5 %).

Наряду с этим, не менее важные формы предупредительной работы исключаются из сферы деятельности правоохранительных органов, осуществляющих предупреждение преступлений на объектах Московского метрополитена. Так, например, профилактический надзор, заключающийся в наблюдении за поведением лиц, состоящих на соответствующем учете, а также в соблюдении имущественных ограничений, в отличие от территориальных органов, становится невозможным для органов внутренних дел в условиях функционирования «подземного» мегаполиса.

Несмотря на такое сужение профилактического потенциала, органами внутренних дел на столичном метрополитене, как показывает практика, реализуются (и довольно успешно) меры уголовно-правовой и оперативно-розыскной профилактики корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Вместе с тем, в предупредительной работе, в целом, на наш взгляд, еще недостаточно используются возможности виктимологической профилактики, нацеленной на повышение уровня правомерной «сопротивляемости» пассажиров столичного метро преступным посягательствам. По мнению И.Я. Козаченко, противодействуя преступности, общество и государство должны сосредоточить основные усилия именно на укреплении и расширении виктимологической устойчивости каждого отдельного человека. Обеспечение безопасности не может связываться только с традиционными мерами социальной защиты [1, с. 12].

Как пишет С.Я. Лебедев, органам внутренних дел необходимо демонстрировать то, как они защищают людей, а не то, как умело «хватают» преступников и помещают в тюрьму. Сегодня вся идеология предупредительной деятельности должна быть переориентирована с поиска криминальных угроз на действительно реальную, а не декларируемую защиту населения от преступности [2, с. 35]. Полностью с этим соглашаясь, отметим, что криминологический опыт изучения

преступлений против собственности показывает, что наряду с их детерминантами, различными обстоятельствами в механизме преступного поведения есть звено, которое по силе своего участия в процессе криминального посягательства, не уступает некоторым криминогенным факторам. Это – сама личность потерпевшего. С криминологических позиций, защита личности от криминала означает не только создание на пути преступников к их потенциальным жертвам надежных профилактических барьеров, но и активную профилактическую работу с потенциальными жертвами.

Говоря о необходимости использования в предупредительной работе органов внутренних дел на Московском метрополитене возможности виктимологической профилактики, отметим, что определенные шаги по ее «воплощению в жизнь» уже предпринимаются. Импульсом к тому явились результаты комплексного исследования, проведенного в 2016 году коллективом кафедры криминологии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотяво взаимодействия с представителями УВД на Московском метрополитене ГУ МВД России по г. Москве, посвященного минимизации виктимологических рисков пассажиров «подземного» мегаполиса. Результатом данного изыскания стал научно-аналитический обзор с методическими рекомендациями по виктимологической профилактике преступлений, а также разработанный «Стандарт безопасного поведения пассажиров метрополитена» [3].

В указанных материалах авторами исследования (наряду с другими мерами) было предложено открытие на станциях консультационных пунктов, в которых представители полиции и служб метрополитена могли бы оказывать помощь пассажирам, попавшим в различные, в том числе, криминальные ситуации. Такие пункты, по мнению криминологов университета, особенно нужны на станциях, вблизи которых расположены вокзалы, пересадочные узлы, торговые центры и рынки, т.е. на тех объектах метрополитена, где постоянно наблюдается огромное скопление пассажиров и традиционно совершается наибольшее количество корыстных и корыстно-насильственных преступлений против собственности.

Наряду с этим, было внесено предложение о законодательных поправках, ужесточающих наказание за нахождение на объектах метро в пьяном виде, поскольку нетрезвое состояние уже делает гражданина уязвимым для преступного посягательства, приводит к конфликтным ситуациям, ослабляет внимание, делает неадекватным поведение человека, особенно в условиях закрытой многолюдной территории. Это предложение вполне оправдано и соответствует той криминологической ситуации, которая сегодня складывается на территории Московского метрополитена.

Так, В.А. Уткин, изучая проблемы, связанные с предупреждением преступлений в условиях столичной «подземки», проводя социологические

обследования, получил следующие результаты. На вопрос, «Какое виктимное поведение или состояние влияет на опасность стать жертвой преступления?», эксперты – сотрудники полиции на Московском метрополитене ответили, что первостепенным, по их мнению, является нахождение в нетрезвом состоянии (28 %). Следующие приоритеты суждений распределились таким образом:

- ослабление внимания в связи с использованием наушников, разговоры по телефону (24 %);
- демонстрация денег и ценностей (20 %);
- усталость и сонливость при нахождении в метро вечером и утром (13 %);
- пребывание приезжих в новой городской обстановке (7 %).

Рейтинг ответов пассажиров столичного «подземного» мегаполиса на тот же вопрос несколько отличается, но, в целом, соответствует экспертным оценкам. На первое место была поставлена публичная демонстрация денег и ценностей (29 %). На второе – ослабление внимания в связи с использованием электронных приборов (25 %), затем нетрезвое состояние (21 %) и ослабление внимания в связи с усталостью или сонливостью (19 %) [4, с. 26]. Иными словами, нетрезвое состояние пассажиров метрополитена является главным виктимогенным фактором, способствующим превращению в жертву преступления и, в первую очередь, посягательства против их собственности.

Таким образом, одним из приоритетов виктимологической профилактики корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершаемых на объектах Московского метрополитена, на наш взгляд, могут стать меры, связанные с соблюдением пропускного режима, ограничивающие допуск нетрезвых лиц на территорию этого транспортного комплекса.

Вместе с тем, соглашаясь с предложениями о создании пунктов и введения повышенной ответственности за нахождение на объектах метрополитена в нетрезвом состоянии, отметим, что их реализация требует времени, а, в том числе, серьезных проработок и материальных затрат. Между тем, в вышеуказанных методических рекомендациях, посвященных минимизации виктимологических рисков пассажиров «подземного» мегаполиса, были предложены меры информационного характера, не вызывающие существенных расходов и долговременных решений. В этой связи на объектах Московского метрополитена появились стикеры, предупреждающие пассажиров о самых распространенных посягательствах (кражах и грабежах) на их имущество, и действиях, которые следует предпринимать в случае совершения таких преступлений. Сотрудниками органов внутренних дел был также разработан ряд виктимологических рекомендаций, размещенных на знаках – «Полиция на метрополитене заботится о вашей безопасности и предупреждает»: бумажники носить во внутренних

карманах, дамские сумочки держать перед собой, не пересчитывать прилюдно деньги и т.д.

Кроме того, как показывает практика, следователи и дознаватели, расследуя уголовные дела и выполняя требования п.п. 14.4 и 18.6 приказа МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», осуществляют профилактическую работу с потерпевшими, в поведении которых имеется так называемая виктимологическая вина:

- сон на объектах метрополитена (часто под воздействием алкоголя);
- использование наушников, ослабляющих внимание и т.п.

В связи с этим сотрудники органов внутренних дел проводят беседы, ориентируя потерпевших на формирование личной бдительности в отношении предметов собственности, тем самым, предупреждая «рецидив виктимизации» (повторное превращение в жертву преступления). По результатам таких бесед составляются рапорты, которые приобщаются к материалам уголовных дел.

Вместе с тем, как показало изучение такой практики, во-первых, упомянутые мероприятия осуществляются бессистемно и лишь частью должностных лиц (15–20 %, по нашим данным). Во-вторых, ни в каком нормативном акте или инструкции ведомственного характера не указано, каким образом эта деятельность должна осуществляться на практике, поэтому она ведется исходя из опыта и профессионализма сотрудника [5, с. 53]. В этой связи следует согласиться с предложением о необходимости виктимологической подготовки сотрудников органов внутренних дел, осуществляемой в рамках создания «целостной системы обращения с жертвами преступлений», отраженной как в законодательстве, так и правоприменительной деятельности [6, с. 35].

Вместе с тем, отмечая специфику предупреждения преступлений в условиях функционирования столичного метрополитена и предпринимаемые меры по виктимологической профилактике корыстных и корыстных преступлений на его объектах, необходимо обратить внимание на такие деяния, как мошенничество. Согласно статистике, удельный вес таких корыстных посягательств, составлявших на протяжении последнего десятилетия 5–10 % в структуре преступлений против собственности, в 2018 г. увеличился до 12,5 %, а их абсолютные показатели сравнялись с количеством регистрируемых грабежей. При этом, как показывает практика, данные корыстные посягательства пока не охватываются виктимологической профилактикой, а достижение мошенниками своих целей, как известно, напрямую зависит от поведения потенциальных жертв преступлений.

Изучение уголовных дел показало, что около 70 % случаев мошенничества в Московском мет-

рополитене происходят при так называемых сделках по купле-продаже мобильных телефонов или иных электронных гаджетов, объявления о продаже или спросе на которые, как правило, размещаются в сети «Интернет». Причем, именно преступникам принадлежит инициатива выбора метрополитена как места для встречи, где многолюдность, шум, плохая доступность сотовой связи, мгновенная возможность «раствориться» в толпе – создают «благоприятные» условия для преступных действий мошенников. Выступая в роли «продавца» или «покупателя», преступники передают потерпевшим вместо электронного гаджета заведомо неисправную, более дешевую технику либо денежную «куклу». Между тем, наглядная информация данных мошеннических проявлениях размещенная на объектах столичного метрополитена на упоминаемых выше знаках, – «Полиция на метрополитене заботится о вашей безопасности и предупреждает» – убергла бы многих потенциальных потерпевших от участи стать реальной жертвой такого корыстного посягательства, рекомендуя людям внимательно и осмотрительно проводить подобные «сделки» или вовсе отказаться от них.

Наряду с этим, как показывает судебно-следственная практика, некоторая часть (по нашим данным 6,2 %) криминальных проявлений, начинаясь как мошенничество, перерастает в грабежи. Это происходит в тех ситуациях, когда потерпевшие осознают попытку обмана или злоупотребления их доверием со стороны преступников, которые, несмотря на это, продолжают действия по завладению чужим имуществом, но уже с применением насилия. В данной связи предложенные меры по информированию пассажиров «подземного» мегаполиса о мошеннических проявлениях по завладению их собственностью, могли бы способствовать не только предупреждению таких корыстных преступлений, но и части корыстно-насильственных посягательств – грабежей.

Литература:

1. *Козаченко И.Я.* Модели противодействия преступности: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Общество и право. 2018. № 1 (63).
2. *Лебедев С.Я.* Стратегия предупреждения преступности органами внутренних дел // Криминологический журнал. 2006. № 8. С. 10–16.
3. Научно-методическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по виктимологической профилактике преступлений, совершаемых на объектах Московского метрополитена. Изд-во МосУ МВД им. В.Я. Кикотя. М., 2016.
4. *Уткин В.А.* Личная безопасность своими силами (по материалам криминологического исследования) // Безопасность бизнеса. 2017. № 6.
5. *Тимко С.А.* Предупредительно-профилактическая деятельность органов предварительного

Хотя, справедливости ради, следует заметить, что такие информационно-предупредительные меры предупреждения преступлений не новы. Так, 200 лет назад Иеремия (Джеремия) Бентам (1748–1832 г.) – английский социолог, юрист писал, что в целях предупреждения преступности необходимо «...чтобы издавались книги, предупреждающие публику против тех или иных преступлений, а особенно, против воровства, мошенничества и обманов нищих, раскрывая все обычные приемы совершителей таких преступлений...» [7, с. 278]. Актуально это и сейчас.

Мировым сообществом уже давно признана необходимость виктимологической профилактики преступлений. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 45/107 от 14 декабря 1990 г. – «Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития» содержатся рекомендации по информированию населения о путях и средствах, с помощью которых можно избежать угрозы со стороны преступного мира. В этой связи, во многих странах разработаны инструкции, содержащие перечень всеобъемлющих мер для проведения разъяснительной работы по предупреждению виктимизации различных слоев населения. В России, к сожалению, эффективная система виктимологической безопасности населения пока отсутствует, хотя ее разработка очевидна, поскольку без нее не может быть надежной общественной безопасности [8, с. 8, 168].

Разумеется, предложенное нами информирование пассажиров не является панацеей, защищающей от посягательств на собственность. Тем не менее, подобные меры, на наш взгляд, способны создать, с одной стороны, предпосылки сокращения числа корыстных и корыстно-насильственных преступлений на объектах Московского метрополитена, с другой стороны – укрепить ресурс транспортной безопасности в целом.

Literature:

1. *Kozachenko I.Ya.* Models of combating crime: criminal law and criminological aspects // Society and law. 2018. № 1(63).
2. *Lebedev S.Ya.* Strategy of crime prevention by internal Affairs bodies // Criminological journal. 2006. № 8. P. 10–16.
3. Scientific and methodological support of the activities of the internal Affairs bodies on victimological prevention of crimes committed at the facilities of the Moscow metro. Moscow Ministry of internal Affairs of V.Ya. Kikotya. M., 2016.
4. *Utkin V.A.* Personal security by own efforts (on materials of a criminological research) // Safety of business. 2017. № 6.
5. *Timko S.A.* Preventive activity of preliminary investigation bodies in relation to victims of crimes /

го расследования в отношении жертв преступлений / С.А. Тимко, А.А. Урусов // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т.14. №2.

6. *Данилова С.И.* Профилактика преступлений, осуществляемая в ходе дознания по уголовным делам: проблемы и пути их решения // Российский следователь. 2015. № 5.

7. *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента уголовного права / М.П. Чубинский; Сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М. : ИНФРА-М, 2008.

8. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел / Под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. М., 2017.

S.A. Timko, A.A. Urusov // Bulletin of Omsk law Academy. 2017. Vol. 14. № 2.

6. *Danilova S.I.* Crime prevention, carried out during the investigation of criminal cases: problems and ways to solve them // Russian investigator. 2015. № 5.

7. *Chubinsky M.P.* Essays on criminal policy: the concept, history and main problems of criminal policy as an integral element of criminal law / M.P. Chubinsky; Comp. and joining the article by V.S. Ovchinsky, A.V. Fedorov. M. : INFRA-M, 2008.

8. Prevention of crimes and administrative offenses by the internal Affairs bodies / Ed. V. Ya. Kikotya, S.Ya. Lebedeva. M., 2017.

Дитюк Анна Борисовна
судья,
Сургутский районный суд
Ханты-Мансийского
автономного округа – Югры
sukhareva-anna@mail.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ВИНЫ В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 31 УК РФ

Аннотация. В статье анализируется категория «вина» как признак субъективной стороны составов преступлений против интересов правосудия. С использованием сравнительно-правового метода исследуется доктринальный подход к установлению пределов уголовной ответственности судей за вынесение неправоудного судебного решения с учетом современного состояния борьбы с коррупцией в России. Кроме того, автор предпринимает попытку переосмысления положений уголовного закона об ответственности за разглашение данных предварительного расследования в контексте корректировки легального подхода к детерминации неосторожной формы вины.

Ключевые слова: правосудие, преступления, судебное решение, вина, предварительное расследование, разглашение, уголовная ответственность, состав преступления, уголовный закон.

Форма вины традиционно рассматривается как один из критериев дифференциации уголовной ответственности, который позволяет установить наказуемость преступного деяния и влияет на категоризацию преступлений. Нельзя не отметить, что преступления, объединенные по видовому объекту посягательства, а именно – интересы правосудия, в главу 31 УК РФ, по мнению подавляющего большинства специалистов в области уголовного права, обладают специфическим системообразующим признаком – прямым умыслом [1, с. 302], который в действующем законодательстве определяется как осознание лицом общественной опасности своих действий (бездействия), предвидение возможности или неизбежности наступления преступных последствий и желание их наступления (ч. 2 ст. 25 УК РФ). Об умышленном характере подавляющего большинства преступных посягательств на интересы судопроизводства и деятельность по исполнению судебных актов свидетельствует использование законодателем при

Anna B. Dityuk
Judge,
Surgut District Court
Khanty-Mansi
Autonomous District – Ugra
sukhareva-anna@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE FORM OF GUILT IN THE COMPOSITION OF CRIMES PROVIDED FOR BY CHAPTER 31 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the category of «guilt» as a sign of the subjective side of the composition of crimes against the interests of justice. The method of comparative and legal method examines the doctrinal approach to setting the limits of criminal responsibility of judges for making a wrongful judgment, taking into account the current state of the fight against corruption in Russia. In addition, the author attempts to rethink the provisions of the criminal law on the responsibility for disclosing the data of the preliminary investigation in the context of adjusting the legal approach to the determination of a careless form of guilt.

Keywords: justice, crimes, judgment, guilt, preliminary investigation, disclosure, criminal responsibility, crime, criminal law.

конструировании соответствующих составов преступления терминов «воспрепятствование», «заведомо», «оскорбление», «провокация», «принуждение» и т.д.

В диссертационных и монографических работах, а также в комментариях уголовного закона постсоветского периода и последних лет появляются рассуждения о сомнительности тезиса об умышленном характере всех без исключения преступлений, предусмотренных гл. 31 УК РФ, с учетом изменения легального подхода к определению неосторожной формы вины [например, 2, с. 60–62; 3, с. 778], которая, в соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ, должна быть прямо указана в соответствующей статье Особенной части УК РФ только, если тот или иной состав преступления не предполагает умысла. В этом смысле достаточно иллюстративно высказывание Л.В. Лобановой о возможности привлечения к уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ),

совершенное по неосторожности [2, с. 62]. Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, поскольку анализ положений упомянутой нормы уголовного закона позволяет констатировать, что он относится к числу формальных, равно как и большинство не квалифицированных составов преступлений регламентированных гл. 31 УК РФ. В доктрине уголовного права наличие формальных составов преступлений связывается с тем, что характер преступных последствий тех или иных посягательств таков, что они трудно поддаются учету, либо они неразрывно связаны с совершенным действием «естественным ходом вещей» [4, с. 35], в силу чего не предполагают специального доказывания, либо уголовно-наказуемой является сама возможность причинения вреда. В силу значимости интересов правосудия как части общего родового объекта – общественных отношений, складывающихся в сфере реализации государственной власти, позволим себе предположить, что именно в силу последней из названных выше причин, например, вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия (ст. 294 УК РФ), посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя, а также иных лиц, участвующих в судопроизводстве (ст. 295 УК РФ), клевета, неуважение к суду (ст.ст. 297, 298.1 УК РФ), посягательства на установленный законом порядок реализации уголовного преследования (например, ст.ст. 299–303 УК РФ) и др. отнесены законодателем к числу формальных. Справедливо и иное предположение о том, что, если существующая легальная презумпция общественной опасности того или иного посягательства на интересы судопроизводства будет слишком часто опровергаться правоприменительной практикой, то это гипотетически может поставить под сомнение не только правильность выбора законодателем конструкции состава преступления, но и обоснованность криминализации такого рода деяний [5, с. 44–45].

Независимо от причин конструирования того или иного состава преступления как формального, его детерминирующей особенностью является форма вины. Как в дореволюционной и советской, так и в современной науке уголовного права аксиоматичным является тезис о том, что формальные преступления всегда относятся к числу умышленных [6], где правоприменитель ориентирован на то, что описанные нормой деяния признаются юридически оконченными вне зависимости от констатации факта наступления вредного результата [7, с. 156], выявление которого является процессуально бесперспективным, но неразрывно связано с совершением самого деяния [8, с. 156]. Все вышеизложенное приводит нас к выводу о том, что дискуссии относительно возможности совершения преступления, предусмотренного ст. 310 УК РФ по неосторожности противоречат общепризнанному учению о вине. Неосторожное разглашение данных предварительного расследования, например, в служебной беседе, ставшей достоянием посторонних, путем размышления вслух при

анализе следственно важной информации и т.п. не является преступным в силу невысокой общественной опасности содеянного.

Исторически сложившимся является неоднозначный подход к наличию умысла при принятии неправосудного судебного решения (ст. 305 УК РФ). Суть вопроса, на наш взгляд, сводится к возможности привлечения судьи к уголовной ответственности за совершение судебной ошибки, что исключает «заведомость» в его поведении при принятии итогового решения по существу правового спора. Уже в 1884 году появились первые попытки обосновать необходимость привлечения судьи к ответственности за принятие ошибочных решений (ст. 398 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года) тем, что исключительность компетенции и широкий спектр полномочий суда, реализуемых им сообразно своему внутреннему убеждению, предполагают наличие у него обязанности «отвечать за всякий неосмотрительный ход, за всякое незаконное усмотрение» [9, с. 290]. При этом возможность подачи судьей особого мнения при коллегиальном рассмотрении дела позиционировалась в числе прочего как «ограждение судьи от нравственной и юридической ответственности за невольное участие в постановлении заведомо для него неправильной резолюции, которую он все-таки обязан подписать» [10, с. 11]. Нельзя не отметить, что ст. 177 УК РСФСР 1960 года, являвшаяся основой для конструирования законодателем ст. 305 УК РФ в ее действующей редакции, практически не применялась, поскольку достаточно сложно было доказать наличие в действиях судьи умысла при вынесении незаконного и необоснованного судебного решения, в связи с чем, вносились предложения об изменении уголовного закона в части регламентации ответственности судей не только за умысел, но и за грубую небрежность, последствием которой стало осуждение невиновного лица [11, с. 137]. Проблема предупреждения судебных ошибок уголовно-правовыми средствами не снята и сегодня, даже, несмотря на тот факт, что состав преступления, предусмотренный ст. 305 УК РФ, относится к числу коррупционных и, следовательно, должен применяться в рамках общей политики государства в части борьбы с этим социально-правовым явлением. Приводимые Судебным департаментом при Верховном Суде РФ статистические данные позволяют констатировать, что случаев осуждения по рассматриваемой категории дел практически нет: за 2018 год по ст. 305 УК РФ было осуждено 2 человека, состоящие в должности судьи [12], при этом, по данным Генеральной Прокуратуры РФ в суд было направлено 12447 уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности [13]. Полагаем, что приведенные статистические данные могут свидетельствовать не о реальной ситуации в судебной системе, а о высокой латентности данного вида преступности, а также о том, что не всякая судебная ошибка является следствием коррупционного поведения (например, злоупотребление должностными полномочиями, но без преследования личной выгоды; недобросовестное исполнение служебных обязанностей; нарушение разумных сроков рассмотрения дела;

незнание или неправильное применение закона без цели извлечения личной выгоды [14, с. 31]). Тем не менее, даже неумышленные действия создают благоприятную почву для развития коррупции в судебной системе, поскольку снижение качества соответствующей деятельности с неизбежностью влечет за собой увеличение числа

Литература:

1. Преступления против правосудия / Под ред. А.В. Галаховой. М. : Норма, 2005. 416 с.
2. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. 268 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. (постатейный) / Под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М. : Норма, 2014. 868 с.
4. Михлин А.С. Последствия преступления. М. : Юрид. лит., 1969. 103 с.
5. Друзин А.И. Воспрепятствование исполнению судебного акта. Ульяновск : Дом печати, 2001. 181 с.
6. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. СПб., 1887. Вып. 1. URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (дата обращения 09.09.2019 г.).
7. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.
8. Соколов З.Б. Причинность и объективная сторона преступления : монография. М. : Норма, 2015. 256 с.
9. Бардзкий А.Э. Об ответственности должностных лиц судебного ведомства за преступления и проступки по службе : Исслед. вопроса о значении умысла в преступлениях и проступках, предусмотренных статьями 5-го разд. Уложения о наказаниях угол. и испр. изд. 1866 г.: С прил. проекта постановлений, коими мог бы быть заменен этот раздел / Соч. присяжного поверенного окр. Моск. суд. палаты Афанасия Бардзкого. Тула: тип. Н.И. Соколова, 1884. 452 с. URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01003597337> (дата обращения 09.09.2019 г.).
10. Волжин В. Особые мнения при постановлении приговоров и независимость судей // Журнал гражданского и уголовного права: Октябрь. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1884. С. 10–28. URL : <https://www.prlib.ru/item/332890> (дата обращения 09.09.2019 г.).
11. Петрухин И.Л. Правосудие: время реформ. М. : Наука, 1991. 208с.
12. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном

судебных ошибок, за которые в настоящее время привлечь судью к ответственности невозможно. В этой связи представляется необходимым дополнительное научное обсуждение возможности привлечения судьи к ответственности за совершение судебной ошибки вследствие грубой небрежности.

Literature:

1. Crimes against Justice / Under Ed. A.V. Galakhova. M. : Norma, 2005. 416 p.
2. Lobanova L.V. Crimes against Justice: theoretical problems of classification and legislative regulation. Volgograd, 1999. 268 p.
3. Comment to the Criminal Code of the Russian Federation. (article) / Under ed. Y.I. Skuratova, V.M. Lebedeva. M. : Norma, 2014. 868p.
4. Michlin A.S. Consequences of crime. M. : Yrid. lit., 1969. 103 p.
5. Druze A.I. Obstruction of the execution of the judicial act. Ulyanovsk : House of Printing, 2001. 181 p.
6. Tagantsev N.S. Lectures on Russian Criminal Law. Part of the total. St. Petersburg, 1887. Vol. 1. URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01003621039> (reference date 09.09.2019).
7. Kudryavtsev V.N. Objective side of the crime. M. : State Audit Office, 1960. 244 p.
8. Soctov S.B. Cause and objective side of the crime : monograph. M. : Norma, 2015. 256 p.
9. Bardsky A.E. On the responsibility of judicial officials for crimes and misconduct in the service : Investigation. question of the importance of intent in crimes and misconduct under Art. 5. The penalties are a corner. And the pris. Ed. 1866 : S draft ordinances that could be replaced by this section/ juror's ocr. It's Moscow. Court. Athanasius Bardzky.com Tula: type. N.I. Sokolova, 1884. 452 p. URL : <https://search.rsl.ru/ru/record/01003597337> (call date 09.09.2019).
10. Volzhin V. Special opinions on sentencing and the independence of judges / Journal of Civil and Criminal Law: Oct. The st. Petersburg Law Society. S.-Pb.: Type. Government Senate, 1884. P. 10-28. URL : <https://www.prlib.ru/item/332890> (call date 09.09.2019).
11. Petrukhin I.L. Justice: A Time for Reforms. M. : Science, 1991. 208 p.
12. Key statistics of the courts of general jurisdiction for 2018 / Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation.

Суде РФ. URL : <https://docviewer.yandex.ru/view/25860355/> (дата обращения 07.09.2019 г.).

13. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за январь-декабрь 2018 года. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/6f3/0112_2018.xls (дата обращения 07.09.2019 г.).

14. *Рахманова Е.Н.* Об укреплении доверия к судам и снижении коррупции // Адвокатская практика. 2013. № 6. С. 29–34.

URL : <https://docviewer.yandex.com.au/view/25860355/> (Reference date: 07.09.2019).

13. Statistics on the main performance of the Russian Prosecutor's Office for January-December 2018. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/6f3/0112_2018.xls (Call Date: 07.09.2019).

14. *Rachmanova E.N.* On building confidence in the courts and reducing corruption / Advocacy practice. 2013. № 6. P. 29–34.

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of Department
Public Law disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
daniilzykov@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ОХРАНЫ СИМВОЛОВ**

**SOME PROBLEMS
OF CRIMINAL LAW
PROTECTION OF SYMBOLS**

Аннотация. В статье на основе действующего законодательства Российской Федерации анализируются проблемы уголовно-правовой охраны символов. Автор приходит к выводу о том, что в современной системе права назрела необходимость четкого определения с перечнем символов подлежащих правовой охране. Необходима дифференциация в подходах такой охраны: уголовно-правовыми, административными и (или) гражданско-правовыми мерами.

Annotation. The article analyzes the problems of criminal law protection of symbols on the basis of the current legislation of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that in the modern system of law there is a need for a clear definition with a list of symbols subject to legal protection. Differentiation in approaches of such protection is necessary: criminal-legal, administrative and (or) civil-legal measures.

Ключевые слова: символы, уголовно-правовая охрана символов, криминализация, символы государственной власти.

Keywords: symbols, criminal legal protection of symbols, criminalization, symbols of state power.

Как известно, к национальным (государственным) символам относятся: флаг, герб, гимн. Правовая охрана этих символов осуществляется с помощью административно-правовых и уголовно-правовых средств. В действующем уголовном законе, в ст. 329 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за надругательство над Государственным гербом или Государственным флагом Российской Федерации. Как справедливо отмечается в учебной литературе по уголовному праву, непосредственным объектом является авторитет государственной власти Российской Федерации. Предмет данного преступления составляют Государственный флаг РФ или Государственный герб РФ. Наиболее распространенными способами надругательства над Государственным флагом РФ и Государственным гербом РФ являются их уничтожение или повреждение, нанесение на них надписей и рисунков оскорбительного содержания, использование в оскорбляющем общественную нравственность качестве, срывание с места их расположения, сжигание в присутствии толпы, топтание и другие подобные противоправные действия.

вии находившихся на улице граждан топтали и пинали Государственный флаг РФ [3].

Надругательство над флагом либо гербом бывшего СССР, субъекта Федерации или муниципального образования, а также общественных организаций не образует состава данного преступления [1, с. 668]. Более того, другие флаги (зарубежных государств, субъектов Федерации, общественных объединений) и гербы (городов и т.д.) не являются предметом данного преступления [2, с. 770].

Публичное надругательство над гербами и флагами субъектов РФ или общественных организаций квалифицируется как вандализм (ст. 214 УК РФ) [4, с. 858], что представляется не совсем верным, так как очевидна специфическая характеристика предмета – иностранного флага или герба, над которым может состояться надругательство. А, кроме того, объектом посягательства выступает не общественная безопасность (в широком значении этого слова), а иной объект и, скорее всего – это общественные отношения в сфере порядка управления.

Так, А., К. и Б. осуждены Октябрьским районным судом г. Рязани по ст. 329 УК за то, что 1 мая 2003 г. в г. Рязани около 3 часов дня в присутст-

Таким образом, анализ современного уголовного законодательства показывает, что отсутствует системность и последовательность в правовой охране государственных символов. Уголовно-

правовыми средствами не охраняются символы иностранного государства (флаг, герб, гимн), надругательство над которыми возможно, а вот отнести, например гимн к имуществу, в случае совершения указанных действий и квалификации действий виновного по ст. 214 УК РФ (вандализм) – по понятным причинам невозможно.

Не охраняются средствами уголовно-правовой защиты и символы субъектов Российской Федерации. В случае надругательства над флагом России ответственность наступает в пределах санкции статьи 329 УК РФ, а если скажем это флаг одного из субъектов Российской Федерации, квалификация будет даваться по статье 214 УК РФ. Это представляется это не совсем верным. Это же можно сказать и в отношении официальных символов иностранных государств. Надругательство над указанными символами – символами субъектов РФ, иностранных государств, по мнению законодателя, не достигло той степени общественной опасности, которая требует придания им статуса преступления – общественно опасного деяния.

Право выступает в качестве регулятора отношений между людьми и их коллективами, взаимоотношений государства и личности. В данном же смысле право фактически не вмешивается в регулирование данных отношений. И это мы считаем большим пробелом, который необходимо устранять.

В отношении официальных символов субъектов Российской Федерации выход есть: решение принимается в рамках законодательства об административных правонарушениях (в том числе субъектов Российской Федерации). Так, Законом Белгородской области установлена ответственность за правонарушения, посягающие на институты и символы государственной власти Белгородской области и местного самоуправления [5]. В декабре 2007 г. увеличена ответственность за правонарушения в отношении символов и в Республике Мордовия [6].

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то мы увидим, что данная проблема решается несколько иначе. Так, например, в уголовном кодексе Аргентины закреплена Статья 222, в соответствии с которой: «...наказывается лишением свободы на срок от одного года до четырех лет тюремного заключения тот, кто публично оскорбил знамя, герб или гимн страны или эмблемы какой-либо провинции Аргентины...» [7, с. 182]. В уголовном законодательстве Республики Корея кроме статьи 105 «Осквернение государственно-го флага или государственного герба» и статьи

Литература:

1. Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть : учебник для вузов / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. : Инфра-М Контракт. 2006.
2. Уголовное право России. Часть Особенная : учеб. для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2004.

106 «Действия, порочащие государственный флаг или государственный герб», закреплена статья 109 «Осквернение иностранного флага или герба иностранного государства» [8, с. 90]. В уголовном законодательстве Республики Беларусь кроме ответственности за надругательство над символами государства (флаг, герб, гимн) (статья 370), предусмотрена ответственность за незаконное использование символов или знаков Красного Креста или Красного Полумесяца (статья 385). Заметим, законодательство Республики Беларусь прямо указывает и на гимн как символ государства, чего нет в уголовном законодательстве России (статья 329 УК РФ), в уголовном кодексе Литовской Республики предусмотрена уголовная ответственность за надругательство над государственными символами (статья 127) и за надругательство над символами иностранного государства либо международной общественной организации (статья 128) [9, с. 241].

Однако кроме символов государственной власти (флаг, гимн, герб) самого государства или иностранного государства существуют еще символы международных организаций, также подлежащие правовой охране. К таким, например, кроме упомянутого символа Международной организации Красного Креста и Красного Полумесяца, относится символ Международного Олимпийского Комитета – пять разноцветных колец. Однако приходится констатировать, что правовых средств охраны указанных символов на территории Российской Федерации нет.

Таким образом, в современной системе права назрела необходимость четкого определения с перечнем символов подлежащих правовой охране. Необходима дифференциация в подходах такой охраны: уголовно-правовыми мерами, административными, гражданско-правовыми, и, самое главное – каких именно символов. В настоящее время на федеральном уровне закреплена правовая защита только символов государственной власти (флаг и герб) Российской Федерации. Символы власти субъектов Российской Федерации охраняются от противоправных посягательств нормами административного законодательства.

Символы международных организаций, действующие на территории Российской Федерации нормами уголовного законодательства не охраняются вообще. В этой связи метод сравнительно-правового исследования позволяет нам выдвинуть вывод, что более последовательным в этой части является зарубежное законодательство, положительный опыт которого следует заимствовать.

Literature:

1. Criminal law of the Russian Federation : Special part : textbook for universities / Under the editorship of L.V. Inogamova-Khegai, A.I. Rarog, A.I. Chuchayev. M. : Infra-M Contract. 2006.
2. Russian criminal law. Special Part: Textbook. for universities / Ed. ed. L.L. Kruglikov 2nd ed., Rev. and additional M. : Walters Kluwer, 2004.

3. Новая газета. 2003. 9 декабря.
 4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева, Ю.И. Скуратова. М., 2002.
 5. Закон Белгородской области от 18.09.2007 № 144 // СПС Гарант
 6. Закон Республики Мордовия от 31.12.2007 № 113-З // СПС Гарант.
 7. Уголовный кодекс Аргентины. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.
 8. Уголовный кодекс Республики Корея. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.
 9. Уголовный кодекс Литовской Республики СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.
3. Novaya Gazeta. 2003. 9 dec.
 4. The comment to the Criminal code of the Russian Federation / Under the editorship of V.M. Lebedev, Yu.I. Skuratov. M., 2002.
 5. The law of Belgorod region from 18.09.2007 № 144 // ATP Garant
 6. Law of the Republic of Mordovia of 31.12.2007 № 113-W // ATP Garant.
 7. Argentine criminal code. St. Petersburg: publishing house «Legal center Press», 2003.
 8. Criminal code of the Republic of Korea. SPb. : Publishing house «Legal center Press», 2003.
 9. Criminal code of the Republic of Lithuania St. Petersburg: publishing house «Legal center Press», 2003.

Корсун Денис Юрьевич
старший помощник прокурора,
Советский район г. Ростова-на-Дону
korsun.denis.rnd@gmail.com

Denis Yu. Korsun
Senior Assistant Prosecutor,
Soviet district of Rostov-on-Don
korsun.denis.rnd@gmail.com

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ДЕЯНИЕ С КВАЛИФИЦИРУЮЩИМИ ПРИЗНАКАМИ

Аннотация. В статье доказывается, что положения ч. 2 ст. 14 УК РФ могут быть примерены к деяниям с квалифицирующими признаками (например, к квалифицированным хищениям имущества мизерной стоимости), а также к деяниям, соответствующим признакам составного преступления. Малозначительным может быть признан и отдельный квалифицирующий признак деяния.

Ключевые слова: малозначительность деяния, малозначительное деяние, ч. 2 ст. 14 УК РФ, квалифицирующие признаки.

Малозначительные деяния отдельных видов имеют свою специфику, которая зависит не только от объекта, направленности и содержания посягательства, но также от конструкции и вида состава преступления, признакам которого соответствует малозначительное деяние. Особый научно-практический интерес в этом плане представляет исследование малозначительных деяний с квалифицирующими признаками.

Приступая к нему, отметим, что квалифицирующие признаки предназначены для дифференциации уголовной ответственности. С учетом этих признаков, которые существенно повышают общественную опасность деяния, законодатель конструирует квалифицированные составы преступления, и устанавливает за деяние с квалифицирующими признаками более строгое наказание. При этом квалифицированные составы являются специальными по отношению к основному составу преступления.

Вместе с тем, в отдельных случаях законодатель отступает от устоявшихся правил конструирования квалифицированных составов, наделяя квалифицирующие признаки функцией криминообразующих обстоятельств. В частности, подобную функцию выполняют квалифицирующие признаки кражи, мошенничества, присвоения и растраты. В силу взаимосвязанных предписаний ст. 7.27 КоАП РФ и ст. 158–160 УК РФ, хищение чужого имущества в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты образует состав преступления при наличии двух альтернативных условий:

а) если стоимость похищенного имущества превысила 2500 руб.;

INSIGNIFICANT ACT WITH QUALIFYING FEATURES

Annotation. The article proves that the provisions of Part 2 of Art. 14 of the Criminal Code of the Russian Federation can be compared to acts with qualifying characteristics (for example, to qualified theft of property of miserable value), as well as to acts corresponding to the signs of a composite crime. A minor qualifying attribute of an act may be recognized as insignificant.

Keywords: insignificance of an act, insignificant act, part 2 of article 14 of the Criminal Code, qualifying features.

б) если имеются квалифицирующие признаки, предусмотренные ст. 158–160 УК РФ, причем вне зависимости от стоимости похищенного имущества.

В контексте исследуемой нами проблематики хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты с квалифицирующими признаками представляют особый интерес. Некоторые специалисты считают, что указанные деяния не могут быть признаны малозначительными. В частности, Р.Д. Шарапов категорично утверждает, что «применительно к хищению чужого имущества, совершаемому путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты, факторы малозначительности деяния формализованы в административно-правовой норме о мелком хищении. Проводя «демаркационную» линию между уголовной и административной ответственностью за хищение чужого имущества, законодатель самостоятельно, без делегирования соответствующей функции правоприменителю, реализовал положение части 2 статьи 14 УК РФ применительно к этому сегменту посягательств на собственность» [1]. К такому же выводу приходит и В.Н. Винокуров, ссылаясь на то, что вопрос о разграничении уголовной и административной ответственности за хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты разрешен законодателем. По его мнению, эти деяния должны расцениваться либо как преступление, предусмотренное ст. 158, 159–159.6, 160 УК РФ, либо как административный проступок, предусмотренный ст. 7.27 КоАП РФ, а применен ч. 2 ст. 14 УК РФ здесь исключено [2].

Этот подход находит поддержку у значительной части правоприменителей, о чем свидетельству-

ет анализ судебной практики. Показательным в этом отношении является следующее решение.

Преступление, совершенное Болнаковым В.В. и Кремнёвым Г.А. нельзя признать малозначительным, поскольку в нем участвовали два лица, заранее договорившиеся о совершении преступления, что значительно повышает общественную опасность деяния.

При этом суд апелляционной инстанции принимает во внимание позицию законодателя, который в части 2 ст. 7.27 КоАП РФ, именно ввиду повышенной общественной опасности, определяя признаки мелкого хищения чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей, совершенного, в том числе, и путем кражи, исключает деяния, предусмотренные, в том числе, и частью второй статьи 158 УК РФ [3].

В этом случае суд апелляционной инстанции, фактически, отказался рассматривать вопрос о возможности признания групповой кражи малозначительным деянием, ссылаясь на то, что наличие квалифицирующего признака исключает применение положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Этой логикой руководствуются и другие суды, вынося обвинительные приговоры за хищения имущества явно незначительной стоимости лишь на основании наличия квалифицирующих признаков. Например, С. осужден за кражу имущества стоимостью 177 руб. 40 коп., совершенную группой лиц по предварительному сговору (причем к реальному сроку лишения свободы) [4]; О. – за покушение на кражу спиртных напитков стоимостью 228 руб., совершенную в составе группы лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в помещение (к реальному лишению свободы) [5]; С. – за кражу продуктов стоимостью 543,91 руб. из магазина, совершенную группой лиц по предварительному сговору (к реальному лишению свободы) [6]. Подобные примеры исчисляются тысячами, и их перечень можно продолжать очень долго [7; 8].

Рассматриваемый подход получил отражение и в одном из определений высшей судебной инстанции.

Поддерживая решение суда первой инстанции, который не признал малозначительной кражу, совершенную с незаконным проникновением в жилище, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что наличие этого квалифицирующего признака само по себе не позволяет оценить кражу по ч. 2 ст. 14 УК РФ как малозначительное деяние [9].

Впрочем, это решение ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве прецедента, поскольку и до него, и в последующем Верховный Суд Российской Федерации в своей казуальной практике неоднократно подчеркивал, что наличие квалифицирующих признаков не препятствует признанию хищений в форме кражи, мошенничества,

присвоения и растраты малозначительными деяниями [10; 11; 12].

Например, в Определении от 22.04.2015 № 51-УД15-1 Верховный Суд Российской Федерации указал, что сам по себе способ совершения присвоения с использованием служебного положения, который является квалифицирующим признаком деяния, без учета конкретных обстоятельств дела не может быть признан основанием, свидетельствующим о невозможности признания деяния малозначительным [13].

Причем, эта позиция получила отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». В п. 33 указанного постановления разъясняется, что «если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании части 2 статьи 14 УК РФ». И хотя о квалифицирующих признаках здесь не упоминается, очевидно, что процитированное разъяснение относится не только к деяниям с признаками основных составов хищений. В первую очередь оно применимо к деяниям с квалифицирующими признаками, так как именно они совершаются в малозначительном размере.

Не исключает возможности применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к квалифицированным видам хищений и Конституционный Суд Российской Федерации: «Положения пункта «б» части второй и пункта «а» части третьей статьи 158 УК Российской Федерации, предусматривающие уголовную ответственность за кражу, совершенную с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище, а также кражу, совершенную с незаконным проникновением в жилище, соответственно, направлены на дифференциацию и индивидуализацию уголовной ответственности. ...При этом данные законоположения подлежат применению во взаимосвязи с нормами Общей части УК Российской Федерации, в том числе определяющими его задачи и принципы (статьи 2–8), а также понятие преступления, которым признается лишь запрещенное этим Кодексом виновно совершенное общественно опасное деяние, и устанавливающими, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного этим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности (ст. 14)» [14].

Проведенное нами исследование показывает, что большинство правоприменителей разделяет второй подход и применяет положения ч. 2 ст. 14 УК РФ к квалифицированным хищениям в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты, ориентируясь не столько на квалифицирующие признаки, сколько на стоимость похищенного имущества.

Органом предварительного расследования Сорокин А.А. обвинялся в покушении на кражу трех металлических труб, общая стоимость которых, как лома черного металла составила 549 рублей, группой лиц по предварительному сговору.

По итогам судебного разбирательства суд первой инстанции пришел к выводу, что действия Сорокина А.А. хотя формально и содержат признаки запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, но в силу их малозначительности не представляют общественной опасности, в связи с чем прекратил уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Соглашаясь с этим решением, суд апелляционной инстанции указал, что само по себе совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, без учета конкретных обстоятельств дела, не может являться основанием, свидетельствующим о невозможности признания деяния малозначительным [15].

Учитывая стоимость похищенного имущества, суд признал хищение малозначительным, даже, несмотря на наличие квалифицирующего признака. Такую же позицию занимают многие другие суды [16, 17, 18, 19].

Практика применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к квалифицированным кражам, мошенничествам, присвоениям и растратам чужого имущества стоимостью менее 2500 руб. заслуживает поддержки [20; 21]. Общественная опасность хищения, в первую очередь, зависит от размера ущерба, причиненного собственнику или иному владельцу имущества; это ключевой фактор, определяющий степень вредоносности хищения. Квалифицирующие обстоятельства, не связанные с размером похищенного, такие, как группа лиц по предварительному сговору, незаконное проникновение в помещение или иное хранилище, использование служебного положения, безусловно, тоже оказывают определенное влияние на степень общественной опасности деяния, но применительно к хищениям их значение несопоставимо с размером причиненного ущерба. И если ущерб мизерный, незначительный, то квалифицирующие признаки сами по себе не способны повысить общественную опасность хищения до криминального, уголовно-значимого уровня, не могут придать хищению ту степень общественной опасности, которая оправдывает применение уголовной репрессии.

Исходя из этого, существующую регламентацию уголовной ответственности за хищения в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты, в основу которой положены альтернативные криминообразующие признаки (размер похищенного свыше 2500 руб. или наличие квалифицирующих признаков), следует признать неудачной. И пока действующее законодательство в этой части не будет скорректировано, противоречие между уголовной противоправностью и общественной опасностью квалифицированных

хищений имущества стоимостью до 2500 руб. в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты может быть разрешено только на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Стоит оговорить о том, что сказанное выше не относится к хищениям с квалифицирующими признаками, выделенными на основании размера похищенного (с причинением значительного ущерба гражданину, в крупном или особо крупном размере), а также совершенным организованной группой. Не может быть признано малозначительным и квалифицированное хищение, совершенное с неконкретизированным умыслом (например, кража из сумки при отсутствии у виновного четкого представления о стоимости находящегося в ней имущества), равно как и неоконченное квалифицированное хищение, совершенное с конкретизированным умыслом на причинение значительного, крупного или особо крупного ущерба.

К сожалению, применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к хищениям малоценного имущества с квалифицирующими признаками препятствуют неоднозначные и далеко не всегда обоснованные доктринальные рекомендации, а также недостаточная определенность позиции высшей судебной инстанции. Как уже отмечалось, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно признавал малозначительными квалифицированные кражи, мошенничества, присвоения и растраты, но в его практике встречались и противоположные решения, что дезориентирует нижестоящие суды и иные правоприменительные органы. Содержащееся в постановлении Пленума от 30.11.2017 № 48 разъяснение о малозначительности мошенничества, присвоения и растраты (п. 33) недостаточно конкретно, а в постановлении Пленума от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» упоминание о малозначительности деяния вообще отсутствует. Учитывая крайне противоречивую судебную практику применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к хищениям в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты, Пленуму Верховного Суда Российской Федерации стоило бы четко отразить свою позицию по этому вопросу, указав в соответствующих постановлениях, что само по себе наличие квалифицирующих признаков не препятствует признанию указанных деяний малозначительными, если имеются иные обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии общественной опасности, свойственной преступлениям (например, незначительная стоимость предмета хищения, обстановка его совершения, направленность умысла на хищение малоценного имущества, мотивы лица и др.).

Проблема малозначительности деяний с квалифицирующими признаками, конечно же, не ограничивается хищениями, применительно к которым эти признаки выполняют функцию криминообразующих обстоятельств. Малозначительными могут быть признаны и иные деяния, соответствующие признакам «классического» квалифицированного состава преступления.

Примером может служить незаконное лишение свободы двух или более лиц на явно непродолжительное время (несколько секунд), совершенное с целью подшутить над товарищами. Это деяние соответствует признакам квалифицированного состава преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 127 УК РФ, но с учетом объективных и субъективных обстоятельств его совершения не обладает криминальной общественной опасностью, что дает все основания для применения ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Не исключено применение положений о малозначительности деяний к фальсификации доказательств по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении (ч. 3 ст. 303 УК РФ), например, в случае, если следователь подделал подпись свидетеля в протоколе допроса, не сказав при этом содержание доказательственной информации. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, действия по искажению источника доказательственной информации «объективно представляют значительно меньшую общественную опасность в сравнении с фальсификацией доказательственной информации. В конкретной правоприменительной ситуации этот фактор в совокупности с иными обстоятельствами дела (в частности, с обстановкой фальсификации доказательств, ее мотивами и целями, характеристикой личности виновного), вполне может послужить основанием для вывода о том, что содеянное в силу малозначительности не представляет общественной опасности, свойственной преступлениям» [22]. Квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 3 ст. 303 УК РФ, в данном случае на общественную опасность содеянного существенно повлиять не способен.

Рассматривая проблемы применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к деяниям с квалифицированным составом преступления, нужно учитывать, что подобные составы могут объединять в себе несколько взаимосвязанных преступных действий, учтенных законодателем в качестве единого составного преступления [23]. Причем не исключены ситуации, когда признаками малозначительности обладает лишь одно из действий, образующих сложный квалифицированный состав, тогда как другое действие сохраняет общественную опасность, свойственную преступлениям.

Самый распространенный пример частично малозначительного деяния – кража малоценного имущества, совершенная с незаконным проникновением в жилище. Как уже отмечалось, при наличии объективных и субъективных критериев малозначительности кражи (малая стоимость похищенного направленность умысла именно на причинение незначительного ущерба), квалифицирующий признак, предусмотренный п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, не препятствует применению ч. 2 ст. 14 УК РФ. Однако в этом случае нельзя не учитывать, что наряду с малозначительным хищением лицо совершило еще одно уголовно-противоправное деяние – нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ). И это деяние, безусловно, должно получить адекватную уголовно-правовую оценку. Именно такую пози-

цию занял Верховный Суд Российской Федерации в решении по делу Елисеева.

Приговор в части осуждения Елисеева А.И. за совершение кражи бутылки пива из дома, принадлежащего Ш., подлежит изменению, так как судом не учтены требования ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Как установлено судом, стоимость похищенного Елисеевым составляет «...» рубля «...» коп. Это деяние осужденного с учетом количества, стоимости, значимости похищенного для потерпевшего в силу малозначительности не представляет общественной опасности, и не может влечь уголовную ответственность за кражу.

Общественная опасность в данном случае заключается в незаконном проникновении в жилище, совершенном против воли проживающего в нем лица, а потому содеянное Елисеевым подлежит переквалификации на ст. 139 УК РФ.

Принимая данное решение, Судебная коллегия не ухудшает положение осужденного и не нарушает его право на защиту, поскольку факт незаконного проникновения следует из предъявленного ему обвинения и установлен судом [24].

Это знаковое решение оказало влияние на практику нижестоящих судов, которые вслед за Верховным Судом Российской Федерации стали переквалифицировать малозначительные кражи, совершенные с незаконным проникновением в жилище, с п. «а» ч. 3 ст. 158 на ч. 1 ст. 139 УК РФ, используя те же формулировки, что и высшая судебная инстанция [25]. До этого в практике применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ к малозначительным кражам, совершенным с незаконным проникновением в жилище, встречались квалификационные ошибки. В отдельных случаях суды признавали это составное деяние в целом малозначительным, что приводило к необоснованному освобождению виновного от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 139 УК РФ. Один из таких примеров приведен в обзоре Иркутского областного суда.

По п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ осужден Б., который незаконно проник в дом К., откуда похитил 3 литра браги стоимостью 21 рубль 75 копеек. Судебная коллегия по уголовным делам Иркутского областного суда приговор в отношении Б. отменила, производство по уголовному делу прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УК РФ – за отсутствием в его действиях состава преступления, поскольку деяние Б. не представляло общественной опасности в силу его малозначительности [26].

Полностью соглашаясь с выводами суда о малозначительности кражи, нельзя не отметить, что основания для прекращения уголовного дела по факту нарушения неприкосновенности жилища отсутствуют. Указанное деяние нельзя считать малозначительным, поскольку его целью было совершение другого противоправного деяния.

В уголовно-правовой науке обсуждается вопрос о возможности признания малозначительными не только квалифицированных противоправных деяний в целом, но и отдельных обстоятельств, имеющих статус квалифицирующих признаков. Допуская такую возможность, А.В. Иванчин указывает, «что в конкретном деле квалифицирующий признак может наличествовать лишь формально или быть столь незначительным, что справедливо было бы не учитывать его при оценке содеянного. ... Норма о малозначительности фактически закрепляет возможность опровержения презумпции общественной опасности деяния, которое запрещено уголовным законом, то есть содержащего все необходимые признаки состава преступления. Возникает резонный вопрос: почему может быть опровергнута презумпция опасности деяния в целом, но не может быть опровергнута презумпция опасности одного из его признаков? Иными словами, если законодатель признает существование деяний, формально содержащих все признаки преступления, то логично признать и возможность совершения деяний с квалифицирующим (и даже привилегированным) признаком, присутствующим в деле номинально, а не по существу» [27]. Такими же соображениями руководствуется Н.Г. Кадников, который полагает, что «если законодатель допускает малозначительность деяния, формально содержащего все признаки преступления, то и отдельные дифференцирующие (квалифицирующие или привилегированные) признаки могут быть малозначительными» [28].

Поддерживая в целом эту идею, отметим, что квалифицирующий признак может быть признан малозначительным только в том случае, если он допускает широкую вариативность, различную степень выраженности предусмотренного им отягчающего обстоятельства. Именно в этих случаях и могут возникнуть ситуации, когда обстоятельства совершения деяния формально подпадают под квалифицирующий признак, но не повышают общественной опасности содеянного в сравнении с деянием, предусмотренным основным составом (либо повышают ее минимально).

Например, лицо тайно похитило три керамических кашпо с цветами с внешней (уличной) части окна частного дома, выходящего на улицу, и еще одно кашпо с цветами – с подоконника, просунув руку через открытое окно, причинив ущерб в размере 3000 руб. Формально деяние соответствует признакам кражи с незаконным проникновением в жилище (п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ), поскольку в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что незаконное проникновение в жилище может быть осуществлено и тогда, когда виновный извлекает похищаемые предметы без вхождения в него. Однако в данном случае общественная опасность деяния вряд ли существенно повысилась, а если и возросла, но не настолько, чтобы признать его тяжким преступлением. Кража, совершенная с незаконным проникновением в жилище, – это составное преступление, т.е. учтенная законода-

телем совокупность преступных деяний (собственно кражи и нарушения неприкосновенности жилища). И именно составной характер этого деяния обуславливает повышенную санкцию за его совершение, причем повышенную не только в сравнении с санкцией за «простую» кражу, но и с санкцией за кражу с незаконным проникновением в помещение или иное хранилище. В нашем же случае признаки преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, отсутствуют, а потому нет никаких оснований и для вменения соответствующего квалифицированного состава кражи.

Малозначительным может быть признан и другой особо квалифицированный признак кражи – ее совершение с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). В отдельных регионах подобная практика уже сформировалась.

Изменяя приговор суда первой инстанции в отношении Бобырева И.Н., осужденного за два преступления, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, Курский областной суд указал следующее.

По смыслу уголовного закона квалифицирующий признак «хищение с банковского счета» будет иметь место при хищении безналичных денежных средств путем их перевода в рамках применяемых форм безналичного расчета с использованием удаленного доступа к банковскому счету при помощи технических средств, тогда как Бобыревым И.Н. хищение наличных денежных средств совершено путем их получения с банковского счета через банкомат, с использованием кредитной карты потерпевшего, переданной осужденному им самим для покупки продуктов питания и сообщившим для этого пин-код.

В связи с этим действия Бобырева И.Н. следует переквалифицировать с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (по эпизоду от 16 мая 2018 года) на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ; с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (по эпизоду от 17 мая 2018 года) на ч. 1 ст. 158 УК РФ [29].

Аналогичную позицию занял Курский областной суд и в решении по другому сходному делу.

Из материалов дела следует, что кража совершена посредством использования потерянной потерпевшей банковской карты, которую осужденные применяли бесконтактным способом в терминалах различных магазинов при оплате товаров на сумму, не требующую введение пин-кода.

Принимая во внимание смысл, заложенный законодателем в диспозицию примененной судом уголовной нормы Особенной части, и установленные обстоятельства дела, согласно которым списание денежных средств с банковского счета происходило без использования Чекаревой Е.А. и Чернышовой Е.К. каких-либо персональных данных клиента банка, без применения специальных знаний, технических средств либо методов инженерии, то есть без использова-

ния действий, направленных на взлом системы безопасности доступа к банковскому счету и охраняемым данным, составляющих банковскую тайну, суд апелляционной инстанции приходит к выводу о том, что квалифицирующий признак «с банковского счета», вменен осужденным излишне.

Учитывая изложенное, действия осужденных подлежат переквалификации на п.п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ [30].

И хотя напрямую о малозначительности квалифицирующего признака кражи, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в вышеприведенных судебных решениях не говорится, нетрудно заметить, что исключен он из обвинения именно в связи с его малозначительностью. В обоих рассматриваемых случаях суд установил, что кража совершена с банковского счета, но индивидуальная общественная опасность деяния явно не соответствует законодательной оценке типовой общественной опасности, заложенной в санкции ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Квалифицирующие признаки с широким содержанием, допускающим достаточно существенную амплитуду общественной опасности, имеются чуть ли не в каждой главе Особенной части УК РФ. Например, в главе 30 УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за получение и дачу взятки за незаконные действия (бездействие) (ч. 3 ст. 290, ч. 3 ст. 291 УК РФ). Однако спектр этих незаконных действий (актов бездействия) очень широк. Он включает и преступления, и мелкие, сугубо формальные нарушения

Литература:

1. Шарпов Р.Д. Квалификация мелкого хищения при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных уголовным законом // Законность. 2013. № 7. С. 29–35.
2. Винокуров В.Н. Признаки и пределы малозначительности деяния в уголовном праве // Современное право. 2017. № 6. С. 64–65.
3. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/8YKQUszg0DdK/> (дата обращения 13.06.2019).
4. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 22.02.2019 № 22-565/2019. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/wslowj7plFmX/> (дата обращения 18.06.2019).
5. Апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 14.01.2019 № 22-144/2019. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/BOUqBn7icVxm/> (дата обращения 18.06.2019).
6. Приговор Югорского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югра от 09.10.2018 № 1-104/2018. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/VbHKrwXzytbJ/> (дата обращения 18.06.2019).
7. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 24.08.2018 № 1-286/2018.

закона, такие как, выдача официального документа взяткодателю, который в нарушение требований законодательства предоставил фотографию не того формата или неправильно заверенную копию паспорта. Если взяткополучатель за незаконное вознаграждение «закрыв глаза» на эти нарушения и выдал необходимый взяткодателю документ, то квалифицирующие признаки, предусмотренные ч. 3 ст. 290 и 291 УК РФ, в этом случае формально имеются, ведь взятка была дана и получена за незаконные действия – выдачу официального документа в отсутствие предусмотренных законом условий. Однако совершение такого рода незаконных действий никоим образом не повышает общественную опасность взяточничества, ведь требования закона были нарушены лишь формально, в связи с чем, соответствующий квалифицирующий признак можно расценить как малозначительный.

К сожалению, в настоящее время правоприменительные органы лишены правовых инструментов, позволяющих признать малозначительным отдельный квалифицирующий признак преступления, ведь в ч. 2 ст. 14 УК РФ идет речь о малозначительности деяния в целом. Поэтому даже в тех редких случаях, когда суды исключают из обвинения малозначительный квалифицирующий признак, они делают это без ссылки на ч. 2 ст. 14 УК РФ, пытаясь обосновать отсутствие соответствующего признака (как в примере с кражей с банковского счета). Это демонстрирует потребность в расширении сферы применения предписаний о малозначительности деяния путем внесения соответствующих изменений в ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Literature:

1. Sharapov R.D. Qualification of petty theft in the presence of qualifying signs provided for by criminal law // Legality. 2013. № 7. P 29–35.
2. Vinokurov V.N. Signs and limits of minor importance of the act in criminal law // Modern law. 2017. № 6. P. 64–65.
3. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/8YKQUszg0DdK/> (date of appeal 13.06.2019).
4. Appeal decision of the Kemerovsky Regional Court dated 22.02.2019 № 22-565/2019. URL:<http://sudact.ru/regular/doc/wslowj7plFmX/> (date of appeal 18.06.2019).
5. Appeal decision of the Volgograd Regional Court of 14.01.2019 № 22-144/2019. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/BOUqBn7icVxm/> (date of appeal 18.06.2019).
6. Sentence of the Yugor District Court of Khanty-Mansi Autonomous District – Yugra dated 09.10.2018 № 1-104/2018. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/VbHKrwXzytbJ/> (date of appeal 18.06.2019).
7. Appeal decision of the Chelyabinsk Regional Court dated 24.08.2018 № 1-286/2018. URL :

- URL : [//sudact.ru/regular/doc/MSxC0pPMhTUp/](https://sudact.ru/regular/doc/MSxC0pPMhTUp/) (дата обращения 18.06.2019).
8. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Коми от 30.03.2018 № 22-673/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/pM1gizsTZrWQ/](https://sudact.ru/regular/doc/pM1gizsTZrWQ/) (дата обращения 18.06.2019).
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2009 № 82-О09-25 // СПС «Консультант Плюс».
10. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2004 № 6-004-26 // СПС «Консультант Плюс».
11. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2011 № 35-О11-14 // СПС «Консультант Плюс».
12. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 35-УДп14-5 // СПС «Консультант Плюс».
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2015 № 51-УД15-1 // СПС «Консультант Плюс».
14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.2014 № 1190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 139 и пунктом «а» части третьей статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации».
15. Апелляционное постановление Кировского областного суда от 13.11.2018 № 22-2114/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/XSfYvhMR9KYI/](https://sudact.ru/regular/doc/XSfYvhMR9KYI/) (дата обращения 27.06.2019).
16. Приговор Заинского городского суда Республики Татарстан от 15.06.2018 № 1-33/2018. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/O08f2UjzDSY0/> (дата обращения 27.06.2019).
17. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 05.10.2018 № 22-1585/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/gEKWtiQhFW6T/](https://sudact.ru/regular/doc/gEKWtiQhFW6T/) (дата обращения 27.06.2019).
18. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Карелия от 13.09.2018 № 22-1178/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/xQQ2P5iGQ5rU/](https://sudact.ru/regular/doc/xQQ2P5iGQ5rU/) (дата обращения 27.06.2019).
19. Постановление Осташковского городского суда Тверской области от 24.07.2018 № 1-54/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/H5jxqAorycNW/](https://sudact.ru/regular/doc/H5jxqAorycNW/) (дата обращения 27.06.2019).
20. *Незнамова З.А.* Проблемы разграничения преступления и административного правонарушения // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24–25 октября 2014 г.). Избранные материалы / Г.В. Абшилава, В.В. Акинфиева, А.Б. Афанасьев и др. М., 2015.
- [//sudact.ru/regular/doc/MSxC0pPMhTUp/](https://sudact.ru/regular/doc/MSxC0pPMhTUp/) (date of appeal 18.06.2019).
8. Appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Komi dated 30.03.2018 № 22-673/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/pM1gizsTZrWQ/](https://sudact.ru/regular/doc/pM1gizsTZrWQ/) (date of appeal 18.06.2019).
9. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation № 82-О09-25 // ATP Consultant Plus dated 29.09.2009.
10. Cassation definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.07.2004 № 6-004-26 // Union of Right Forces «Consultant Plus».
11. Cassation Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.04.2011 № 35-О11-14 // ATP «Consultant Plus».
12. Cassation Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.12.2014 № 35-UDp14-5//ATP "Consultant Plus."
13. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation № 51-УД15-1//ATP Consultant Plus dated 22.04.2015.
14. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.05.2014 № 1190-О «About refusal in acceptance to consideration of the complaint of the citizen Kovalyov Evgeny Aleksandrovich to violation of his constitutional rights the note to Article 139 and the point «а» of a part of the third Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation».
15. Appeal decision of the Kirovsk Regional Court of 13.11.2018 № 22-2114/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/XSfYvhMR9KYI/](https://sudact.ru/regular/doc/XSfYvhMR9KYI/) (date of appeal 27.06.2019).
16. Sentence of the Zainsky City Court of the Republic of Tatarstan dated 15.06.2018 № 1-33/2018. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/O08f2UjzDSY0/> (date of appeal 27.06.2019).
17. Appeal decision of the Tver Regional Court of 05.10.2018 № 22-1585/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/gEKWtiQhFW6T/](https://sudact.ru/regular/doc/gEKWtiQhFW6T/) (date of appeal 27.06.2019).
18. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Karelia dated 13.09.2018 № 22-1178/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/xQQ2P5iGQ5rU/](https://sudact.ru/regular/doc/xQQ2P5iGQ5rU/) (date of appeal 27.06.2019).
19. Resolution of Ostashkovsky City Court of the Tver Region dated 24.07.2018 № 1-54/2018. URL : [//sudact.ru/regular/doc/H5jxqAorycNW/](https://sudact.ru/regular/doc/H5jxqAorycNW/) (date of appeal 27.06.2019).
20. *Neznamova Z.A.* Problems of distinction between crime and administrative offence // Fifth Perm Congress of Legal Scientists (Perm, October 24–25, 2014). Selected materials/G.V. Abshilava, V.V. Akinfiev, A.B. Athaniev, etc. M., 2015.

21. *Лобанова Л.* Малозначительность деяния: абстрактность законодательного регулирования и трудности правоохранительной реализации / Л. Лобанова, А.Рожнов // Законность. 2016. № 6. С. 50.
22. *Радионое Г.Г.* Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 153–154.
23. *Образжиев К.В.* Сложные единичные преступления : монография / К.В. Образжиев, Д.С.Чикин. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 115–136.
24. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2011 по делу № 35-О11-14 // СПС «Консультант Плюс».
25. Приговор Боровского районного суда Калужской области от 08.12.2015 № 1-201/2015. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/xbrEVkAX4QxP/> (дата обращения 01.07.2019).
26. Справка Иркутского областного суда о результатах обобщения судебной практики применения положений части 2 статьи 14 УК РФ (малозначительность деяния). URL : http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431 (дата обращения 28.06.2019).
27. *Иванчин А.В.* Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex Russica. 2015. № 6. С. 25.
28. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Понятие преступления. Состав преступления / Под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. Т. V. С. 513–514.
29. Апелляционное определение Курского областного суда от 11.12.2018 № 22-1457/2018. URL : https://oblsud--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2139998&delo_id=4&new=4&text_number=1&case_id=2125806 (дата обращения 30.06.2019).
30. Апелляционное определение Курского областного суда от 17.12.2018 № 22-1537-2018. URL : https://oblsud--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2145654&delo_id=4&new=4&text_number=1&case_id=2130292 (дата обращения 30.06.2019).
21. *Lobanova L.* Small significance of the act: abstractness of legal regulation and difficulties of law enforcement implementation / L. Lobanova, A. Rozhnov // Legality. 2016. № 6. P 50.
22. *Radionov G.G.* Criminal liability for falsification of evidence and results of operational and search activities : dis.... cand. of law sciences. M., 2015. P. 153–154.
23. *Obrazhiev K.V.* Complex single crimes : monograph / K.V. Obrazhiev, D.S. Chikin. M. : Jurlitinform, 2016. P. 115–136.
24. Cassation decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.04.2011 in case № 35-О11-14 // SFOR Consultant Plus.
25. Sentence of Borovsky district court of Kaluga region from 08.12.2015 № 1-201/2015. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/xbrEVkAX4QxP/> (date of appeal 01.07.2019).
26. Certificate of the Irkutsk Regional Court on the results of the synthesis of judicial practice in the application of the provisions of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation (minor importance of the act). URL : http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431 (date of appeal 28.06.2019).
27. *Ivanchin A.V.* Theoretical model of the requirements of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of criminal responsibility and minor importance // Lex Russia. 2015. № 6. P. 25.
28. Criminal law. General part. Crime. Academic course : In 10 The concept of crime. Composition of the crime/under ed. N.A. Lopashenko. M., 2016. Vol. T.V. P. 513–514.
29. Appeal decision of the Kursk Regional Court of 11.12.2018 № 22-1457/2018. URL : https://oblsud--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2139998&delo_id=4&new=4&text_number=1&case_id=2125806 (date of appeal 30.06.2019).
30. Appeal decision of the Kursk Regional Court of 17.12.2018 № 22-1537-2018. URL : https://oblsud--krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2145654&delo_id=4&new=4&text_number=1&case_id=2130292 (date of appeal 30.06.2019).

Крыцула Алексей Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия,
президент Фонда
«Кубанский юридический форум»,
заместитель председателя
Краснодарского краевого отделения
Ассоциации юристов России,
научный консультант
юридической фирмы «Миалегис»
aakrytsula@gmail.com

Гончаров Ян Александрович
слушатель второго курса,
Российская школа
частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации
y.a.goncharov1@gmail.com

ИНТЕРЕС КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В ГК РФ часто используется такой термин, как интерес. В частности, согласно ст. 166 ГК РФ наличие охраняемого законом необходимо для оспаривания сделки. Вместе с этим ни в законодательстве, ни в науке, нет однозначного определения интереса.

По этой причине актуально выяснение вопроса о том, как этот вопрос разрешают суды, а именно, когда суды признают, что у заявителя есть охраняемый законом интерес для оспаривания сделки.

Кроме того, в 2013 году законодатель изменил редакцию статьи 166 ГК РФ (Изменения внесены Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ): если ранее такое условие, как нарушение охраняемого законом интереса лица, которое оспаривает сделку, было отнесено только к ничтожным сделкам, то после изменений названное условие относится как к ничтожным, так и к оспоримым сделкам. В связи с этим также возникает несколько вопросов. Во-первых, каковы причины этих изменений? Во-вторых, изменилось ли как-то понимание интереса после вступления в силу указанных изменений? Ответы на перечисленные вопросы и являются предметом настоящей статьи.

Ключевые слова: недействительность сделок; охраняемый законом интерес; интерес в оспаривании сделки.

Aleksei A. Krytsula
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of Civil Law,
North Caucasus Branch
Russian State
Of the University of Justice,
President of the Foundation
«Cuban Legal Forum»,
Vice-Chairman
Krasnodar Regional Branch
Russian Bar Association,
Scientific Consultant
Mialegis Law Firm
aakrytsula@gmail.com

Yan A. Goncharov
Listener of the second year,
Russian School
Private law name of S.S. Alekseyev
Under the President
of the Russian Federation
y.a.goncharov1@gmail.com

INTEREST AS A CONDITION FOR CHALLENGING A TRANSACTION IN LAW AND JURISPRUDENCE

Annotation. In the Civil Code of the Russian Federation, the term such as interest is often used. In particular, according to article 166 of the Civil Code of the Russian Federation, the presence of a legally protected transaction is necessary to challenge the transaction. At the same time, there is no clear definition of interest in legislation or science.

For this reason, it is relevant to clarify how the issue is resolved by the courts, namely when the courts recognize that the applicant has a legally protected interest to challenge the transaction.

In addition, in 2013, the legislator changed the wording of article 166 of the Civil Code of the Russian Federation (Amendments made by Federal Law № 100-FZ of 07.05.2013): if earlier such a condition as violation of the legally protected interest of a person who disputes the transaction was classified only as null and void transactions, then after the changes the said condition applies to both null and void transactions. This also raises several questions. First, what are the reasons for these changes? Secondly, has the understanding of interest changed somehow since the entry into force of these changes? The answers to the above questions are the subject of this article.

Keywords: invalid transactions; A legally protected interest; Interest in challenging the transaction.

Введение

Охраняемый законом интерес, законный интерес – одни из самых распространенных терминов в законодательстве, литературе и судебной практике. Из-за этого важно, чтобы термин был достаточно точно определен. В ином случае участникам оборота ориентироваться не на что: каждый будет понимать термин по-своему.

Однако, в законодательстве нет определения интереса. Но, возможно, и не должно быть – понятия должны раскрываться в доктрине. Но и в теории нет однозначного понятия интереса. Вениамин Петрович Грибанов писал, что некоторые понимают интерес как субъективную категорию, выражающую отношение личности к явлению; другие – как объективную; третьи – как сочетание субъективного и объективного моментов [1]. Современные исследователи констатируют, что в итоге сложилось три подхода к пониманию интереса: объективный, субъективный и объективно-субъективный [2].

Таким образом, нет единства мнений в том, что из себя представляет такое понятие, как интерес. Но из чего тогда исходить в практической деятельности? Остается один выход – проанализировать, как этот термин понимают суды. Такое исследование не направлено на разрешение теоретического спора, но поможет сориентироваться участникам оборота и практикующим юристам.

Однако в этой точке мы сталкиваемся с тем, что понятие интереса употребляется множество раз и для урегулирования различных ситуаций. Поэтому, скорее всего, суд определяет интерес по-разному в отношении разных ситуаций. Следовательно, искать общее определение нецелесообразно. Для того, чтобы работа имела смысл, должно быть проанализировано понимание интереса в рамках определенной категории споров. Мы считаем, что с учетом потребностей в практической деятельности, наиболее плодотворным является изучение интереса применительно к оспариванию сделок.

1. Понимание интереса в судебной практике до изменений в ст. 166 ГК РФ

Вопрос о том, есть ли у заявителя интерес в оспаривании, поднимался в нескольких группах споров. В первую очередь это споры о признании недействительным договора, заключенного на торгах.

Так, в одном деле общество оспаривало торги и заключенный на них договор по купле-продаже земельного участка. Общество указывало, что на спорном земельном участке находится недвижимость общества, а сам участок передан обществу в аренду. Кроме того, торги проведены с нарушением действующего законодательства.

Суд в иске отказал, установив, что права и законные интересы заявителя не нарушены (п. 2 ст. 166 ГК РФ и п. 1 ст. 4 АПК РФ). Во-первых,

договор аренды земельного участка давно прекращен и не продлевался, а недвижимость, которая находилась на участке, снесена. Вторых, общество не подавало заявку на участие в торгах и поэтому в любом случае не могло претендовать на заключение договора (Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 09.12.2013 по делу № А11-537/2013). Из этого следует, что права и законные интересы общества не нарушены. Аналогичную правовую позицию можно встретить и в других делах (например, постановление ФАС Волго-Вятского округа от 16.09.2010 по делу № А11-69/2008).

В данном случае суд понимает интерес как возможность реализации предоставленных участникам оборота прав, а именно – права на участие в торгах. Поскольку из-за отсутствия заявки общества право на участие в торгах в любом случае не было бы реализовано, постольку заявитель не обладает интересом в оспаривании сделки. Единственный результат, который мог бы быть достигнут вследствие признания торгов недействительными – проведение торгов заново. Но никто не должен нести риски общества за то, что последнее вовремя не подало заявку на участие в торгах. Также на практике были распространены иски кредитора к должнику о признании некоторых сделок должника недействительными. Причина таких исков – заключение сделок, которые по мнению кредитора искусственно создают задолженность для возбуждения дела о банкротстве либо направлены на вывод активов или денежных средств с целью воспрепятствованию обращения на них взыскания.

Яркий пример – дело «Мираф-Банка», который обратился с иском к Журавлевой Ольге и обществу «Антарис» с иском о признании недействительным заключенного между ними договора поставки. Согласно фабуле дела, «Мираф-банк» предоставил Журавлевой кредит в размере полтора миллиона рублей. После того, как банк взыскал долг в судебном порядке, ему стало известно, что Журавлева заключила с обществом «Антарис» договор поставки, по которому выплатила почти пять миллионов рублей.

«Мираф-банк» настаивал на том, что договор – мнимый, и заключен с целью неисполнения решения суда о взыскании долга. Первая инстанция в иске отказала, но в апелляционной инстанции решение было отменено: суд признал договор недействительным, поскольку Журавлева не предоставила доказательств его исполнения. В кассационной инстанции Журавлева указывала, что у банка отсутствует интерес в оспаривании. Кассация с этим не согласилась и оставила судебный акт апелляционной инстанции в силе (Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 25.07.2013 по делу № А46-24194/2012).

В другом деле обществу «Сарагоса-ДВ» в подобном иске было отказано: суд не признал общество заинтересованным в оспаривании, поскольку у должника было имущество, на которое можно обратить взыскание, и поэтому продажа

должником части своего оборудования не повлияла на права заявителя (Постановление ФАС Дальневосточного округа от 25.02.2013 № Ф03-342/2013 по делу № А51-12347/2012).

Из этих дел следует, что оспаривание допустимо в случае, если заключенная сделка является мнимой. Наличие долга как такового не может быть средством контроля за деятельностью должника. Это выражено и в одном из определений Высшего арбитражного суда: отказывая в удовлетворении исковых требований, суд кассационной инстанции указал, что **заинтересованность истца в рентабельной деятельности МУП «Воронежтеплосеть» не может являться основанием для удовлетворения иска ООО «Развлекательный центр на Кирова» о признании недействительными договоров аренды и применении последствий их недействительности** в порядке пункта 2 статьи 166 и статьи 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (Определение ВАС РФ от 28.10.2008 № 12649/08 по делу № А14-5054/2007-216/13).

К третьей группе споров можно отнести споры о признании недействительными крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Так, трое бывших участников сельскохозяйственного кооператива оспорили договоры купли-продажи основного имущества кооператива: мастерской, склада, зерноочистительного комплекса и другого имущества.

Суд, признавая сделку недействительной, указал, что в результате продажи имущества стоимость пая резко уменьшилась. Из-за этого пострадали имущественные интересы заявителей, и у них есть право на оспаривание сделки согласно ст. ст. 166 ГК РФ, 4 АПК РФ (Постановление ФАС Центрального округа от 26.07.2013 по делу № А68-6422/2012).

В данном случае мы снова сталкиваемся с тем, что интерес понимается как возможность лица реализовать своё право. Отсюда и обязательное требование к иску о признании сделки недействительной: в результате удовлетворения иска должны быть восстановлены права заявителя, либо у него должна появиться возможность для их реализации.

Таким образом, как мы видим, интерес в оспаривании судами понимается достаточно просто: интерес есть тогда, когда заявитель обладает правом, реализация которого затрудняется или становится невозможной в результате заключения оспариваемых сделок.

При этом суды очень часто обращаются не только к ст. 166 ГК РФ, но и к ст. 4 АПК РФ: *«положения названной статьи Гражданского кодекса Российской Федерации должны применяться во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью 1 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и быть направлены на соблюдение режима законности при проведении торгов и на защиту интересов*

лиц, чьи права затронуты нарушением правил проведения торгов» (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.11.2017 № Ф05-8601/2014 по делу № А40-5120/12-103-7).

2. Новая редакция ст. 166 и возможные причины изменений

01.09.2013 вступил в силу Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ. Этот закон изменил редакцию ст. 166 ГК РФ. В результате редакции, теперь условие о необходимости интереса в целях оспаривания сделки содержится и в п. 2 ст. 166, посвященном оспоримым сделкам, и в п. 3, посвященном ничтожным сделкам. Для нас важно понять, почему произошли эти изменения и повлияли ли они на понимание интереса в судебной практике.

Изменениям предшествовало длительное обсуждение реформы гражданского законодательства, итоги которого изложены в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ (далее – **Концепция**) [3]. В ней указано, что только лицо, имеющее охраняемым законом интерес, может предъявлять в суд иск о признании сделки недействительной.

Разработчики уточняют: *«это в полной мере относится как к ничтожным, так и к оспоримым сделкам»* [3, с. 53]. *К таким выводам авторы Концепции пришли по той причине, что «оспоримые сделки отличаются от ничтожных лишь тем, что из всех лиц, чьи права и законные интересы могут быть потенциально нарушены недействительной сделкой, право предъявлять соответствующие требования в суд предоставляется лишь тем, которые прямо названы в закон»* [3, с. 53].

Следовательно, основной причиной изменений послужила идея, согласно которой к явлениям одного порядка следует применять одни и те же правила. Поскольку и оспоримая и ничтожная сделки являются видом более общего понятия, то правило о предъявлении иска только заинтересованным лицом рационально распространить на оба вида недействительности. Тем не менее, прошедшие изменения вызывают некоторые вопросы. Так, Д.О. Тузов пишет, что *«соображения, по которым было введено такое дополнительное условие, отсутствующее в прежнем законодательстве, не вполне понятны. Согласно традиционным представлениям, если имеет место состав оспоримой сделки, то этого уже достаточно для того, чтобы такую сделку оспорить в суде и добиться ее аннулирования (именно потому, что сделка является оспоримой)»* [4, с. 387].

Иными словами, автор указывает на то, что для признания оспоримой сделки достаточно наличия необходимых пороков в сделке, и не более того. Д.О. Тузов считает, что *«подобный «двойной фильтр» для оспаривания незаконных сделок представляется явно излишним и ничем не оправданным»* [4, с. 388]. Далее автор также указывает, что само по себе наличие состава оспоримой сделки означает нарушение охра-

няемого законом интереса, и поэтому не требует дополнительно обоснования.

Мы полагаем, что Д.О. Тузов прав в том, что в положениях ГК РФ закреплен своеобразный «двойной фильтр»: (1) обоснование интереса в оспаривании, (2) обоснование наличия пороков в сделке. Что касается второго суждения, то с ним можно согласиться лишь с некоторыми уточнениями. Действительно, порок в сделке зачастую предполагает нарушение интереса. Однако такой вывод подходит лишь к случаям, когда сделку оспаривает одна из ее сторон. Если сделку оспаривает третье лицо, то такой интерес неочевиден. Какой интерес есть у гражданина А – жителя Владивостока в оспаривании сделки между обществами Б и В, расположенными в Москве и не имеющими никакого отношения к гражданину?

Также целесообразно дополнить и вывод о «двойном фильтре»: он действительно имеет место быть, но это никак не связано с редакцией ст. 166 ГК РФ. Дело в том, что в российском праве сделки признаются недействительными только в судебном порядке. Есть оговорка о том, что ничтожная сделка недействительна независимо от признания таковой судом, однако на практике сторона в любом случае идет в суд, только уже с другим иском – о признании последствий недействительной сделки. В связи с этим, вопрос признания сделки недействительной неразрывно связан с судом и процессуальным правом.

Обратившись к нормам процессуального права, мы видим, что и в ГПК РФ (ст. ст. 3, 131), и в АПК РФ (ст. 4), содержатся требования о наличии интереса для обращения с иском в суд. На эти же нормы ссылаются и авторы Концепции, когда указывают на необходимость наличия интереса для оспаривания сделки [4]. На эти же нормы часто ссылались и суды. Следовательно, поскольку недействительность оспариваемой сделки, либо последствия недействительности ничтожной сделки, могут быть установлены только судом, постольку вне зависимости от содержания норм ГК РФ, истец обязан обосновать наличие охраняемого законом интереса на основании вышеперечисленных норм.

Из приведенного вывода возникает другой вопрос: зачем законодатель повторно указал о необходимости интереса? Полагаем, что ответ на этот вопрос можно получить только при рассмотрении вопроса в исторической перспективе. В дореформенный период иски о признании сделок недействительными или незаключенными были одними из самых распространенных, что негативно сказывалось на гражданском обороте.

Вполне обычной была практика, когда сделка не несет никакого вреда для сторон, и обе стороны уже предпринимали действия, из содержания которых явствовало, что сделка совершена и стороны заинтересованы в ее исполнении. Несмотря на это, одна из сторон, увидев, что может получить какие-то дополнительные выгоды от признания сделки недействительной, и обнару-

жив, что в сделке есть сугубо формальные недостатки, заявляла иск о признании сделки недействительной. Суды, игнорируя вопрос о наличии интереса, признавали сделки недействительными.

Особенно сильно это коснулось корпоративного права. В начале 2000-х суды были переполнены исками от акционеров и участников обществ с ограниченной ответственностью о признании недействительными крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Судам необходимо было как-то реагировать на огромный поток исков, заявленных сугубо по формальным основаниям.

12.11.2002 Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации опубликовал постановление под № 6288/02, которым отменил ранее принятые решения по одному из дел о признании сделки недействительной. Президиум указал, что «пунктом 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» (в редакции от 07.08.01) предусмотрено право акционера предъявлять иски о признании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, недействительными. Однако реализация этого права возможна в том случае, если оспариваемой сделкой нарушены права или охраняемые законом интересы акционера общества и целью предъявленного иска является восстановление этих прав и интересов [выделено авторами статьи – А.А., Я.А.]. Истец не указал, какие реально его права как акционера нарушены и какие конкретно неблагоприятные последствия повлекла для него данная сделка».

Как можно увидеть, доводы Президиума очень сильно перекликаются с тем, что позже будет написано в Концепции, а потом и попадет в ГК РФ. Корпоративное право – пример, подтверждающий правило. Ситуация в полной мере касалась всего гражданского оборота, на что также обращается внимание в Концепции: «несовершенство законодательного регулирования недействительных сделок дает возможность недобросовестным лицам оспаривать в суде практически любую сделку, что по сути означает применение института недействительных сделок в противоречие с его подлинным назначением. В настоящее время споры о признании сделок недействительными по различным основаниям приобрели массовый характер. Значительная часть этих споров инициируется недобросовестными лицами, стремящимися избежать исполнения принятых на себя гражданско-правовых обязательств» [4, с. 49].

Следовательно, массовые иски о недействительности сделок, основой которых являются сугубо формальные основания, стали большой проблемой в российской практике. На решение этой проблемы было направлено множество юридических приемов, одним из которых стало повторение процессуального права в нормах права материального, а именно повторение требования о наличии интереса для оспаривания. Об этом нам снова говорит и Концепция, в кото-

рой при обосновании появления этого условия используется ссылки на АПК РФ и ГПК РФ.

Таким образом, условие об интересе в статье 166 ГК РФ по сути ничем не отличается от условий, закрепленных в процессуальном законодательстве. Его распространение и на состав оспоримых сделок стало лишь следствием двух факторов. Во-первых, желанием устранить неясность, связанную с тем, что условие интереса было закреплено только для ничтожных сделок, хотя по сути относится и к оспоримым тоже. Во-вторых, стремлением еще раз обратить внимание судов на необходимость выявления интереса, который преследует заявитель по иску о признании сделки недействительной.

3. Судебная практика после изменений в ст. 166 ГК РФ

Теперь целесообразно снова обратиться к практике, чтобы понять, изменилось ли что-то в понимании интереса после произошедших изменений. Практика показывает, что нет. Касаясь категорий споров, то иски участника или акционера общества о признании крупной сделки или сделки с заинтересованностью недействительной практически сошли на нет. Вместо них появилось больше споров, связанных с земельными участками. Приведем несколько примеров из свежей судебной практики.

Первое дело, к которому мы обратимся, касается оспаривания сделок должника, направленных на вывод денежных средств. Общество «Миллениум» перечислило денежные средства Обществу «Агроцентр». Позже выяснилось, что перечисленные деньги для последнего являются неосновательным обогащением. Чтобы не возвращать деньги, Общество «Агроцентр» вывело их со счета путем оплаты мнимых сделок по поставке цемента и нефтепродуктов. В суде Общество «Миллениум» оспорило сделки по перечислению денежных средств (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.03.2018 № Ф04-42/2018 по делу № А46-17925/2016). Суд иск удовлетворил и признал, что Общество «Миллениум» заинтересовано в оспаривании сделок.

Здесь мы видим, что понятие интереса не изменилось. Как и раньше, интерес – возможность реализовать предусмотренное законом право. В данном случае у кредитора было к должнику кондикционное требование, которое в результате совершенных сделок было бы невозможно удовлетворить. В связи с этим, интерес кредитора – реализовать право на возврат долга.

Далее, к делам с земельными участками. Так, Общество «Медилекс» обратилось в суд к нескольким лицам, в том числе к Администрации МО Краснодар, о признании в части недействительной сделки по купле-продаже земельного

участка. Общество «Медилекс» указывало, что часть передаваемого земельного участка является землей общего пользования, через которую Общество имеет доступ к своему имуществу. Эта часть не может быть передана, во-первых, поскольку является землей общего пользования, а во-вторых, поскольку новый собственник может воспрепятствовать Обществу «Медилекс» в доступе к своему имуществу. Требование удовлетворено (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.08.2017 № Ф08-5334/2017 по делу № А32-24919/2014).

Приведенное дело также подтверждает ранее сделанные выводы. У Общества «Медилекс» есть право пользования своим имуществом. Заключенной сделкой это право могло быть нарушено, доступ к имуществу мог быть воспрещен. Поэтому интерес заявителя был в том, чтобы новый собственник не мог воспрепятствовать реализации права пользования.

По-прежнему распространены споры, связанные с оспариванием договоров, заключенных на торгах. Так, между муниципальным образованием Киквидзенский муниципальный район и обществом «Агро-Продукт» заключены договоры аренды земельных участков. Впоследствии договоры расторгнуты, а земельные участки переданы по договорам купли-продажи Долговой Т.В. Узнав о передаче земельных участков, общество «Агро-промышленный комплекс «Родина» обратился в суд с иском об оспаривании постановлений о передаче земельных участков и договоров купли-продажи. Суд признал, что у общества «Агро-промышленный комплекс «Родина» есть интерес в оспаривании сделки, так как при проведении торгов оно могло бы участвовать в них и по итогам приобрести земельные участки (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.10.2017 № Ф06-14337/2016 по делу № А12-3100/2016). И в этом случае, как и прежде, под интересом суд понимает невозможность реализации права.

Выводы

Такое условие для оспаривания сделки, как интерес, по сути своей является процессуальным и содержится в АПК РФ и ГПК РФ. При изменении ст. 166 ГК РФ условие об интересе включено потому что суды часто признавали сделки недействительными, и при этом игнорировали вопрос о наличии у заявителя интереса несмотря на то, что положения АПК РФ и ГПК РФ требовали проверять наличие интереса у заявителя иска. Интерес в оспаривании сделки представляет собой наличие у лица, оспаривающего сделку, того или иного права, реализация которого может быть под угрозой из-за оспариваемой сделки. При этом изменение ст. 166 ГК РФ никак не повлияло на понимание интереса в судебной практике.

Литература:

1. *Грибанов В.П.* Принципы осуществления гражданских прав // Вестник Московского университета. Сер. XII: Право. 1966. № 3.
2. *Осипов А.А.* Интерес как гражданско-правовая категория, опосредующая возникновение, изменение и/или прекращение правоотношений // Гражданское право. 2010. № 2. С. 7–12.
3. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.
4. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. С. 387.

Literature:

1. *Gribanov V.P.* Principles of the Exercise of Civil Rights // Journal of Moscow University. It is gray. XII: Law. 1966. № 3.
2. *Osipov A.A.* Interest as a civil-legal category, mediating the emergence, change and/or termination of legal relations // Civil law. 2010. № 2. P. 7–12.
3. Concept of Improvement of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation // Journal of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. №. 4.
4. Transactions, representation, standing: article-by-article commentary to articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation / Ote. ed. A.G. Karapetov. M. : M-Logos, 2018. P. 387.

Макаров Александр Петрович
старший помощник прокурора,
Нахимовский район города Севастополя,
аспирант,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
alexandr_mak@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ЭТАПАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам, возникающим при формировании следственных версий как тактического средства аналитического характера, а также в ней акцентируется внимание на следственных ситуациях на первоначальном и последующем этапах при расследовании фактов взяточничества и иных коррупционных проявлений.

Предметом авторского исследования являются основы криминалистического учения о версии и логические закономерности выдвижения следственных версий в деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

Ключевые слова: взяточничество, коррупционные преступления, следственная ситуация, построение следственных версий, криминалистическая следственная версия, планирование расследования, оперативно-розыскная деятельность, выявление, документирование, доказательство.

Н а современном этапе борьбы с преступностью возросла роль теоретических исследований, связанных с организационными основами расследования преступлений на базе новейших достижений науки и передовой практики расследования преступлений.

Частое изменение законодательства в борьбе с преступностью, трансформацию преступной деятельности, создание и функционирование организованных преступных сообществ, которые оказывают активное противодействие органам расследования, коррумпированность отдельных чиновников из органов государственной и исполнительной власти и правоохранительных органов позволяет на новой основе осуществлять научное исследование закономерностей выдвижения и проверки следственных версий и дальнейшего развития криминалистического учения о версии.

Aleksandr P. Makarov
Senior Assistant Prosecutor,
Nahimovsky district of Sevastopol city,
Graduate student,
Cuban State
Agrarian University
name of I.T. Trubilina
alexandr_mak@mail.ru

FORMATION OF FORENSIC VERSIONS AT THE INITIAL AND SUBSEQUENT STAGES OF A BRIBERY INVESTIGATION

Annotation. The article is devoted to problematic issues arising in the formation of investigative versions as a tactical tool of an analytical nature, and also focuses on investigative situations at the initial and subsequent stages in the investigation of bribery and other corruption manifestations.

The subject of the author's research is the foundations of the criminalistic doctrine of the version and the logical patterns of the nomination of investigative versions in the identification and investigation of crimes.

Keywords: bribery, corruption crimes, investigative situation, construction of investigative versions, forensic investigative version, investigation planning, operational investigative activities, revealing, documentation, evidence.

В последнее время появляются все новые способы совершения взяточничества, при этом расследование фактов взяточничества, зачастую, сопровождается противодействием виновных и заинтересованных лиц путем уничтожения улик и предмета взятки, использования средств маскировки, а также сокрытия изобличающих их следов.

Нельзя не отметить наличие значительного числа ошибок, допускаемых следователями при выдвижении и проверке следственных версий на первоначальном и последующем этапах, которые в дальнейшем могут повлечь за собой негативные последствия при расследовании данной категории уголовных дел [3].

Кроме того, сложность выявления и расследования указанных преступлений обуславливает ряд объективных и субъективных факторов – это:

– использование давления на органы следствия со стороны взяточполучателей, обладающих властными полномочиями, широкими связями и возможностями;

– неудовлетворительное качество проведения доследственных проверок и оперативно-розыскных мероприятий влечет за собой утрату потенциальных источников доказательств;

– передача предмета взятки без свидетелей;

– заинтересованность всех участников избежать уголовного преследования, что делает взяточничество одним из самых сложно раскрываемых преступлений.

В то же время, низкое качество материалов оперативно-розыскных данных приводит к утрате источников доказательств, являющихся одним из условий успешной борьбы с взяточничеством и существенно влияющих на своевременное и квалифицированное закрепление следов совершения преступления.

Также необходимо отметить, что при расследовании преступлений указанной категории важную роль играет ограничение круга лиц, допущенных к проведению оперативно-розыскных мероприятий и располагающих информацией по делу. Поскольку, утечка информации, в дальнейшем, может позволить виновным и заинтересованным лицам использовать полученную информацию в целях противодействия правоохранительным органам.

Следственные ситуации по делам о взяточничестве, в зависимости от времени проведения оперативно-розыскных мероприятий, следует разделять на два вида, при которых: оперативно-розыскные мероприятия проведены до возбуждения уголовного дела или по результатам возбуждения уголовного дела.

Выдвинутые и разработанные на основании достоверных фактов версии позволяют еще в период возбуждения уголовного дела установить способ и предмет взятки, место и время его передачи, а также проясняют иные обстоятельства, связанные с предметом доказывания по данной категории уголовных дел [5].

В ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела и на начальном этапе расследования взяточничества складываются различные следственные ситуации. Их условно можно разделить на те, что формируются в связи с выявлением признаков взяточничества (следственная ситуация «от взятки») и те, которые связаны с выявлением иных коррупционных и/или сопутствующих преступлений (следственная ситуация «от иных преступлений») [1].

В.Д. Зеленский полагает, что на первоначальном этапе расследования отдельного преступления: «определяются общие цели, цели следственных действий в соответствии со следственными версиями, общевersionные вопросы; цели, определяемы тактическим замыслом рас-

следования, и группа целей внеversionного характера» [4, с. 67–69].

Р.А. Степаненко отмечает, что на первоначальном этапе расследования фактов взяточничества могут быть и должны быть выдвинуты типичные следственные версии:

– взяточничество совершено или готовится к через посредника;

– часть взятки присваивается посредником;

– при передаче взятки якобы посреднику в действительности имеет факта мошенничества со стороны «мнимого» посредника [6, с. 213–214].

При раскрытии и расследовании фактов взяточничества наиболее важными являются версии, построенные по результатам проведения оперативно-розыскных мероприятий, посредством которых задокументированы действия по обсуждению разрабатываемыми лицами условий и обстоятельств получения взятки, документировании факта передачи взятки в ходе проведения оперативного эксперимента.

Полученные достоверные оперативно-розыскные и иные сведения до, во время и после разрешения различных следственных ситуаций, в ходе расследования по делам о взяточничестве позволяют сформировать систему следственных версий, выдвигаемых на первоначальном этапе расследования, и на их основе выстроить индивидуальную программу расследования.

На основании изложенного мы приходим к выводам о том, что на первоначальном и последующем этапах расследования фактов взяточничества могут и должны быть выдвинуты, в зависимости от складывающихся следственных ситуаций, следующие следственные версии:

1. Факт взятки или приготовления к совершению преступления имел место.
2. Имело место приготовление или передачи взятки через посредника.
3. Взяткодателем передан предмет взятки мнимому посреднику.
4. Взятка передана лицом, введенным в заблуждение относительно занимаемого взяточполучателем должностного положения.
5. Имеет место намеренная компрометация (ложное обвинение) должностного лица в совершении коррупционного деяния.
6. Взяткодатель использует свое служебное положение в целях личного обогащения и в интересах третьих лиц за определенное вознаграждение.
7. Установление всех фактов легализации доходов преступного происхождения, полученных коррупционером, с последующим наложением ареста на имущество.

8. Иное в зависимости от характера полученной оперативно-розыскной и другой информации.

Безусловно, приведенный выше перечень следственных версий не является исчерпывающим.

Практически во всех приведенных выше типичных следственных ситуациях тщательной проверке подлежат, пожалуй, наиболее важные общие версии о «верхушечной» и «систематической», «деловой» коррупции, о деятельности организованного преступного сообщества [2]. В то же время, правильно построенная версия способствует полному и быстрому установлению обстоятельств совершения преступления, его раскрытию, установлению и задержанию преступника.

Все вышеизложенное приводит нас к следующим выводам:

1. На первоначальном этапе расследования главным аспектом следственной версии является ее познавательная и организационная роль, которые вначале могут носить общий характер, а

Литература:

1. *Гармаев Ю.П.* Основы методики расследования коррупционных преступлений: курс лекций. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. С. 25.

2. *Гармаев Ю.П.* Особенности расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве. 2016. ISBN 978-5-91864-075-3.

3. *Головин А.Ю.* Особенности расследования коррупционных преступлений / А.Ю. Головин, Н.В. Бугаевская // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012. № 1–2.

4. *Зеленский В.Д.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений : монография. Краснодар : КубГАУ, 2011. 156 с.

5. *Князьков А.С.* Следственная версия как элемент информационной модели расследования преступления // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 348.

6. *Степаненко Р.А.* Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Улан-Удэ : ФГБОУ ВПО Бурятский государственный университет, 2015. 261 с.

впоследствии, по мере накопления информации, конкретизируется. Направление расследования по делам о взяточничестве определяется во многом общими следственными версиями, что позволяет на их основе выстроить индивидуальную программу расследования.

2. Выстроенная система версий субъектами расследования по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлений, позволяет еще до возбуждения уголовного дела, в зависимости от характера полученной оперативно-розыскной и иной информации, проводить комплекс оперативно-розыскных и следственных действий для задержания взяточника с полчищем.

3. Предлагаемые ряд следственных версий в процессе организации расследования взяточничества, в зависимости от складывающихся следственных ситуаций, позволяет принять правильное решение об их одновременной или параллельной проверке, что позволит в дальнейшем сократить продолжительность первоначального этапа расследования.

Literature:

1. *Garmaev Y.P.* Fundamentals of the methodology for investigating corruption crimes: a course of lectures. Ulan-Ude : Publishing House of the Buryat State University, 2018. P. 25.

2. *Garmaev Y.P.* Features of the investigation of crimes related to mediation in bribery. 2016. ISBN 978-5-91864-075-3.

3. *Golovin A.Y.* Features of the investigation of corruption crimes / A.Y. Golovin, N.V. Bugaevskaya // News of TulSU. Economic and legal sciences. 2012. № 1–2.

4. *Zelensky V.D.* Theoretical issues of the organization of crime investigation : monograph. Krasnodar : KubSAU, 2011. 156 p.

5. *Knyazkov A.S.* The investigative version as an element of the information model of crime investigation // Tomsk State University Journal. Tom. state un-that. 2011. № 348.

6. *Stepanenko R.A.* Features of the methodology for investigating crimes related to mediation in bribery. The dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Ulan-Ude : Federal state public educational institution of higher professional education Buryat State University, 2015. 261 p.

Маркелов Сергей Владимирович
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
S.V.Markelov@ya.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

Аннотация. Судебный контроль в современном мире – важный признак правового, демократического государства. Особую роль в структуре судебного контроля играет конституционный судебный контроль. Данная форма контроля закреплена Конституциями и Основными законами большинства развитых и демократических государств. Она может проводиться в разных формах, однако, лидирующие позиции (по распространению) занимает модель, при которой судебный контроль осуществляется с помощью специализированного органа. Содержание статьи посвящено историческому и правовому анализу формирования института судебного контроля, что обусловлено рядом изменений, происходивших в середине 19 века в России, и является наиболее важным преобразованием, осуществленных в рамках судебной реформы.

Ключевые слова: судебный контроль, судебная власть, судебная реформа, уголовный процесс, правоприменение, история конституционного контроля, исторический подход, должностное лицо.

Судебный контроль в современном мире – важный признак правового, демократического государства. Особую роль в структуре судебного контроля играет конституционный судебный контроль. Данная форма контроля закреплена Конституциями и Основными законами большинства развитых и демократических государств. Она может проводиться в разных формах, однако лидирующие позиции (по распространению) занимает модель при которой судебный контроль осуществляется с помощью специализированного органа (как например в России существует специальный орган – Конституционный суд РФ предусмотренный Конституцией РФ, а также Конституционные (Уставные) Суды субъектов РФ).

Sergey V. Markelov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
S.V.Markelov@ya.ru

THE EMERGENCE AND ESTABLISHMENT OF THE INSTITUTE OF JUDICIAL CONTROL OVER LAW ENFORCEMENT

Annotation. Judicial control in the modern world is an important feature of a legal, democratic state. Constitutional judicial control plays a special role in the structure of judicial control. This form of control is enshrined in the Constitutions and Basic laws of most developed and democratic States. It can be carried out in different forms, but the leading position (in terms of dissemination) is the model in which judicial control is carried out with the help of a specialized body. The content of the article is devoted to the historical and legal analysis of the formation of the institution of judicial control, which is due to a number of changes that took place in the middle of the 19th century in Russia, and is the most important transformation carried out in the framework of judicial reform.

Keywords: judicial control, judicial power, judicial reform, criminal process, law enforcement, history of constitutional control, historical approach, official.

Изучение истории конституционного контроля в России, а также аспектов влияния Конституции РФ на развитие и реализацию судебного контроля представляется важной научно-практической задачей, что и определяет значимость настоящей работы.

В основу организации власти в России 19 века была положена классическая доктрина разделения властей. В результате, судебная власть стала самостоятельной ветвью власти и, в связи с этим, потребовалось развитие такого института, как судебный контроль [2, с. 3].

Формирование института судебного контроля обусловлено рядом изменений, происходивших

в середине 19 века, и является наиболее важным преобразованием, осуществленных в рамках судебной реформы.

Развитие уголовно-процессуального законодательства, приведение норм в соответствие с Конституцией РФ связано в первую очередь с тем, что в настоящее время усилено внимание к основным правам свободам и гарантиям человека и гражданина, которые государство ставит на первое место [4, с. 1].

Большое внимание уделяется учеными различными формам и методам судебного контроля. Данному вопросу посвящены многочисленные статьи.

В работах многих авторов освещаются такие дискуссионные вопросы, как природа судебного контроля, его место и роль в пределах уголовного процесса.

Аспекты института судебного контроля освещались в работах таких ученых как В.П. Божьев, А.Д. Бойко, И.Ф. Демидов, В.В. Дорошков, Н.И. Капинус, В.А. Лазарева, И.Л. Петрухин и др.

Однако, в юридической науке еще нет более цельного и детального исследования, которое бы охватывало все теоретические и практические аспекты реализации судебной власти в уголовном процессе.

Изучение судебного контроля в рамках исторического подхода позволит наиболее полно и глубоко рассмотреть его сущность, развитие на разных этапах становления государства, понять объективную и субъективную причины, лежавшие в его основе, установить преимущества и недостатки, а также - возможность определить перспективы его дальнейшего совершенствования.

История развития уголовного процесса неразрывно связана со становлением и развитием русского государства, возникновение которого принято относить к VII–IX вв. Однако в данный период становления Российского государства существовало достаточно мало источников, содержащих нормы о судопроизводстве.

Впервые свое законодательное закрепление институт судебного контроля получил лишь в 1860 году, когда был издан царский Указ об «Учреждении судебных следователей» [7, с. 25].

Однако процессуальное законодательство до того времени представляло собой бессвязное собрание разнородных источников [6, с. 25], во едино собравших в себя Уложение царя Алексея Михайловича Указ Петра Великого, заложившего фундаментальные основы разделения судебной и административной власти.

В связи с этим, большинство ученых считают, что исходным периодом становления института судебного контроля следует считать начало Судебной реформы 1864 года и принятия таких актов как «Учреждение судебных установлений», «Устав уголовного судопроизводства», «Устав о

наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Данные акты являются нормативной базой, которая закрепляет отдельные элементы судебного контроля.

Учреждения судебных установлений – первый документ, который содержал нормы, регламентирующие компетенцию судов, их разграничение, права и обязанности судей, а также в ст. 8, ст. 353 УСУ содержался порядок организации судебного контроля. Развитию данного института способствовала и организация прокуратуры.

Большое значение имел и Устав уголовного судопроизводства, который содержал нормы, регламентирующие контроль мирового судьи за законностью и обоснованностью ограничения личной свободы участников судопроизводства, исходя из интересов каждого гражданина.

Следует отметить, что данный период отличался формированием и внедрением элементов судебного контроля, позволявших делать выводы о формировании самостоятельного института уголовного судопроизводства.

Так, в результате Судебной реформы 1864 года произошло коренное изменение всего судебного строя России того времени [5, с. 12]. Важнейшей задачей Реформы 1864 года было обеспечение законности судебного следствия и прав обвиняемого при его производстве.

Таким образом, судебный контроль являлся не только самостоятельным уголовно-процессуальным институтом, но и важнейшей функцией судебной деятельности по отправлению правосудия.

В результате событий, происходивших в период Октябрьской революции, нормативные акты, принятые в 1864 году, стали терять свою эффективность и все реже применялись на практике. В связи с этим, Декретом № 1 «О суде» все революционные законы, принятые в период Судебной реформы были отменены [1, с. 50].

Однако, не смотря на то, что в первые послереволюционные годы принимались новые акты в области уголовного судопроизводства, они все еще содержали черты основополагающих институтов, которые были закреплены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года.

После событий 1917 года стало происходить существенное преобразование судебной системы, начался новый этап становления российской суда.

В 1918–1919 гг. принимается ряд актов, которые содержали нормы, закрепляющие судебную форму контроля.

Однако, в последующие годы, советское законодательство практически полностью отказалось от института судебного контроля, суд становится орудием политической борьбы и теряет свое первоначальное значение и интерес власти к созданию административной юстиции угасает [3, с. 49–56].

И только лишь в период с 1920 по 1937 гг. вновь проявляется интерес к организации судебного контроля и его развитию, что неразрывно связано с созданием единого и кодифицированного уголовно-процессуального законодательства РСФСР. 25 мая 1922 года Постановлением ВЦИК «Об уголовно-процессуальном кодексе РСФСР» в действие был введен новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Однако, он действовал всего лишь год, затем был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года.

Следует отметить, что как в первом, так и во втором кодексах отчетливо прослеживается преемственность ряда положений УУС 1864 года.

Данные акты содержали нормы, регламентирующие единый порядок уголовного судопроизводства. Кодекс включил все ранее принятые нормы судебного контроля в общий механизм нормативного регулирования уголовно-процессуальной деятельности.

С принятием нового закона – Конституции СССР от 5 декабря 1936 года законодательное закрепление приобретают новые формы участия суда в судебном контроле за законностью или обоснованностью тех или иных решений органов исполнительной власти. Однако на практике они существовали лишь формально, и возможность заключения под стражу с санкции прокурора приобретало всеобъемлющий характер. Складывалась тенденция вывода из-под контроля судебной власти предварительного расследования, таким образом, ослаблялась роль суда в механизме защиты прав граждан.

Данная тенденция в последующем получила свое закрепление в Основах уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Декрет о суде № 1. СУ РСФСР. 1917. № 4.
2. *Давыдова И.А.* Судебный контроль в уголовном процессе : учеб. пособие для студентов вузов / И.А. Давыдова; Под ред. Н.А. Колоковой. 2-е издание. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2015.
3. *Лазарева В.А.* Судебная власть и уголовное судопроизводство // Государство и право. 2001. № 5.
4. *Лопаткина Н.А.* Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России. Краснодар : КубГУ, 2002.
5. *Муратова Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : монография. Казань : Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004.

производства Союза ССР и союзных республик, принятых в 1958 году, и в УПК РСФСР, принятом в 1960 году. В законе отсутствовали положения об участии суда в предварительном следствии и об участии в решении вопроса о применении мер процессуального принуждения. Данное положение также нашло свое отражение на высшем законодательном уровне и получило свое закрепление в Конституции СССР 1970 года и Конституции РСФСР 1978 года.

Так, идея самостоятельного судебного контроля за действиями органов государственной власти оказалась забытой. Возрождение данной идеи стало возможным лишь на новом этапе социального и правового развития государства в 1980-1990-х годах, и связана с принятой Концепцией судебной реформы в 1991 году.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что становление и развитие института судебного контроля, уже на первых этапах, имело важное значение для государства. Наиболее полное отражение данный институт получил в законах, которые были приняты в рамках Судебной реформы 1864 года.

Данный период считается исходным периодом становления судебного контроля. К тому же, положения о судебном контроле, принятые в период Судебной реформы, находили свое отражение и в постреволюционных законах. Из этого следует, что базовые, исходные положения служат отправной точкой для дальнейшего развития данного института и возможности преобразования его на новых этапах развития государства.

Безусловно, исходный период возникновения института судебного контроля играет важную роль в развитии данного института даже на современном этапе.

Literature:

1. The decree on the court № 1. SU RSFSR. 1917. № 4.
2. *Davydova I.A.* Judicial control in the criminal process : textbook for students / I.A. Davy-dova; ed. Kolpakova. 2nd edition. M. : UNITY-DANA : Law and law, 2015
3. *Lazareva V.A.* judicial power and criminal proceedings // State and law. 2001. № 5.
4. *Lopatkina N.Ah.* Institute of judicial control at the pre-trial stages of the criminal process of Russia. Krasnodar : KubSU, 2002.
5. *Muratova N.D.* The system of judicial control in criminal proceedings: issues of theory, legislative regulation and practice : monograph. Kazan : Kazan state University. V.I. Ulyanov-Lenin, 2004.

6. *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.

7. *Шаматрина М.С.* Становление института судебного контроля в стадии предварительного расследования // Вестник Российского университета дружбы народов. М., 2007.

6. *Polyansky N.N.* Issues of theory of Soviet criminal procedure. M., 1956.

7. *Samarina M.S.* Formation of the Institute of judicial control in the stage of preliminary investigation // Bulletin of the peoples ' friendship University of Russia. M., 2007.

Маркелова Ольга Николаевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
Olamarkelova@ya.ru

Olga N. Markelova
Candidate of Law Sciences,
associate Professor of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Olamarkelova @ya.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА, ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

THE RATIO OF THE PROCEDURAL MANAGEMENT, PUBLIC PROSECUTOR'S SUPERVISION AND JUDICIAL CONTROL

Аннотация. В связи с изменением законодательства появляются новые дискуссии среди ученых и практиков относительно соотношения прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля. Несмотря на то, что данную проблему рассматривали с разных сторон многие ученые, единого и четкого понимания так и не найдено. В настоящей статье мы рассмотрим все формы процессуального контроля и надзора, проанализируем их различия и сходства.

Annotation. With the change of legislation there are new discussions among scientists and practitioners regarding the ratio of prosecutorial supervision, departmental and judicial control. Despite the fact that this problem was considered from different sides by many scientists, a single and clear understanding has not been found. In this article we will consider all forms of procedural control and supervision, analyze their differences and similarities.

Ключевые слова: прокурорский надзор, ведомственный и судебный контроль, общество, государство, права и свободы граждан, уголовно-процессуальная деятельность, судопроизводство.

Keywords: prosecutorial supervision, departmental and judicial control, society, state, rights and freedoms of citizens, criminal procedure, legal proceedings.

Работа следователя на досудебном производстве связана с ограничением конституционных прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Именно поэтому, такая самостоятельность следователя, при принятии им наиболее важных процессуальных решений, оберегается целым комплексом возможностей со стороны руководителя следственного отдела, прокуратуры и суда. Такой контроль призван устранить возможный произвол от лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

проверочных мероприятий. Если обратится к ч. 2 ст. 37 УПК РФ (полномочиях прокурора на досудебном производстве), то можно увидеть, что в своей деятельности, прокурор непрерывно реализует свои полномочия с момента приема сообщения о преступлении и до утверждения обвинительного заключения способ или прекращения прокурора уголовного выяснили дела. Статьи 29, 39 УПК РФ [2] закрепляют ограниченный перечень полномочий суда и начальника следственного отдела.

Если раньше, надзор за исполнением законов в досудебных стадиях был исключительным правом прокуратуры, то сейчас разрешение на ограничение конституционных прав и свобод граждан, происходит только с «разрешения» суда.

Следующим различием хочется отметить тот факт, что в ходе контроля определенный субъект возлагает на себя ответственность за принимаемые решения (это может быть и судебное решение о производстве следственных действий и избрание меры пресечения), а в процессе надзора такого нет. Отсюда вытекает и следующее различие.

1. Понятийный аппарат: термины «контроль» и «надзор».

Надзор предполагает некую отстраненность от поднадзорной им деятельности и, можно сказать, осуществляется «извне», контроль же, сам по себе, может существовать и внутри системы.

Рассматривая формы процессуального контроля и надзора, нужно четко понимать их значение. Термины «контроль» и «надзор», хоть и близкие по значению, но ряд различий все же имеется.

И, наконец, в процессе надзора уголовно-процессуальная деятельность проверяется только относительно четкого соблюдения зако-

Во-первых, надзор представляет собой постоянно осуществляемую деятельность, а контроль можно определить как выполнение «точечных»

на: прокуратура не вправе вмешиваться в деятельность лиц и органов, за которыми осуществляется надзор. При контроле проверке подвергается не только соблюдение законодательства, но и оценка качества уголовно- процессуальной деятельности, целесообразность выбранных следователем приемов и средств.

До настоящего времени в теории так и не сложилось четкого понимания в вопросе о соотношении форм процессуального контроля и надзора, так как зачастую порядок и способ применения в силу единства их предназначения взаимосвязан.

У субъектов контроля и надзора единая цель – это достижение максимального соблюдения закона на досудебном производстве. И не зависимо от положения, которое они занимают в системе органов государства, позволяет каждому из них вносить именно свою часть в решение общей задачи. И поэтому необходимо добиться того, чтобы положение, при котором начальник следственного отдела, прокурор и суд, не заменяли друг друга, а лишь дополняли и помогали в решении общей задаче.

2. Специфика процессуального руководства.

Процессуальное руководство расследованием преступлений является залогом успеха в обеспечении своевременного, всестороннего и объективного предварительного расследования. Выполняя эффективно свою работу, руководитель следственного органа помогает следователю профессионально и качественно решать возникающие в процессе работы задачи.

Если обратиться к истории, то институт начальника следственного отдела был введен в уголовно- процессуальном законе вслед за появлением следственных подразделений в органах внутренних дел. Как отмечал Махов В.Н.: «исток понятия процессуального руководства находят свое зарождение в период действия УПК 1960 г.» [5] И, действительно, статья 127 УПК РСФСР 1960 г. наделяла начальника следственного отдела полномочиями по контролю за своевременностью действий следователя в раскрытии преступлений, принятию мер к наиболее полному и качественному производству предварительного следствия.

С самого своего появления контроль начальника следственного отдела задумывался не как альтернатива прокурорскому надзору, а, как считал Мурадханов К.Ю.: «Самостоятельной формой обеспечения точной и слаженной работы следователей по расследованию уголовных дел и предупреждению преступлений» [6], впоследствии он стал называться «ведомственным».

В теории уголовного процесса появились споры относительно полномочий начальника следственного отдела: некоторые предлагали не допускать вмешательства в процессуальную деятельность следователей; некоторые выдвигали предложения о ликвидации фигуры начальника следственного отдела. Были и те, кто поддержи-

вал новшества и выступал за расширение процессуальных полномочий.

Полномочия начальника следственного отдела как участника уголовного судопроизводства направлены на организацию надлежащим образом уголовно- процессуальной деятельности путем использования всех предусмотренных законом возможностей обеспечить всестороннее и объективное расследование уголовных дел.

Работа начальника следственного отдела заключается в руководстве подчиненными ему следователями. Его задача состоит в предупреждении, выявлении и устранении конкретных нарушений закона в процессе принятия действий и решений следователей и в случае обнаружения принять меры к их устранению.

Множество ученых утверждают о сходстве полномочий начальника следственного отдела и прокурорского надзора. И действительно, определенная сложность в разграничении процессуального контроля и надзора существует. Подобную близость контроля и надзора можно выделить в следующих аспектах:

– полномочия начальника следственного отдела и прокурорского надзора, направлены на достижение единой цели (обеспечение работы следователя при возбуждении уголовных дел и их расследовании в точном соответствии с уголовно- процессуальным законом;

– ряд полномочия указанных участников совпадает (как прокурор, так и начальник следственного отдела вправе давать указания следователю);

– и прокурор, и начальник следственного отдела выступают на стороне обвинения.

3. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля.

Введение судебного контроля за предварительным расследованием, являясь, по существу, дополнительной функцией судебной системы, обусловлено, прежде всего, тем, что, согласно Конституции РФ, судьи независимы [1] и выступают гарантом обеспечения прав граждан на досудебном производстве.

С введением судебного контроля за органами, осуществляющими предварительное расследование, произошло некое смещение прокурорского надзора. Как отмечал Д.Н. Козак, «... обновление законодательства позволило отказаться от прокурорской модели и перейти к судебной модели контроля за ограничением свободы и личной неприкосновенности, преследуемого в уголовном порядке, лица» [3]. И это понятно, так как суд, выступая независимым и беспристрастным органом, является гарантом обеспечения законности решений и действий органов дознания и предварительного следствия, затрагивающих конституционные права и свободы граждан. Такое положение соответствует международным нормам в области прав человека.

Если рассмотреть деятельность суда и прокуратуры за законностью, то, с одной стороны, они в большей мере совпадают, а с другой – прокуратура не только рассматривает вопросы о разрешении либо запрете в совершении тех или иных действий следственным органам, но и соблюдение законности при регистрации, учете и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях во всех правоохранительных органах. Поэтому – и гораздо более широкий круг лиц, попадающих в сферу прокурорского надзора.

Прокурорский надзор и судебный контроль принципиально отличаются по способам осуществления своих полномочий. Если суд реализует их по мере поступления заявлений и жалоб граждан, материалов следственных органов, то прокурорский надзор действует постоянно. Не дожидаясь сигналов о нарушениях законодательства, прокуратура самостоятельно принимает меры к исполнению органами дознания и следствия положений закона, восстановлению нарушенных прав любого участника уголовного судопроизводства.

Отличительной особенностью прокурорского надзора является инициативность. Судебный контроль таким свойством не обладает, как уже упоминалось выше, суд реализует свои полномочия по мере обращения заинтересованных граждан. Это означает, что с какими бы нарушениями закона суд не сталкивался, по своей личной инициативе устранить данные нарушения он не может. Что же касается обжалования действия (бездействия) и решений следователя, то здесь законодатель определил гораздо более широкий круг вопросов, подлежащих обжалованию прокурору. Ст. 124 УПК РФ предоставляет возможность обжаловать любые процессуаль-

ные действия (бездействия), принятые на предварительном расследовании. Чего не скажешь о судебном порядке, здесь, согласно ст. 125 УПК РФ, возможно обратится в суд только по определенным процессуальным решениям: постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела, а также иные действия (бездействие) и решения, которые затрагивают конституционные права и свободы участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, мы выяснили, что процессуальный контроль руководителя следственного отдела, прокурорский надзор и судебный контроль необходимо рассматривать как тесно взаимосвязанные между собой виды процессуального контроля и надзора.

Подводя итоги, хочется отметить высказывание А.Д. Бойкова: «...пришел к выводу, что речь должна идти о сочетании функций прокурора и суда в интересах обеспечения как уголовного преследования, так и защиты прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства» [4]. И с этим нельзя не согласиться, ведь правильнее использовать преимущества всех трех форм процессуального контроля и надзора. Подобным способом будет полноценно обеспечиваться законность как при расследовании уголовных дел, так и соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Что же касается процессуального руководства, то его введение было предназначено не для замены прокурорского надзора, а как отдельная форма обеспечения работы органов предварительного расследования, направленная на организацию уголовно-процессуальной деятельности, заключающемся в полном, всестороннем и объективном расследовании уголовных дел.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. ст. 4398
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.
3. *Козак Д.Н.* Комментарий к УПК РФ. 2-е изд., перераб. и доп. / Д.Я. Козак, Е.Б. Музина. М., 2011.
4. *Бойков А.Д.* Особенности прокурорского надзора. М., 2012.

Literature:

1. The Constitution court of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended, amended Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FCL) // collected legislation of the Russian Federation. 04.08.2014. № 31. article 4398
2. Criminal procedure code of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 01.05.2016) // collected legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. № 52 (h. I). Part 4921.
3. *Kozak D.N.* Comment to the code of criminal procedure. 2nd ed., Rev. and add. / D.N. Kozak, E.B. Mukhina. M, 2011.
4. *Boiko A.D.* Peculiarities of Prosecutor's supervision. M., 2012.

5. *Махов В.Н.* Роль прокурора в уголовном преследовании в России и в зарубежных государствах // Законность. 2014. № 8.

6. *Мурадханов К.Ю.* Конкурирующие функции прокурора на досудебном этапе российского уголовного процесса // Рос.судья. М., 2014. № 1.

5. *Makov V.N.* The role of the Prosecutor in criminal prosecution in Russia and in foreign countries // Legality. 2014. № 8.

6. *Muradhanov K.Y.* Competing functions of prosecutor at the pre-trial stage of the Russian criminal trial//Ros. Judge. M., 2014. № 1.

Новикова Наталья Александровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
Уральский государственный
юридический университет»,
заместитель председателя
Профсоюза работников
СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ
n200482@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОЛЛЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТАМИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АСПЕКТЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ

Аннотация. В статье представлена позиция автора относительно расширения возможностей коллективного управления интеллектуальными правами на результаты научного творчества работников, создаваемых ими в ходе создания служебных произведений. Данная проблема рассмотрена в аспекте возможности расширения полномочий профсоюзных организаций в части защиты интеллектуальных прав работников на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в связи с исполнением трудовых (должностных) обязанностей.

Ключевые слова: научная деятельность, научное творчество, профсоюз, результаты интеллектуальной деятельности, автор, исключительные права, коллективное управление авторскими правами.

Современное трудовое право регламентирует большинство взаимоотношений работника и работодателя, возникающих на различных этапах их общения. Вместе с тем, часть таких отношений оказывается «за бортом» норм трудового законодательства¹.

Одной из таких сфер являются отношения в связи с результатами интеллектуальной деятельности, создаваемых в процессе выполнения работником своей трудовой функции. Традиционно эти отношения регламентируются нормами гражданского законодательства. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает положения относительно служебных заданий, распределяет права и обязанности сторон отношения в связи с созданием и использованием служебных произведений, изобретений и прочих результатов интеллектуальной деятельности. По

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15016.

Natalya A. Novikova
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Department of Civil Law,
Ural State Law University,
Deputy Chairman of the Trade Union
of Workers of the SUI-UrGUA-UrGUU
n200482@mail.ru

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF COLLECTIVE MANAGEMENT OF RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITY IN ASPECT OF PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY OF WORKERS

Annotation. The article presents the author's position regarding the expansion of the collective management of intellectual rights on the results of the scientific work of workers created by them during the creation of official works. This problem is considered in the aspect of the possibility of expanding the powers of trade union organizations in terms of protecting the intellectual rights of workers on the results of intellectual activity created in connection with the performance of labor (official) duties.

Keywords: scientific activity, scientific creativity, trade union, results of intellectual activity, author, exclusive rights, collective management of copyright.

общему правилу, предусмотренному, в том числе, статьей 1295 Гражданского кодекса Российской Федерации, работник, создавший служебное произведение, продолжает считаться его автором, но все исключительные права изначально возникают у работодателя. Аналогичные нормы устанавливает статья 1370 Гражданского кодекса РФ относительно служебных изобретений, служебных полезных моделей и служебных промышленных образцов.

Казалось бы, все урегулировано, и пусть не нормами трудового права, но нормами действующего российского законодательства, соответственно, вопрос правового регулирования «закрыт» и остается только контролировать процесс правоприменения. Но так ли это? Представляется, что в связи с результатами интеллектуальной деятельности, созданными работниками, на настоящий момент существует несколько нерешенных проблем.

Наиболее существенной видится неурегулированность отношений в связи с созданием результатов интеллектуальной деятельности не в рамках выполнения своих должностных обязанностей (служебного задания), но в связи с ними (в том числе, для обеспечения их выполнения). В качестве примера можно привести написание различного рода учебников, конспектов лекций, практикумов и иных учебных и учебно-методических разработок работниками, относящимися к профессорско-преподавательскому составу вузов и иных учебных заведений. Специальное нормативное регулирование таких отношений отсутствует, в силу чего представляется возможным утверждать, что эти отношения будут регулироваться в общем порядке. В свою очередь, это означает, что результаты интеллектуальной деятельности «принадлежат» их авторам, т.е. все вопросы издания, распространения, а тем более продажи должны решаться на основе лицензионных договоров или договоров об отчуждении исключительного права (кстати говоря, большинство научных журналов уже давно перешли на данный формат работы с авторами научных статей).

Что же происходит в реальности? Соблюдаются ли эти достаточно простые и уж точно понятные нормы права интеллектуальной собственности в рамках отношений «работник – работодатель»? Думается, что нет. Сегодня работодатели не спешат заключать договоры в отношении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности своих работников, но, вместе с тем, пользуются ими. Возвращаясь все к тому же примеру с учебными материалами, написанными преподавателями, стоит отметить, что, как правило, разработка и написание практикумов, курсов лекций, тестовых заданий и иных материалов не включается в перечень должностных обязанностей (учебную нагрузку, учебное поручение) их авторов. Однако учебное заведение активно использует такие результаты интеллектуальной деятельности: наполняет ими свои библиотеки, распространяет (в том числе на платной основе) среди студентов и иных заинтересованных лиц, размещает в открытом доступе при формировании электронных образовательных ресурсов. В конечном итоге, учебное заведение получает реальную выгоду от использования интеллектуального труда своих работников, так как обеспеченность учебными материалами на сегодняшний день является одним из аккредитационных показателей любого образовательного учреждения. Что же, в свою очередь, получает работник? Как правило, ничего. В большинстве современных учебных заведений заработная плата преподавателей не отличается в зависимости от количества написанных учебных и уже тем более научных материалов.

В итоге работник оказывается фактически незащищенным перед своим работодателем, ведь не секрет, что подобный спор может привести к нежелательным для работника последствиям. Очевидно, что работник нуждается в поддержке не только при защите своих собственно трудо-

вых прав, но также и при отстаивании иных прав и интересов в рамках отношений «работник – работодатель».

Думается, что в эти отношения должны вмешаться профессиональные союзы. Но могут ли они это делать с позиций норм действующего законодательства? Напомним, что в соответствии с положениями статьи 2 Закона о профсоюзах [1], профсоюз – это добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов. То есть, цель существования профсоюза – это защита **социально-трудовых прав** (выделено мной – Н.Н.). Что же под ними понимается? Можем ли мы отнести права в сфере интеллектуальной собственности к социально-трудовым правам?

Легальная дефиниция этой категории отсутствует. Думается, что для ее определения можно обратиться к доктринальной и нормативной характеристике предмета трудового права (трудо-вого законодательства). Традиционно, к предмету трудового права относят «...общественные отношения по применению труда работника в производственной (хозяйственной, иной) деятельности работодателя, именуемые трудовыми отношениями, и иные непосредственно связанные с ними отношения» [2]. Соответственно, представляется, что под категорию трудовых отношений (и, соответственно, трудовых прав) подпадают все отношения, возникающие между работником и работодателем в связи с выполнением работником каких бы то ни было действий, в отношении которых работодатель имеет прямую или косвенную заинтересованность. Термин «социальные права» представляется еще более широким. Очевидно, что сюда должны быть отнесены все права, возникающие в связи с отношениями, позволяющими улучшить социальное положение и увеличить объем гарантий работника, в связи с осуществлением им той или иной профессиональной деятельности (использование профессиональных навыков и умений). При такой широкой трактовке категории «социально-трудовые права», права работников в отношении созданных ими результатов интеллектуальной деятельности (как по служебному заданию, так и вне его, но в интересах работодателя) также могут быть отнесены к категории социально-трудовых. Из этого умозаключения следует достаточно простой и однозначный вывод – российские профессиональные союзы имеют право защищать интересы работников не только в связи с собственно трудовыми отношениями, но и в связи с отношениями прямо или косвенно связанными с трудовыми, в том числе с отношениями по поводу использования результатов интеллектуальной деятельности.

Так что же может сделать профсоюз для защиты интеллектуальных прав?

Прямого ответа на этот вопрос нормы действующего законодательства не содержат, да и,

насколько это известно автору, сегодня отсутствуют реальные прецеденты вмешательства профсоюзов в эту сферу отношений работников и работодателей. Вместе с тем, представляется, что профсоюзные организации могут реализовывать свои представительские функции (и функции защиты) в этой сфере по нескольким направлениям.

Во-первых, это информационно-консультационная работа. В условиях современной жизни профсоюзная организация, функционирующая в рамках конкретной организации, не может себе позволить не быть специалистом в сферах, с которыми сталкиваются ее члены. И если члены профсоюза участвуют в создании объектов интеллектуальных прав, профсоюзная организация должна уметь рассказать своим членам о тех гарантиях и возможностях, которые предоставлены им нормами действующего законодательства.

Во-вторых, это непосредственное участие в решении индивидуальных споров между работником и работодателем, в том числе на уровне переговоров, внесудебных и судебных процедур, путем предоставления работнику услуг по про-

Литература:

1. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федеральный закон Рос. Федерации от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета.
2. Трудовое право : учебник для прикладного бакалавриата / В.Л. Гейхман, И.К. Дмитриева, О.В. Мацкевич и др.; Под ред. В.Л. Гейхмана. М. : Юрайт, 2015.

фессиональному представительству его интересов.

В-третьих, думается, что вопросы правового режима результатов интеллектуальной деятельности должны найти свое отражение в коллективных договорах и соглашениях. И инициатором включения соответствующих положений на сегодняшний день могут выступить только профсоюзы, так как работодатели, по меньшей мере, не заинтересованы в усилении гарантий работников в этой сфере.

И, последнее, думается, что профессиональные союзы могут принять участие в формировании системы коллективного управления авторскими правами членов организации с использованием механизмов, предложенных нормами статьи 1242 Гражданского кодекса РФ.

Думается, что расширение сферы деятельности профсоюзных организаций на сферу интеллектуальных прав не будет противоречить уставным целям деятельности профсоюзов, и, в конечном итоге, будет служить повышению значимости профсоюзного движения в жизни современного российского общества.

Literature:

1. On trade unions, their rights and guarantees of activity: Federal law Ros. Federation of January 12, 1996 № 10-FZ (as amended on 07/03/2016) // Russian newspaper.
2. Labor law : textbook for applied undergraduate / V.L. Geykhman, I.K. Dmitrieva, O.V. Matskevich et al.; under the editorship of V.L. Geichman. M. : Yurayt, 2015.

Оспичев Игорь Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Югорский государственный университет
iospichev@mail.ru

Igor M. Ospichev

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
Public-legal Disciplines,
Ugor State University
iospichev@mail.ru

ОСНОВАНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ НЕЗАКОННОГО УВОЛЬНЕНИЯ

GROUND AND CONSEQUENCES OF UNLAWFUL DISMISSAL

Аннотация. В статье исследуются современное состояние судебной практики и статистики рассмотрения индивидуальных трудовых споров, связанных с незаконным увольнением. Автор приходит к выводу о многоаспектности термина «незаконное увольнение». Данное понятие рассматривается в узком, смешанном и широком смысле. Выделяется пять основных групп причин признания увольнения незаконным. Раскрываются основные правовые последствия незаконного увольнения.

Annotation. The article examines the current state of judicial practice and statistics on the consideration of individual labor disputes related to illegal dismissal. The author comes to the conclusion that the term «illegal dismissal» is multidimensional. This concept is considered in a narrow, mixed and broad sense. There are five main groups of reasons for declaring dismissal illegal. The main legal consequences of unlawful dismissal are disclosed.

Ключевые слова: незаконное увольнение; индивидуальный трудовой спор, расторжение трудового договора, восстановление работника в должности, дисциплинарное увольнение, основания увольнения.

Keywords: illegal dismissal; individual labor dispute, termination of an employment contract, reinstatement of an employee, disciplinary dismissal, grounds for dismissal.

Незаконное увольнение представляет собой достаточно распространенное явление в России. Об этом свидетельствует ситуация, сложившаяся в судебной практике. Поэтому уяснение сущности незаконного увольнения и критериев признания его таковым остается актуальным и по сегодняшний день. Восстановление прав незаконно уволенных работников может осуществляться как во внесудебном, так и в судебном порядке.

За аналогичный период 2017 года количество споров о восстановлении на работе составило 12463, споров об оплате труда – 500590 [1].

В настоящее время практика рассмотрения индивидуальных трудовых споров в связи с незаконным увольнением весьма велика. Согласно статистическим данным, размещенным Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, за 2018 год было рассмотрено:

Уменьшение количества споров, рассматриваемых судами, можно объяснить тем, что, с одной стороны, работодатели стали более ответственно, в соответствии с нормами действующего трудового законодательства, подходить к процедуре увольнения работников, с другой стороны, это нежелание работников отстаивать свои права в судебном порядке из-за давления, оказываемого работодателем, либо незнание работников прав в сфере трудовых отношений. Кроме того, снижению количества исковых заявлений о разрешении трудовых споров способствует функционирование электронного сервиса на сайте Роструда, связанного с консультированием по вопросам трудового права.

– 10443 индивидуальных трудовых споров о восстановлении на работе, из них 3967 исков удовлетворено судами, 2712 исков удовлетворено частично, отказано в удовлетворении требований по 6 476 исковому заявлению;

Понятия «незаконное увольнение», «неправомерное увольнение» не раскрываются ни в ТК РФ, ни в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Более того, в законодательстве не выделены обстоятельства, влекущие признание расторжения трудового договора незаконным. Представляется, что реализовать на практике это весьма сложно, ввиду многообразия оценочных критериев при рассмотрении индивидуальных трудовых споров [2, с. 8].

– 354346 споров об оплате труда, в том числе по 343621 исковым заявлениям требования удовлетворены, удовлетворено частично по основному требованию – 28045 заявлений, отказано в удовлетворении требований – 10725 заявлений.

Признание расторжения трудового договора незаконным (необоснованным) производится, как правило, или комиссией по трудовым спорам, или в судебном порядке. Только решение органа, обладающего специальной компетенцией по разрешению трудовых споров, может повлечь за собой соответствующие правовые последствия.

Анализ юридической литературы и судебной практики привел нас к выводу о том, что термин «незаконное увольнение» весьма многогранен и может рассматриваться в нескольких смыслах:

1. Если признание увольнения незаконным влечет за собой закрепление за работодателем обязанности по восстановлению работника (узкий подход).
2. Если это влечет за собой (кроме отмеченной выше обязанности) возникновение у незаконно уволенного права принятия окончательного решения о целесообразности возвращения на работу (ч. 3, 4 ст. 394 ТК РФ). У последнего здесь возникает выбор или получить компенсацию за незаконное увольнение, или на изменение формулировки основания увольнения, признанного незаконным, на «прекращение трудового договора по инициативе работника».
3. Если, кроме указанных выше последствий, судом изменяется основание и (или) причина увольнения без восстановления уволенного работника (широкий подход).

Кроме этого, возможно выделить пять основных групп причин признания увольнения незаконным:

1. Увольнение по основаниям, не закрепленным в законодательстве и не предусмотренным трудовым договором.
2. В случаях, если работодателем в документах указывается одно основание увольнения, а по факту имело место другое.
3. При несоблюдении одного из условий правомерности увольнения, предусмотренных законом или трудовым договором.
4. Несоблюдение порядка и общих гарантий при увольнении, установленных законом.
5. Несоблюдение принципа недопустимости злоупотребления правом при увольнении [3, п. 27] и незаконное применение к работнику дисциплинарного взыскания в виде увольнения.

В свою очередь, несоблюдение порядка увольнения может быть существенным (при котором увольнение признается незаконным), и несущественным (при котором допущенные нарушения, в совокупности, не влекут признание увольнения незаконным),

Как справедливо отмечается в литературе, общие принципы, характерные для любого вида ответственности должны соблюдаться и в дисциплинарном производстве [4, с. 212]. При возникновении трудового спора, связанного с увольнением в рамках дисциплинарного произ-

водства, на работодателе лежит бремя доказывания не только самого факта совершения работником дисциплинарного проступка, но и то, что данный проступок был расценен работодателем с учетом его тяжести, обстоятельств его совершения, а также, поведения работника, предшествующее его совершению, общее отношение к обязанностям и другие обстоятельства.

Нормы о последствиях признания увольнения незаконным содержатся в многочисленных нормативных актах. Большинство из этих норм находят отражение в ТК РФ, но существуют и отраслевые акты, например, Федеральный закон № 229-ФЗ от 02.10.2007 «Об исполнительном производстве». Многие из правовых последствий разъясняет Верховный Суд РФ в своих Постановлениях. Изучение законодательства и судебной практики позволяет выделить основные правовые последствия незаконного увольнения:

1. Восстановление работника на прежней работе.
2. Выплата среднего заработка за время вынужденного прогула.
3. Принятие решения об изменении формулировки основания увольнения.
4. Немедленное исполнение органа, уполномоченного рассматривать индивидуальный трудовой спор.

Следует отметить важную социальную значимость споров о восстановлении на работе, так как в настоящее время для большинства граждан трудовой договор продолжает оставаться основной формой реализации свободы труда, вследствие чего важнейшими гарантиями защиты права на труд являются основания прекращения трудового договора и порядок увольнения по соответствующему основанию, установленные в действующем трудовом законодательстве. Увольнение считается правомерным при наличии всех трех обстоятельств: для увольнения имеется законное основание, работодателем соблюден установленный порядок увольнения по соответствующему основанию, имеется соответствующий распорядительный документ о прекращении трудовых отношений (приказ).

В случае признания незаконным увольнения, работник подлежит восстановлению на работе. В том случае, когда работник не намерен продолжать работу у работодателя, выступавшего ответчиком в суде, возможно изменить формулировку основания для увольнения на увольнение по собственному желанию. Изменяется также дата увольнения: либо на дату вынесения решения судом, либо на дату, предшествующую дню начала работы у нового работодателя.

Также, работодатель обязан возместить работнику средний заработок за время вынужденного прогула. Общий порядок расчета средней заработной платы, применяемый и при исчислении сумм за время вынужденного прогула по различным причинам, установлен в статье 139 ТК РФ. Обратимся к судебной статистике. За 2018 год

при рассмотрении индивидуальных трудовых споров о взыскании невыплаченной заработной платы, иных выплат, а также компенсации за задержку выплат по удовлетворенным искам сумма, присужденная к взысканию в пользу работников, составила 14,220 млрд рублей [1].

Также, законодательством предусмотрены три специальных основания для возникновения у работника права на компенсацию морального вреда, связанного с незаконным увольнением:

- 1) при увольнении без законных на то оснований;
- 2) при нарушении порядка увольнения;
- 3) при переводе на другую работу с нарушением закона.

Кроме того, работодатель также может быть привлечен к административной ответственности за нарушение норм трудового законодательства и иных нормативных актов, которые содержат нормы, регулирующие трудовые отношения. Как было указано выше, решение органа, уполномоченного рассматривать индивидуальные трудовые споры в пользу работника, незаконно уволенного работодателем, о его восстановлении на прежнем месте работы, подлежит немедленному исполнению. Исполнительный документ с требованием о восстановлении работника признается исполненным только при наличии под-

Литература:

1. Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4758> (дата обращения 03.06.2019).
2. *Андреева Л.А.* К вопросу о понятии, аспектах и критериях незаконного увольнения / Л.А. Андреева, К.Н. Гусов, О.М. Медведев // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2011. № 4. С. 3–10.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // СПС «Консультант Плюс Проф».
4. *Короткова А.В.* Конституционные основы принципов дисциплинарной ответственности государственных служащих // *Инновационные научные исследования. Сборник статей XII Международной научно-практической конференции : в 2 частях.* 2018. С. 211–215.
5. *Потапова Т.И.* Особенности исполнения решений суда по трудовым спорам // *Исполнительное производство в России: Вопросы теории и практики. Материалы Международной научно-практической конференции.* СПб., 2012. С. 63–66.

тверждения отмены незаконно вынесенного приказа или распоряжения работодателя об увольнении или переводе работника, а также после принятия мер, свидетельствующих о том, что работник фактически приступил к исполнению своих прежних трудовых обязанностей [5, с. 64].

Государство обязано принимать все необходимые меры для соблюдения и защиты прав и свобод человека, которые являются высшей ценностью. Трудовые права работника требуют соответствующего вмешательства государства по их защите. При этом разрешение индивидуального трудового спора в суде есть один из наиболее распространенных способов защиты трудовых прав работниками.

Представляется, что нормативная база, регламентирующая вопросы защиты, в целом эффективны, но недостаточны для комплексной борьбы с проблемой допущения незаконных увольнений по инициативе работодателей. Считаем, что в настоящее время назрела реальная необходимость в расширении профилактических мер, в частности, повышения уровня правового сознания и подготовки работников в сфере защиты их конституционных трудовых прав. В связи с вышеизложенным, предлагаем в статье 196 ТК РФ закрепить обязанность работодателя по проведению обязательных занятий с работниками, на которых будут разъясняться основные начала трудового законодательства, трудовых отношений, вопросы обеспечения их трудовых прав.

Literature:

1. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4758> (date accessed 03.06.2019).
2. *Andreeva L.A.* On the concept, aspects and criteria of illegal dismissal / L.A. Andreeva, K.N. Gusev, O.M. Medvedev // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2011. № 4. С. 3–10.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of March 17, 2004 № 2 // ATP «Consultant Plus Prof».
4. *Korotkova A.V.* Constitutional bases of principles of disciplinary responsibility of civil servants // *Innovative scientific researches. Collection of articles XII International scientific-practical conference : in 2 parts.* 2018. P. 211–215.
5. *Potapova T.I.* Peculiarities of execution of decisions of the labour court // *Executive production in Russia: Issues of theory and practice. Materials of the international scientific-practical conference.* St. Petersburg, 2012. P. 63–66.

Сирик Марина Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой уголовного права,
процесса и криминалистики,
филиал Кубанского государственного
университета в г. Тихорецке
sirik-marina@yandex.ru

Marina S. Sirik

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law,
Trial and Forensic Science,
branch of Kuban State
University in Tikhoretsk
sirik-marina@yandex.ru

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

RESEARCH INSTITUTE OF THE VICTIM IN CRIMINAL LAW

Аннотация. Учение о потерпевшем в уголовно-правовой науке традиционно сводилось к его значению для юридической оценки содеянного и решения вопросов уголовной ответственности. Уголовный кодекс Российской Федерации не дает определения понятия потерпевшего, хотя необходимость его закрепления в нем давно назрела. Автором делается вывод о необходимости переосмысления ряда норм Уголовного кодекса РФ, в которых отражено уголовно-правовое значение потерпевшего от преступления.

Ключевые слова: потерпевший, личность потерпевшего, пострадавший, жертва, классификация жертв преступлений, преступление, преступное деяние, диссертационные исследования, древнерусские памятники, меры наказания, правоохраняемый интерес, виктимология.

Annotation. The doctrine of the victim in criminal law science has traditionally been reduced to its importance for the legal assessment of the offense and solving issues of criminal responsibility. The criminal code of the Russian Federation does not define the concept of victim, although the need to consolidate it in it is long overdue. The author concludes that it is necessary to rethink a number of norms of the Criminal code of the Russian Federation, which reflect the criminal and legal significance of the victim of a crime.

Keywords: the victim, the identity of the victim, the victim, the victim, the classification of victims of crime, crime, criminal act, dissertation research, ancient Russian monuments, penalties, law enforcement interest, victimology.

Значение роли потерпевшего от преступления, в отличие от ранее действующей Конституции РСФСР 1978 г., находит свое отражение в ст. 52 Конституции РФ, в которой говорится о том, что права потерпевших от преступлений охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Данное конституционное положение можно встретить и в ряде статей Уголовного кодекса РФ (ст. 61, 63, 76, 76.1 и др.). Отечественные нормы о защите прав потерпевшего от преступления отчасти соответствуют многим международно-правовым актам (Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и т.д.), но все же нуждаются в доработке, которая не возможна без проведения научного анализа и толкования.

Итак, научные исследования потерпевшего в рамках уголовного права начались в XIX веке, несмотря на то, что законодательство древнерусских памятников упоминало данный институт.

А.В. Лохвицкий впервые предложил классификацию жертв преступлений: возраст, пол, умственное состояние, физические недостатки, политическое положение, брачные отношения [1]. Чуть позже данную проблему рассматривали такие видные юристы-правоведы, как Н.П. Дружинин, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев. Н.П. Дружинин выступал против «нормы уголовного права, предусматривающие устыдительные меры наказания, суть которых заключалась в раскаянии перед потерпевшим, обществом, называя их «лицемерными обрядами, вызывающими злобу в наказуемых, злорадство – в потерпевших, насмешки – у присутствующих» [2]. По мнению Н.С. Таганцева, «потерпевшим от преступного деяния является, прежде всего, обладатель того правоохраняемого интереса, которому непосредственно повредил или которого поставил в опасность преступник, все равно, будет ли таким обладателем лицо, совокупность лиц, составляющая или не составляющая юридическое лицо, включая сюда и само государство как многообразный держатель прав и обладатель интересов...» [3].

Очень интересно мнение А.В. Аллена, который выступал за обязательное психическое обследование жертв преступления наравне с виновным [4]. Чезаре Беккария считал недопустимым, когда «иные измеряют важность преступлений больше по достоинству потерпевшего лица, чем их значение для общественного блага» [5].

В РСФСР проблемы личности потерпевшего не достаточно освещались и не прорабатывались в юридической литературе, а лишь фрагментарно затрагиваясь в тех или иных вопросах Общей и Особенной части уголовного права.

С.В. Познышев одним из первых в уголовном праве после Великой Октябрьской социалистической революции в России характеризовал влияние отрицательных действий потерпевшего на степень общественной опасности преступлений, совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. По его мнению, при решении вопроса об уголовной ответственности лица в таком состоянии следует учитывать направленность неправомерного поведения не только против виновного и его близких, но и направленность этого поведения, которое существенно затрагивает интересы других граждан, государства, общества [6].

По мнению А.А. Жижиленко, согласие потерпевшего на совершение преступления не исключает противоправности в содеянном. В частности, это касалось вопроса квалификации изнасилования женщин, если потерпевшая является женой или сожительницей насильника [7].

В предвоенные и послевоенные годы всвоей научной деятельности А.А. Пионтковский разработал и подробно обосновал значение уголовно-правовой защиты личности потерпевшего, что нашло отражение в учебнике по Особенной части уголовного права 1938 г. [8] В.М. Чхиквадзе заострял внимание на правильной оценке признаков, характеризующих личность и поведение потерпевшего для квалификации воинских преступлений, что было немаловажно в послевоенный период [9].

М.Д. Шаргородский в монографии «Преступления против жизни и здоровья» анализирует признаки потерпевшего, относящиеся к объекту преступного посягательства, и полагает невозможным сохранение в уголовном законе отдельных из них, то есть убийство женщины, заведомо для виновного беременной [10].

Энрико Ферри в своей работе «Уголовная социология» исследовал вопросы влияния личности и поведения потерпевшего на уголовное наказание и оценку вреда, подлежащего возмещению. Ферри развивает идею Монтескье о том, что государство должно создавать соответствующие условия для граждан и поэтому оно должно в первую очередь возместить ущерб потерпевшему, поскольку «виновато в том, что не сумело лучше предупредить деликт и лучше защитить от него граждан» [11].

Вторая половина XX века была интересна тем, что в рамках криминологии возникает новое направление – виктимология – учение о жертве преступления. В рамках исследования этого направления появляются статьи, посвященные потерпевшему, его криминологическим и уголовно-правовым характеристикам. Идут исследования вопросов уголовно-правового значения личности потерпевшего и его взаимоотношений с виновным.

В 1977 году опубликована монография Л.В. Франка «Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии». В этой работе автор также затрагивает отдельные вопросы, относящиеся к институту потерпевшего в уголовном праве [12].

В 1995 г. была защищена диссертацию В.Е. Батюковой «Потерпевший в уголовном праве». В своем исследовании автор раскрыл уголовно-правовые и виктимологические характеристики потерпевшего и сделал вывод, что потерпевший в уголовном праве – это физическое или юридическое лицо, которое в результате совершения преступления претерпевает физический, материальный или моральный вред и обладающее комплексом личностных признаков, которые в качестве обязательных или результативных предусмотрены нормами Особенной части Уголовного кодекса, влияющие на правильную оценку деяния виновного и на назначение наказания. Приводится классификация жертв преступлений в зависимости от вида преступлений, по субъективным признакам стороны преступления, по объективным признакам состава преступления [13].

С таким определением потерпевшего вряд ли можно согласиться, т.к. юридическому лицу не может быть причинен физический или моральный вред и такое лицо не может обладать личностными признаками.

Преступлением причиняется потерпевшему вред, выраженный в наступлении каких-либо материальных последствий (жизни, здоровью, собственности, экологии и др.) или имеющий иные объективные черты выражения (моральный, подрыв деловой репутации, нарушение конкретных прав, свобод, законных интересов) [14].

По мнению Л.А. Смирнова, юридические лица могут быть признаны «настоящими» потерпевшими в материальном праве лишь при условии признания их субъектами уголовной ответственности [15].

В отечественном уголовном законодательстве признаки, характеризующие потерпевших как субъекта уголовно-правовой охраны, в составах преступлений относятся к физическому лицу – ребенку (ст. 106 УК РФ); человек (ст.ст. 105, 111, 112 УК РФ); женщина (ст. 131 УК РФ) и т.д., также к юридическому лицу – организации, государство (ст.ст. 172.1, 206, 280 УК РФ). Отдельные нормы сформулированы таким образом, что потерпевшим может быть как физическое, так и юридическое лицо. Например, в преступлениях

против собственности (гл. 21 УК РФ) владельцем чужого имущества может быть любое лицо. Аналогичным образом законодатель допускает возможность причинения и ущерба физическому или юридическому лицу, описывая в составах лишь ущерб или последствия, которые могут быть причинены им – крупный ущерб (ч. 1 ст. 195 УК РФ); тяжкие последствия (ст.ст. 203, 215, 215.1, 216 УК РФ). Таким образом, законодатель легально признает юридическое лицо в качестве потерпевшего от преступления.

Д.В. Булгаков обосновывается идею необходимости определения потерпевшего в уголовном праве непосредственно в самом Уголовном законе [16]. Такую же идею высказывает в дальнейших исследованиях С.А. Анощенкова [17], И.А. Фаргиев [18], М.С. Сирик [19], И.Ф. Дедюхина [20], Н.Э. Мартыненко [21].

Справедливо отмечает Левков Д.Ю., что проблемы уголовно-правовой охраны потерпевшего рассматриваются авторами безотносительно к какой-либо категории дел [22]. В связи с чем, диссертационное исследование Левкова Д.Ю. вызывает определенный интерес.

Литература:

1. *Анощенкова С.В.* Учение о потерпевшем в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2004. 220 с.
2. *Бабошина Е.В.* Из истории формирования научных взглядов в Российской империи на институт согласия потерпевшего (пострадавшего) на причинение ему вреда / Е.В. Бабошина, В.Е. Лоба // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 1. С. 73–77.
3. *Бальжинимаева В.В.* Юридическое лицо как потерпевший в уголовном праве // Вестник ВЭГУ. 2017. № 5(91). С. 133–139.
4. *Батюкова В.Е.* Потерпевший в уголовном праве : дис. на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук. М., 1995. 212 с.
5. *Безверхов А.Г.* Ответственность за преступления против здоровья по современному уголовному праву России : учебное пособие / А.Г. Безверхов, Ю.С. Норвартян; Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Юридический факультет. Самара, 2018. 168 с.
6. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа; Пер. проф. М.И. Исаева.). М., 1939. С. 226.
7. *Булгаков Д.В.* Потерпевший в уголовном праве и его криминологическая характеристика : дис. ... канд. юрид. Ставрополь, 2000. 152 с.

В последние годы на страницах юридической печати появилось множество научных статей и изданий, посвященных потерпевшему от преступления в уголовном праве или в какой-то мере акцентирующих свое внимание на признаках потерпевшего [23; 24; 25; 26; 27; 28]. Это подтверждает тот факт, что отечественные ученые стали проявлять интерес к данной фигуре. Однако многие авторы учебников и учебных пособий по уголовному праву вообще не упоминают о потерпевшем при анализе элементов состава преступления.

Изучение специальной литературы по вопросу о понятии потерпевшего показывает отсутствие единства в правильной трактовке данной категории. Наука, традиционно разграничивая уголовно-правовую и процессуальную категорию «потерпевший», до настоящего времени не определилась с тем, какое из понятий предпочтительнее использовать в законе и практике и стоит ли вообще дифференцировать эту категорию [29].

Будем надеяться на то, что законодатель в скором будущем прислушается к научным взглядам и статус потерпевшего в рамках материального права будет определен.

Literature:

1. *Anashenkov S.V.* Doctrine of the victim in the Russian criminal law : dis. ... cand. faculty of law. sciences'. Saransk, 2004. 220 c.
2. *Baboshina E.V.* From the history of the formation of scientific views in the Russian Empire on the Institute of consent of the victim (victim) to harm him / E.V. Baboshina, V.E. Loba // Legal Bulletin of Samara University. 2018. Vol. 4. № 1. P. 73–77.
3. *Balzhinimaev V.* Legal person as victim in the criminal law // Bulletin vegu. 2017. № 5(91). P. 133–139.
4. *Batyukova V.E.* Victim in criminal law: thesis for the degree of candidate of legal Sciences. M., 1995. 212 c.
5. *Bezverkhov A.G.* Responsibility for crimes against health in modern criminal law of Russia : textbook / A.G. Bezverkhov, Yu.S. Norvartyan; Federal state Autonomous educational institution of higher education «Samara national research University named after academician S.P. Korolev», faculty of Law. Samara, 2018. 168 p.
6. *Beccaria C.* on crimes and punishments / C. Beccaria Transl. Professor M.I. Isaev.). M., 1939. P. 226.
7. *Bulgakov D.B.* Victim in criminal law and its criminological characteristics : dis. ... cand. faculty of law. Stavropol, 2000. 152 c.

8. *Дедюхина И.Ф.* Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков потерпевшего : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 183 с.
9. *Дружинин Н.П.* Русское государственное гражданское и уголовное право в популярном изложении. СПб., 1899. С. 8.
10. *Жижиленко А.А.* Преступления против личности. М.-Л., 1927. С. 35.
11. *Киселев В.С.* Понятие и значение потерпевшего в уголовном праве // Инновационная наука. 2019. № 1. С. 107–110.
12. *Левков Д.Ю.* Потерпевший в преступлениях против правосудия : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 12.
13. *Левков Д.Ю.* Потерпевший в преступлениях против правосудия : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 8.
14. *Лохвицкий А.* Курс русского уголовного права. СПб., 1867. С. 188–204.
15. *Мартыненко Н.Э.* Уголовно-правовая охрана потерпевшего : дис. на соиск. уч. ст. д-ра юрид. наук / Академия управления МВД России. М., 2016. 509 с.
16. *Норвартян Ю.С.* Потерпевшие от заражения венерической болезнью или ВИЧ-инфекцией / Ю.С. Норвартян; Под общей ред. Е.В. Королук // В сборнике: Условия, императивы и альтернативы развития современного общества: экономика, управление, социология, право. Материалы международной научно-практической конференции. 2016. С. 216–219.
17. *Павлюк Г.И.С.К.* Потерпевший (пострадавший) в уголовно-процессуальном праве и в уголовном праве // Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 3–8(35). С. 127–132.
18. *Пионтковский А.А.* Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. М., 1938. С. 4–7.
19. *Познышев С.В.* Очерки основных начал Общей и Особенной части науки уголовного права. М., 1923. С. 18.
20. *Сирик М.С.* Институт потерпевшего: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. юрид. наук / М.С. Сирик; Ростовский юридический институт МВД РФ. Ростов-н/Д., 2007. 2010 с.
21. *Сирик М.С.* Определение потерпевшего от преступления в уголовном праве России / М.С. Сирик; Под общей ред. А.Г. Безверхова // В сборнике: Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права Безверхов А.Г. межвузовский сборник научных трудов. Самара, 2013. С. 143–151.
8. *Dedyukhina I.F.* Problems of establishment and realization of criminal responsibility taking into account signs of the victim : dis. ... PhD in law. M., 2008.183 c.
9. *Druzhinin N.P.* Russian state civil and criminal law in the popular presentation. SPb., 1899. P. 8.
10. *Zhizhilenko A.A.* Crimes against the person. M.-L., 1927. P. 35.
11. *Kiselev V.S.* Concept and value of the victim in criminal law // Innovative science. 2019. № 1. P. 107–110.
12. *Levkov D.Yu.* Victim in crimes against justice: abstract : dis ... kand. faculty of law. sciences'. M., 2017. P. 12.
13. *Levkov D.Yu.* Victim in crimes against justice: abstract : dis ... kand. faculty of law. sciences'. M., 2017. P. 8.
14. *Lokhvitsky A.* Course of Russian criminal law. SPb., 1867. P. 188–204.
15. *Martynenko N.E.* Criminal law protection of the victim: Dissertation for the degree of doctor of law / Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. M., 2016. 509 p.
16. *Erwarten Y.S.* Victims of venereal disease or HIV-infection // In the book: the Conditions, imperatives and alternatives of development of modern society: Economics, management, sociology, the right materials of the international scientific-practical conference .edited by E. V. Korolyuk. 2016. P. 216–219.
17. *Pavlyuk G.Th.S.K.* Victim (victim) in criminal procedure law and criminal law // Actual scientific researches in the modern world. 2018. № 3–8(35). P. 127–132.
18. *Piontkovsky A.A.* Criminal law. Special part.Crimes against persons. 1938. P. 4–7.
19. *Poznyshev S.V.* Essays of the main principles of the General and Special part of the science of criminal law. M., 1923. P. 18.
20. *Sirik M.S.* Institute of the victim: criminal law and criminological aspects : dis. ... for a degree candidate of legal sciences / M.S. Sirik; Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on-don, 2007. 2010 p.
21. *Sirik M.S.* Definition of the victim of a crime in the criminal law of Russia // in the collection: Actual problems of criminal law, criminology, criminal Executive law Bezverkhov A.G. interuniversity collection of scientific papers. under the General editorship of A. G. Bezverkhova. Samara, 2013. P. 143–151.

22. *Смирнов А.Л.* Потерпевший от преступления: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2007. 242 с.

23. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 13.

24. *Фаргиев И.А.* Учение о потерпевшем в уголовном праве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 403 с.

25. *Ферри Э.* Уголовная социология / Э. Ферри; Под ред. С.В. Познышева. М., 2001. С. 527.

26. *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 122.

27. *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

28. *Чхиквадзе В.М.* Советское военно-уголовное законодательство. М., 1948. С. 198–200.

29. *Шаргородский М.Д.* Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 95.

22. *Smirnov A.L.* Victim of crime: criminal law research : dis. ... candidate of legal sciences. Rostov-on/D, 2007. 242 p.

23. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law: Lectures. Part of the total : in 2 camping on T. 2. M., 1994. P. 13.

24. *Fargiev I.A.* Doctrine of the victim in the criminal law of Russia : dis. ... Dr. Jurid. sciences. M., 2005. 403 p

25. *Ferry E.* Criminal Sociology / E. Ferry; Under ed. S.V. Poznysheva. M., 2001. P. 527.

26. *Frank L.V.* Victims of crime and problems of Soviet victimology. Dushanbe, 1977. P. 122.

27. *Frank L.V.* Victims of crime and problems of Soviet victimology. Dushanbe, 1977.

28. *Chhikvadze V.M.* Soviet military criminal legislation. M., 1948. P. 198–200.

29. *Shargorodsky M.D.* Crimes against life and health. M., 1948. P. 95.

Скачко Анна Владиленовна
доктор юридических наук,
профессор кафедры
уголовно-процессуального права,
Северо-Кавказский филиал
Российский государственный
университет правосудия
s.matrix@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОНТРАБАНДЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 2261 УК РФ

Аннотация. В статье рассматривается проблема совершенствования криминалистической методики расследования контрабанды, предусмотренной ст. 2261 УК РФ. Обозначены точки зрения некоторых ученых-криминалистов, изучающих проблему совершенствования частных криминалистических методик.

Автором дана оценка действующей нормы в сравнении с прежней редакцией контрабанды в части групп предметов и объектов посягательства, как основы для разработки криминалистической методики расследования рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: частная методика расследования, криминалистическая методика, виды и группы преступлений, уголовный закон, предмет преступления, контрабанда.

Обращаясь к проблеме совершенствования криминалистической методики, нельзя сказать, что она является новой, но, как прежде, так и сейчас объясняется одними и теми же причинами – существующие сложности в практике выявления и расследования преступлений. Что в свою очередь требует особого и более тщательного изучения со стороны ученых-криминалистов. Еще более сорока лет назад криминалисты отмечали, что данный раздел науки развивается медленно, тем самым «...снижается коэффициент полезного действия всей криминалистики с отрицательными последствиями для расследования преступлений» [1, с. 3].

Введенный в научный оборот еще в 1929 году В.И. Громовым термин «криминалистическая методика» постоянно подвергается обстоятельным исследованиям со стороны разных авторов. С.Н. Чурилов анализирует и описывает попытки ученых-криминалистов создать универсальный

Anna V. Skachko
Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Department
Of Criminal Procedure Law,
North Caucasus Branch Russian State
University of Justice
s.matrix@mail.ru

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE FORENSIC METHODS OF INVESTIGATION OF SMUGGLING UNDER ART. 2261 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article deals with the problem of improving the forensic methods of investigation of smuggling under article 2261 of the criminal code. The points of view of some forensic scientists studying the problem of improving private forensic techniques. The author gives an assessment of the current rule in comparison with the previous edition of smuggling in the part of groups of objects and objects of encroachment, as a basis for the development of forensic methods of investigation of the crime in question.

Keywords: private investigation technique, criminalistic technique, types and groups of crimes, criminal law, subject of crime, smuggling.

общий метод расследования, не зависящий от особенностей конкретных преступлений, которые в итоге стали неудачными [2, с. 9].

И.А. Возгрин справедливо отметил, что рекомендации по методике расследования должны относиться к конкретным преступным деяниям, а не быть общими для всех видов преступлений. Поэтому их нужно характеризовать как частные, а не как всеобщие [3, с. 6].

В.Г. Танасевич среди принципиальных положений построения частных методик для осуществления расследования указал на важное значение, в том числе, уголовно-правового понятия «состав преступления» [4, с. 180–190].

Р.С. Белкин предрекал неизбежное изменение в разработке частных криминалистических методик. Именно им, в свое время, была предложена взять за основу построения частных методик расследования уголовно-правовую классифика-

цию преступлений [5, с. 97]. На основании чего, частные методики соответствуют, в основном, видам (группам) преступлений из Особенной части УК РФ.

Источниками криминалистических методических рекомендаций выступают, в своей совокупности, право, практика и наука [6, с. 755–762]. Но при этом для разработки конкретной методики недостаточно просто обозначить их. Необходимо четко конкретизировать содержание, изучить и проанализировать закономерные связи элементов этих источников с элементами криминалистической методики в целом и конкретных методик в частности.

Р.С. Белкин обозначив в числе основных правовых источников методик расследования отдельных видов и групп преступлений уголовное право и уголовный процесс, справедливо отметил, что существенное значение, влияющее на содержание ряда частных методик, оказывают нормы других отраслей права и нормативно правовые акты, суть которых должна быть учтена при разработке криминалистических характеристик преступлений, предусмотренных Уголовным законом, для состава которых такие нормы являются бланкетными [7, с. 758]. Аналогичной точки зрения придерживается и И.М. Лузгин, который справедливо отмечает, что при разработке методик расследования преступлений должны активно использоваться данные различных отраслей права [8, с. 60].

Контрабанда связана с преступностью в сфере таможенных отношений и можно сказать, что она представляет «элитарный» слой организованной, транснациональной преступности, где вращается не один миллиард долларов. Поэтому целесообразно комплексно исследовать содержание и основные направления формирования уголовно-правовой политики государства по борьбе с нею.

При рассмотрении методики расследования контрабанды следует иметь в виду, что законодатель сталкивается с разнообразием подлежащих охране интересов, прав и иных ценностей, совокупность которых порождает сложность в предположении системы, приемлемой и для правоприменительной практики, и для теории [9, с. 75]. И, как следствие, этот фактор не может не влиять на формирование криминалистических методик.

Законодатель РФ, исключив в 2011 г. ст. 188 из системы Особенной части УК, включил в нее уже четыре статьи, регламентирующие ответственность за контрабандные преступления: ст. 2001, 2002, 2261, 2291 УК. Но при этом две из указанных статей относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности (ст.ст. 2001, 2002 УК РФ), а другие две посягают на: общественную безопасность (ст. 2261 УК РФ) и на здоровье население и общественную нравственность (ст. 2291 УК). А значит и методика расследования этих преступлений должна быть сформулирована согласно занимаемого места конкретной статьи в соответствующей главе Особенной части УК РФ.

В прежней редакции ч. 2 ст. 188 УК РФ, законодатель также объединял в одной норме качественно различные по своей потенциальной опасности для государства предметы преступления. Но в тот период объединяющим критерием выступал единый объект – «отношения в сфере внешнеэкономической деятельности», что хоть каким-то образом объясняло прежнее решение законодателя. Но этот подход, тем не менее, не исключал трудностей при квалификации фактов контрабанды различных по своему значению и опасности для государства товаров. И как следствие, методика расследования сводилась к общим методическим рекомендациям по расследованию преступлений в сфере экономики. Хотя и не была единой и однозначной. Можно только говорить о том, что как ранее, так и сейчас следует рассматривать среди источников криминалистической методики расследования контрабандных преступлений наряду с уголовным и уголовно-процессуальным правом различные отрасли права и нормативно-правовые акты.

Но нельзя сказать, что ко всем контрабандным преступлениям можно применять принцип частных методик расследования опираясь на уголовно-правовую классификацию преступлений. Законодательное определение состава преступления, предусмотренного действующей редакцией ст. 2261 УК РФ, можно назвать перегруженным и громоздким в виду достаточно широкого перечня предметов преступления. И не менее важным является тот факт, что предметы преступления в данной ситуации не отвечают содержанию объекта преступного посягательства. Что не дает нам права говорить о том, что методика расследования этого состава преступления будет однозначной и единой.

Таким образом, нельзя говорить о том, что возможно дать какие-либо общие рекомендации криминалистической методики по расследованию контрабандных преступлений в целом, как это было ранее, когда контрабанда относилась к экономическим преступлениям во внешнеэкономической сфере. Видится, что в такой ситуации необходимо рассматривать методику расследования данных преступлений как не типовую структуру частных криминалистических методик, состоящую из определенного числа элементов. А учитывать, помимо уголовно-правовой классификации самих преступлений, сложную конструкцию некоторых контрабандных статей действующего УК РФ исходя из групп предметов, на которые посягают преступники в рамках указанных норм уголовного закона.

Таким примером и являются предметы контрабанды, указанные в ст. 2261 УК РФ, где, наряду с сильнодействующими, ядовитыми, отравляющими веществами, оружием и боеприпасами, имеют место еще некоторые группы товаров.

Одна часть – это предметы контрабанды, которые в полном объеме соответствуют видовому и непосредственному объекту рассматриваемого состава.

Другая – стратегически важные товары и ресурсы в крупном размере, в том числе древесина, которые по своему содержанию имеют иной видовой и непосредственный объект – отношения в сфере экономической деятельности.

Затем речь идет о предметах контрабанды, которые составляют культурные ценности в *крупном размере*.

И замыкают список группы предметов рассматриваемой нормы уголовного закона, особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы.

Таким образом, можно сказать о том, что некоторые группы предметов рассматриваемого вида контрабанды, образуют отношения в экономической сфере наряду с теми составами контрабандных преступлений, которые прямо указывает на экономическую направленность посягательства (ст. 2001, 2002 УК РФ). Есть мнение о том, что преступная деятельность в экономической сфере определяется, в том числе, существенными изъятиями нормативно-правовой основы функционирования тех или иных субъектов экономической деятельности [10, с. 21–28]. А значит выявлять и расследовать экономические преступления можно и нужно на ранних стадиях их совершения, путем анализа нормативной базы и связанных с нею следов преступной деятельности, переходя к вероятным способам преступлений, а от них – к преступникам [11, с. 21–28]. Иначе говоря, на формирование частной методики расследования контрабандных преступных посягательств на предметы, перечисленные в статье 2261 УК РФ, будет влиять их отношение к экономической сфере. А в части других групп предметов посягательства, перечисленных в этой статье, должна иметь место иная методика расследования этого вида преступления, относящаяся к объекту посягательства.

На наш взгляд, нельзя разработать какую-то единую шаблонную методику для расследования

контрабанды *краснокнижных* особо ценных представителей фауны и флоры, их частей и производных, которые составляют отдельную группу предметов контрабанды, включенную в ст. 2261 УК. И, например, расследования контрабанды сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, оружия и боеприпасов, входящих в группу предметов, той же ст. 2261 УК РФ.

Оценивая общественную опасность посягательств на эту группу предметов контрабандного преступления, можно сделать вывод, о том, что они направлены, в первую очередь, против экологических, а только потом, против экономических интересов России. Что, конечно, и определяет содержание видовой и непосредственного объекта, которым выступает *экологическая безопасность*. К предметам рассматриваемого состава контрабанды отнесены те виды диких животных и водных биологических ресурсов, которые подпадают под защиту Конвенции о международной торговле видами дикой флоры и фауны, находящимися под угрозой исчезновения, принятой 3 марта 1973 г., а также те виды дикой фауны, которые занесены в Красную книгу Российской Федерации.

Резюмируя, можно сказать о том, что в настоящее время возникла острая необходимость в совершенствовании уже имеющихся и в разработке новых частных методик расследования контрабандных преступлений, обусловленная спецификой предмета посягательства. Таким образом, можно заключить, что в такой ситуации нельзя однозначно говорить о типовой частной методике расследования контрабанды, предусмотренной ст. 2261 УК РФ в рамках методики расследования преступлений против общественной безопасности. Необходимо учитывать предмет и объект посягательства в силу сложной конструкции указанной нормы уголовного закона. То есть, в этом случае речь должна идти о сложной конструкции методики расследования этого вида преступления.

Литература:

1. *Васильев А.Н.* Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М., 1978. 72 с. С. 3.
2. *Чурилов С.Н.* Криминалистическая методика расследования: проблемы, тенденции, перспективы. Юстицинформ. М., 2011. 128 с. С. 9.
3. *Возгрин И.А.* Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. СПб., 1993. Ч. 4. 80 с. С. 6.
4. Криминалистика. Л. : Изд. ЛГУ, 1976. 591 с.; С. 180–190.
5. *Белкин Р.С.* Курс советской криминалистики. М. : Изд. Академии МВД СССР. 1979. Т. 3. 407 с. С. 97.
6. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд. Доп. М., 2001. 837 с. С. 755–762. С. 758.

Literature:

1. *Vasilyev A.N.* Problems of methods of investigation of certain types of crimes. M., 1978. 72 p. P. 3.
2. *Churilov S.N.* Forensic methods of investigation: problems, trends, prospects. Justicinform. M., 2011. 128 p. P. 9.
3. *Vozgrin I.A.* Scientific basis of forensic methodology of crime investigation. SPb., 1993. Part 4. 80 p. P. 6.
4. Criminology. L. : Izd. LSU, 1976. 591 p. P. 180–190.
5. *Belkin R.S.* Course of Soviet criminology. M. : Izd. Academy of the USSR. 1979. Vol. 3. 407 p. P. 97.
6. *Belkin R.S.* Course criminology : textbook. The manual for high schools. 3-e Izd. Additional. M., 2001. 837 p. P. 755–762. P. 758.

7. *Лузгин И.М.* Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. 1977. № 2. 58–65 с. С. 60.

8. *Эминов Е.В.* Квалификация экономических преступлений по уголовному законодательству / Е.В. Эминов, Ю.В. Логвинов, С.А. Бронников. М., 2006. 95 с. С. 75.

9. *Лубин А.Ф.* Криминалистическая характеристика преступной деятельности в сфере экономики: понятие, формирование, использование : учеб. пособие. Н. Новгород. 1991. 82 с. С. 21–28.

7. *Luzgin I.M.* Development of methods of investigation of certain types of crimes // Jurisprudence. 1977. № 2. 58–65 p. P. 60.

8. *Eminov E.V.* Qualification of economic crimes under criminal law / E.V. Eminov, Yu.V. Logvinov, S.A. Bronnikov. M., 2006. 95 p.

9. *Lubin A.F.* Criminalistic characteristic of criminal activity in the sphere of economy: concept, formation, use: Studies. Benefit. N. Novgorod. 1991. 82 p. P. 21–28.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье представлен исторический опыт некоторых зарубежных стран по ресоциализации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы до начала XX века, положения которого могут оказать содействие уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в совершенствовании работы в данном важном направлении деятельности.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, ресоциализация осужденных, исправление осужденных, зарубежная пенитенциарная практика, уголовно-исполнительная система.

Успешная социализация несовершеннолетних осужденных, приговоренных к лишению свободы за совершение наиболее опасных преступных деяний, является залогом снижения преступности в стране, нераспространения этого негативного социального отклоняющегося поведения в обществе. Именно поэтому вопросам совершенствования данной деятельности посвящены научные изыскания многих авторов, и проблема эта еще долго останется актуальной для пенитенциарной науки и практики.

Ресоциализация представляет собой целенаправленный процесс формирования у лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, социально полезных и позитивных навыков жизни в обществе, позволяющим им успешно адаптироваться в социальной среде после освобождения и больше не совершать преступные деяния [1].

Одним из источников совершенствования любого вида деятельности является изучения практики его реализации в зарубежных странах, поскольку интегративный характер современного общества, взаимосвязь и взаимозависимость происходящих в мире процессов обязывают их

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Lead Researcher НИЦ-2,
Research Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Milena.555@mail.ru

HISTORICAL EXPERIENCE OF SOME FOREIGN COUNTRIES ON THE RE-SOCIALIZATION OF MINORS CONDEMNED TO DETENTION OF FREEDOM BEFORE THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Annotation. The article presents the historical experience of some foreign countries on the re-socialization of juvenile prisoners sentenced to the beginning of the 20th century, the provisions of which can assist the penal system of the Russian Federation in improving work in this important area of activity.

Keywords: juvenile convicts, re-socialization of convicts, correction of convicts, foreign prison practice, penal system.

учитывать в совершенствований практически любой сферы деятельности в рамках национальной практики. В связи с этим, в настоящей статье предпринята попытка изложить опыт некоторых зарубежных стран по ресоциализации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, положения которого могут оказать содействие уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в совершенствовании работы в данном важном направлении деятельности.

Необходимо отметить, что процесс ресоциализации несовершеннолетних осужденных в зарубежных странах прошел два ключевых этапа:

– первый – до начала XX века, когда происходила только становление этой системы;

– второй после XX века, при котором работа с несовершеннолетними осужденными стала отдельным направлением деятельности пенитенциарных служб.

В первый период, например, в это время в Германии были созданы попечительства о беспризорных детях. Эти попечительства были наделе-

ны правом решать вопрос о направлении или не направлении несовершеннолетних преступников в исправительно-воспитательные учреждения специализированного типа. Помещение в такие учреждения осуществлялось только в том случае, если иным способом было не повлиять на положительные изменения в поведении таких осужденных

В целях снижения негативного влияния социальной изоляции, законодательство таких стран как Швейцарии, Норвегии, Италии предусматривало назначение лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста смягчение наказания, более сокращенные сроки изоляции и отбывание ими наказания в виде лишения свободы в специализированных исправительных учреждениях с более мягкими, по сравнению с пенитенциарными учреждениями для отбывания взрослых преступников, условиями.

Положительным моментом системы ресоциализации несовершеннолетних в зарубежных странах до начала XX века существенно упрощающим эффективность реализации данного вида деятельности, было то обстоятельство, что эта категория граждан, в отличие от взрослых, не поражалась ни в каких правах, за ними сохранялся весь спектр правовых гарантий после освобождения.

Во Франции, например, если несовершеннолетний совершал неумышленное преступление по неосторожности, то срок его нахождения в специализированных учреждениях социальной изоляции несовершеннолетним назначался не относительно тяжести совершенного деяния, а чтобы он пребывали в них не более достижения им двадцатилетнего возраста. Совершение преступления по неосторожности в дальнейшем не учитывалось как рецидив в случае совершения несовершеннолетним повторного преступного деяния после освобождения. Если же несовершеннолетний совершал умышленное преступление, то законодатель был весьма суров к нему, поскольку срок лишения свободы за такое деяние даже к таким лицам мог достигать двадцати лет лишения свободы с помещением в особую специализированную колонию. Только несовершеннолетние лица женского пола, независимо от тяжести совершенного деяния и направленности умысла, помещались в одинаковые исправительные учреждения – воспитательные дома.

Законодательство Венгрии в то время к лицам, совершившим преступление в возрасте до двадцати лет, не применяло поражение в правах, им также не назначалась смертная казнь и они не направлялись на пожизненную каторгу. Срок лишения свободы для преступников, совершившим умышленное преступление в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, ограничивался

Литература:

1. *Садовникова М.Н.* Некоторые проблемы ресоциализации несовершеннолетних на пенитен-

от двух до пяти лет с помещением в специализированную тюрьму.

Голландский законодатель предусматривал привлечение к уголовной ответственности несовершеннолетних, которыми признавались лица моложе шестнадцати лет, с десяти лет с помещением их в специальные исправительные приюты. В случае совершения несовершеннолетним умышленного преступления, в целях гуманного к ним отношения, срок социальной изоляции по сравнению с аналогичным преступлением, совершенным взрослым, сокращался для них на одну треть. При совершении преступления, за которое предусматривалась пожизненное лишение свободы, им назначался срок изоляции от общества равный пятнадцати годам. Ни в каких случаях поражение или какое-либо иное лишение прав после освобождения к несовершеннолетним не применялось.

Пожалуй, наиболее строгим в то время к лицам, совершающим общественно опасные деяния в несовершеннолетнем возрасте, был итальянский законодатель, поскольку он предусматривал привлечение к уголовной ответственности уже с девяти лет. При этом, если лицо в возрасте от девяти до четырнадцати лет совершило неумышленное преступление, то уголовное наказание ему не назначалось. Если же он действовал с разумением и понимал характер совершаемых им действий и наступаемых последствий, то наказание ему, безусловно, назначалось, однако, оно было значительно мягче, чем для взрослых преступников. Следует отметить, что итальянский кодекс дифференцировала характер государственного реагирования на несовершеннолетних в зависимости от трех возрастных категорий: от девяти до четырнадцати лет, от четырнадцати до восемнадцати лет и от восемнадцати лет до двадцати одного года [2].

Как отмечают отдельные исследователи истории функционирования и развития пенитенциарной практики зарубежных государств, в целом, она и осуществляемый в ее рамках деятельность, направленная на ресоциализацию несовершеннолетних осужденных, ожидаемых результатов не приносила, поскольку значительная часть из таких правонарушителей (по некоторым подсчетам до 95 %) продолжала заниматься преступной деятельностью [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что зарубежная пенитенциарная практика с целью обеспечения более успешного процесса ресоциализации несовершеннолетних преступников после отбытия ими лишения свободы, стремилась более гуманно относиться к ним, учитывая при назначении размера наказания характер совершенного деяния и понимания его несовершеннолетним.

Literature:

1. *Sadovnikova M.N.* Some problems of juvenile resocialization in the penitentiary and post-

циарном и постпенитенциарном стадиях // Сибирский Юридический Вестник. 2005. № 1. С. 55–59.

2. *Марков В.П.* Ресоциализация несовершеннолетних осужденных к лишению свободы в зарубежной практике // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. № 8-1(109). С. 31–36.

3. *Астемиров З.А.* Проблемы перевоспитания осужденных несовершеннолетних. М., 1974.

penitentiary stages // Siberian Legal Bulletin. 2005. № 1. P. 55–59.

2. *Markov V.P.* Resocialization of juvenile prisoners sentenced in foreign practice // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2013. № 8-1(109). P. 31–36.

3. *Astemirov Z.A.* Problems of re-education of convicted juveniles. M., 1974.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЬЯНСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье актуализируется проблема пьянства среди несовершеннолетних в современной России как одного из факторов ведения ими антиобщественного образа жизни, совершения противоправных деяний, в том числе, преступлений. Раскрываются основные причины алкоголизации несовершеннолетних. Излагается медико-социальная природа влияния алкоголя на организм подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность несовершеннолетних, пьянство, пьянство несовершеннолетних.

Пьянство заключается в неконтролируемом употреблении спиртосодержащих пищевых жидкостей в неограниченном объеме. Оно вызывает привыкание и наносит серьезней вред здоровью человека.

Пьянство является одной из опасных социальных патологий. Серьезность его последствий для общества увеличивается в случае употребления спиртных напитков несовершеннолетними. Все криминологические исследования, посвященные проблематике преступности несовершеннолетних указывают на то, что употребление такими лицами алкогольных напитков является одной из главных причин совершения ими противоправных деяний, в том числе преступлений.

Опасение вызывает то обстоятельство, что пьянство среди несовершеннолетних распространяется гораздо быстрее, чем среди взрослых, поскольку организм подростков наиболее восприимчив к различного рода продуктам, вызывающим расслабление и эйфорию. В употреблении спиртных напитков они усматривают легкий способ получения кайфа и удовольствия, которые на самом деле весьма сомнительны.

Согласно результатов исследований, на распространение пьянства среди лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, большое влияние оказывают:

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Lead Researcher NITS-2,
Research Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Milena.555@mail.ru

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF DRINKING OF MINORS

Annotation. The article actualizes the problem of drunkenness among minors in modern Russia, as one of the factors that they lead an antisocial lifestyle, committing unlawful acts, including crimes. The main causes of alcoholism of minors are revealed. The medico-social nature of the influence of alcohol on the body of adolescents is described.

Keywords: minors, juvenile delinquency, drunkenness, juvenile drunkenness.

– употребление спиртных напитков родителями или лицами, их замещающими, а также иными взрослыми членами семьи;

– употребление данных напитков представителями социальных групп, в которых находятся несовершеннолетние и которые имеют для них референтное значение;

– скудность и безынтересность проведения досуга;

– широкая реклама и пропаганда употребления алкогольной продукцией в средствах массовой информации.

Эмоциональная и психологическая устойчивость несовершеннолетних к пьянству, желанию как можно раньше попробовать спиртные напитки в значительной мере зависит от воспитания в семье, поскольку характер взаимоотношения с родителями выступает одним из существенных факторов, влияющих на формирование личности подростка, систему его смысло-жизненных ориентаций и представлений [1].

Как отмечают исследователи, значительное число детей с малолетства воспитываются в семьях, в которых алкоголь употребляет не только один, но и оба родителя. Именно поэтому пьянство воспринимается подростками как некий атрибут взрослой жизни, который они в последствие «примеряют» на себя желая по быстрее повзрослеть [2].

По данным некоторых исследователей уже в возрасте 4–6 лет, то есть, в период бурного нравственного развития личностных качеств, дети наиболее чувствительны к разного рода алкогольным влияниям [3]. По данным Всемирной организации здравоохранения, возраст подростков, потребляющих алкоголь, в последние время снизился резко снизился и достиг возраста тринадцати лет [4]. Согласно данным некоторых исследований, первое «знакомство» с алкоголем у подростков, воспитывающихся в семье, где не было пьянства, приходится на возраст от четырнадцати до шестнадцати лет, а в таких в семьях, для которых характерно злоупотребление алкоголем, – на возраст от десяти до четырнадцати лет [5]. По имеющимся данным некоторых медико-социальных исследований, средний возраст начала употребления алкоголя в России среди мальчиков снизился в среднем до двенадцати лет, а среди девочек – до тринадцати лет [6].

Подростки сами по себе не испытывают влечение к алкоголю, и от первоначально выпитых доз спиртных напитков они не получают никакого удовольствия, а только отрицательные эмоции. И только в результате повторения попыток употребления спиртного и испытание на себе алкогольного опьянения они начинают приобщаться к нему [7].

Исследователи пришли к выводу, что несовершеннолетние в России приобщаются к алкоголю, в основном, благодаря стойким стереотипам, распространенным в российском обществе, к которым относятся:

- 1) населения страны вовлечено практически «поголовное» пьянство;
- 2) в подростковой среде достаточно давно сформировалось устойчивое мнение, что употребление спиртного свидетельствует о «взрослости», «мужественности»;
- 3) родители, зачастую, бездумно, а иногда и с интересом уступают давлению детей «дать попробовать» спиртное с целью «отметить» какую-либо памятную дату или праздник;
- 4) взрослые заведомо с антиобщественной целью вовлекают несовершеннолетних в пьянство, используя их повышенную внушаемость и отсутствие жизненного опыта [8].

В среде несовершеннолетних достаточно распространена игра во взрослую жизнь. Именно поэтому они пытаются в этой игре попробовать все ее атрибуты, не до конца не осознавая или полностью не понимая их последствия. В этой связи, спиртное начинают пробовать повышено коммуникабельные, стремящиеся к риску, не отягощенных ущербным здоровьем несовершеннолетние [9].

Литература:

1. Психология современного подростка / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М. : Педагогика, 1987.

Гораздо легче на первичное, а затем и последующее приобщение к спиртному ритуалу подростки решаются в группе, особенно при алкогольном лидерстве взрослых ее членов. По мнению некоторых ученых, проблема исследования механизма создания таких групп и их внутренней коммуникации одна из самых сложных [10]. Подростки, чья социальная адаптация затруднена, попадая часто в антисоциальные группы, испытывая на себе давление ближайшего окружения начинают систематически употреблять спиртные напитки [8].

Ученые отмечают особо активное распространение пьянства среди неработающих и неучащихся несовершеннолетних. В России, к сожалению, растет число нигде и ничем не занятых подростков, полностью предоставленных самим себе, наедине с разного рода сомнительными соблазнами, в том числе, алкоголем. Это и способствует гораздо большей алкоголизации подрастающего поколения страны, распространения среди его представителей лиц, испытывающих стойкую тягу к отклоняющемуся поведению [11].

Особенность фармакологического воздействия алкоголя на психику заключается в том, что, с одной стороны, он, особенно в больших дозах, подавляет психическую активность, а с другой, особенно в малых дозах, стимулирует ее, снимая сознательное торможение и тем самым давая выход подавленным желаниям и импульсам.

Выпивка связана со специфическими формами социального контроля; в одних случаях оно является элементом каких-то обязательных ритуалов («церемониальное пьянство»), а в других выступает как антинормативное поведение, средство освобождения от внешнего контроля.

Выпивая, подросток стремится погасить характерное для него состояние тревожности и одновременно – избавиться от избыточного самоконтроля и застенчивости. Важную роль играют также стремление к экспериментированию и особенно нормы юношеской субкультуры, в которой выпивка традиционно считается одним из признаков мужественности и взрослости. Здесь большую роль играет отрицательный пример родителей [12].

Таким образом, пьянство среди несовершеннолетних является серьезной криминологической проблемой. Именно поэтому необходимо разрабатывать достаточно эффективные меры по профилактики распространения этой социальной патологии среди данной категории граждан. В первую очередь, это должно осуществляться за счет ведения грамотной социальной политики, направленной на поднятие уровня жизни населения страны, создание позитивных условий для жизни, проведение досуга несовершеннолетними, реализацию воспитательных мероприятий среди родителей и лиц, их замещающих.

Literature:

1. Psychology of the modern teenager / Ed. dl. Feldstein. M. : Pedagogy, 1987.

2. Антонов-Романовский Г.В. Правовые средства преодоления пьянства и алкоголизма // Советское государство и право. 1985. № 11. С. 108–111.
3. Лупандин В.М. Алкоголизм и потомство // Социологические исследования. 1980. № 1. С. 100–105.
4. Почем табак для народа? // Российская газета. 2010. 24 сентября. С. 4–5.
5. Матвеев В.Ф. риска и некоторые клинические аспекты ранней алкоголизации подростков: Патогенез, клиника, терапия алкоголизма и алкогольных психозов / В.Ф. Матвеев, Л.М. Барденштейн, В.А. Хохлов. М. : Юридическая литература, 1986.
6. Доклад директора Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им.В.П. Сербского Академика РАМН, профессора Т.Б. Дмитриевой на IV Конгрессе Педиатров России 17 ноября 1998 г. «Охрана психического здоровья детей и подростков». URL : <http://www.otrok.ru/medbook/listmed/dmitr.htm>
7. Андреев Н.А. Асоциальное поведение несовершеннолетних : монография / Н.А. Андреев, Ю.В. Тараканов; Под ред. А.В. Горожанина. Самара : Изд-во Самарского юридического института Минюста России, 2001.
8. Антонян Ю.М. Криминальная сексология / Ю.М. Антонян, А.А. Ткаченко, Б.В. Шестакович; Под ред. Ю.М. Антоняна. М. : Спарк. 1999.
9. Андреев Н.А. Асоциальное поведение несовершеннолетних : монография / Н.А. Андреев, Ю.В. Тараканов; Под ред. А.В. Горожанина. Самара : Изд-во Самарского юридического института Минюста России, 2001.
10. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические аспекты изучения неформальных молодежных объединений // Советская педагогика. 1987. № 6. С. 43–46.
11. Заиграев Г.Г. Появление пьянства в общественных местах: Формы и методы борьбы / Г.Г. Заиграев, О.В. Герасимова, М.Н. Бирюков и др. М. : ВНИИ МВД России, 1995.
12. Кон И.С. Психология ранней юности. М. : Просвещение, 1989.
2. Antonov-Romanovsky G.V. Legal means of overcoming drunkenness and alcoholism // Soviet State and Law. 1985. № 11. P. 108–111.
3. Lupandin V.M. Alcoholism and offspring // Sociological studies. 1980. № 1. P. 100–105.
4. How much is tobacco for the people? // Russian newspaper. 2010. 24 September. P. 4–5.
5. Matveev V.F. Risk factors and some clinical aspects of early alcoholization of adolescents: Pathogenesis, clinical features, therapy of alcoholism and alcoholic psychoses / V.F. Matveev, L.M. Bardenstein, V.A. Khokhlov. M. : Legal literature, 1986.
6. Report of the Director of the V.P. State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry Serbian Academician RAMS, Professor TB Dmitrieva at the IV Congress of Pediatricians of Russia November 17, 1998 «Protection of the mental health of children and adolescents». URL : <http://www.otrok.ru/medbook/listmed/dmitr.htm>
7. Andreev N.A. Asocial behavior of minors : monograph / N.A. Andreev, Yu.V. Tarakanov; Ed. A.V. City dweller. Samara: Publishing House of the Samara Law Institute of the Ministry of Justice of Russia, 2001.
8. Antonyan Yu.M. Criminal Sexology / Yu.M. Antonyan, A.A. Tkachenko, B.V. Shestakovich; Ed. Yu.M. Antonyan. M. : Spark. 1999.
9. Andreev N.A. Asocial behavior of minors: Monograph / N.A. Andreev, Yu.V. Tarakanov; Ed. A.V. City dweller. Samara : Publishing House of the Samara Law Institute of the Ministry of Justice of Russia, 2001.
10. Feldstein D.I. Psychological and pedagogical aspects of the study of informal youth associations // Soviet Pedagogy. 1987. № 6. P. 43–46.
11. Zaigraev G.G. Emergence of drunkenness in public places: Forms and methods of struggle / G.G. Zaigraev, O.V. Gerasimova, M.N. Biryukov, et al. M. : All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995.
12. Kon I.S. Psychology of early youth. M. : Education, 1989.

Смирнов Александр Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Lead Researcher NITS-2,
Research Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Milena.555@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ
ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ
СВОБОДЫ БЕСПЛАТНОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ**

**LEGAL FUNDAMENTALS
OF PROVIDING CONDEMNED
TO DEFENSE TO FREEDOM
OF FREEDOM OF FREE LEGAL AID**

■ ■ ■
Аннотация. В статье представлены правовые основы реализации конституционного права осужденных к лишению свободы на получение бесплатной юридической помощи. Анализ практики оказания осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи показал, что они обращаются за ней в случаях необходимости. Как отмечает автор, осужденные к лишению свободы, основываясь на конституционном дозволении защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), имеют право избрать несколько способов такой защиты.

Ключевые слова: права осужденных, юридическая помощь, осужденный.

■ ■ ■
Annotation. The article presents the legal basis for the implementation of the constitutional right of prisoners sentenced to deprivation of liberty to receive free legal assistance. An analysis of the practice of providing free legal aid to convicted persons has shown that they apply for it when necessary. As the author notes, those sentenced to imprisonment, based on constitutional permission to defend their rights and freedoms in all ways prohibited by law (V. 2 p. 45 of the Russian Constitution), have the right to choose several ways of such protection.

Keywords: rights of convicted persons, legal assistance, convicted person.

■ ■ ■
Осужденные к лишению свободы являются одними из уязвимых категорий граждан, не только потому, что их права и свободы в отличие от законопослушных граждан ограничены федеральным законодательством, но и в какой-то степени они находятся в зависимом положении от администрации исправительного учреждения.

Права и свободы человека и гражданина являются для Российского государства высшей ценностью. В связи с чем, их защита стала одной из обязанностей нашей страны, закрепленной в Основном законе (ст. 2 Конституции Российской Федерации (РФ)).

Российское государство на конституционном уровне гарантирует защиту прав и свобод любому своему гражданину независимо от каких-либо обстоятельств (ч. 2 ст. 19 и ч. 1 ст. 45 Конституции РФ). Именно поэтому право на эту защиту имеют и лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы.

Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 10 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ) наша страна уважает и охраняет права, свободы и законные интересы

■ ■ ■
осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, их правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний. При исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан России с некоторыми изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ.

Согласно ст. 48 Основного закона, в нашей стране каждому лицу гарантируется реализация права на получение юридической помощи, соответствующей квалификационным требованиям. В тех случаях, которые специально предусмотрены законом, юридическая помощь оказывается гражданам бесплатно.

Этой же конституционной нормой предусмотрено то обстоятельство, что каждое задержанное лицо, заключенное под стражу или обвиняемое в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Это положение распространяется и на лиц, лишенных свободы.

В связи с изложенным, лица, осужденные к лишению свободы, основываясь на конституционном дозволении защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), имеют право избрать несколько способов такой защиты, к которым относятся: обращение в судебные органы, органы прокуратуры, к адвокатам или же к представителям общественных или правозащитных организаций, деятельность которых в этом направлении лицензируема, определена уставом и предусматривает оказание помощи в защите прав и интересов граждан [1].

Согласно ч. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат может оказывать лицам, лишенным свободы, следующие виды юридической помощи:

– дачу консультаций и справок по всем юридическим вопросам в любой форме;

– составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;

– представлять интересы доверителя в судах различных инстанций; представлять интересы доверителя в органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях и иных организациях;

– представлять интересы доверителя в органах государственной власти, судах и правоохранительных органах иностранных государств, международных судебных органах, негосударственных органах иностранных государств, если иное не установлено законодательством иностранных государств, уставными документами международных судебных органов и иных международных организаций или международными договорами Российской Федерации;

– участвовать в качестве представителя доверителя в исполнительном производстве, а также при исполнении уголовного наказания; выступать в качестве представителя доверителя в гражданско-правовых, трудовых, налоговых и иных правоотношениях [2].

В ст. 6 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» изложены виды бесплатной юридической помощи, которыми могут воспользоваться осужденные к лишению свободы. К ним относятся:

– правовое консультирование;

Литература:

1. *Гуцев О.В.* Основные направления и формы социально-педагогической работы с осужденными в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 1. С. 22–24.

– составление заявлений, жалоб, ходатайств и иных юридических документов;

– представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены российским законодательством.

При этом бесплатная юридическая помощь может оказываться и в иных не запрещенных действующим национальным законодательством видах [3].

Согласно п. 8 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (УИК РФ), для получения юридической помощи осужденные могут пользоваться услугами адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи. В соответствии с ч. 4 ст. 89 УИК РФ для получения юридической помощи осужденным предоставляются свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов. По заявлению осужденного, свидания с адвокатом предоставляются наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания.

Анализ практики оказания осужденным к лишению свободы бесплатной юридической помощи показал, что они обращаются за ней в случаях необходимости:

– обжалования приговора в кассационном порядке в суд субъекта федерации и в Верховный Суд РФ;

– составления и направления жалоб в Конституционный Суд РФ и Европейский Суд по правам человека;

– обжалования различных решений администрации исправительного учреждения;

– помощи в подготовке и сборе документов, а также составление прошения о помиловании;

– представления интересов в суде по гражданско-правовым делам (например, пользования и распоряжения имуществом, по вопросам наследования, заключения или расторжения брака и т.д.);

– представления интересов в суде в случае утраты трудоспособности в местах социальной изоляции, о возмещении ущерба, затрат, возникших в результате нахождения в исправительном учреждении, и т.д.

Literature:

1. *Gutsev O.V.* The main directions and forms of socio-pedagogical work with convicts in the penal system // Penal system: law, economics, management. 2012. № 1. P. 22–24.

2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 100. 05 июня (ред. от 29.07.2017).

3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 263. 23 ноября. (ред. от 28.12.2013).

2. Federal Law dated May 31, 2002 № 63-ФЗ On Advocacy and the Bar in the Russian Federation // Russian newspaper. 2002. № 100. June 05 (as amended on July 29, 2017).

3. Federal Law of 21.11.2011 № 324-ФЗ «On Free Legal Aid in the Russian Federation» // Russian Newspaper. 2011. № 263. November 23. (as amended on 12.28.2013).

Филиппова Светлана Валерьевна
помощник прокурора,
Московский метрополитен, г. Москва
filipovasv2019@mail.ru

Svetlana V. Filippova
Assistant prosecutor,
Moscow metro, Moscow
filipovasv2019@mail.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА И ДОВЕДЕНИЯ ДО НЕГО (СТАТЬИ 1101 И 110 УК РФ)

DISTINCTION BETWEEN INDUCEMENT TO COMMIT SUICIDE AND CAUSING TO IT (ARTICLES 1101 AND 110 OF THE CRIMINAL CODE)

Аннотация. Статья посвящена вопросу разграничения смежных составов преступлений: склонения к самоубийству и доведения до него. В результате сравнительного анализа установлено, что традиционный подход, согласно которому деяния отличаются способами их совершения, не соответствует положениям уголовного закона и потребностям правоприменительной практики. Вместо этого предлагается при отграничении склонения к самоубийству от доведения до него руководствоваться направленностью действий виновного и их внешним проявлением.

Ключевые слова: склонение к самоубийству, доведение до самоубийства, суицид, право на жизнь, охрана жизни, подстрекательство, лишение жизни, причинение смерти, усеченный состав.

Annotation. The article is devoted to the issue of differentiation of related crimes: inducement to suicide and causing to it. From the comparative analysis it follows that the traditional approach, according to which the acts differ in the ways they are committed, does not correspond to the provisions of the criminal law and the needs of law enforcement. Instead, it is proposed to delimit the inclination to suicide from causing to it to be guided by the direction of the actions of the guilty and their external manifestation.

Keywords: inducement to suicide, causing to suicide, suicide, the right to life, the protection of the life, abetting, and deprivation of life, causing death, a truncated part.

В целях дополнительной уголовно-правовой защиты жизни человека Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) была введена статья 1101, криминализовавшая склонение к совершению самоубийства. Уголовно-правовая оценка этого посягательства напрямую связана с вопросом его отграничения от доведения до самоубийства (статья 110 УК РФ). Дело в том, что рассматриваемые составы преступлений являются смежными, поскольку и тот, и другой предусматривают ответственность за совершение действий, инспирирующих самоубийство, то есть побуждающих человека к его совершению. Полагаем, что их разграничение способствует выявлению характерных черт склонения к самоубийству, а также решению многих других вопросов, связанных с трудностями толкования и применения уголовно-правовой нормы, закрепленной в статье 1101 УК РФ.

1. На первый взгляд, очевидным отличием склонения к совершению самоубийства от доведения до него является объективный признак преступления – способ его совершения. Так, склонение к самоубийству в соответствии с частью 1 статьи 1101 УК РФ может быть совершено путем использования уговоров, подкупа,

обмана или иного способа. В свою очередь, доведение до самоубийства опосредуется иными строго определенными в части 1 статьи 110 УК РФ способами, в частности угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства потерпевшего.

Специалисты, соотнося упомянутые признаки, не без оснований отмечают, что при доведении до самоубийства способами выступают различные виды физического и нефизического насилия, тогда как при склонении к самоубийству используются иные психологические приемы [1]. Действительно, доведение до самоубийства предполагает сугубо насильственное воздействие на личность, силовое подавление его воли, тогда как склонение осуществляется более сдержанными и неагрессивными методами. Однако нельзя забывать том, что перечень способов, закрепленных в части 1 статьи 1101 УК РФ, является открытым, что не исключает возможность использования различных приемов физического и психологического прессинга не только в процессе доведения до самоубийства, но и при склонении к его совершению.

Несмотря на это обстоятельство, мнение о способах как об основном отличии склонения от

доведения в науке уголовного права является преобладающим [2, 3]. Ученые при этом апеллируют к закреплению в части 1 статьи 1101 УК РФ негативному признаку объективной стороны состава, допускающему квалификацию склонения к совершению самоубийства лишь «при отсутствии признаков доведения до самоубийства». По их мнению, отсылочный характер упомянутой нормы проявляется в том, что склонение к самоубийству не может быть совершено способами, характеризующими доведение до самоубийства [4]. Показательно в этом отношении мнение А.Н. Попов, согласно которому, «если до самоубийства или покушения на самоубийство потерпевший был доведен путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, то виновному необходимо инкриминировать состав преступления, предусмотренный статьей 110 УК, а не статьей 1101 УК» [5].

На наш взгляд, такой подход представляется достаточно спорным. Если принять рассматриваемую точку зрения, возникает абсурдная ситуация: предложение совершить самоубийство образует состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 1101 УК РФ, в то время, как угрозы с требованием покончить с собой не влекут наступление уголовной ответственности. По логике авторов, в последнем случае наличие угроз, направленных на склонение суицидента к лишению себя жизни, исключает оценку содеянного по статье 1101 УК РФ, так как указанный способ совершения преступления не охватывается объективной стороной склонения в силу его принадлежности к составу доведения до самоубийства. Однако анализируемое деяние не может быть квалифицировано и по статье 110 УК РФ, поскольку доведение до самоубийства предполагает создание для жертвы невыносимых условий, подавляющих желание продолжать жизнь и располагающих к совершению самоубийства, что в данном случае не наблюдается.

Противоречивость представленного подхода побуждает нас к поиску иных критериев разграничения. И, в первую очередь, обратим внимание на ошибочность ограничительного толкования негативного признака склонения к самоубийству и сведения его исключительно к способам совершения деяния. Способ – это лишь часть объективной стороны состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 1101 УК РФ, тогда как содержание отсылки «при отсутствии признаков доведения до самоубийства» должно распространяться на все его элементы, в том числе на содержание деяния, его объективные характеристики и целевую направленность.

2. Непростой задачей представляется определение моментов окончания рассматриваемых преступлений. И если вопрос о конструкции состава доведения до самоубийства можно в целом назвать решенным, то дискуссия об объеме объективной стороны склонения к самоубийству находится на пике своего развития. Помимо относительной новизны статьи 1101 УК РФ это обуславливается фактически назывным харак-

тером диспозиции уголовно-правовой нормы, ограничивающим возможности ее толкования.

Основной состав склонения к совершению самоубийства, закрепленный в части 1 статьи 1101 УК РФ, предусматривает ответственность за совершение деяния, выражающегося в действии – склонении к совершению самоубийства. Сугубо активный характер склонения, исключающий возможность совершения посягательства бездействием, подтверждается лексическим значением самого слова «склонение», под которым понимается убеждение в необходимости совершения какого-либо поступка или принятия какого-либо решения [6]. При этом в части 4 статьи 1101 УК РФ закреплена квалифицированный состав склонения, усиливающий ответственность виновного, если его действия по склонению повлекли самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего. Системный анализ указанных положений приводит к выводу, что часть 1 статьи 1101 УК РФ не предусматривает наступление в результате склонения общественно опасных последствий.

Возникает вопрос, должно ли склонение выражаться в возникновении у потерпевшего суицидальных идей для признания рассматриваемого преступления оконченным? Думается, что нет. С учетом приведенного значения слова «склонение» и подхода, реализованного Верховным Судом Российской Федерации в пункте 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», деяние, предусмотренное частью 1 статьи 1101 УК РФ, следует считать оконченным с момента совершения виновным действий, направленных на возбуждение у склоняемого желания совершить самоубийство, независимо от того, повлекло ли это появление у него суицидальных намерений. Другими словами, под склонением к самоубийству понимается исключительно процесс воздействия, но не его результат.

Таким образом, момент окончания склонения к совершению самоубийства связан с началом выполнения указанного в части 1 статьи 1101 УК РФ деяния, что свидетельствует об усеченной конструкции основного состава преступления. Одновременно, частью 4 этой же статьи устанавливается ответственность за совершение квалифицированного состава, обладающего материальной конструкцией и предполагающего наступление общественно опасных последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство.

В справочной литературе справедливо отмечается, что понятие «доведение», в отличие от «склонения», обозначает не только действие, но и его результат [7]. Исходя из этого, объективная сторона доведения до самоубийства (часть 1 статьи 110 УК РФ) представляет собой синтез процесса воздействия на человека (как в форме действия, так и бездействия) с его конечным следствием – самоубийством или попыткой самоубийства. Г.Н. Борзенков по этому поводу за-

мечает, что «одно лишь высказывание намерения покончить с собой, приготовление к самоубийству, составление предсмертной записки не образует еще состава преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ» [8]. Следовательно, состав доведения до самоубийства является материальным и признается оконченным с момента наступления одного из альтернативных общественно опасных последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что результативность деяний, направленных на инициацию суицидального поведения, не может служить критерием разграничения составов склонения к совершению самоубийства и доведения до него, поскольку статья 1101 УК РФ признает уголовно-наказуемым не только безуспешное воздействие на потерпевшего, не повлекшее его самоубийство или покушение на самоубийство (часть 1), но и успешное, выразившееся в наступлении преступных последствий (часть 4), так же как это имеет место в составе доведения до самоубийства (часть 1 статьи 110 УК РФ).

3. Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о формах и видах вины в анализируемых составах преступлений. Известно, что во многих случаях внутреннее отношение виновного к совершаемому деянию, концентрировано выраженное в правовой категории вины, выступает подчас единственным критерием, позволяющим правоприменителю определиться с квалификацией содеянного. Наблюдаются ли отличия в субъективной стороне составов преступлений, предусмотренных статьей 110 и 1101 УК РФ?

Обращаясь к субъективной составляющей склонения к совершению самоубийства, прежде всего, следует отметить, что форма и вид умысла применительно к части 1 статьи 1101 УК РФ предопределяется формальной, более того, усеченной конструкцией состава преступления. Как справедливо отмечает А.И. Рарог, «в преступлениях с формальным составом признаком объективной стороны, воплощающим общественную опасность деяния, во всех случаях является запрещенное законом действие или бездействие. Поэтому в формальных составах волевое содержание умысла исчерпывается волевым отношением к самим общественно опасным действиям (бездействию)» [9]. Из этого следует, что вина при совершении преступлений с формальным составом может выражаться исключительно в виде прямого умысла.

Оговоримся, что в доктрине уголовного права предпринимались попытки обоснования возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом, однако все они оказывались неудачными в силу того, что вступали в противоречие с нормативным определением и психологической сущностью косвенного умысла [10; 11]. Для примера предположим, что анализируемое деяние будет совершено с косвенным умыслом в тех случаях, когда виновный сознательно допускает или безразлично относится к

процессу склонения другого человека к самоубийству. Полагаем, что в этом случае признаки косвенного умысла отсутствуют, ведь процесс склонения, в действительности, является деянием, а не его последствием, и поэтому в субъективном отношении он всегда составляет предмет сознания, но никак не воли. Другими словами, при косвенном умысле сознательное допущение должно проецироваться на общественно опасные последствия, а не на какие-то иные объективные признаки и свойства деяния [9]. Иной подход неизбежно приводит к смешению волевого и интеллектуального моментов умысла, равно как деяния и его общественно опасных последствий.

Таким образом, основной состав склонения к совершению самоубийства, предусмотренный частью 1 статьи 1101 УК РФ, как и квалифицированный состав, предусмотренный частью 3 этой же статьи, не предполагает никаких других разновидностей вины, кроме прямого умысла.

Помимо этого, обязательным элементом субъективной стороны указанных составов является преследуемая виновным цель – самоубийство потерпевшего. Несмотря на отсутствие прямого упоминания о цели в диспозиции уголовно-правовой нормы, такой вывод следует из грамматического толкования части 1 статьи 1101 УК РФ, в частности, из лексического анализа глагола воздействия «склонение» и предлога «к», в совокупности выражающих директивную ориентацию на совершение чего-либо [12]. Следовательно, при совершении преступлений, предусмотренных частями 1 и 3 статьи 1101 УК РФ, субъект осознает, что совершает действия, непосредственно направленные на то, чтобы склонить другого человека к самоубийству, и желает, чтобы потерпевший его совершил.

Наряду с формальными составами, статья 110 УК РФ в частях 4, 5 и 6 содержит составы с материальной конструкцией, предусматривающие ответственность за склонение к совершению самоубийства, повлекшее наступление общественно опасных последствий. Может ли субъективное отношение виновного к этим последствиям быть иным, нежели прямой умысел? Нам представляется, что нет; склонение к самоубийству, предусмотренное частями 4, 5 и 6 статьи 1101 УК РФ, возможно лишь с прямым умыслом. В пользу этого говорит не только ранее упомянутая специальная цель в виде самоубийства потерпевшего, достижение которой и обуславливает материальность указанных составов, но и критерий «заведомости» (в части 5 статьи 1101 УК РФ), исключающий возможность неосознания виновным специальных признаков, относящихся к жертве преступления.

В подтверждение «монополии» прямого умысла в составах склонения к самоубийству, проведем аналогию с субъективной составляющей подстрекательства к преступлению. Считаем это обоснованным, поскольку законодательное описание состава склонения к самоубийству представляет собой калькирование конструкции подстрекательства к преступлению, что подтвер-

ждается перечислением идентичных способов совершения деяния, а также использованием термина «покушение», применяемого для характеристики неоконченного преступления. Вряд ли можно подвергнуть сомнению тот факт, что подстрекательство к преступлению, также как и склонение к самоубийству, может совершаться исключительно с прямым умыслом и специальной целью: в первом случае выраженной в совершении исполнителем преступления, во втором случае – в совершении потерпевшим суицида [13; 14].

Обсуждение субъективных признаков доведения до самоубийства всегда вызывало ожесточенные споры. Одни ученые допускают возможность только неосторожного совершения преступления (Н.А. Сафонова, Ю.А. Уколова), другие – лишь с косвенным умыслом (С.В. Бородин), третьи – с любым видом умысла (А.И. Коробеев, Р.З. Авакян, Д.И. Эльмурзаев), четвертые утверждают, что доведение до самоубийства может быть совершено и умышленно, и неосторожно (А.Н. Попов, В.Ф. Караулов, Э.Ф. Побегайло).

На сегодняшний день весомым аргументом, свидетельствующим о возможности совершения доведения до самоубийства с умыслом, в том числе, с прямым, является введение законодателем в 2017 г. в статью 110 УК РФ квалифицирующих признаков, связанных с «заведомостью» и групповым характером посягательства, предполагающих существование у виновного желания наступления общественно опасных последствий. В целом аналогичной позиции придерживаются суды, заключая, что в соответствии с законом уголовной ответственности за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее преступление с прямым или косвенным умыслом. Виновный в таких случаях осознает, что указанным в законе способом принуждает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность лишения им себя жизни и желает (прямой умысел) или сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично (косвенный умысел). Подобная мотивировка встречается не только в широко известном деле Кузина, рассмотренном Президиумом Московского городского суда в 2002 г., но и в иных судебных решениях [15; 16].

Признавая умышленный характер доведения до самоубийства, суды, как правило, категорично отрицают возможность его совершения по неосторожности. Весьма показательным в этом отношении постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл. Так, Г. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ. Постановляя приговор, суд первой инстанции сослался на то, что подсудимый систематически наносил побои Б., унижал ее человеческое достоинство, жестоко обращался с ней, чем создал тяжелую жизненную ситуацию, которая в представлении Б. была безысходной. В результате Б. поднялась на чердак своего дома, взяла веревку и попыталась повеситься. Однако под тяжестью веса веревка не выдержала и развязалась. Судом было

признано, что указанное преступление совершено виновным в форме неосторожности, поскольку Г. не предвидел возможных наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть. Выводы суда первой инстанции были поддержаны судом кассационной инстанции.

Президиум, отменяя приговор, указал, что диспозиция статьи 110 УК РФ не содержит специального указания о неосторожной форме вины совершения данного преступления. Следовательно, в силу части 2 статьи 24 УК РФ, исключается уголовная ответственность лица, совершившего по неосторожности доведение другого лица до самоубийства либо же до покушения на самоубийство. С учетом изложенного, ответственности по статье 110 УК РФ подлежит лицо, совершившее данное преступление с прямым или косвенным умыслом [17].

На наш взгляд, такая позиция представляется достаточно спорной. Рассуждая о возможности неосторожного доведения до самоубийства, следует руководствоваться частью 2 статьи 24 УК РФ, в соответствии с которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Примечательно, но неоднозначная трактовка именно этой нормы и обуславливает дискуссию о форме вины в составе доведения до самоубийства. Дело в том, что отдельные специалисты, основываясь, по-видимому, на предыдущей редакции части 2 статьи 24 УК РФ (действующей до 1998 г.), настаивают на возможности совершения преступления по неосторожности лишь при прямом упоминании этой формы вины в диспозиции уголовно-правовой нормы [18].

Не углубляясь в суть спора, отметим, что точка в вопросе толкования части 2 статьи 24 УК РФ была поставлена Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в пункте 4 постановления от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Согласно указанному разъяснению, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава. Таким образом, следует признать, что преступление, предусмотренное частью 1 статьи 110 УК РФ, может быть совершено с неосторожной формой вины, несмотря на отсутствие указания на это в самой статье. Как следует из вышеприведенного примера судебной практики, ситуации неосторожного доведения до самоубийства являются вполне реальными и, что немаловажно, обладают достаточной степенью общественной опасности, чтобы влечь наступление уголовной ответственности.

Обобщение изложенного приводит к выводу о возможности совершения доведения до самоубийства, как с прямым, так и с косвенным умыслом, как по легкомыслию, так и в результате небрежности. При этом цель лишения потерпевшим себя жизни характерна лишь для прямого умысла. В таких случаях деяние для субъекта преступления является не самоцелью, а способом достижения конечного результата в виде причинения суицидентом себе смерти. При неосторожном доведении до самоубийства, как и при совершении этого преступления с косвенным умыслом, постановка виновным указанной цели исключается.

Завершая исследование субъективных признаков преступлений, предусмотренных статьями 110 и 1101 УК РФ, следует заключить, что рассматриваемые составы предполагают различное психическое отношение виновного к совершаемому деянию: при склонении к самоубийству субъект обязательно действует с прямым умыслом, преследуя при этом цель причинения потерпевшим себе смерти, в то время как доведение до самоубийства совершается с любой формой вины и только в исключительных случаях – с целью лишения потерпевшим себя жизни.

4. Помимо субъективных особенностей, специфика склонения к самоубийству проявляется в сути совершаемых действий, их внешнем выражении и восприятии их потерпевшим.

Как ранее отмечалось, смысл слова «склонение» заключается в убеждении в необходимости совершения какого-либо поступка. Это означает, что склонение к самоубийству предполагает осуществление, прежде всего, открытых действий, направленных на формирование у потерпевшего желания совершить самоубийство. Для склоняемого в таких случаях очевиден суицидально-побуждающий смысл оказываемого на него давления. Другими словами, желание свести счеты с жизнью возникает у суицидента в результате прямого и непосредственного информирования со стороны виновного о необходимости или возможности совершения самоубийства. Об этом же свидетельствуют предусмотренные законодателем в части 1 статьи 1101 УК РФ способы склонения, в частности, уговоры, предложение, подкуп, предполагающие открытое сообщение жертве идеи о совершении суицида. Заметим, что указанное сообщение не исключает возможности одновременного применения к потерпевшему с целью склонения его к самоубийству насильственных методов воздействия, упомянутых законодателем в части 1 статьи 110 УК РФ (угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства).

Сущность же доведения до самоубийства находит выражение в сугубо косвенном воздействии на сознание будущего суицидента. В отличие от склонения к самоубийству, при доведении до него виновный прямо не сообщает о суицидальном исходе, как и не совершает он никаких иных действий, непосредственно направленных на внушение потерпевшему идеи покончить с со-

бой. Под влиянием гнетущей обстановки, психотравмирующей ситуации, продолжающихся истязаний и унижений жертва самостоятельно приходит к мысли о самоубийстве и реализует ее.

Обоснованность приведенных доводов подтверждается правоприменительной практикой, имевшей место до введения в УК РФ статьи 1101 УК РФ. В условиях отсутствия уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за склонение человека к самоубийству, следственные и судебные органы были вынуждены оценивать соответствующие деяния в качестве доведения до самоубийства, конструируя подчас немыслимые квалификационные формулы, чтобы отразить через них факт открытого принуждения к суициду. Показательно в этом плане уголовное дело, возбужденное Следственным комитетом России в 2016 году по части 4 статьи 33 и статьи 110 УК РФ (подстрекательство к доведению до самоубийства) в связи с деятельностью закрытых групп во «ВКонтакте», администраторы которых откровенно склоняли детей к самоубийству [19]. Представители уголовно-правовой науки, критически оценивая это решение и подобную практику в целом, справедливо обращали внимание на целесообразность установления уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства [20; 21].

Подводя итог проведенному исследованию, следует заключить, что традиционный подход, согласно которому склонение к совершению самоубийства разграничивается с доведением до него по перечисленным в статьях 110 и 1101 УК РФ способам совершения преступлений, не соответствует положениям уголовного закона и потребностям правоприменительной практики. Во-первых, такой подход не учитывает, что негативный признак склонения к совершению самоубийства – отсутствие признаков доведения до самоубийства распространяется на деяние в целом, а не только на способ его совершения. Во-вторых, он не позволяет признать уголовно-наказуемым открытое склонение к самоубийству, совершенное с применением насильственных методов воздействия (угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства).

Представляется, что рассматриваемые деяния необходимо разграничивать, прежде всего, по их направленности и внешнему проявлению: склонение к самоубийству предполагает осуществление действий, с очевидностью направленных на формирование у потерпевшего желания совершить самоубийство, тогда как доведение до самоубийства выражается в косвенном воздействии на сознание жертвы, исключающем открытое сообщение ему идеи о совершении суицида. Поэтому предложения, требования и уговоры о необходимости покончить с собой, сопровождаемые угрозами, жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства, следует квалифицировать как склонение к самоубийству по части 1 или 3 статьи 1101 УК РФ; результативное склонение, в ходе которого применялись эти же методы – по части 4, 5 или 6 статьи 1101 УК РФ.

Литература:

1. *Крукковский В.Е.* Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств / В.Е. Крукковский, И.Н. Мосечкин // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2018. №. С. 196–215.
2. *Авешникова А.А.* Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству // *Российский следователь.* 2019. № 1. С. 34.
3. *Артамонова М.А.* Некоторые проблемы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства // *Вестник Уфимского юридического института МВД России.* 2017. № 3(77). С. 65.
4. *Байрамкулов А.М.* О некоторых проблемах определения общественной опасности преступления, предусмотренного статьей 1101 УК РФ // *Пробелы в российском законодательстве.* 2017. № 6. С. 21.
5. *Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; Под общей ред. О.С. Капинус; Науч. ред. В.В. Меркурьев. М. : Проспект, 2018. С. 387.*
6. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю Шведова. М., 1999. С. 221.
7. *Лопатин В.В.* Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. М. : Эксмо, 2007. С. 156.
8. *Борзенков Г.Н.* Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. М. : Зерцало, 2013. С. 163.
9. *Рарог А.М.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. М. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 86; 98–99 с.
10. *Утевский Б.С.* Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 238.
11. *Никифоров Б.С.* Об умысле по действующему законодательству // *Советское государство и право.* 1965. № 6. С. 27.
12. *Усачева М.Н.* Значения предлогов «по» и «к» в русском языке: кодирование сирконстантов и семантических ролей // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8(15). С. 499–503.*
13. *Галиакбаров Р.Р.* Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар : Кубанский гос. аграрный ун-т, 2000. С. 27–28.

Literature:

1. *Krukovsky V.E.* Criminal Legal Problems of Counteracting Activities Aimed at Encouraging Murder and Suicide / V.E. Krukovsky, I.N. Mosechkin // *Law. Journal of the Higher School of Economics.* 2018. №. P. 196–215.
2. *Aveshnikov A.A.* On Criminal Responsibility for Inducing Minors to Suicide // *Russian Investigator.* 2019. № 1. P. 34.
3. *Artamonov M.A.* Some problems of qualification of bringing to suicide and inducing to commit suicide // *Journal of the Ufsk Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.* 2017. № 3(77). P. 65.
4. *Bairamkulov A.M.* On some problems of determining the public danger of the crime provided for in Article 1101 of the Criminal Code of the Russian Federation / A.M. Bairamkulov, D.A. Kovlagina // *Gaps in the Russian legislation.* 2017. № 6. P. 21.
5. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / University of the Prosecutor 's Office of the Russian Federation; Edited by O.S. Kapinus; Scientific ed. V.V. Merkuriev. M. : Prospect, 2018. P. 387.*
6. *Ozhegov S.I.* The interpreted dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov, N.Y Shvedova. M, 1999. PAGE 221.
7. *Lopatin V.V.* Russian interpreted dictionary / V.V. Lopatin, L.E. Lopatin. M. : Eksmo, 2007. p. 156.
8. *Borsenkov G.N.* Crimes against life and health: law and law enforcement practice. M. : Zerkalo, 2013. P. 163.
9. *Rarog A.M.* Classification of crimes on subjective grounds. M. : Law Center Press, 2003. P. 86;. 98–99 p.
10. *Utevsky B.S.* Vina in Soviet criminal law. M., 1950. P. 238.
11. *Nikiforov B.S.* On intent under the current legislation // *Soviet state and law.* 1965. № 6. P. 27.
12. *Usacheva M.N.* Values of pretexts «by» and «by» in Russian: coding sirconstants and semantic roles // *Computer linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the annual International Conference «Dialogue 2009» (Bekasovo, May 27–31, 2009). Iss. 8(15). P. 499–503.*
13. *Galiakbarov R.R.* Fight against group crimes. Qualification issues. Krasnodar: Kuban State. Agrarian un-t, 2000. p. 27–28.

14. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. С. 66.

15. Постановление Президиума Московского городского суда от 04.04.2002 по делу Кузина // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 4. С. 17–18

16. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 17.12.2008 // Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (четвертый квартал 2008 г. (19) (утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 18.02.2009).

17. Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 16.08.2013 № 44-У-43.

18. Курс уголовного права. Особенная часть / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Н. Борзенкова и канд. юрид. наук, проф. В.С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3. С. 147–148.

19. URL : <http://spb.sledcom.ru/Novosti/item/1040786/> (дата обращения 09.06.2019).

20. Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36–48.

21. Мелешко Д.А. Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства лица, находящегося в беспомощном состоянии // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 4(54). С. 126–129.

14. Kozlov A.P. Complicity: traditions and reality. SPb. : Law Center Press, 2001. P. 66.

15. The resolution of Presidium of the Moscow City Court of 04.04.2002 on business the Cousin // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 4. P. 17–18

16. Determination of the Judicial Board on Criminal Cases of the Sverdlovsk Regional Court dated 17.12.2008 // Bulletin of Judicial Practice in Criminal Cases of the Sverdlovsk Regional Court (fourth quarter of 2008 (19)) Resolution of the Presidium of the Sverdlovsk Regional Court dated 18.02.2009).

17. Decision of the Presidium of the Supreme Court of the Republic of Mari El dated 16.08.2013 № 44-У-43.

18. Course of criminal law. Special part. under Ed. D.Y., Prof. G.N. Borzenkova and K.Y.N., Prof. V.S. Komarova. M., 2002. Vol. 3 P. 147–148.

19. URL : <http://spb.sledcom.ru/Novosti/item/1040786/> (date of appeal: 09.06.2019).

20. Krylova N.E. «Groups of death» and teenage suicide: criminal aspects // Criminal law. 2016. № 4. P. 36–48.

21. Meleshko D.A. Criminal legal assessment of bringing to suicide a person in a helpless state // Journal of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2016. № 4(54). P. 126–129.

Якубова Ольга Петровна

старший инспектор по особым поручениям
отдела кадров управления
по работе с личным составом
Министерства внутренних дел
по Республике Крым,
адъюнкт,
Краснодарский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Ykubova-olga@mail.ru

Olga P. Yakubova

Senior Inspector of Special Assignments
Human Resources Management
Personnel Management
Ministry of the Interior
For the Republic of Crimea,
Graduated in a Military Academy,
Krasnodar University
Ministry of the Interior
of the Russian Federation
Ykubova-olga@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА**

**SOME ELEMENTS
OF THE CRIMINALISTIC
CHARACTERISTICS OF CRIMES
IN THE FIELD OF TRAFFICKING
IN REAL ESTATE**

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам, возникающим при определении особенностей отдельных элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота недвижимого имущества, с целью дальнейшего определения тактики расследования. Предметом авторского исследования являются отдельные элементы криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота недвижимого имущества.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, элементы криминалистической характеристики, предмет преступного посягательства, способы совершения преступлений, договор долевого участия, документирование, личность потерпевшего, тактика расследования.

Криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений включает в себя ряд элементов, определение которых является важным при выработке методики расследования, а также выявлению причин и условий, способствовавших совершению противоправного деяния.

Изучение понятия и сущности криминалистической характеристики преступлений исследовались Р.С. Белкиным [2], С.В. Винокуровым [3], И.А. Возгриным [4], А.Н. Колесниченко [5], Н.П. Яблоковым [6] и другими видными отечественными криминалистами в своих научных трудах, однако, и в настоящее время эти исследования не утратили своей актуальности.

При определении построения методики расследования С.В. Винокуров определял криминали-

Annotation. The article is devoted to the problematic issues arising in determining the characteristics of certain elements of the criminalistic characteristics of crimes in the field of illicit trafficking in real estate, in order to further determine the tactics of investigation

The subject of the author's research are some elements of the criminalistic characteristics of crimes in the field of illegal trafficking in real estate.

Keywords: criminalistic characteristics, elements of criminalistic characteristics, the subject of criminal encroachment, methods of committing crimes, equity agreement, documentation, the identity of the victim, the tactics of investigation.

стическую характеристику как научно разработанную систему типичных признаков конкретного вида преступления, позволяющую выяснить механизм слеодообразования, уяснить первоочередные следственные задачи, возникающие в ходе расследования преступления [3].

С.Р. Низаева в своем диссертационном исследовании анализирует понятие «криминалистическая характеристика преступления» на примере совершения мошенничества в сфере оборота жилой недвижимостью, ее структуре и во взаимосвязи с другими элементами характеристики. При этом описание структурных элементов криминалистической характеристики, показаны в динамике, указываются поэтапные, типичные действия преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступного события, определяются: личность преступников; следы преступ-

ления и механизм слепообразования; способы; время, место и обстановка совершения преступлений исследуемого вида; личность потерпевших в ходе совершения преступлений [9].

Такая структура, по нашему мнению, наиболее правильно применима при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота недвижимого имущества и наиболее полно отражает их криминалистическую характеристику.

Исследование материалов уголовных дел, проведенное Дьячковым А.М., показало, что совершившие преступления в сфере оборота жилых помещений лица были в возрасте от 21 до 40 лет, также статистика указывает на то, что больше 2/3 от числа преступников, совершая преступления в сфере оборота жилых помещений, – лица мужского пола [7].

С созданием агентств недвижимости, которые располагаются в помещениях с минимумом обстановки и сотрудников, а иногда только в интернет пространстве, участились случаи не только предоставления ненадлежащих услуг, но и совершения уголовно-наказуемых деяний.

Следует признать, что осуществление сделок с недвижимостью требует участия узкопрофильных специалистов и специализированных учреждений, таких, как нотариусы, оценщики, работники бюро технической инвентаризации, федеральной регистрационной службы, сотрудники банковской сферы и другие. Все это влияет на выявление следов преступлений, которые в последнее время чаще всего носят электронный формат, а также на понимание механизма их образования.

При составлении юридических документов (договор купли-продажи, договор долевого строительства жилья, доверенность на совершение сделки и т.д.) и осуществление юридического факта, подтверждающего реализацию сделки документа, позволяет субъектам расследования правильно определить время и место совершения преступлений, типичные действия преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступного события, и иные поведенческие акты потерпевшего и других лиц, случайно втянутых в криминальное событие.

Несмотря на принятые законодательные инициативы по уменьшению риска при заключении договора долевого участия, так с 1 июля текущего года, привлечение денежных средств от граждан будет возможно только с использованием эскроу-счетов.

При рассмотрении положений Федерального закона от 27.06.2019 № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» необходимо отметить достаточно понятную систему выбора уполномоченного банка и доведения

соответствующих сведений до участников долевого строительства [1].

Однако неурегулированным остается вопрос о выборе уполномоченного банка при предоставлении застройщику целевого кредита не единым банком, а синдикатом кредиторов, порядка выбора уполномоченного банка при наступлении страхового случая также не определен. Также возникают вопросы: Кто и как выбирает уполномоченный банк? Что происходит с денежным обязательством участников долевого строительства перед застройщиком? В каком объеме обязательство участника по уплате цены договор долевого участия восстанавливается? На эти вопросы Закон не отвечает, что дает почву для дальнейших манипуляций с недвижимым имуществом и совершения противоправных деяний.

Предметом недвижимого имущества могут выступать жилые или нежилые помещения, объекты незавершенного строительства, земельные участки, обособленные водные объекты и иные объекты, подлежащие обязательной государственной регистрации. В то же время, предметом преступного посягательства могут быть не только предметы недвижимого имущества, но и свидетельства о предоставлении прав на приобретение жилого имущества, акции, облигации, денежные средства, в том числе, криптовалюта и другие ценности.

Отдельно необходимо остановиться на способах совершения преступлений. В.А. Образцов отмечает, что «познание способа совершения преступления, можно рассматривать как метод практической деятельности, как один из путей установления истины по схеме – от способа совершения преступления к его раскрытию» [8].

По итогам обобщения имеющихся криминалистических разработок по вопросам расследования преступлений в сфере незаконного оборота недвижимого имущества, нам представляется возможным обозначить наиболее распространенные способы совершения преступлений:

1. Изготовление, предоставление и регистрация фиктивных договоров, и иных свидетельств, подтверждающих право на собственности.
2. Обман или злоупотребление доверием владельцев недвижимого имущества должностными лицами.
3. Намеренное занижение стоимости объекта недвижимого имущества, фальсификация с правоустанавливающими документами в государственных органах.
4. Насильственное принуждение к осуществлению сделки под угрозой причинение вреда здоровью или жизни потерпевшего.

Способы совершения преступных деяний могут изменяться с учетом текущей экономической ситуацией, изменений нормативно-правовой базы, регламентирующую порядок осуществления сделок, характеристики объекта недвижимого имущества и личности потерпевшего.

Характеристика объекта недвижимого имущества (жилые или нежилые помещения, первичный или вторичный рынок жилья, аренда или продажа объекта, помещения или земельные участки) напрямую связана с личностью потерпевшего.

Изучение следственной и судебной статистики позволяет сделать вывод о том, что в сделках, осуществленных на первичном рынке жилья, а также по жилым и нежилым помещениям, с земельными участками в большинстве случаев потерпевшим признается мужчина.

Низаева С.Р. в своём диссертационном исследовании приводит возрастную параметр мужчины 30 до 53 лет в связи с высокой социальной активностью и обязательствах организационного и представительского характера [9]. При этом женщина, чаще всего, выступает в роли свиде-

Литература:

1. Федеральный закон от 27.06.2019 № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». URL : https://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327710/ (дата обращения 15.07. 2019).

2. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 172–182.

3. *Винокуров С.И.* Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования. Методика расследования преступления (общие положения). М. : 1976. С. 101.

4. *Возгарин И.А.* Научные основы криминалистической методики расследования преступлений : в 4-х частях. СПб. С. 57.

5. *Колесниченко А.Н.* Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976. С. 10–14.

6. *Яблоков Н.П.* Криминалистическая характеристика преступлений и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 30. М., 1979. С. 423.

7. *Дьячков А.М.* Расследование мошенничества в сфере бизнеса. Ростов н/Д., Феникс, 2007. С. 55.

8. *Образцов В.А.* Криминалистика : учебник. М., 1999. С. 58–59.

9. *Низаева С.Р.* Расследование мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости (проблемы теории и практики). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Улан-Удэ, ФГБОУ ВПО Бурятский государственный университет, 2017 г. С. 78.

теля или консультанта. Однако при совершении сделок на вторичном рынке жилья в отдельную категорию необходимо выделить одиноких пожилых граждан. Их виктимное поведение, чрезмерная доверчивость и правовая неграмотность также играет немаловажную роль в расследовании данной категории дел.

Обобщая изложенное, считаем возможным высказать мнение о том, что криминалистическая характеристика преступлений в сфере незаконного оборота недвижимого имущества обладает рядом особенностей, и дальнейшее изучение ее элементов позволит выработать наиболее оптимальную тактику и методику расследования преступлений в сфере оборота недвижимого имущества, а также – разработать меры для предупреждения и снижения в дальнейшем количества данного вида преступлений.

Literature:

1. Federal law of 27.06.2019 № 151-FZ «On amendments to the Federal law «About participation in share building of apartment houses and other real estate and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation». URL : https://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327710/ (accessed 15.072019).

2. *Belkin R.S.* Criminalistics: problems, trends, prospects. From theory to practice. M., 1988. P. 172-182.

3. *Vinokurov S.I.* Criminalistic characteristics of the crime, its content and role in the construction of methods of investigation. Methods of investigation of the crime (General provisions). M. : 1976. С. 101.

4. *Vozgarin I.A.* Scientific basis of forensic techniques to investigate crimes : in 4 parts. SPb. P. 57.

5. *Kolesnichenko A.N.* General provisions of methods of investigation of certain types of crimes. Kharkov, 1976. P. 10–14.

6. *Yablokov N.P.* Criminalistic characteristics of crimes and typical investigative situations as important factors in the development of methods of investigation of crimes // Issues of combating crime. Vol. 30. M., 1979. P. 423.

7. *D'yachkov A.M.* an Investigation of fraud in the business sector. Rostov n/D., Phoenix, 2007. P. 55.

8. *Samples V.A.* Criminalistics : textbook. M., 1999. P. 58–59.

9. *Nizayeva S.R.* Investigation of fraud in the sphere of turnover of residential real estate (problems of theory and practice). Dissertation for the degree of candidate of legal Sciences. Ulan-Ude, Buryat state University, 2017. P. 78.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Быстров Андрей Владимирович

доктор технических наук,
профессор,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
ilyaklyukin@yandex.ru

Клюкин Илья Николаевич

кандидат экономических наук,
доцент,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
ilyaklyukin@yandex.ru

**СИСТЕМЫ
ОПЕРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ
НА ПРОМЫШЛЕННОМ
ПРЕДПРИЯТИИ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Аннотация. Целью статьи является обоснование организационно-методических основ формирования системы оперативного контроля на промышленном предприятии в контексте развития цифровых технологий.

В статье осуществлен анализ принятой в мировой практике модели системы внутреннего (оперативного) контроля, представлены основные характеристики и особенности оперативного контроля как составляющей внутреннего контроля на промышленном предприятии. Установлены недостатки в осуществлении оперативного контроля на отечественных промышленных предприятиях и представлены рекомендации по повышению его эффективности. Представлено поэтапное применение различных форм и методических приемов ОК, применяемых субъектами для его осуществления в зависимости от объектов контроля.

Ключевые слова: контроль, промышленное предприятие, внутренний контроль, формы контроля, оперативный контроль, система внутреннего контроля, система оперативного контроля, регламентное обеспечение.

В эпоху развития цифровых технологий условия деятельности промышленных предприятий (далее – ПП) нуждаются в совершенствовании процессов управления, и, в первую очередь, его контрольной функции, которая является информационной базой осуществления анализа и принятия оперативных решений. Однако контроль нередко носит нерегулярный характер и является малоэффективным, поскольку, во-первых, на ПП недостаточно внимания уделяет-

Andrei V. Bystrov

Doctor of Technical Sciences,
Professor,
Russian Economic University
name of G.V. Pleanov
ilyaklyukin@yandex.ru

Ilya N. Klukin

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Russian Economic University
name of G.V. Pleanov
ilyaklyukin@yandex.ru

**OPERATIONAL CONTROL
SYSTEMS AT AN INDUSTRIAL
ENTERPRISE IN THE CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT
OF DIGITAL TECHNOLOGIES**

Annotation. The aim of the article is to substantiate the organizational and methodological foundations of the formation of an operational control system at an industrial enterprise in the context of the development of digital technologies.

The article analyzes the internationally accepted model of the system of internal (operational) control, presents the main characteristics and features of operational control as a component of internal control at an industrial enterprise. Deficiencies in the implementation of operational control at domestic industrial enterprises were identified and recommendations for improving its effectiveness were presented. The phased application of various forms and methods of OK used by subjects for its implementation, depending on the objects of control, is presented.

Keywords: control, industrial enterprise, internal control, forms of control, operational control, internal control system, operational control system, regulatory support.

ся организации и исполнению внутреннего контроля, и, во-вторых, недостаточно разработаны научные и методические основания для осуществления данной управленческой функции.

Различные аспекты, связанные с теоретическими вопросами внутреннего контроля, рассмотрены в трудах таких отечественных ученых, как Б.И. Герасимов, Ю.С. Лаута [1], Е.В. Пономарева [2], Р.В. Нагуманова, А.И. Сабирова [3], в частно-

сти оперативного контроля С.И. Боков [4], Р.А. Радионов [5; 6]. Анализ исследований показал, что недостаточно внимания уделяется формированию именно системы оперативного контроля на ПП.

Внутренний контроль (далее – ВК) является одной из управленческих функций, главная задача которой заключается в своевременном предоставлении информации управленческому персоналу обо всех отклонениях, происходящих в финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Анализ научной литературы свидетельствует, что ВК по отношению ко времени осуществления хозяйственной операции, можно условно разделить на следующие виды: предварительный, текущий и последующий. В зависимости от этого можно выделить цели, которые должны быть поставлены перед СВК в каждом из этих режимов [7].

Анализ экономической литературы показало, что большинство ученых рассматривают систему внутреннего контроля (СВК), используя основные компоненты модели ВК, опубликованные в США в 1992 г. в Интегрированной концепции внутреннего контроля (Internal Control-Integrated Framework). Эта модель, предназначенная для оценки ВК, была признана как общепринятая структура ВК и окончательный стандарт, по которому организации измеряют эффективность своих СВК. Она содержит пять взаимосвязанных компонентов:

- среда контроля – формирует отношение руководства к осуществлению контроля и действия, которые необходимо предпринимать в связи с этим;
- оценка рисков – идентификация, анализ, управление рисками, внедрение механизмов определения специальных рисков;
- меры контроля (процедуры) – контроль текущей деятельности, проведение проверок, распределение полномочий, выдача разрешений, подтверждений, гарантия безопасности активов;
- информация и коммуникации – оперативная информация, выполнение установленных норм, обмен информацией;
- мониторинг – управление и надзор [8].

При этом контрольная среда должна создавать атмосферу для того, чтобы работники могли осуществлять деятельность и выполнять свои обязанности. Она является основой других элементов. В ней руководители определяют риски, связанные с реализацией поставленных целей. Для достижения определенного результата используются контрольные действия. В процессе контроля накапливается информация, передаваемая руководителям предприятия. Постоянный надзор осуществляется за процессом контроля. Так должно быть, но в практической деятельности СВК одного предприятия значительно

отличается от другого потому, что они отличаются методикой и стилем управления, организационно-правовой формой и т.п.

Важным моментом при определении оперативного контроля (далее – ОК) является понимание того, что он является функционально принадлежащим к внутреннему. Его роль заключается в постоянном присутствии в ходе возникновения отдельных событий или явлений, а также своевременной оценке при появлении отклонений или иных недостатков хозяйствования.

Главными признаками, которые выделяют ОК среди других видов контроля являются:

- сроки осуществления – осуществляется в процессе каждой хозяйственной операции в самые короткие сроки;
- сфера объектов – это объекты, которые имеют значение для пользователей в процессе ежедневного управления;
- временные интервалы осуществления.

Результаты исследования ПП свидетельствуют о том, что на многих из них:

- отсутствуют стандарты, положения, должностные инструкции, регламентирующие порядок ведения внутреннего (оперативного) контроля;
- не существует внутренних нормативных документов, обязывающих работников различных отделов и служб осуществлять контроль;
- функция ОК недостаточно взаимодействует с другими функциями управления. Это приводит к несистемному ведению контроля, что не способствует выявлению отклонений от норм, нормативов во всех сферах деятельности, а также к недостаточному осуществлению функций оперативного регулирования, анализа и планирования, которые должны влиять на отклонения в предварительном, текущем и последующем режимах;
- не установлена связь контроля со временем осуществления хозяйственных операций;
- не существует отдельного отдела, должности, которые занимаются осуществлением только ОК [9].

Результаты исследования ПП также свидетельствуют о том, что на многих из них отсутствует регламентное обеспечение ОК, что приводит к следующим недостаткам в их работе:

- работники производственных подразделений и административный персонал недостаточно проинформированы о том, что они ежедневно должны проводить контрольные работы;
- должностные лица, наделенные контрольными функциями, неответственно относятся к своим служебным обязанностям;

– отсутствуют каналы передачи оперативной информации с использованием новейших цифровых технологий от подразделений, где непосредственно происходят производственные процессы, в центры реагирования;

– недостаточное информационное обеспечение ОК на основе современных цифровых технологий приводит к тому, что владельцы не получают необходимую информацию каждый день [10].

Все эти недостатки указывают на то, что руководство ПП должно принять меры по обеспечению эффективного функционирования ОК. Поэтому считаем целесообразным разработать «Положение об организации оперативного контроля на промышленном предприятии» для налаживания постоянной контрольной работы, что позволит избавиться от многих недостатков контрольного процесса.

В нем необходимо обязательно определить:

1. Общие положения по организации ОК: основные нормативные акты и методические рекомендации; цели и задачи ОК; перечень субъектов ОК; лиц, отвечающих за организацию ОК в отдельных подразделениях и в целом по предприятию.

2. Организационно-методические аспекты ОК: определить требования к организации ОК; раскрыть аспекты осуществления его процедур.

3. Информационное обеспечение ОК: предоставляется информация о показателях, характеризующих состояние подконтрольного объекта, которые используются субъектами ОК во время его осуществления.

4. Технические аспекты ОК: перечень устройств и средств передачи оперативной информации и использования ее центрами реагирования.

5. Заключительная часть: указываются лица, которые согласовывали содержание документа и удостоверили его своими подписями, а также перечень работников предприятия, которые должны придерживаться его положений.

Эффективное функционирование СОК находится в прямой зависимости от методических приемов, применяемых субъектами для его осуществления в зависимости от объектов контроля. Проанализировав использование методических приемов ОК на ПП, предлагаем выделить этапы их применения в отношении таких объектов, как хозяйственные процессы приобретения необоротных и оборотных активов, производства и реализации готовой продукции, что предусматривает осуществление ОК в таких формах, как предварительный, текущий и последующий (табл. 1).

Таблица 1

Этапы применения методов ОК на ПП

Этапы применения	Формы контроля		
	Предварительный	Текущий	Последующий
1 этап	К. договоров поставки	К. оприходования средств труда и материально-сырьевых ресурсов	К. договорных обязательств
Методы документального (арифметическая/аналитическая проверка, формальная проверка) и фактического (обследование, лабораторный анализ, логическое исследование операций) контроля			
2 этап	К. подготовки материально-сырьевых ресурсов и производства	К. процесса производства	К. готовой продукции
Методы документального (арифметическая/аналитическая проверка, встречная проверка, сравнение количественного и суммарного учета) и фактического (осмотр и обследование, лабораторный анализ, логическое исследование операций, контрольный запуск сырья и материалов, хронометраж рабочего времени, контрольная приемка готовой продукции по количеству и качеству) контроля			
3 этап	К. договоров реализации	К. отгрузки готовой продукции	К. договорных обязательств
Методы документального (арифметическая/аналитическая проверка, формальная и проверка, сравнение количественного и суммарного учета) и фактического (осмотр и обследование, лабораторный анализ, логическое исследование операций, хронометраж рабочего времени, контрольные отгрузки) контроля			

Составлено автором.

На первом этапе ОК процесса приобретения необоротных и оборотных активов предусматривает контроль:

– договоров поставки (предварительный контроль обеспечивает формирование выгодных условий договора поставки, соответствие действующим нормам законодательства, получение данных о качестве сырья и материалов, поступающих согласно договору);

– оприходования средств труда и материально-сырьевых ресурсов (текущий контроль обеспечивает проверку соответствия оприходования материально-сырьевых ресурсов условиям договора, соответствие нормативно-правовым актам, соответствие количества и качества материально-сырьевых ресурсов);

– договорных обязательств (последующий контроль обеспечивает проверку полноты, правильности и своевременности проведения расчетов

за материально-сырьевые ресурсы, соблюдение выполнения планов поставки, соответствие отражения хозяйственных операций в учете и отчетности).

На втором этапе ОК процесса производства готовой продукции предусматривает контроль:

– подготовки сырья и материалов и производства (предварительный контроль обеспечивает проверку подготовки производственных мощностей, их соответствие установленным нормам, правильность производственных программ, действенность норм списания товарно-материальных ценностей и норм производства готовых изделий);

– процесса производства (текущий контроль обеспечивает проверку качества материально-сырьевых ресурсов, предотвращения сбоев в производстве, соблюдение программ производства, норм списания товарно-материальных ценностей и изготовления готовой продукции);

– готовой продукции (последующий контроль устанавливает точность отражения затрат на счетах бухгалтерского учета, проверяет качество готовой продукции и определяет последовательность правильного отражения незавершенного производства).

Литература:

1. *Лаута Ю.С.* Создание системы контроллинга на промышленном предприятии / Ю.С. Лаута, Б.И. Герасимов. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2005. 96 с.
2. *Пономарева Е.В.* Контроллинг на предприятии : учебное пособие. СПб. : Издательство СПУУиЭ, 2012. 188 с.
3. *Нагуманова Р.В.* Контроллинг как современный метод управления субъектами различных сфер деятельности / Р.В. Нагуманова, А.И. Сабирова. Казань : Изд-во КГУ, 2016. 82 с.
4. *Боков С.И.* Роль контроллинга в организации управления качеством и техническим контролем : монография. М. : МАКС Пресс, 2013. 180 с.
5. *Радионон Р.А.* Оперативный контроль на предприятии за организацией процесса производства и издержками при его осуществлении // Экономический анализ: теория и практика. 2006. № 19(76). С. 29–39.
6. *Радионон Р.А.* Анализ методов оперативного контроля на предприятии за фактическим состоянием запасов // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 11(116). С. 47–56.
7. *Ананькина Е.А.* Контроллинг как инструмент управления предприятием / Е.А. Ананькина, С.В. Данилочкин, Н.Г. Данилочкина. М. : Аудит, Юнити, 2005. 279 с.
8. Internal Control-Integrated Framework. Framework and Appendices. September 2012. URL : <https://ce.jalisco.gob.mx/sites/ce.jalisco.gob>.

На третьем этапе ОК процесса реализации готовой продукции включает контроль:

– реализации договоров (предварительный контроль обеспечивает проверку условий договора, его соответствие нормативно-правовым актам, правильности установления сроков и объемов отгрузки);

– отгрузки готовой продукции (текущий контроль устанавливает соответствие готовой продукции условиям договора, нормам, проверяет количество и качество отгруженной готовой продукции);

– договорных обязательств (последующий контроль обеспечивает полноту, правильность и своевременность расчетов, соблюдение планов отгрузки).

Таким образом, для реализации управленческих задач, успешной разработки планов и прогнозов необходимо на ПП организовать эффективную СОК, которая позволит решать сложные задачи, связанные с управлением предприятием. Сравнивая фактические результаты с запланированными, руководство ПП имеет возможность своевременно корректировать возникающие проблемы, что позволит предотвратить негативные воздействия на хозяйственную деятельность ПП.

Literature:

1. *Lauta Yu.S.* Creating a controlling system in an industrial enterprise / Yu.S. Lauta, B.I. Gerasimov. Tambov : Publishing House of TSTU, 2005.96 p.
2. *Ponomareva E.V.* Controlling at the enterprise : training manual. SPb. : Publishing house SPUUE & 2012. 188 p.
3. *Nagumanova R.V.* Controlling as a modern method of managing subjects of various fields of activity / R.V. Nagumanova, A.I. Sabirova. Kazan : KSU Publishing House, 2016. 82 p.
4. *Bokov S.I.* The role of controlling in the organization of quality management and technical control : monograph. M. : MAX Press, 2013. 180 p.
5. *Radionov R.A.* Operational control at the enterprise over the organization of the production process and costs during its implementation // Economic analysis: theory and practice. 2006. № 19 (76). P. 29–39.
6. *Radionov R.A.* Analysis of operational control methods at the enterprise for the actual state of stocks // Economic analysis: theory and practice. 2008. № 11(116). P. 47–56.
7. *Anankina E.A.* Controlling as an instrument of enterprise management / E.A. Anankina, S.V. Danilochkin, N.G. Danilochkina. M. : Audit, Unity, 2005. 279 p.
8. Internal Control-Integrated Framework. Framework and Appendices. September 2012. URL : <https://ce.jalisco.gob.mx/sites/ce.jalisco.gob>.

mx/files/coso_mejoras_al_control_interno.pdf

9. *Задорнов К.С.* Развитие методических подходов к формированию системы контроллинга на промышленных предприятиях : дис. ... на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. М., 2016. 137 с.

10. *Клюкин И.Н.* Информационное обеспечение систем управления экономическим поведением промышленного предприятия // Информационные технологии моделирования и управления. 2019. Т. 115. № 1. С. 67–72.

mx/files/coso_mejoras_al_control_interno.pdf

9. *Zadornov K.S.* Development of methodological approaches to the formation of a controlling system in industrial enterprises : dis. ... for a job. student step. cand. econ. sciences. M., 2016. 137 p.

10. *Klyukin I.N.* Information support of management systems for the economic behavior of an industrial enterprise // Information Technologies for Modeling and Management. 2019. Vol. 115. № 1. P. 67–72.

Корневский Всеволод Валерьевич

кандидат технических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
транспортных сооружений,
Кубанский государственный
технологический университет
kts_kubstu@mail.ru

Кнышов Алексей Анатольевич

кандидат технических наук,
доцент кафедры
транспортных сооружений,
Кубанский государственный
технологический университет
kts_kubstu@mail.ru

Мордик Екатерина Александровна

ассистент кафедры
начертательной геометрии и графики,
Тюменский индустриальный университет
erika_2006@list.ru

**ОПТИМИЗАЦИЯ МЕТОДОВ
ДИАГНОСТИКИ И ОЦЕНКИ
ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ
АВТОМОБИЛЬНЫХ ДОРОГ**

■ ■ ■

Аннотация. Диагностика автомобильных дорог позволяет численно охарактеризовать состояние конструктивных элементов сооружения, оценить сохранность, долговечность и остаточную надежность автомобильных дорог, рекомендовать перечень ремонтных мероприятий и в итоге обеспечить удобство и безопасность движения. Достаточно большой перечень исследовательского оборудования, тем более, универсального, приводит к ситуации, когда несколькими приборами можно обследовать один и тот же параметр. Окончательный выбор того или иного оборудования зависит от нескольких факторов: универсальности прибора, требуемой точности, производительности и стоимости использования прибора. Переменный комплекс параметров дороги, нуждающихся в обследованиях, различный объем исследований и цели диагностики определяют необходимость выбора оптимального перечня оборудования, от чего и зависит себестоимость выполнения работ и соответственно конкурентоспособность услуги.

Ключевые слова: оптимизация затрат, автомобильная дорога, диагностика, комплексная передвижная дорожная лаборатория.

■ ■ ■

Vsevolod V. Korenevsky

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Manager of Department
of Transport Constructions,
Kuban State Technological University
kts_kubstu@mail.ru

Alexey A. Knyshev

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Transport Constructions,
Kuban State Technological University
kts_kubstu@mail.ru

Ekaterina A. Mordik

Assistant of Department
of Descriptive Geometry and Graphics,
Tyumen Industrial University
erika_2006@list.ru

**OPTIMIZATION OF METHODS
OF DIAGNOSTICS AND
ASSESSMENT OF TECHNICAL
CONDITION OF HIGHWAYS**

■ ■ ■

Annotation. Diagnostics of highways allows characterizing condition of structural elements of construction in number, to estimate safety, durability and residual reliability of highways, to recommend the list of repair actions and as a result to provide convenience and traffic safety. Rather big list of the research equipment, especially multiple-purpose, leads to situation when several devices it is possible to survey the same parameter. The final choice of this or that equipment depends on several factors: the universality of the device demanded accuracy, productivity and the cost of use of the device. The variable complex of the parameters of the road needing inspections the different volume of researches and the purpose of diagnostics predetermine need of the choice of the optimum equipment list what cost value of performance of work and respectively competitiveness of service depends on.

Keywords: optimization of expenses, highway, diagnostics, complex mobile road laboratory.

■ ■ ■

Основными документами, устанавливающими общие требования и порядок выполнения работ по диагностике автомобильных дорог, являются:

– ГОСТ 33388-2015 «Автомобильные дороги общего пользования. Требования к проведению диагностики и паспортизации» [1];

– ОДМ 218.4.039-2018 «Рекомендации по диагностике и оценке технического состояния автомобильных дорог» [2].

Целью диагностики автомобильных дорог является своевременное получение полной, объективной и достоверной информации о транспортно-эксплуатационном состоянии дорог и изменении условий их работы. На основе полученных сведений выполняется оценка технического состояния автомобильных дорог на соответствие нормативным требованиям документов технического регулирования в сфере дорожного хозяйства.

В зависимости от условий выполнения работ, периодичности и перечня исследований различают следующие виды диагностики: полную, приемочную, плановую и специализированную.

Для всех видов диагностики в перечне основных сведений выделяют характеристики дорожной одежды и покрытия, а именно: прочность дорожной одежды, продольную ровность покрытия и коэффициент сцепления колеса автомобиля с покрытием. Кроме того, для приемочной диагностики предусматривают необходимость определения геометрических параметров плана трассы, продольного и поперечного профилей.

При изучении основных характеристик покрытия и дорожной одежды максимальная эффективность достигается при использовании комплексной передвижной дорожной лаборатории КП-514 СМП «Трасса» с соответствующим оборудованием:

– прицепной системой измерения прочности дорожных одежд методом динамического нагружения «Дина-4» (рис. 1);

– навесным измерительным комплексом определения продольной ровности по международному индексу IRI;

– прицепной установкой для контроля ровности и сцепления ПКРС-2.

Рисунок 1 – Передвижная дорожная лаборатория «Трасса» с устройством динамического нагружения «Дина-4» при измерении прочности дорожной одежды

Устройство динамического нагружения «Дина-4» позволяет:

- выбрать моделируемую нагрузку (А1, А2, А3);
- изучить чашу прогиба.

Обработку результатов определения фактических прогибов проводят в соответствии с методами математической статистики, а именно определяют фактический модуль упругости характерного участка с требуемым уровнем надежно-

сти (рис. 2). Кроме того, используя измерения на контрольной точке при разных температурах покрытия, приводят значения фактического модуля упругости к расчетной температуре для соответствующей дорожно-климатической зоны [3, 4, 5].

Кроме нормируемой обработки величин фактических прогибов дорожной одежды, изучение кривой чаши прогиба позволяет косвенно оценить сцепление между слоями покрытия [6].

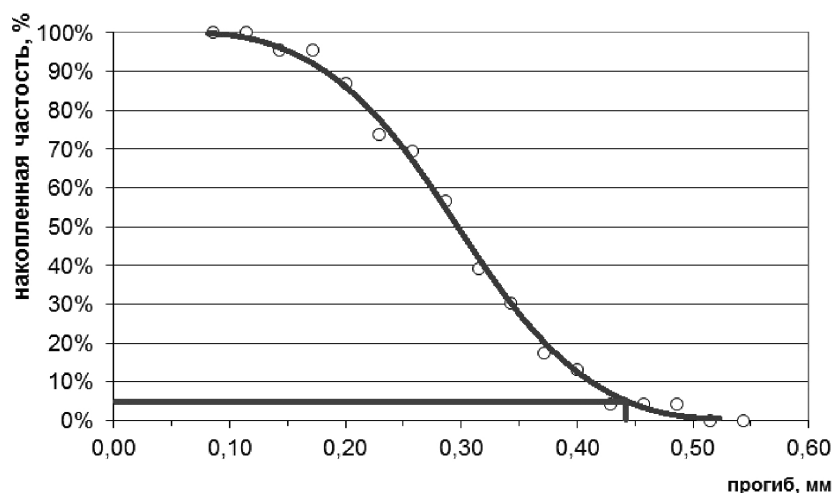

Рисунок 2 – Определение фактического прогиба дорожной одежды для характерного участка с коэффициентом надежности 0,95

При небольших объемах работ и необходимости определения только фактической прочности покрытия, экономически нецелесообразно задействовать комплексную лабораторию, а использовать рычажный прогибомер МАДИ-ЦНИЛ.

Оценка продольной ровности осуществляется с использованием профилометра, установленного на передвижной дорожной лаборатории «Трасса». Профилометр позволяет определять ординаты микропрофиля дорожной поверхности с требуемой точностью. В результате автоматической обработки данных о микропрофиле можно получить:

- значения амплитудной ровности;
- результаты измерений просветов под 3-х метровой рейкой;
- значения международного показателя ровности (IRI) [7, 8];
- значения показателя ровности R (применяется для оценки ровности аэродромных покрытий).

Профилометр, являясь универсальным прибором, позволяет заменить собой нивелир, используемый при определении амплитудной ровности; 3-х метровую дорожную рейку «Кондор», используемую для измерения просветов. Однако рейка «Кондор» позволяет определять ещё и уклоны, что делает её более оптимальной в использовании при выборочном контроле для небольших по протяженности участков дороги.

Таким образом, использование передвижной лаборатории с профилометром и специализированным программным обеспечением позволяет с высокой производительностью оценивать продольную ровность основными регламентированными технической документацией способами при больших объемах работ.

Измерения сцепных свойств дорожных покрытий осуществляется с использованием прицепной установки ПКРС-2У [8, 9]. Количество измерений от 2 до 4 на 1000 м. Сцепные качества покрытия

оцениваются коэффициентом продольного сцепления, измеренным на увлажненном покрытии при расчетной температуре воздуха 20 °С. Увлажнение дорожного покрытия, осуществляется с помощью автономной системы искусственного увлажнения, смонтированной на автомобильном тягаче (передвижной лаборатории).

Альтернативный нормируемый способ определения коэффициента сцепления – использование портативного прибора ИКСп-2М. Недостатком прибора можно считать его громоздкость и необходимость переносить с собой воду для увлажнения покрытия в зоне измерений. То есть возросшие трудозатраты и низкая производительность при работе с ИКСп-2М равноценно компенсируются использованием дорогостоящего ПКРС.

Кроме того, комплексная передвижная дорожная лаборатория КП-514 СМП оборудована системой гироскопов и акселерометров, позволяющих осуществлять контроль параметров плана, продольного и поперечного профилей дороги. Опыт использования данной системы «Геометрия» [10] свидетельствует о её низкой точности. Для восстановления параметров существующей дороги данной системы вполне достаточно, однако, для оценки выполнения проектных решений при сдаче сооружения в эксплуатацию, необходимо использовать геодезическое оборудование. То есть, в данном случае, требуемая точность определяет вид используемого оборудования.

Таким образом, современная универсальная комплексная передвижная дорожная лаборатория КП-514 СМП, характеризующаяся большой первоначальной стоимостью и высокой стоимостью использования, позволяет с высокой производительностью и нормируемой точностью выполнять традиционный набор исследований показателей автомобильной дороги, кроме работы модуля «Геометрия». Узко специализированное оборудование, как правило, экономически более целесообразно применять при небольших объемах исследований и исследованиях требующих особую точность (определение геометрических параметров автомобильной дороги).

Литература:

1. ГОСТ 33388-2015 Автомобильные дороги общего пользования. Требования к проведению диагностики и паспортизации. Стандартинформ. М., 2016.
2. ОДМ 218.4.039-2018 Рекомендации по диагностике и оценке технического состояния автомобильных дорог. Федеральное дорожное агентство (Росавтодор). М., 2018.
3. *Кореневский В.В.* Исследование прочности дорожной одежды по объекту: «Ремонт автомобильной дороги Р-217 «Кавказ» Автомобильная дорога М-4 «Дон» Владикавказ – Грозный – Махачкала – граница с Азербайджанской Республикой. Подъезд к г. Майкоп км 60+000 – км 69+200, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.48-16. Краснодар, 2016.
4. *Кореневский В.В.* Исследование прочности дорожной одежды по объекту: «Капитальный ремонт автомобильной дороги Р-217 «Кавказ» Автомобильная дорога М-4 «Дон» – Владикавказ – Грозный – Махачкала – граница с Азербайджанской Республикой. Подъезд к г. Майкоп км 0+000 – км 20+000, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.53-17. Краснодар, 2017.
5. *Кореневский В.В.* Диагностика дорожной одежды проезжей части и разворотной площадки на территории АО «Краснодарский хлебозавод № 6». Отчет о НИР № 3.36.05.90-18. Краснодар, 2018.
6. *Кореневский В.В.* Оптимизация исследовательских процедур при определении прочностного состояния дорожной одежды / В.В. Кореневский, А.А. Кнышов, А.И. Гончар // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 171–174.
7. *Кореневский В.В.* Исследование продольной ровности по объекту: «Капитальный ремонт автомобильной дороги А-160 Майкоп – Усть-Лабинск – Кореновск км 122+700 – км 132+854, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.84-18. Краснодар, 2018
8. *Кореневский В.В.* Исследование продольной ровности по международному показателю IRI и сцепления по объекту: «Капитальный ремонт автомобильной дороги А-160 Майкоп-Усть-Лабинск-Кореновск км 122+700 – км 132+854, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.87-18. Краснодар, 2018
9. *Кореневский В.В.* Исследование продольной ровности и сцепления по объекту: «Капитальный ремонт автомобильной дороги А-160 км 88+842 – 100+000, участок ПК 0+00 – ПК 75+00, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.85-18. Краснодар, 2018
10. *Кореневский В.В.* Выполнение работ по проведению приемочной диагностики автомобиль-

Literature:

1. GOST 33388-2015 Public highways. Requirements to performing diagnostics and certification. Standartinform. M., 2016.
2. ODM 218.4.039-2018 Recommendations for the diagnosis and assessment of the technical condition of roads. Federal Road Agency (Rosavtodor). M., 2018.
3. *Korenevsky V.V.* The study of the strength of the pavement on the object: «Repair of Highway R-217 «Kavkaz» highway M-4 «Don» – Vladikavkaz – Grozny – Makhachkala – border with Azerbaijan Republic. Entrance to the city of Maykop km 60,000 – km 69,200, Krasnodar Territory». Research Report 3.36.05.48-16. Krasnodar, 2016.
4. *Korenevsky V.V.* The study of the strength of the pavement on the object: «Overhaul of the R-217 «Kavkaz» highway M-4 «Don» – Vladikavkaz – Grozny – Makhachkala – border with Azerbaijan Republic. Entrance to the city of Maykop km 0,000 – km 20,000, Krasnodar Territory». Research Report 3.36.05.53-17. Krasnodar, 2017
5. *Korenevsky V.V.* Diagnostics of the pavement of the carriageway and the development site on the territory of «Krasnodar Bakery № 6». Research Report 3.36.05.90-2018. Krasnodar, 2018.
6. *Korenevsky V.V.* Optimization of research procedures in determining the strength state of the pavement / V.V. Korenevsky, A.A. Knyshev, A.I. Gonchar // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2018. № 11. P. 171–174.
7. *Korenevsky V.V.* The study of longitudinal evenness on the object: «Overhaul of the A-160 highway Maykop – Ust-Labinsk – Korenovsk km 122+700 – km 132+854, Krasnodar Territory». Research Report 3.36.05.84-18. Krasnodar, 2018.
8. *Korenevsky V.V.* The study of longitudinal evenness on the international indicator of IRI and clutching on the object: «Overhaul of the A-160 highway Maykop – Ust-Labinsk – Korenovsk km 122+700 – km 132+854, Krasnodar Territory». Research Report 3.36.05.87-18. Krasnodar, 2018.
9. *Korenevsky V.V.* The study of longitudinal evenness and clutching on the object: «Overhaul of the A-160 highway km 88+842 – 100+000, on the section PC 0+00 – PC 75+00, Krasnodar Territory». Research Report 3.36.05.85-18. Krasnodar, 2018.
10. *Korenevsky V.V.* Performance of work on carrying out acceptance preliminary treatment of

ной дороги и обследованию мостовых сооружений до приемки в эксплуатацию объекта: «Реконструкция участков автомобильной дороги Новороссийск-Керченский пролив (на Симферополь). Строительство транспортной развязки на км 73 автомобильной дороги А-290 Новороссийск-Керченский пролив-граница с Украиной, Краснодарский край». Отчет о НИР № 3.36.05.94-18. Краснодар, 2018.

the highway and inspection of bridge constructions before acceptance for operation of object: «Reconstruction of sections of the highway Novorossiysk-Kerch Strait (to Simferopol). Construction of a transport interchange on km 73 of the A-290 highway Novorossiysk-Kerch Strait-border with Ukraine, Krasnodar Territory». Research Report № 3.36.05.94-18. Krasnodar, 2018.

Сомов Евгений Николаевич
кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
e.somov@mail.ru

Брусиловский Денис Александрович
кандидат философских наук,
доцент кафедры ЮНЕСКО
по изучению мировой культуры и религий,
Кыргызско-Российский
Славянский университет
denis6605@mail.ru

Абдылдаева Айкумуш Бакытбековна
аспирант кафедры
экономической теории,
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова
aikumush8@gmail.com

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ПЕРЕРАБОТКИ И РЫНКОВ СБЫТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

■ ■ ■

Аннотация. В предлагаемой статье рассмотрены вопросы состояния и дальнейшего развития отраслей переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции, приведена структура отраслей перерабатывающей промышленности, результаты работы предприятий отрасли, использование производственных мощностей. Исследованы направления развития рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, аграрной науки и консультационных услуг, развития вспомогательных услуг и служб в сельском хозяйстве. Показаны достижения научно-исследовательских институтов сельскохозяйственной направленности Кыргызской Республики. Авторы дают сравнение индексов объема сельскохозяйственной продукции и индексов цен производителей сельскохозяйственной продукции, показывают динамику структуры сырьевых зон в Кыргызстане. В статье выявляются общегосударственные и отраслевые стратегические документы.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, аграрный сектор, аграрная наука, материально-техническая база, перерабатывающая промышленность, производственные мощности, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, рынки сбыта, консультационные услуги.

■ ■ ■

Evgene N. Somov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Management,
Kyrgyz-Russian Slavonic University
e.somov@mail.ru

Denis A. Brusilovsky
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of UNESCO
for the Study of World Culture and Religions,
Kyrgyz-Russian Slavonic University
denis6605@mail.ru

Aikumush B. Abdyldayeva
Graduate student of the Department
of Economic Theory,
Pleanov Russian Economic University
aikumush8@gmail.com

THE SPECIFICS OF THE DEVELOPMENT OF PROCESSING INDUSTRIES AND MARKETS FOR AGRICULTURAL PRODUCTS IN THE KYRGYZ REPUBLIC

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the state and further development of the processing and marketing of agricultural products, the structure of the processing industry, the results of the industry, the use of production capacity. The directions of development of markets for agricultural products, agricultural science and consulting services, the development of support services in agriculture. Achievements of research institutes of agricultural orientation of the Kyrgyz Republic are shown. The authors compare indices of agricultural production volume and price indices of agricultural producers, show the dynamics of the structure of raw material zones in Kyrgyzstan. The article identifies national and sectoral strategic documents.

Keywords: agro-industrial complex, agricultural sector, agricultural science, material and technical base, processing industry, production facilities, agriculture, agricultural products, markets, consulting services.

■ ■ ■

После многолетнего спада в перерабатывающих отраслях наметилась тенденция к стабилизации и дальнейшему росту производства продукции. При этом в общем её объеме значительно возрастает доля продукции, выпускаемая мини-заводами и мини-цехами. Число таких мини-предприятий на данный период составляет более 5 тысяч. В крупных предприятиях пищевой и перерабатывающей промышленности в настоящее время проводится реструктуризация и реконструкция их производства. За истекший период времени произведено пищевой продукции, включая напитки и табак, на сумму

9186,2 млн сомов, темп роста к соответствующему периоду прошлого года составил – 108,7 %. Положительные темпы производства пищевой продукции обеспечены в большинстве отраслей пищевой промышленности.

Сахарная отрасль – предприятия отрасли обеспечили рост объемов производства сахара по сравнению с прошлым годом на 166,8 %. Всего произведено 50,9 тыс. тонн сахара на 905 млн сомов, что стало возможным в результате принятых мер по повышению заинтересованности в производстве сахарной свеклы и создании благоприятных условий для его переработки.

Таблица 1

Импорт сахара белого и сырца в Кыргызскую Республику

	2012		2013		2014		2015		2016	
	тыс. т	млн долл.	тыс. т.	млн долл.	тыс. т.	млн долл.	тыс. т.	млн долл.	тыс. т.	млн долл.
всего	35,0	33,3	44,6	34,4	62,2	43,3	58,4	32,7	44,4	23,7
бел.сахар	34,9	33,2	44,6	34,4	40,1	27,9	50,0	27,8	12,4	7,0
сах.-сырец	0,1	0,1	0,0	0,0	22,1	15,4	8,4	4,9	32,0	16,7

Таблица 2

Экспорт сахара белого из Кыргызской Республики

	2012		2013		2014		2015		2016	
	тыс.т.	млн долл.	тыс.т.	млн долл.	тыс.т.	млн долл.	тыс.т.	млн долл.	тыс.т.	млн долл.
всего	0,0	0,002	0,0	0,01	–	–	–	–	–	–

Таблица 3

Динамика производства сахара в Кыргызской Республике, тыс. тонн (по данным НСК КР [9, 10, 11, 12, 13])

	2012	2013	2014	2015	2016	2016 к 2015, %	2016 к 2012, %
всего	13,2	25,2	20,1	24,0	65,0	270,8	491,3
в т. ч., из сах. свеклы	13,2	25,2	20,1	24,0	38,7	161,3	292,5
из сахара-сырца	0,0	0,0	0,0	0,0	26,3	–	–

Таблица 4

Прогноз уровня обеспеченности сахаром собственного производства в Кыргызской Республике, %

	2017	2018
Кыргызстан	71,5 %	76,2 %
с учетом взаимных поставок	84,9 %	90,6 %

Ликероводочная отрасль – предприятиями отрасли произведено 2390,5 тыс. дал. водочной продукции, темп роста объемов производства водки к соответствующему периоду прошлого года составил 32,0 %. Ограниченность оборотного капитала является сдерживающим фактором, не позволяет предприятиям своевременно производить взаиморасчеты с бюджетом и кредиторами, а также осуществлять закупку сырья и материалов в необходимых объемах для производства водочной продукции согласно принятых прогнозных показателей.

В производстве молочной продукции по сравнению с соответствующим периодом прошлого года достигнуты значительные успехи. На 24,6 % возросло производство сыров, мороженого – на 74,5 %, на 32,9 % увеличилось производство переработанного молока.

Положительные темпы производства также обеспечили предприятия спиртовой отрасли 163,3 %, кондитерской 119,3 %, молочной 124,9 %, масло-жировой 102,1 %. При этом допущено падение объемов производства пива, курительных изделий, мяса и мясопродуктов, ферментированного табака.

Уровень обеспеченности молоком собственного производства в Кыргызской Республике, %

2016 (отчет)	2017 (оценка)	2018 (прогноз)	2019 (прогноз)
102,1 %	105,7 %	106,0 %	105,1 %

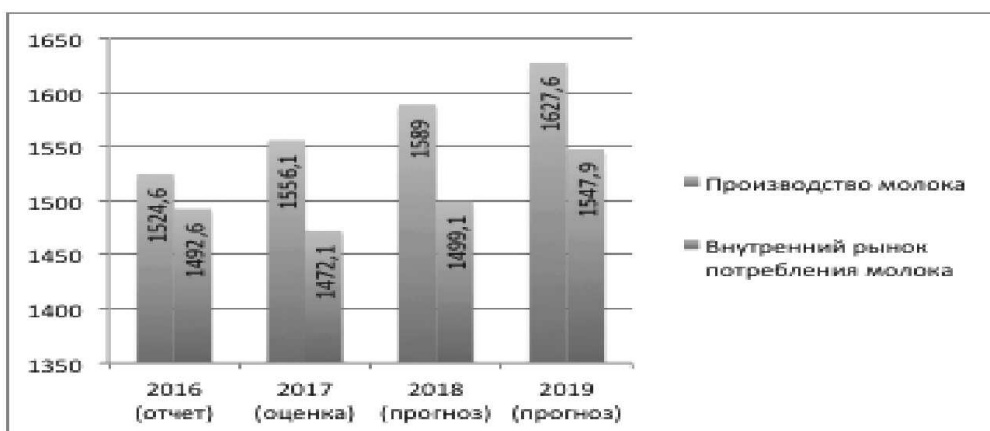

Рисунок 1 – Производство молока и внутренний рынок потребления молока и молокопродуктов в Кыргызской Республике, тыс. тонн

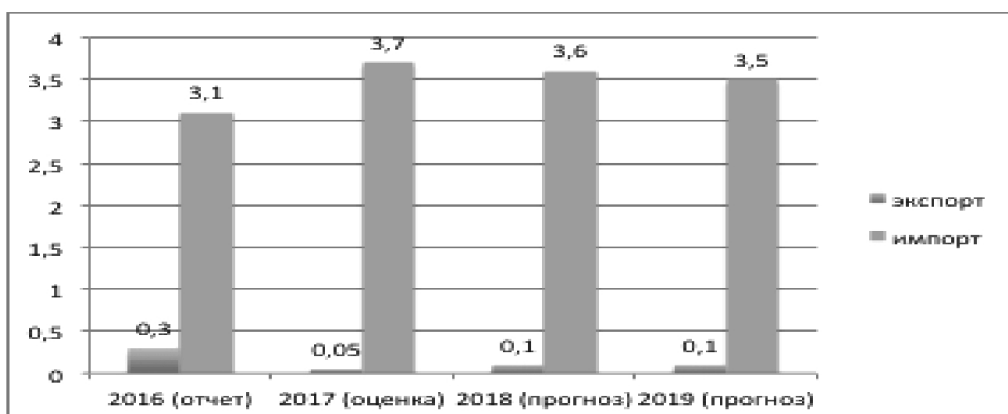

Рисунок 2 – Экспорт и импорт молока и молокопродуктов Кыргызской Республики, тыс. тонн

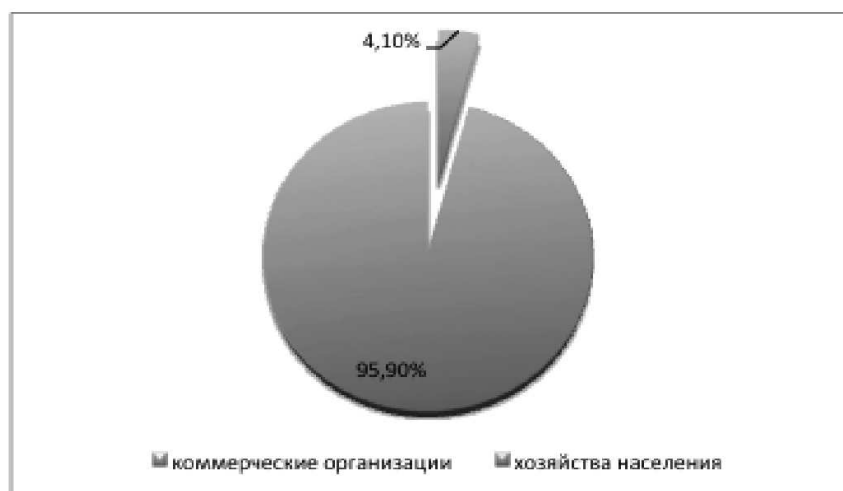

Рисунок 3 – Структура производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств в 2017 году, в процентах к итогу, в текущих ценах (по данным ЕЭК)

Одной из важнейших мер, способствующих развитию переработки сельскохозяйственной продукции, стало расширение доступа перерабатывающих предприятий к кредитным ресурсам финансовых институтов страны. Правительство Кыргызской Республики субсидирует расходы коммерческих банков и специализированных финансово-кредитных учреждений из средств республиканского бюджета на 2017–2019 годы за размещение кредитов по льготным процентным ставкам: для отрасли «растениеводство» – 10 % годовых, сроком не более 24 месяцев. Предоставляется также льготный период, который предусматривает полное освобождение от уплаты взносов по основной сумме задолженности до 6 месяцев (по данным Евразийской экономической комиссии). За последние годы в республике

создано 1380 новых предприятий, в том числе по производству безалкогольных напитков – 16, хлеба – 123, муки – 443, растительного масла и майонеза – 183, колбас и мясной продукции – 23, макаронных изделий – 37, кондитерских изделий – 122 и т.д. Кроме того, за этот период 45 ранее простаивающих предприятий пищевой промышленности вновь введены в эксплуатацию.

Вместе с тем уровень использования производственных мощностей на крупных предприятиях все еще остается незначительным и не превышает 20 %. Это говорит о том, что большая часть продукции остается не переработанной и реализуется сырьем. См. ниже: таблица 6. Наличие основных видов сельскохозяйственной техники в Кыргызской Республике, тыс. шт. (по данным ЕЭК).

Таблица 6

Наличие основных видов сельскохозяйственной техники в Кыргызской Республике, тыс. шт. (по данным ЕЭК)

2012	2013	2014	2015	2015 г. к 2012 г., %
Тракторы				
26,6	27,0	27,4	27,4	103,3
Сеялки тракторные				
2,7	2,5	2,3	2,2	84,3
Культиваторы тракторные				
2,2	2,4	2,6	2,8	128,7
Плуги тракторные				
7,3	7,6	7,8	8,0	110,1

Основными задачами развития переработки сельхозпродукции являются: обеспечение дальнейшего устойчивого роста производства, техническое перевооружение предприятий, их переориентация на производство конкурентоспособной на отечественном рынке качественной продукции и наращивание экспортного потенциала. Наибольший рост производства ожидается в сахарной, табачной, крахмалопаточной, плодово-овощной, мясной отраслях, которые можно отнести к приоритетным направлениям развития перерабатывающей промышленности. Реконструкцию и техническое перевооружение предприятий перерабатывающих отраслей намечается обеспечить за счёт привлечения инвестиций и создания совместных предприятий.

Обратимся к развитию рынков сбыта сельскохозяйственной продукции. Одним из основных факторов, оказывающих огромное влияние на рост производства продукции – это надежный, гарантированный рынок сбыта, обеспеченный краткосрочными или долгосрочными договорами между сельскими товаропроизводителями и потребителями. С вступлением республики во Всемирную Торговую Организацию появились широкие возможности для торговли продукцией сельского хозяйства со странами дальнего и ближнего зарубежья. Как известно достижение прогресса в любой отрасли производства, в т.ч. сельскохозяйственной, невозможно без науки. Так, кыргызстанским НИИ земледелия были созданы и внедрены в производство высокоурожайные сорта озимой пшеницы – «Достук», «Тилек», «Адыр» с потенциальной урожайностью до 90 ц/га, устойчивые к болезням и стрессовым факторам среды, с высоким качеством зерна.

Переданы на Государственное сортоиспытание 3 сорта пшеницы для возделывания в орошаемых условиях – «Жамин», «Эритроспермум-9945» и «F-474». Проведено Государственное сортоиспытание новый засухоустойчивый сорт озимой пшеницы «Кайрак» для возделывания в богарных условиях. Созданы и внедрены в производство высокоурожайные сорта ячменя «Нутанс – 89» и «Ардак» с потенциальной урожайностью до 80 ц/га, с высокой экологической пластичностью, устойчивостью к полеганию и поражению болезнями. В конкурсном сортоиспытании были выделены 2 новых высокоурожайных сорта озимого ячменя «Гаухар» и «Адель», которые переданы на Государственное сортоиспытание. Созданы и районированы в Кыргызстане и в странах СНГ высокоурожайные простые, двойные и трехлинейные гибриды кукурузы «Ала-Тоо» и «Манас» с потенциальной урожайностью сухого зерна 150–180 ц/га и зеленой массой 800–850 ц/га. Районирован новый сорт хлопчатника – Кыргызский-5, который превышает по урожайности Кыргызский-3 на 3,0 ц/га, виллоустойчивый, с высоким качеством волокна, выход которого составляет 36,0 %. По комплексу хозяйственно-ценных признаков в 2002 году выделены две линии хлопчатника. Одна из них Кыргызский-6 передана на Государственное сортоиспытание. Урожайность данного сорта составляет 35,2 ц/га, выход волокна – 37,0 %. В настоящее время в республике расширяются площади под сахарной свеклой. Они засеваются в основном высокоурожайным гибридом сахарной свеклы кыргызской селекции – Кыргызская одно-семянная – 70, с урожайностью 600–700 ц/га. Разработаны наукоемкие экологически безопасные технологии возделывания основных

сельскохозяйственных культур для всех зон республики, способствующих росту урожайности сельскохозяйственных культур.

Разработаны и рекомендованы севообороты с короткой ротацией для фермерских хозяйств с различной специализацией, обеспечивающие сохранение и улучшение плодородия почвы, получения экологически чистой продукции. Кыргызским НИИ ирригации ведутся исследования по созданию и внедрению перспективных методов, совершенных технологий, технических средств и систем при решении водохозяйственных, мелиоративных, природоохранных и экологических проблемы. Кыргызским НИИ ирригации

разработаны и внедряются в производство следующие научно-технические разработки: Система и гидромеханическое устройство безударного пуска водозаборной скважины и погружного электронасоса в работу для сельскохозяйственного водоснабжения; Система беструбного водоподъема из водозаборной скважины для сельскохозяйственного водоснабжения и водоотведения; Система управления работой дождевальной машины кругового действия «Фрегат» и ее исполнительных механизмов; Гидравлический насос типа «Таран»; Автоматизированная система коммерческого водоучета; Информационно-советующая система «Ресурсы поверхностных и подземных вод Кыргызской Республики».

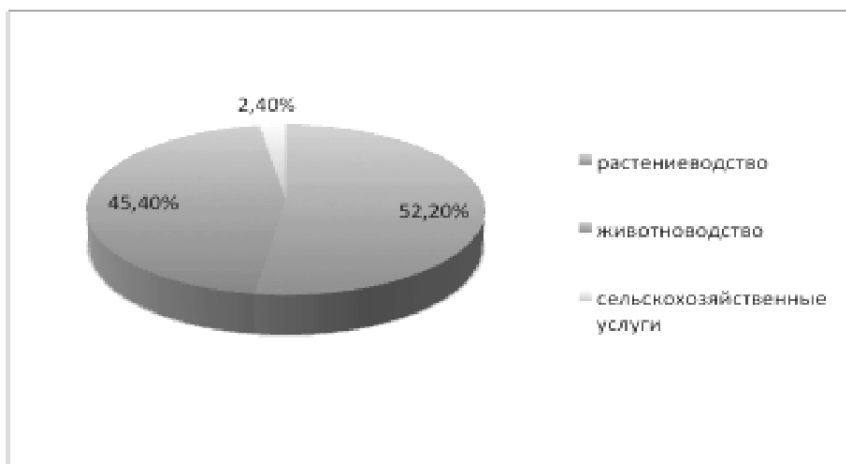

Рисунок 4 – Объем продукции сельского хозяйства по отраслям производства в 2017 году в процентах к итогу

В области животноводства впервые в практике Кыргызстана налажено воспроизводство австралийских мериносов, характеризующихся высокой шерстной продуктивностью. В 3 регионах Кыргызстана – Таласской, Чуйской и Нарынской, созданы племенные стада по их воспроизводству. За период использования австралийских мериносов в Кыргызстане получено более 115 тыс. голов помесных и около 2 тыс. голов чистопородных австралийских животных, с шерстной продуктивностью, превышающей тонкорунных

местных до 0,7 кг. В кооперативном хозяйстве «Айкол» Тонского района получены помесные овцы мясосального направления 4-й генерации по гиссарской породе, которые имеют распространение среди фермеров южного Прииссыккуля. Создан новый высокопродуктивный Чуйский тип черно-пестрого скота, с потенциальным удоем молока 5500–6000 кг за лактацию. Готовятся материалы по апробации новой специализированной молочной породы бурого крупного рогатого скота.

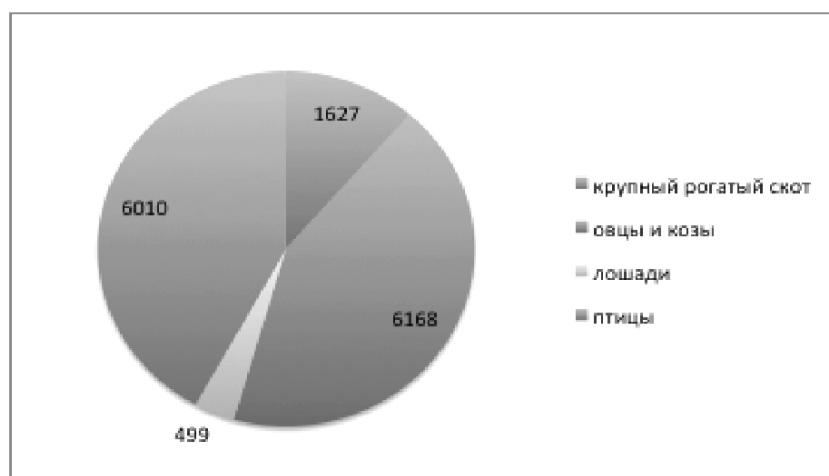

Рисунок 5 – Поголовье скота и птицы в 2019 году (в хозяйствах всех категорий, на начало года, тысяч голов)

В области кормопроизводства созданы 2 перспективных морозостойких сортообразца многолетних трав (эспарцета и ежи сборной) для создания сенокосов в горной зоне до высоты 2,5 тыс. м. над уровнем моря, продолжены исследования по разработке упрощенной схемы севооборотов зеленого конвейера для небольших фермерских хозяйств. В области ветеринарии разработано и выдано производству адьювант-вакцина против бруцеллеза сельскохозяйственных животных (признано изобретением); бивалентная вакцина против колисальмонеллеза молодняка животных, 2 антигельминтика – мезин и празиквантел – (на один получен патент); тканевый препарат для стимуляции и лечения болезней репродуктивных органов и 2 препарата того же направления представлены к апробации. Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 18 июля 2019 года № 354 утверждена Рамочная программа по обеспечению фитосанитарной безопасности в Кыргызстане на 2019–2023 годы. Данным документом утвержден план по реализации Рамочной программы по обеспечению фитосанитарной безопасности в Кыргызской Республике на 2019–2023 годы. В январе-марте 2019 года Министерством сельского хозяйства, пищевой промышленности и мелiorации было инициировано принятие изменений и дополнений в 4 закона, 10 постановлений и 3 распоряжения правительства по основным направлениям развития агропромышленного сектора Кыргызстана. Об этом сообщила пресс-служба ведомства. При этом за обозначенный период Министерством было разработано 11 проектов постановления и 4 распоряжения правительства. В пресс-службе добавили, что в январе-марте 2019 года продолжена работа по реализации 2 общегосударственных и 7 отраслевых стратегических документов, принятых нормативными правовыми актами Жогорку Кенеша и правительства КР, в частности:

1. Общегосударственные стратегические документы: – Концепция региональной политики КР на период 2018-2022 годов, утвержденная постановлением правительства от 31 марта 2017 года № 194; – Программа правительства «Доверие, единство, созидание», утвержденная постановлением Жогорку Кенеша КР от 20 апреля 2018 года № 2377-VI.

2. Отраслевые стратегические документы: – Программа развития пищевой и перерабатывающей промышленности КР на 2017–2021 годы, утвержденная постановлением правительства КР от 30 марта 2017 года № 191; – Концепция развития сельскохозяйственной кооперативной системы в КР на 2017–2021 годы, утвержденная постановлением правительства КР от 21 апреля

Литература:

1. Ажыбекова К.А. Диалог культур и взаимонастройка цивилизаций в условиях мегасоциальной интеграции / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов, Д.Ф. Клименок // Вестник КРСУ. Т. 18. № 1. С. 128–135.

2017 года № 237; – Концепция повышения и сохранения плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения в КР на 2017-2020 годы, утвержденная постановлением правительства КР от 30 июня 2017 года № 414; – Государственная программа развития ирригации КР на 2017–2026 годы», утвержденная постановлением правительства КР от 21 июля 2017 года № 440; – Концепция развития органического сельскохозяйственного производства в КР на 2017–2022 годы», утвержденная постановлением правительства КР от 2 августа 2017 года № 459; – Концепции развития хлопковой отрасли в КР на 2017–2020 годы, утвержденной постановлением правительства КР от 12 июля 2016 года № 384; – Пилотного проекта развития молочной отрасли посредством ветеринарного зонирования территории Иссык-Кульской области, утвержденной распоряжением правительства КР от 20 июня 2016 года № 279-р [15, 19]. В перспективе очень актуально формирование и развитие рынков средств производства, в том числе рынок сельскохозяйственных земель, рынок услуг для крестьян и сельских жителей, создавая необходимую инфраструктуру, особенно по обработке земель, заготовке и сбыту производимой продукции. В этих целях будет продолжено формирование благоприятной правовой среды для товаропроизводителей. Авторы статьи считают, что аграрный сектор – это ведущая отрасль экономики страны и его развитию необходимо уделять достаточное внимание на всех уровнях управления.

Итак, экономический рост аграрной Кыргызской Республики находится в прямой зависимости от развития сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности. В условиях перехода к рыночным отношениям проблема рыночной конкурентоспособности Кыргызстана стала первоочередной на просторах Евразии. Определение перспектив развития и формирования конкурентоспособности перерабатывающей промышленности в Кыргызской Республике напрямую связано с анализом концепции развития импортозамещающих и экспортоориентированных отраслей экономики. Для Кыргызской Республики с учетом наличия сырьевой базы, перспектив развития, достаточно квалифицированной, но в то же время дешевой рабочей силы и других факторов следует развивать импортозамещающие и экспортоориентированные отрасли. В междисциплинарных исследованиях специфика развития отраслей переработки и рынков сбыта сельскохозяйственной продукции в Кыргызской Республике все чаще рассматривается в контексте безопасности, диалога цивилизаций и культур [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 14; 16; 17; 18].

Literature:

1. Ajybekova K.A. Dialogue of cultures and mutual adaptation of civilizations in conditions of mega-social integration / K.A. Ajybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovsky, I.I. Yesipov, D.F. Climenok // Journal of KRSU. T. 18. № 1. P. 128–135.

2. *Ажыбекова К.А.* Соотношение различных уровней организации взаимoadaptации цивилизаций в стратегии их выживания / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский, Н.С. Акматова, А.Н. Смутко // Социально-политические науки. М. : Юр-ВАК, 2019. № 1. С. 141–145.
3. *Брусиловский Д.А.* Философия Чингиза Айтматова как новая сущность межкультурного и межрелигиозного диалога в единой социально-планетарной системе : в 2-х ч. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 11(73). Ч. 2. С. 51–59.
4. *Брусиловский Д.А.* Специфика воздействия «мягкой силы» России, Китая и США на Центральную Азию в условиях глобализации / Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 8(48). С. 1779–1798.
5. *Брусиловский Д.А.* Стратегия мира: глобальная интеграция между исламофобией и «столкновением цивилизаций» / Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 6(51). С. 889–900.
6. *Брусиловский Д.А.* Два мира – две интеграции: специфика соприкосновения цивилизаций с исламофобией / Д.А. Брусиловский, И.И. Есипов // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 6(46). С. 1282–1294.
7. Кыргызстан в цифрах: статистический сборник. Б. : Нацстатком КР, 2019. 334 с.
8. *Мокров Г.Г.* Евразийский экономический союз. Общий рынок: формирование, регулирование, защита : монография. М. : Проспект, 2018. 448 с.
9. *Мокров Г.Г.* Евразийский экономический союз. Меры торговой защиты: антидемпинговые, компенсационные, специальные : монография. М. : Проспект, 2019. 344 с.
10. *Наабер Ю.Р.* Подходы к выбору направлений реиндустриализации промышленности Кыргызской Республики / Ю.Р. Наабер, Е.Н. Сомов, Д.А. Сулеева // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 4. С. 513–523.
11. Сельское хозяйство. URL : www.tazabek.kg/news:1553028/?f=cp
12. *Сомов Е.Н.* Теоретические основы развития сельскохозяйственной потребительской кооперации // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2014. Т. 14. № 8. С. 145–149.
13. *Сомов Е.Н.* Условия повышения эффективности сельскохозяйственного производства в Кыргызской Республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2013. Т. 13. № 7. С. 180–182.
2. *Azhybekova K.A.* The ratio of different levels of organization of mutual adaptation of civilizations in the strategy of their survival / K.A. Azhybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovsky, N.S. Akmatova, A.N. Smutko // Socio-political sciences. M. : UR-VAK, 2019. № 1. С. 141–145.
3. *Brusilovsky D.A.* Philosophy of Chingiz Aitmatov as a new essence of intercultural and interreligious dialogue in a unified socio-planetary system : in 2 hours // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice. Tambov, 2016. № 11(73). P. 2. С. 51–59.
4. *Brusilovsky D.A.* Specifics of the impact of «soft power» of Russia, China and the United States on Central Asia in the context of globalization / D.A. Brusilovsky, I.I. Yesipov // Political science issues. 2019. Т. 9. № 8(48). P. 1779–1798.
5. *Brusilovsky D.A.* Peace Strategy: Global Integration between Islamophobia and the «Clash of Civilizations» / D.A. Brusilovsky, I.I. Yesipov // Issues of National and Federal Relations. 2019. Т. 9. № 6 (51). P. 889–900.
6. *Brusilovsky D.A.* Two worlds – two integrations: specifics of contact of civilizations with Islamophobia / D.A. Brusilovsky, I.I. Yesipov // Issues of political science. 2019. Т. 9. № 6(46). P. 1282–1294.
7. Kyrgyzstan in figures: statistical collection. B.: National Committee of the Kyrgyz Republic, 2019. 334 s.
8. *Mocrov G.G.* Eurasian Economic Union. General market: formation, regulation, protection : monograph. M. : Prospect, 2018. 448 p.
9. *Mocrov G.G.* Eurasian Economic Union. Trade protection measures: anti-dumping, countervailing, special : monograph. M. : Prospect, 2019. 344 p.
10. *Naaber Yu.R.* Approaches to the selection of directions of re-industrialization of industry of the Kyrgyz Republic / Yu.R. Naaber, E.N. Somov, D.A. Suleeva // Creative economy. 2018. Т. 12. № 4. P. 513–523.
11. Agriculture. URL : www.tazabek.kg/news:1553028/?f=cp
12. *Somov Y.N.* Theoretical Basis for Development of Agricultural Consumer Cooperation // Journal of Kyrgyz-Russian Slavonic University. 2014. Т. 14. № 8. P. 145–149.
13. *Somov E.N.* Conditions for increasing the efficiency of agricultural production in the Kyrgyz Republic // Journal of the Kyrgyz-Russian Slavonic University. 2013. Т. 13. № 7. P. 180–182.

14. *Сомов Е.Н.* Обеспечение продовольственной безопасности Кыргызстана / Е.Н. Сомов, Д.А. Брусиловский; Под общ. ред. А.В. Пономарева // Инновационный потенциал молодежи: информационная, социальная и экономическая безопасность : Сб. мат. Междунар. науч.-исслед. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та 2017. 893 с.; С. 621–627.

15. *Халевинская Е.Д.* Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве : монография. М. : Магистр: ИНФРА-М, 2019. 200 с.

14. *Somov E.N.* Ensuring food security of Kyrgyzstan / E.N. Somov, D.A. Brusilovsky; under commonly A.V. Ponomarev // Innovative potential of youth: information, social and economic security: st. International Scientific Research Cong. Yekaterinburg : Old Ural. Un-ta 2017. 893 С. 621–627.

15. *Khalevinskaya E.D.* Integration, cooperation and development in the post-Soviet space : monograph. M. : Master : INFRA-M, 2019. 200 p.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.09.2019
Подписано в печать 23.09.2019
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 11,04
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 34

e-mail: id.yug2016@gmail.com